

WIKTOR SARIANIDI

MARGUŞ

Beýik medeniýetiň syrlar dünýäsi we onuň hakyky keşbi

ВИКТОР САРИАНИДИ

МАРГУШ

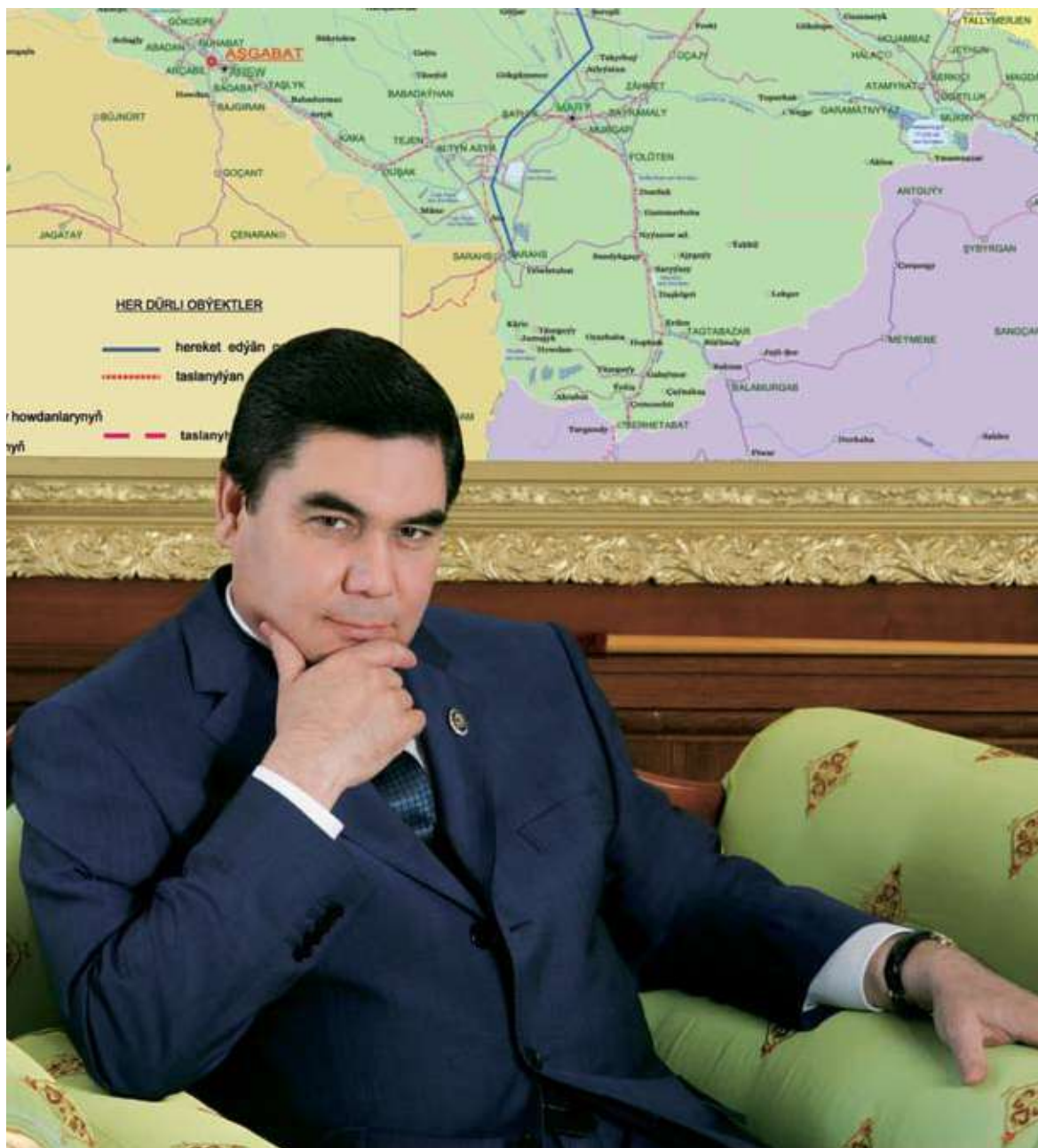
Тайна и правда великой культуры

VICTOR SARIANIDI

MARGUSH

Mystery and Truth of the Great Culture

Hormatly okyjylar!

Siziň eliňizdäki täsin kitap Türkmenistanda gadymyýetiň beýik medeniýetini – Marguş siwilizasiýasyny açmaga ýardam eden ajaýyp ylmy gözlegleriň netijesidir. Türkmenistanyň Prezidenti hökmünde bu kitaby we onuň awtoryny – ýurdumyzyň uly dostuny tanyşdyrmak mende aýratyn kanagatlanma we şatlyk duýgusyny döredýär. Eliňizdäki kitabyň awtory özüniň ömrüni mähriban diýarymyzyň taryhyny öwrenmäge bagyş etdi.

Türkmenistanda Wiktor Iwanowič Sarianidiniň ady yaşululara-da, ýaş kiçilere-de örän tanyş, çünki ol indi altmyş ýyla golaý wagt bäri türkmen topragynda tutanýerli zähmet çekip gelýär. Şu döwürde ol türkmeniň şöhratly taryhynyň birnäçe täze sahypalaryny açdy. Alym yönekeý adamlaryň arasynda uly hormatdan peýdalanýar we döwlet önünde bitiren hyzmatlary üçin birnäçe gezek ýokary döwlet sylaglary bilen sylaglanyldy.

Wiktor Iwanowič Sarianidiniň ajaýyp archeologik açyşlary Türkmenistany dünýäniň iň gadymy dini bolan zoroastrizmiň döran ýeri we dünýäde ilkinji ekerançylyk merkezi hökmünde äleme yglan etdi. Bu ajaýyp ynsanyň, archeologiya boýunça alymyň tutuş ömri, gadymy Margiana, türkmençeläp aýdanynda Marguş ýurduna bagyşlanandyr, ol bu gadymy ýurda açyp, diňe bir türkmen halkyna däl, eýsem tutuş adamzada bagyş etdi. Ine, indi onlarça ýyllaryň dowamynda Wiktor Iwanowič archeologiya möwsüminiň hiç birini sypdyrman Türkmenistana gelýär, şol ýerde Murgap derýasynyň gadymy hanasynyň ugrunda ýadawsyz gözleg işlerini alyp barýar. Şol gözlegleriň netijesinde bolsa adamzat siwilizasiýasynyň başinji merkezi açyldy. 2006-njy ýylda Aşgabatda «Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir» diýen halkara ylmy maslahat geçirildi, ol W.I.Sarianidiniň işlerindäki çuňňur esaslandyrylan ideýalaryň hakyky dabaralanmagy boldy.

Biziň ýurdumyzda archeologiya ylmyň geljegi uly pudaklarynyň biridir. Şol ylymda anyk üstünlikler gazanyldy, yöne entek bu babatda bilesigeliji alymlaryň täze nesilleriniň amala aşyrmaly işleri az däl. Ine, şonuň üçin hem Wiktor Iwanowič Sarianidi ýaly örän ukyply adamlaryň öz şagirtlerine berýän tejribesi we bilimi zerurdyr. Onuň täze açyşlar we täze kitaplar bilen ylmy jemgyýetçiligi, biziň hemmämizi ýene-de ençeme gezek begendirjekdigine, bu işewür we zehinli alyma gadymy türkmen topragyň ýene-de ençeme syrlarynyň açyljakdygyna ynanýaryn.

Biz Wiktor Iwanowiči türkmen topragynda görmäge, onuň bilen duşuşmaga, salamlaşmaga mydama şatdyrys, çünki ol şu topraga tüýs ýürekden we çäksiz wepalydyr. Bu kitabyň Türkmenistanyň ýürekdeş dostlarynyň sanyny artdyrjakdygyna we heniz biziň ýurdumyzy barada köp zatlary bilmeyänleriň hem özi üçin tutuş dünýäni açjakdygyna ynanýaryn, şol dünýäde bolsa geçmişiň ajaýyp däpleri aýawly saklanylýar we geljek üçin ygtybarly esas döredilýär.

Türkmenistanyň Prezidenti
Gurbanguly BERDIMUHAMEDOW

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках удивительную книгу – результат выдающегося научного поиска, который привел к открытию в Туркменистане величайшей культуры древности – цивилизации Маргуш. Мне как Президенту Туркменистана доставляет особое удовольствие и радость представить и саму эту книгу, и ее автора – большого друга нашей страны, изучению истории которой он посвятил всю свою творческую жизнь.

В Туркменистане все от мала до велика знают имя Виктора Ивановича Сарияниди, который уже почти шестьдесят лет самоотверженно трудится на туркменской земле, открывая все новые и новые страницы ее славного прошлого. Он пользуется огромным уважением простых людей и признанием государства, которое не раз отмечало заслуги ученого высокими государственными наградами.

Блестящие археологические открытия Виктора Ивановича Сарияниди прославили Туркменистан как один из очагов культуры первых в мире земледельцев и прародину самой ранней мировой религии – зороастризма. Дело всей жизни этого замечательного человека, подвижника от археологии – древняя страна Маргиана, или по-туркменски Маргуш, которую он открыл и подарил не только туркменскому народу, но и всему человечеству. Вот уже десятки лет, не пропустив ни одного археологического сезона, приезжает Виктор Иванович в Туркменистан, где в старой дельте реки Мургаб ведет свой неустанный поиск, в результате которого миру явлен пятый центр человеческой цивилизации. Международная научная конференция «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации», которая состоялась в 2006 году в Ашхабаде, стала настоящим триумфом идей, глубоко обоснованных в трудах В.И.Сарияниди.

Археология является у нас одной из самых перспективных отраслей науки, где есть реальные успехи и громадное поле деятельности для новых поколений пытливых исследователей. Вот почему так важны опыт и знания, которые передают своим ученикам такие незаурядные люди, как Виктор Иванович Сарияниди. Верю, что он еще не раз порадует научное сообщество, всех нас новыми открытиями и новыми книгами, что еще не одна тайна древней туркменской земли откроется его научному гению.

Мы же всегда будем рады приветствовать Виктора Ивановича на туркменской земле, которой он так искренне и беззаветно предан.

Убежден, что эта книга умножит число искренних друзей Туркменистана, и те, кто еще мало знал о нем, откроют для себя целый мир, в котором бережно хранятся славные традиции прошлого и создается надежный фундамент для будущего.

***Президент Туркменистана
Гурбангулы БЕРДЫМУХАМЕДОВ***

Dear readers!

You are holding a wonderful book in your hands – the product of an outstanding scientific retrieval that resulted in the discovery of the greatest culture of the antiquity – the civilization of Margush, in Turkmenistan. As the President of Turkmenistan, I am extremely delighted and pleased to present the book and its author, a staunch friend of our country, which history study he has devoted all his creative life.

In Turkmenistan both young and old know Victor Ivanovich Sarianidi who has been selflessly labouring on the Turkmen land for almost sixty years and opening newer and newer pages of its glorious past. He is held in respect with plain people and has won the recognition of the state, which underscored his great services by high government awards more than once.

Victor Ivanovich Sarianidi's brilliant discoveries made Turkmenistan famous as one of cultural centres of the first in the world agriculturists and an ancestral home of the earliest world religion – Zoroastrianism. The life-work of this remarkable man, a devotee of archaeology, is the ancient country of Margiana, or Margush in Turkmen, which he discovered and donated not only to the Turkmen people but to the whole mankind. For tens of years now, without missing a single archaeological season, Victor Ivanovich has arrived in Turkmenistan and in the old delta of the Murgab river he has been carrying out indefatigable searches resulted in producing of the fifth centre of the world civilization to the mankind. The International scientific conference titled "Ancient Margiana – a new centre of the world civilization", which was held in Ashkhabad city in 2000, happened to be a real triumph of ideas well-grounded in V.I. Sarianidi's works.

In our country archaeology is one of the most promising branches of science, where actual successes and a vast sphere of action for the new generation of inquisitive researchers are available. That is why the experience and knowledge conveyed to disciples by such exceptional persons as Victor Ivanovich Sarianidi are of such importance. I am confident that time and again his new discoveries and new books will gladden the scientific community and all of us, and lots of other mysteries of the Turkmen land will come to light owing to his scientific genius.

We shall be always glad to welcome Victor Ivanovich on the Turkmen land, to which he is sincerely and utterly devoted.

I am firmly convinced that this book will increase the number of candid friends of Turkmenistan and those who knew little about it will open the whole world, wherein renowned traditions of the past are cautiously kept and a reliable foundation for the future is being provided.

***President of Turkmenistan
Gurbanguly BERDYMUKHAMEDOV***

WIKTOR SARIANIDI

Marguş

Beýik medeniýetiň syrlar dünýäsi
we onuň hakyky keşbi

Тайна и правда великой культуры

Mystery and Truth of the Great Culture

AŞGABAT • TÜRKMENDÖWLETHABARLARY • 2008

Kitabyň awtory barada

TÜRKMENISTANYŇ we Merkezi Aziýanyň gadymyýetini öwreniji meşhur alym, taryh ylmlarynyň doktory, professor, Afinityň Ylymlar akademiýasynyň agzasy Wiktor Iwanowič Sarianidi 1929-njy ýylyň Ruhnama aýynyň 26-synda Gara deňziň kenarynda ýerleşýän Trabzon şäherinden Daşkente göçüp baran grek-pontileriň maşgalasynda doguldy. Baryp mekdep ýyllarynda ol taryh, edebiyat bilen meşgullanyrdy, Daşkent uniwersitetiniň taryh fakultetini tamamlady. Ol 1948-nji ýylda Samarkantda Ulugbeğiň observatoriýasynyň gazuw-agtaryş işlerine ilkinji gezek gatnaşdy. Soňra ekspedisiýa bilen Türkmenistanyň günorta-günbatarynda, Eýranda we Owganystanda boldy.

1963-nji ýylda Wiktor Iwanowič kandidatlyk dissertasiýasyny gorady. Şol döwre çenli ol eýýäm Merkezi Aziýanyň arheologiyasy boýunça ussat hünärmen bolup ýetişipdi. Ýöne ony Türkmenistanyň günorta-gündogary, Murgap derýasynyň aşaky hanasy has gyzyklandyryrdy. W.Sarianidi şol sebitde bir mahallar beýik siwilizasiýanyň bolandygyna ynanyrdy. Ýöne oňa birbada köpler ynanmady. Şol döwürde SSSR-iň Ylymlar akademiýasy şeýle çäreleri maliýeleşdirmeyär diýen ýalydy. Ýöne ýaş alym Garaguma ekspedisiýa guramagy başardy. İşlemek örän kyndy. Ürgün çägelereň içinde, ýakyp barýan jöwzada işlemeli bolýardy, üstesine-de, hünärmenleriň, ulagyň yetmezçiligi duýulýardy. Hakykatyň gözleginde Garagumaň köp möçberdäki çägesini dören arheology bu kynçylyklar saklap bilmedi. Ol sözüň doly manysynda bu hakykaty gözläp tapdy. Arheolog akyla sygmajak ýaly bolup görnän zady subut etdi: bu ýerde, adamsyz çöl-beýewanda, mundan dört müň ýyl ozal Gadymy Müsür, Hindistan, Mesopotamiýa we Gadymy Hytaý bilen bir döwürde dünýä siwilizasiýasynyň başinji merkezi ýerleşipdir. Sarianidi diňe Marguşy öwrenmek bilen çäklenmedi, gadymy Merkezi Aziýanyň beýleki bir möhüm sebitini – häzirki Owganystanyň çäginde ýerleşen meşhur Baktriýany öwrenip, ylmy işini dowam etdirdi. Şol ýerde ol beýleki arheologik ekspedisiýalaryň tapyp bilmedik zatlaryny tapmagy başardy.

Soňra ol doktorlyk dissertasiýasyny gorady, köp ýyllap Moskwada, Russiýanyň Ylymlar akademiýasynyň Arheologiya institutynda işledi. 1972-nji ýyldan bäri bolsa W.I.Sarianidi Margiana arheologiya ekspedisiýasynyň ýolbaşçysydyr. Häzir bu ekspedisiýa Türkmenistanyň Taryhy we medeni ýadygärliklerini goramak, öwrenmek we dikeltmek baradaky milli müdirliğiniň hem-de Russiýanyň Ylymlar akademiýasynyň Mikluho-Maklaý adyndaky Etnologiya we antropologiya institutynyň bilelikdäki taslamasy hökmünde hereket edýär.

Wiktor Iwanowič Sarianidi bitiren hyzmatlary üçin uly hormat-sarpa mynasyp boldy: Türkmenistanyň we Gresiyanyň Prezidentleriniň hut özleri oňa şol ýurtlaryň raýatlygyny berdiler. Alym Magtymguly adyndaky Halkara baýragyna mynasyp boldy we Gresiyanyň Raýat edermenligi ordeni bilen sylaglanyldy.

Об авторе этой книги

ВЫДАЮЩИЙСЯ исследователь древностей Туркменистана и Центральной Азии, доктор исторических наук, профессор, член Афинской академии наук Виктор Иванович Сарияниди родился 23 сентября 1929 года в семье греков-понтийцев, переселившихся из причерноморского города Трабзона в Ташкент. Еще в школьные годы он увлекался историей, литературой, окончил исторический факультет Ташкентского университета. Свой первый археологический опыт он получил на раскопках обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 году. Затем были экспедиции на юго-запад Туркменистана, в Иран, Афганистан.

В 1963 году В.Сарияниди защитил кандидатскую диссертацию. К тому времени он уже стал прекрасным специалистом по археологии Центральной Азии. Но больше всего его влекло на юго-восток Туркменистана, в низовья реки Мургаб: там, был уверен В.Сарияниди, когда-то существовала великая цивилизация. Ему не сразу поверили. Академия наук СССР почти не финансировала подобные мероприятия. Однако молодой ученый все-таки сумел организовать экспедицию в Каракумы. Работать было невероятно трудно. Жара, сыпучие пески, нехватка специалистов, транспорта... Но это не останавливало археолога, переворотившего тонны каракумского песка в поисках истины. И он нашел, в буквальном смысле откопал ее. Он доказал казавшееся невероятным: здесь, в безлюдной пустыне, четыре тысячи лет назад находился пятый центр мировой цивилизации, существовавший одновременно с Древним Египтом, архаической Индией, Месопотамией и Древним Китаем. Сарияниди не ограничился Маргианой, а продолжил работу, изучая другой важнейший регион Древней Центральной Азии – овеянную легендами Бактрию на территории современного Афганистана. И там он сумел найти то, что не нашли другие археологические экспедиции.

Потом он защитил докторскую диссертацию, много лет проработал в Москве, в Институте археологии Российской академии наук. С 1972 года В.И.Сарияниди – бессменный руководитель Маргианской археологической экспедиции, ныне функционирующей как совместный проект Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Виктор Иванович Сарияниди не обделен вниманием и признанием своих заслуг: из рук Президентов Туркменистана и Греции он принял гражданство этих стран. Ученый является лауреатом Международной премии имени Махтумкули и награжден греческим орденом Гражданской доблести.

About the author of this book

AN OUTSTANDING researcher of the antiquities of Turkmenistan and Central Asia, Doctor of history, professor, member of Athens Academy of Sciences Victor Ivanovich Sarianidi was born on September 23, 1929, in the family of Greeks-Pontus who left Trabzon city on the Black Sea coast for Tashkent city. Still in school-days he was keen on history and literature, he graduated from the historical faculty of Tashkent University. He gained his first archaeological experience when excavating Ulugbek observatory in Samarkand city in 1948. It was followed by expeditions in the southwest of Turkmenistan, in Iran and Afghanistan.

In 1963, V. Sarianidi defended his candidate's thesis. By that time he had already grown into a first-rate researcher specializing in Central Asia archaeology. But the southeast of Turkmenistan, the lower reaches of the Murgab river, attracted him most of all: V. Sarianidi knew beyond doubt that a great civilization had formerly existed in that region. He wasn't believed at once. The USSR Academy of Sciences practically didn't finance such activities. However, the young scientist managed to organize an expedition to the Karakum desert. It was incredibly difficult to work. The heat, loose sand, specialists' shortage, scarcity of transport... But the aforesaid didn't stop the archaeologist who had turned up tons of the Karakum sand in quest of the truth. And he had got to it, actually dug it out. He proved the thing seemed fabulous: here, in the uninhabited desert, the fifth centre of the world civilization that existed side by side with Ancient Egypt, archaic India, Mesopotamia and Ancient China was situated four thousand years ago. Sarianidi didn't content himself with Margiana and he continued working and studying another significant region of ancient Central Asia – Bactria on the territory of present Afghanistan that was covered with legends. He also succeeded in discovering things there that other archaeological expeditions had failed to find.

Afterwards, he defended a thesis for a Doctor's degree and had been working at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in Moscow city for many years. Since 1972 V. Sarianidi has been a permanent supervisor of the Margianian archaeological expedition that functions nowadays as a joint project of the National Board for protection, study and restoration of historical and cultural monuments of Turkmenistan and Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Victor Ivanovich Sarianidi's services are not disregarded and deprived of recognition: Presidents of Turkmenistan and Greece personally conferred citizenship of their countries on him. The scientist is the Mahtumkuli International Prize laureate and has been decorated with the Greek Civil Valour Order.

A dramatic landscape featuring a vast field of green bushes and shrubs in the foreground, extending to a flat horizon. The sky is filled with large, dark, textured clouds, with some lighter patches where the sun is breaking through, creating a high-contrast, moody atmosphere. The overall scene is captured in a wide-angle shot, emphasizing the expanse of the natural environment.

SÖZBÄŞY

ПРОЛОГ

PREFACE

TÜRKMENISTANYŇ paýtagty Aşgabat 2006-njy ýylyň güzünde «Gadymy Marguş – dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezi» atly Halkara ylmy maslahata gatnaşyjylary garşylady. ABŞ-dan, Ýewropadan, Russiýadan, Hindistandan we Ýaponiýadan gelen alymlar – Merkezi Aziýanyň we Ýakyn Gündogar sebitiniň lingwistikasy, arheologiyasy we taryhy boýunça ussat hünärmenler gadymy medeniýetiň – Goňurdepe harabalyklarynyň gazuw-agtaryş işleriniň geçirilýän ýerine baryp gördüler. Şol maslahata gatnaşyjylar türkmen topragynyň gadymy baýlyklaryny, şol sanda monumental binalary, inženerçilik desgalaryny we marguşly zergärleriň önümlerini öz gözleri bilen görüp, oň hiç kime mälim bolmadyk bu ýurt Gadymy Gündogaryň taryhyndaky hakyky täsinlik hem-de Mesopotamiýa we Müsür, Hindistan we Hytaý bilen bir hatarda dünýä siwilizasiýasynyň başynjy merkezi bolup durýar diýen umumy netijä geldiler.

35 ýyl mundan ozal hiç kim dünýäniň iň uly çölleriň biri bolan Garagumuň ürgün çägeleleriniň aşagynda nämeleriniň gizlenip ýatandygyny göz öňüne getirip bilmeýärdi. Gurak çöl müdimilik dymana meňzeýär. Diňe ownujak gemrijiler çölünň şasy hasaplanylýan kepjebaşyň ýolbaşçylygynda setanda-seýranda sarsman ýatan tebigaty janlandyryrlar. Ýakyp barýan gününň aşagynda, asmanda ýalňyz bürgüt ganatlaryny erkana ýaýyp, oljasyny gözleýär.

Arheologlar bu ýere syrly Marguş ýurduny gözläp geldiler. Bu ýurt oň diňe aheminid patyşasy Dariniň Behistun gaýasynda galdyran ýazgysyndaky (biziň eýýamymyzdan ozalky I müňýyllygyň ortasy) ýatlamalar arkaly mälimdi. Aleksandr Makedonskiniň gündogar ýörişi mahalynda özleri üçin Merkezi Aziýany açan gadymy grek taryhçylary grek dilinde aýtmak yeňil bolar ýaly, bu ýurdy Margiana diýip atlandyryp başlapdyrlar. Orta asyrlarda arap diliniň täsiri astynda bu territoriýany Merw diýip atlandyryrlar, häzir bolsa ol Türkmenistanyň Mary welaýatydyr. Bu atlaryň ählisi Marg ýa-da Murg düýp sözünden gelip çykýar. Hut şol düýp sözi Murgap (terjimesi – «Murguň suwy») derýasynyň adynyň esasyny düzýär. Gürüňini edýän ýurdumyz şol derýanyň jülgesinde ýerleşipdir. Otparazlaryň mukaddes kitaby bolan Awestada (Widewdatyň birinji fragardnynda) otparazlaryň ýerleriniň arasynda Mouru atly ýurt ýatlanyp geçilýär. Alymlar ony Marguş bilen deň hasaplaýrlar.

... Köp ýyl mundan ozal uniwersiteti tamamlap, men ýönekeý arheolog boldum. Meniň hindiýewropalylar, hindiariýler we otparazlyk dini baradaky düşüňjelerim adaty talybyň derejesinden ýokary däldi. Häzirem men köp zatly bilýän diýip öwnüp biljek däl; meniň eden ähli işlerim ýönekeý arheologyň işleriniň çäginde çykanok. Hünärmenleriň (dilçileriň, dinleri öwrenýän taryhçylaryň we gündogary öwrenijileriň) ünsüni işleriň barşynda tapylan materiallara çekmek üçin, mümkin boldugyça, alnan arheologik

«Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezi» atly Halkara ylmy maslahatyň açylyş dabarasý. 2006-njy ýylyň Sanjar aýunyň 14-i, Mary şäheri, Türkmenistan.

Церемония открытия Международной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации». 14 ноября 2006 г., г. Мары, Туркменистан.

The opening ceremony of the International Conference "Ancient Merv – a new centre of the world civilization". November 14, 2006, Mary city, Turkmenistan

maglumatlaryň ählisini obýektiv beýan etmek meniň professional borjumdyr.

Ýyllar kerwen gurap geçip gitdi, indi ýarym asyr geçenden soň, soma-haoma dini içgisini taýýarlamak bilen baglanyşykly täsin köşkler we ybadathanalar gadymy Marguşyň otparazlyga gönüden-göni degişlidiginiň subutnamasy bolup hyzmat edýärler. Ot ybadathanasynyň, aýratyn hem suw ybadathanasynyň açylmagy diňe bir Merkezi Aziýada däl, eýsem tutuş Alyňky Aziýada hem täsinlik bolup durýar. Bularyň ählisi gadymy dini ynançlar barada däbe öwrülen düşüňjelere gabat gelmeýär, ýöne olar hakykat bolup durýar. Eýýäm ýatlanlyp geçilen «Gadymy Marguş – dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezi» atly Halkara ylmy maslahata gatnaşyjylar ýerinde bu hakykata göz ýetirmäge mümkinçilik aldylar.

Otparazlar kim bolupdyr, olar Merkezi Aziýa we Hindistana nireden gelipdir? Eýýäm aň-bilim babatda ýeterlik derejede ösen XVII asyrdan Ýewropada ol barada hiç zat mälim bolmadyk bu syrly din nähili bolupdyr? Köp asyrlar şondan ozal araplardan halas bolmak üçin gadymy otparazlaryň uly toparlarynyň Merkezi Aziýadan Hindistana göçüp barandyklary barada köp babatda üzlem-saplam we gapma-garşylykly maglumatlar hut şol döwürde peýda bolupdyr. Olar ozalky watanyndan özleri bilen mukaddes köphudaýlyk kitaplaryny hem getiripdirler. Şol kitaplarda hindi topragynda ýaşamak bilen, olaryň eýerýän taglymaty beýan edilipdir. Alysdaky Hindistanda «Hudaýyň sözüni» wagyz eden fransuz katolik ruhanlary otparazlar we olaryň dini barada mälim bolan ähli maglumatlary ýygnaýdyr. Ahyrsoňy, ir-u-giç bolmaly zat bolupdyr: XVIII asyryň başynda Oksford kitaphanasyna Awestanyň bir bölegi – Widewdat diýlip atlandyrylan gadymy tekstleriň ýygnyndysy gelip gowşupdyr. Şu syrly ýazgylaryň manysyny aýdyňlaşdyrmak zerur bolup durýardy. Ýöne şol döwürde Ýewropada hiç kimiň bilmeýän zadyny, has takygy Awestanyň dilini bilmek gerekdi. Onuň diline indi hiç kim düşüňmeýän ýalydy, ýöne Hindistanda ýaşan

pars ruhanylary – şol göçüp baranlaryň gadymy ata-babalary az-kem okap bilýärdiler.

Yaş, ýöne özüne göwni ýetýän fransuz alymy Anketil Dýuperron (1731-1805) bu wezipäni çözmegi öz üstüne aldy. Ol kitaphanada saklanýan gadymy golýazmalar bilen tötänlikde tanşyp, otparazlyk dininiň we Zaratuştra pygamberiň öz şahsyýetiniň syryny açmak küýüne düşdi. XVIII asyryň ortasynda Dýuperron Hindistana ugraýar we şol ýerde ömrüniň birnäçe ýylyny Awestanyň dilini öwrenmäge bagyş etdi. Ol bu işi pars ruhanylarynyň ýolbaşçylygynda amala aşyryp, diňe bir mukaddes tekstleriň anygyna ýetmek bilen çäklenmän, eýsem otparazlyk urp-adatларыny we döp-dessurlaryny, gündelik durmuş we dini wakalary öwrendi, dini äheňli we durmuşda ulanýan zatlaryň ýazgysyny etdi. Yaş alym bu tema örän uly gyzyklanma bildirip, diňe bir ýitip barýan dili öwrenmek bilen çäklenmän, eýsem otparazlyk dininiň esasларыny hem öleşdirdi. Ol öz mugallymlarynyň ynamyna girmegi başardy. Halypalary oňa otparazlaryň her biri üçin mukaddes bolan Awestany terjime etmäge kömekleşdiler. Köpýylyk barlaglaryň netijesinde Anketil Dýuperron ylym babatda hakyky edermenlik görkezdi. Ol ölüm howpundan hem gorkmady. Otparazlyk kadalaryna laýyklykda, ruhanylara beýleki dinlere uýyanlara Awestanyň many-mazmuny, olaryň dini ynançларыna degişli zatlar barada maglumatlary bermek düýbünden gadagandy.

Gadymy pars golýazmalarыnyň terjime edilmegi Ýewropanyň ylym bilen meşgullanýan adamlarynyň arasynda hakyky gopgun turuzdy. İlkibaşda şol terjimelere hiç kim ynanmady. Adamlar alymyň adyna agzyna gelenini aýtdylar, ony aldawçy we kezzap hasapladylar, onuň üstünden güldüler. Ýöne garşydaşларыnyň nägileligi Dýuperrony maksadyndan el çekdirip bilmedi. 1771-nji ýylda ol Awestanyň dünýädäki ilkinji terjimesini alymlaryň dykgatyna hödürledi. Köpçüligiň düşünmek islemeýändiginiň netijesinde döreýän kynçylyklary ýeňip geçmek we täze ädim ätmek üçin gaýduwsyzlyk gerek. Alym örän gaýduwsyz adam bolupdyr. Meniň özüm hem şeýle ýagdaýy başdan geçirmeli bolupdym. Marguşyň birinji ybadathanasyny açanymdan we geçiren işlerimiň deslapky netijeleri neşir edilenden soň, özüniň gazuw-agtaryş işlerinde şeýle zada duş gelmedik meşhur amerikan alymlarynyň biri bu ybadathana däl-de, gadymy syýahatçыларыň kerwensaraýy diýip, çürt-kesik aýtdy...

Her näme-de bolsa, Awestanyň tekstiniň doly neşir edilmegi onuň ilkinji terjimesiniň adyna aýdylýan esassyz iğençleriň peselmegine getirdi. Şondan köp wagt geçmänkä bolsa, bitarap awtorларыň täze işleri peýda boldy. Olar Dýuperronyň mamladygyny ykrar etdiler. Ýöne, umumy ykrar edilmegine garamazdan, Awestanyň teksti henize çenli jedelleri we diskussiyalary döredýär. Şunuň bilen baglylykda şeýle netijä gelmek bolýar: näçe awtor bar bolsa, şonça-da täze pikir we teoriýa bar. Zaratuştra pygamberiň orny, onuň hakyky doglan ýeri we senesi hem-de otparazlygyň watany babatda-da köp pikir höküm sürýär. Arheologlar we etnograflar, dini öwreniji taryhçыlar we filologlar häzir hem tükeniksiz, köp halatlarda durmuşdan üzňe jedelleri dowam etdirýärler. Şol jedelleriň otparazlyk dinini öwrenmekde berýän peýdasy örän azdyr. Indi iki yüz ýyldan gowrak wagtdan bäri dowam edýän bu şowhunly diskussiyalarda has aldym-berdimli jedeller dilçileriň we arheologларыň arasynda barýar. Özi-de, soňky döwre çenli bu ylym tutluşyklarda filologlar öňde barýardylar. Bu öz-özünden düşnüklidir. Çünki, çeşmeleri öwrenmegiň binýady hökmünde Awesta ýaly düýpli esere eýe bolmak bilen, lingwistika arheologыanyň öňünde uly artykmaçlyk gazanýardy.

Dogry, soňky onýylyklarda ähmiýeti boýunça otparazlyk eýýamynyňkydan pes bolmadyk tapyndylary hödürlep, arheologыа hem käbir üstünliklere eýe boldy. Ýöne bu tapyndylary dilçileriň gelen netijeleri bilen deňeşdirer ýaly däl, sebäbi olar köp babatda zygiderli däl-de, döwürleýin häsiýete eýedir. Şeýle ýagdaý XX asyryň ortasyna, Türkmenistanda gadymy Marguş ýurdunyň açylan döwürüne çenli dowam etdi. Görüp oturylsa, ol hindari dünýäsine, gadymy taýpalara degişli bolup biljek eken. Diňe şol taýpalarda otparazlyk dörap bilipdir. Arheologларыň Marguşda alyp baran zygiderli işleriniň netijesinde otparazlyga degişli edip boljak aýry-aýry zatlary däl-de, şol döwre mahsus bolan dürli zatlary we alamatlary tapmak başardy.

Garagumda işler dowam etdirilýär. Bu işleriň toplumlaýyn alnyp barylmany üçin Marguş ekspedisiýasynyň düzüminde örän uly goňur gonamçыlygyny öwrenen antropolog N.A.Dubowa Moskwadan we otparazlyk baradaky täze kitabyň awtory lingwist W.Ý.Krýukowa Sankt-Peterburgdan çagyryldy. Dünýä ylmynda ilkinji gezek Awestanyň tekstini gadymy Marguşda alnyp barylýan gazuw-agtaryş işleriniň barşыnda alnan arheologik maglumatlar bilen deňeşdirmäge mümkinçilik döredi.

Biziň günlerimize Awestanyň ilkibaşdaky wariantynyň diňe dörtten bir böleginiň gelip ýetendigini nazara alsaň, ýitirilen gymmatlygyň möçberini göz öňüne getirmek kyn däl. Şeýle ýagdaýda, Marguş hakykaty belli bir derejede Awestanyň tekstinde bolmasa-da, adamzadyň irki dini-filosofik konsepsiýalary barada häzirki düşüňjelerimiziň üstüni ýetirip biler. Marguşyň ilatynyň arasynda dini ygtykatларыň bolandygy baradaky çaklamany öňe sürmek bilen, men öňki kitaplarymda şu babatda köp subutnamalary getirdim. Şol dini ygtykatlar soňra otparazlygyň esasyny düzdüler. Hawa, men şeýle etmek bilen, köpsanly tankyda, aýratyn hem dilçileriň tankydyna sezewar boldum. Şonuň üçin hem men täze kitabymda biziň eýýamymyzdan ozalky ikinji müňýylykda Marguşda türkmen halkynyň köpsanly genetiki ata-babalarynyň biri bolan hindarileriň ýaşandyklary baradaky goşmaça delilleri getirdim. Hut şu ýerde olarda ilkinji dünýä dini – otparazlyk döredi.

Ine, şu bellikler bilen gadymy Mouru-Marguş ýurdunda köp ýyllaryň dowamynda geçirilen gazuw-agtaryş işleriniň barşыnda alnan in täze arheologik açyşlar bilen tanyşmaga girişeris. Bu ýurduň harabalyklary Garagum çölünüň takyrlarynyň we gum baýyrlarynyň arasynda ýitip gidipdir.

П ОЗДНЕЙ осенью 2006 года столица Туркменистана Ашхабад принимала участников Международной научной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации». Ведущие специалисты из США, Европы, России, Индии и Японии – корифеи в лингвистике и истории Центральной Азии и Ближневосточного региона побывали на месте раскопок древней культуры – городище Гонур-депе. Увидев своими глазами богатства, которые тысячи лет хранила туркменская земля, в том числе монументальные здания, инженерные сооружения и изделия маргусских ювелиров, участники конференции пришли к единодушному выводу, что эта неведомая прежде страна – подлинный феномен в истории Древнего Востока и наряду с Месопотамией и Египтом, Индией и Китаем являет собой пятый центр мировой цивилизации.

35 лет назад никто и не предположить не мог, что скрывают сыпучие пески Каракумов – одной из величайших пустынь мира. Сухая пустыня, казалось, навеки застыла в своем величественном безмолвии. Только мелкие грызуны да различные пресмыкающиеся во главе с королевой пустыни коброй изредка оживляли неподвижный пейзаж. А под безжалостно палящим солнцем, от которого здесь негде укрыться, высоко в небе, выискивая добычу, нередко парил одинокий орел.

Археологов в эти места привели поиски загадочной страны Маргуш, известной ранее исключительно благодаря упоминанию в надписи ахеменидского царя Дария, сделанной на Бехистунской скале (середина I тысячелетия до н.э.). Древнегреческие историки, открывшие для себя Центральную Азию во время восточного похода Александра Македонского, для удобства произношения стали называть эту страну Маргианой. В средние века под влиянием арабского языка эту территорию стали именовать Мерв, а ныне это – Марыйский велаят Туркменистана. Объединяет эти названия то, что все они являются производными от корня *Марг*, или *Мург*, лежащего в основе названия реки Мургаб (в переводе – «вода Мурга»), в бассейне которой и располагалась страна. Весьма показательно, что в священной книге зороастрийцев Авесте (в первом фрагменте Видевдата) среди зороастрийских земель упоминается и страна, название которой – *Моуру* ученые уверенно отождествляют с Маргианой.

...Заканчивая университет много лет назад, я вышел из него простым археологом. Мои познания об индоевропейцах, индоариях и зороастрийской вере не превышали уровня обычного студента. Полагаю, что и сегодня они не намного расширились; и все, что я сделал, не выходит за рамки работ простого археолога. Убежден, что мой профессиональный долг состоит в том, чтобы раскопать и по мере возможности объективно изложить всю сумму полученных

археологических данных, чтобы привлечь внимание специалистов (лингвистов, историков религии и востоковедов) к материалам, полученным в ходе этих работ.

Прошли годы, и теперь, полвека спустя, доказательством того, что Древняя Маргиана имела прямое отношение к зороастризму, служат уникальные дворцы и храмы, связанные с приготовлением культового напитка сома-хаома. Открытия бесспорного храма огня и особенно храма воды, вместе взятые, выглядят изолированным феноменом не только в системе Центральной, но и всей Передней Азии. Все это не укладывается в сложившиеся традиционные представления о древних верованиях, но является реалиями, с которыми, в частности, могли ознакомиться на месте раскопок многочисленные участники уже упоминавшейся Международной научной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации».

Кто же такие зороастрийцы, когда и откуда они появились в Центральной Азии и Индии? И что это была за таинственная религия, о которой в Европе еще ничего не знали в уже достаточно просвещенном XVII веке? Именно в эту эпоху и просочились туда туманные, во многом отрывочные и противоречивые сведения о том, что много столетий назад из Центральной Азии в Индию, спасаясь от арабов, эмигрировали большие группы древних зороастрийцев. Вместе с собой со своей бывшей родиной они привезли и священные зороастрийские книги. В них излагалось учение,

«Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir» atly Halkara ylmy maslahatyn açylyş dabarasyna gatnaşyjylar Goňurdepe bilen tanyşarlar.

Участники Международной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации» на Гонур-Депе.

Participants of the International Conference "Ancient Merv – a new centre of the world civilization" are looking round Gonur-Depe.

которому они продолжали следовать, живя на индийской земле. Французские миссионеры-католики, проповедовавшие Слово Божье в далекой Индии, стали собирать там все, что было известно о зороастрийцах и их религии. И, наконец, произошло то, что рано или поздно должно было произойти: в начале XVIII века в Оксфордскую библиотеку попала часть Авесты – собрание древних текстов, которое называлось Видевдат. Дело оставалось, казалось бы, за малым: расшифровать эти таинственные писания. Но для этого надо было знать то, чего никто в то время в Европе не знал, – а именно язык Авесты. Его уже почти не понимали, но как-то еще умели читать парсийские жрецы, жившие в Индии, – далекие потомки тех переселенцев.

Решение задачи взял на себя молодой, но честолюбивый французский ученый Анкетиль Дюперрон (1731-1805). Случайно познакомившись с этими манускриптами, хранившимися в библиотеке, он загорелся идеей разгадать интригующую загадку зороастрийской религии и самой личности пророка Зороастра. В середине XVIII века Дюперрон отправился в Индию и несколько лет жизни посвятил там изучению языка Авесты. Делая это под руководством парсийских жрецов, он не только постиг священные тексты, но исследовал зороастрийские нравы и обычаи, события каждодневной бытовой и религиозной жизни, делал зарисовки культовых и бытовых предметов. Проявив к теме столь глубокий научный интерес, молодой ученый не только выучил почти мертвый язык, но овладел основами зороастрийской религии. Более того, он сумел войти в доверие к своим учителям, которые и помогли ему перевести священную для каждого зороастрийца Авесту. В результате многолетних изысканий Анкетиль Дюперрон совершил подлинно научный подвиг, который был сопряжен со смертельной опасностью. Дело в том, что, согласно зороастрийским правилам, жрецам строжайше запрещалось сообщать иноверцам содержание Авесты и все, что касалось их религиозных верований.

Перевод парсийских манускриптов вызвал настоящую бурю в научных кругах Европы. Сначала почти никто не поверил этим переводам. Исследователя всячески поносили, считая лжецом и фальсификатором. На него обрушился град насмешек и упреков в преднамеренном шарлатанстве. Нужно отдать должное Дюперрону, которого не остановил недоброжелательный хор его оппонентов, и уже в 1771 году он представил на суд ученых первый в мире перевод Авесты. Для преодоления общего нежелания понять и принять что-то новое необходимо обладать немалым мужеством, которого у ученого оказалось с достатком. Мне самому пришлось пережить нечто подобное. После открытия первого храма Маргианы и публикации предварительных результатов моих работ один известный американский археолог, не встретив ничего похожего во время собственных раскопок, категорично заявил, что это был вовсе не храм, а караван-сарай древних путешественников...

Но как бы там ни было, полная публикация Авесты пробила брешь в огульном охаивании ее первого переводчика, а вскоре появились новые работы непредвзятых авторов, которые признали правоту Дюперрона. Однако, несмотря на общее признание, до сих пор текст Авесты вызывает оживленные споры и дискуссии. Можно сказать так: сколько авторов, столько новых идей и теорий, начиная с трактовки роли пророка Заратуштры, подлинного места и времени его рождения и родины зороастризма. Археологи и этнографы, историки религий и филологи и сегодня продолжают бесконечные, часто схоластические споры, которые дают мало что положительного в деле научного изучения зороастрийской религии. В этой горячей и бурной дискуссии, продолжающейся вот уже более двухсот лет, наиболее ожесточенные споры ведутся между лингвистами и археологами, причем до самого последнего времени в этих научных схватках лидировали филологи. И это вполне понятно, так как, имея на руках в качестве источниковедческой базы такой капитальный труд как Авеста, лингвистика находилась в более выигрышном положении, чем археология.

Правда, за последние десятилетия некоторых успехов достигла и археология, представившая свои находки. Но они не выдерживали сравнения с выводами лингвистов, поскольку носили во многом отрывочный, а не системный характер. Такая ситуация продолжалась вплоть до середины XX века, когда в Туркменистане была открыта древняя страна Маргиана. Как оказалось, она может претендовать на принадлежность к индоарийскому миру, к древним племенам, в среде которых только и могла зародиться зороастрийская религия. В результате крупномасштабных, а главное, систематических работ археологов в Маргиане впервые удалось обнаружить не отдельные находки, которые можно было причислить к зороастризму, а комплекс характерных, а главное, разнообразных предметов и признаков.

Работы в Каракумах продолжаются. Для придания им комплексного характера в экспедицию были приглашены такие крупные специалисты, как антрополог Н.А.Дубова из Москвы, исследовавшая в составе Маргианской экспедиции огромный гонурский некрополь, и лингвист В.Ю.Крюкова из Санкт-Петербурга – автор новейшей книги о зороастризме. Впервые в мировой науке появилась возможность

сопоставить тексты Авесты с комплексом археологических данных, полученных в ходе раскопок Древней Маргианы и свидетельствующих о протозороастрийском, индоарийском пласте культуры этой части Ойкумены.

Если учесть, что до нас дошла лишь четвертая часть первоначальной Авесты, то нетрудно представить себе размеры утраченного. В таком случае археологическая реальность Маргианы при правильной ее интерпретации сможет в какой-то степени заполнить имеющиеся пробелы – если не в текстах Авесты, то в наших сегодняшних знаниях о ранних религиозно-философских концепциях человечества. Выдвинув гипотезу о бытовании среди населения Маргианы религиозных культов, которые позднее легли в основу зороастризма, в своих прежних книгах я привел уже много доказательств по этому поводу. Да, я вызвал на себя огонь критики, особенно со стороны лингвистов. Поэтому в новой работе я привожу дополнительные аргументы в пользу того, что в Маргиане во втором тысячелетии до новой эры жили индоарии, ставшие одними из многочисленных генетических предков туркменского народа. И только здесь и у них зародилась первая мировая религия – зороастризм.

Вот с этими замечаниями и приступим к ознакомлению с новейшими археологическими открытиями, полученными в ходе многолетних раскопок древней страны Моуру-Маргуш, руины которой затеряны среди такыров и песчаных барханов пустыни Каракум.

WHO were Zoroastrians, when and from where did they come to Central Asia and India? And what was this mysterious religion of which the Europeans were unaware for so long? Already in the seventeenth century some vague information, contradictory and fragmentary, started to filter into Europe. It was about large groups of Zoroastrians or other Parsees that in ancient times began to emigrate from Iran to India in the attempt to escape from Moslem fanatics. From their former motherland they brought along their sacred Zoroastrian books and in the new motherland continued to worship in the same religious tradition.

Some French missionaries who preached the «word of the God» in faraway India began to collect all possible information about the Zoroastrians who lived there as well as about their religion. And finally, what might have been expected happened. In the beginning of the eighteenth century the Oxford library came into possession of the part of the Avesta called the Videvdat. Then it had to be read and interpreted. But there arose another problem: nobody in Europe knew this language at that time. It was familiar only to those Parsee priests who lived in faraway India.

Accidentally, a young and ambitious French scientist, Anketil du Perrone (1731-1805), came across the manuscripts in the library and de-

cided to pursue this task. It became the goal of his life: to investigate the identity of the prophet Zoroaster and to solve the intriguing mystery of the Zoroastrian religion. And so, in the middle of the eighteenth century du Perrone arrived in India and for several years studied the language of the Avesta. The Parsee priests not only taught him their language but also got him acquainted with their style of life, customs, traditions of their every day life and their religion as well. He also made drawings of their ritual and household objects. Besides the language he also learned the fundamentals of their religion. The Parsee priests who saw his real interest and enthusiasm helped him translate their sacred book, the Avesta.

According to the Zoroastrian rules under the fear of death it was forbidden to tell the adherents of different faiths the content of the Avesta and still Anketil du Perrone managed to persuade the priests to help him. We may say that it was really a scientific feat by du Perrone that thanks to him Europe came to know about this mysterious religion.

The first translations of the Parsees manuscripts caused a real storm in the scientific community of Europe. In the beginning hardly anyone believed his translations; he was accused of being a liar and falsifier. He was laughed at and reproached as being an intentional charlatan. But nothing could deter him and in 1771 he presented his full translation of the Avesta to the judgment of scientists. The first full translation of the Avesta vindicated Anketil du Perrone and soon thereafter new translations made by different scientists were published. Presently there are several versions of translations that differ one from another since not only the language but the text of the Avesta is not clear and monosemantic. One may say that each author has his own idea and theory about the identity of Zoroaster, the place and the time of his birth, as well as the motherland of his religion. Among scientists disputes and discussions on this subject have never stopped.

The sharpest and most enduring discussions are those between archaeologists and linguists. Until recently the «winners» in these discussions were linguists, since they had the first hand source - the texts of the Avesta, making their position much stronger than that of archaeologists. True, in recent decades excavations of archaeologists have brought to light objects that could have some links with Zoroastrianism but certainly the finds of the archeologists could not be compared with the systematic character of the linguists' knowledge. This was the situation up until the middle of the twentieth century when in the area of present Turkmenistan the ancient country of Margiana was found. It appeared that this country could have been associated with the Indo-Iranian world, with those ancient tribes that could have been the cradle of the Zoroastrian religion.

For the first time the large scale and systematic archaeological excavations in Margiana yielded not just single objects that could be associated with Zoroastrianism but a complex of structures and sets of various characteristic articles. In my opinion my professional duty as

an archaeologist is to excavate and then as objectively as possible to give an account of the total sum of the archaeological material and as a result to attract the attention of specialists (linguists, historians of religion and orientalists) to these data.

Years have passed and now after half a century Margiana has yielded direct evidence of the fact that its unique palaces and temples were associated with the preparation of a cult beverage of the Soma-Haoma type and that its indisputable Temples of Fire and Water were found nowhere else in the entire zones of the Near East or Central Asia. The new findings naturally contradict old ideas and cannot be accepted easily but definitely cannot be ignored. Participants in the International Conference that took place in Turkmenistan in Autumn 2006 had a chance to make first-hand acquaintance with our findings right in the field of excavations. For the better understanding of the complex that has been excavated in Margiana anthropologists, linguists, palaeozoologists and expert for palaeometal were invited to the Conference, and I would like to take this opportunity to express my deep gratitude to them. For the first time in world history there is a real opportunity to compare the written material of the Avesta with the proto-Zoroastrian, Indo-Iranian complex of archaeological materials of the Margiana Expedition. This is a unique opportunity that I hope will be used by various related specialists, first of all, those who study the problems of world religions. This is a long and difficult process but one with hopeful prospects.

One should remember that only a quarter of the first Avesta has survived to the present day and thus the archaeological materials of Margiana to some extent can be helpful in providing the correct interpretation of the Avesta and in filling the gap in our present knowledge.

And now, having in mind what has been said above, let us begin acquainting ourselves with the latest archaeological discoveries, a result of many years of excavations of the ancient country of Mouru-Margush that was lost in the sands of the great desert of Kara Kum.

**YBADATHANALAR
WE MAZARLAR**

**СВЯТИЛИЩА
И ПОГРЕБЕНИЯ**

**SANCTUARIES
AND BURIALS**

I bap Siwilizasiýamy? Hawa!

1 Garagum peýzaży.

Каракумский пейзаж.

Karakum desert scenery.

MURGAP derýasy öz gözbaşyny Owganystandaky Paropamiz daglaryndan alyp gaýdýar. Onuň Garagumuň ürgün çägelerine siňip gidýän, atlandyrylyşy ýaly, kör hanasy bar. Planetamyzyň beýleki köpsanly derýalarynda bolşy ýaly, Murgabyň hanasy hem kem-kemden gündogardan günbatara tarap süýşýär. Häzir onuň kenarlarynda Mary şäheri ýerleşýär, orta asyrlarda bolsa Merw (häzirki Baýramaly şäheriniň demirgazygynda) gülläp ösüpdir. Mundan dört-bäş müň ýyl ozal, ondan hem ir döwürde dolup-daşyp akýan Murgabyň suwarýan territoriýasy bireýýäm suwsuz takyra öwrüldi. Şol ýere demirgazyk tarapdan Garagumuň gum gerişleri süýşüp gelýär **(1-nji surat)**.

Häzirki Türkmenistanyň ýerlerinde ilkinjiler bolup mesgen tutanlar ýüzlerçe müň ýyl mundan ozal (ýokarky paleolit, mezolit we neolit eýýamlarynda) Köpetdagiň eteginde, ýumşak howaly, bol suwly we tebigy gurluşyk materiallaryna baý ýerlerde ýaşapdyrlar. Şeýle amatly şertler biziň eýýamymyzdan ozalky V-IV müňýylyklarda bu ýerde ekerançylyk we maldarçylyk ojaklarynyň ösmegine getiripdir. Munuň özi ýaşajylara tebigatyň kynçylyklaryny ýeňip geçmäge ýardam edipdir.

Köpetdagiň etegindäki düzlükler indi köp onýylyklardan bäri arheologlaryň üns merkezindedir. Geçen asyryň ýetmişinji ýyllarynyň başynda Murguş arheologiya ekspedisiýasynyň geçiren giň möçberli arheologik barlaglary we gazuw-agtaryş işleri üç ýüzden gowrak gadymy oturymly ýeriň üstüni açmaga mümkinçilik berdi. Şol ekspedisiýada Aşgabadyň we Moskwanyň alymlary bilelikde işlediler. Biziň eýýamymyzdan

ozalky III müňýylygyň ahyrynda we II müňýylykda Murgabyň köne hanasynda hakyky gündogar siwilizasiýasynyň dörandigi we gülläp ösendigi bize mälim boldy! Murguş-Mouru-Margiananyň Mesopotamiýa bilen Hind derýasynyň arasynda ýerleşmegi onuň tutuş Ýakyn Gündogaryň taryhynda hem medeniýetinde möhüm orun eýelemegine mümkinçilik berdi. Soňky ýyllaryň tapyndylary munuň aýdyň subutnamasydyr.

Uçardan düşürilen suratlardan we gözleg işlerinden çen tutsaň, Murgabyň hanasy uly gollara bölünipdir. Olaryň ugrunda derýanyň möwsümleýin daşmagy netijesinde bol hasyl eçilýän arpaly we bugdaýly, uçsuz-gyraksyz meýdanlar ýaýylyp ýatypdyr. Şol gollaryň köpüsiniň ugrunda uly bolmadyk suwaryş oazisleriniň merkezleri bolup hyzmat eden murguş obalary ýerleşipdir. Kelleli oazisiniň ýadygärlikleri Murguşyň demirgazyk serhedi bolup durýar. Onuň aňyrsynda, demirgazykda Merkezi Garagumuň belent alaňlary başlanýar. Günorta-gündogarda uly bolmadyk ýadygärlikleriň birnäçesinden ybarat bolan kiçiräk Egribogaz suwaryş oazisi ýerleşýär. Ondanam aňyrrakda Awçy-1 merkezi obasy bolan Awçy oazisi ýerleşýär. Onuň daşy tegelek minaraly gorag diwary bilen gurşalypdyr. Awçydepäniň günorta-günbatarynda gadymy ekerançylyk obalarynyň köp sanlysyndan ybarat bolan Goňur suwaryş oazisi ýerleşýär. Onuň günbatarynda Ajyguýy we Taýyp oazisleri, şeýle hem Adambasan ýadygärlikler toplumu orun tutupdyr. Adambasan-1 şol toplумыň merkezi bolup hyzmat edipdir. Gadymy Murguş ýurdunyň günortasynda Togalak we Tahyrbaý oazisleriniň obalary ýerleşýär. Soňkynyň ilatly nokatlary Gadymy Murguşyň günorta serhetlerini emele getirýär we häzirki zaman şäherçeleriniň golaýynda ýerleşýär **(2-nji surat)**.

Elbetde, Murguşyň gadymy ekerançylyk ýadygärlikleriniň ýerleşişiniň ýokarda beýan edilen shemasy örän şertlidir, çünki çäge sowurýan tupanlaryň ugruna baglylykda ýadygärlikleriň kábiri gum bilen bökleleýin ýa-da doly gömülmegi mümkin, beýlekileri bolsa, tersine, açylmagy ähtimal. Munuň özi umumy görnüşi, gürrüňsiz, üýtgeder. Sanalyp geçilen oazisleriň iň demirgazygynda ýerleşýän Kelleli oazisinde geçirilen gazuw-agtaryş işleriniň görkeziji ýaly, Köpetdagiň etegindäki taýpalaryň Murgabyň gadymy hanasyny özleşdirmek boýunça ilkinji synanyşyklary eneolit eýýamynda (biziň eýýamymyzdan ozalky IV müňýylyk) amala aşyrylypdyr, ýöne olar şowsuz bolupdyr. Biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýylygyň ahyrynda taýpalaryň «beýik göçüşi» has üstünlikli bolupdyr. Hut şol döwürde hananyň köşk böleginde Murguş ýurdunyň häzirki güne çenli mälim bolan şäherleriniň iň ulusy esaslandyrylypdyr, onuň harabalyklary häzir Goňurdepe diýen türkmen ady bilen bellidir. Murgap hanasynda ýüze çykarylan obalaryň köpüsi hem şol eýýamda döräpdir. Taýpalaryň Margiana nireden gelip ornaşandygyny biz bilýäris, ýöne şol göçüşligiň biziň eýýamymyzdan ozalky IV-III müňýylyklarda bolandygy hem anyklanyldy.

Margiana siwilizasiýasynyň nireden peýda bolandygyna göz ýetirmek üçin has gadymy döwürlere ser salalyň we diňe bir Türkmenistanyň günorta etraplaryndan däl, eýsem Alynky Aziýada, aýratyn hem Tigr we Yewfrat derýalarynyň arasynda we Ýakyn Gündogarda ýaşan taýpalaryň durmuşy bilen tanşalyň. Köpetdagiň eteginiň amatly howa şertleri bu ülkelerde ekerançylygyň we maldarçylygyň ir döwürlerde ösmegine mümkinçilik berdi. Şondan hem öňräk (eýýäm biziň eýýamymyzdan ozalky IX-X müňýylyklarda) bu prosesler Mesopotamiýada başlandy.

Önüm öndürýän hojalyklaryň ösmegi ilatyň sanynyň çalt depginler bilen artmagyna we onuň ilki başda golaýdaky, soňra bolsa alysdaky territoriýalara göçmegine getirdi. Bugdaý, arpa, beýleki ekinleri ekmek, şeýle hem öý haýwanlarynyň sürülerini bakmak üçin entek boş ýerler ýeterlikdi, göçüp-gonmak prosesi haýal barýardy. Ýöne, geomorfologlaryň anyklamagyna görä, biziň eýýamyzdan ozalky IV müňýylygyň ortasynda kserotermik (gurak) döwür gelýär, ýagny Gündogar Ortayer deňzinden Eýranyň daglyk ýerine çenli bolan ägirt uly territoriýada howa düýpli gyzyp başlaýar, ýagynyň möçberi bolsa ep-esli azalýar. Ilatynyň sany barha artýan ekerançylyk-maldarçylyk taýpalary ýaşamak üçin has amatly beýleki ýerleri gözläp başlaýarlar. Adamzat taryhynda köp gezek bolan halklaryň beýik göçüşlikleriniň biri başlanýar. Anadolynyň (häzirkiki Türkiýe) we Demirgazyk Siriýanyň ýaşajylary ekerançylyk we maldarçylyk bilen meşgullanmaga ýaramly täze ýerleri tapmak umydy bilen ýuwaş-ýuwaşdan günorta-gündogar tarapa süşüp ugradylar. Olar Mesopotamiýanyň territoriýasyna (Tigr we Ýewfrat derýalarynyň arasynda) aýak basyp, bu ýurtda eýýäm köpden bäri gür ilatyň ýaşandygyny ýüze çykarýarlar. Göçüp baranlar şol ýurduň golaýynda – Akkad patyşalygynda ornaşyp, bu ölkäniň ýaşajylarynyň gadymy medeniýetinden köp zatlary kabul etmäge mejbur bolýarlar **(3-nji surat)**.

Ilatyň gürlügi yzygiderli artýar, kserotermik döwür bolsa uzaga çekýär, şonuň üçin hem taýpalaryň täze toparlary gurak etraplardan bol hasylly territoriýalaryň gözleginde Gündogara tarap ugraýarlar. Ýöne şol territoriýalar eýýäm Elama (Günorta-Günbatar Eýran) çenli eýeli bolupdyr. Mejbury göçegçiler Zagros daglaryndan geçip, Günorta Eýranyň ugry boýunça ýene-de aňyrligyna, gündogara tarap ugraýarlar. Ahyrsoňy häzirkiki Eýran şäheri Kermanyň çäginde gözläň zadyny tapýarlar we şol ýerde uzak wagtlýk ymykly ornaşýarlar. Olaryň gündogar ugry boýunça soňraky marşrutlary arheologlar tarapyndan Seýistanyň we Bulujystanyň (Bampur, Hurab, Kulli, Kwetta, Sibri) ýadygärliklerinde bellige alyndy. Soňky ýyllaryň arheologik açyşlarynyň netijesinde hatda Hind derýasynyň (häzirkiki Päkistan) jülgesinde hem Baktriýadaky (Demirgazyk Owganystan) we Marguşdaky zatlara meňzeş önümler tapyldy. Şol önümler Akkada we Elam medeniýetindäki şunuň ýaly formalar bilen bir döwürden gözbaş alýar. Şol tapyndylaryň gadymy hindi harapp siwilizasiýasynyň ıçki gatlaklarynda duş gelmegi bellärliligidir, ýagny olar häzir hünärmenleriň köpüsiniň hasaplaýşy ýaly, hut tebigy-howa we ekologiýa şertleriniň üýtgemegi zerarly, bu siwilizasiýanyň gününüň ýaşyp barýan döwürüne degişlidir. Şol bir wagtyň özünde şu zatlaryň peýda bolmagy agzalyp geçilen taýpalaryň Merkezi Aziýanyň territoriýasynda peýda bolmagy bilen gabat gelýär.

Häzir Türkiýäniň we Siriýanyň eýeleýän territoriýasyndan biziň eýýamyzdan ozalky IV-III müňýylyklarda başlanan köpçülikliýin göçüşlik diňe bir gündogara däl, beýleki ugurlara-da dowam edýärdi. Giksoslaryň paýtagty hasaplanan we Afrikanyň demirgazygynda, Nil jülgesinde ýerleşen Awaris şäherindäki köp zatlaryň siriýa-anadoly we baktriýa-marguş ýadygärlikleri bilen meňzeşligi duýulýar.

Ýöne Marguş baradaky söhbetimize gaýdyp geleliň. Alysdaky günorta-günbatardan bolan taýpalar uzak aralygy we öz ýolunda ýüzlerçe obalaryň üstünden geçip, şol döwürde gür ilatly Köpetdag **(4-nji surat)** etegindäki oturymly ýerlere baryp ýetdiler. Ýöne şol döwürde ýerli ýaşajylar hem boş ýerleriň yetmezçiligi bilen baglanyşykly kynçylyklary

başdan geçirýärdiler, şonuň üçin hem olaryň bir bölegi Gündogara bolýan göçüşlige goşuldy. Gelmişek taýpalar günorta türkmen taýpalary bilen garyşyp, biziň eýýamyzdan ozalky III müňýylygyň ahyrynda Murgabyň gadymy hanasyndan mes toprakly we düýbünden boş ýerlere baryp ýetdiler. Olaryň ep-esli bölegi (hemmesi bolmasa-da) şol ýerlerde ornaşana meňzeýär. Beýleki uly bolmadyk bölegi bolsa Gündogara tarap ýoluny dowam etdirdi we soňky maglumatlara görä, hatda Demirgazyk-Günbatar Hytaýa (Sinszyan) çenli baryp ýetdi. Günorta Türkmenistanda uzak wagtlap assimiýasiýa bolup geçdi we Murgabyň hanasynda ýokarda agzalan obalaryň ählisiniň düýbünü tutan halk döredi. Bu halk şol obalarda monumental köşkerleri we ybadathanalary gurdy, metal eretmegi hem-de şol döwürň dünýäsiniň öňdebaryjy merkezleriniň iň gowy nusgalaryndan birjirk-de pes bolmadyk sungat eserlerini döretmegi öwrendi. Onuň ozelden ähli zatlary bu ýerde eýýäm akkad döwüründe (biziň eýýamyzdan ozalky III müňýylygyň ahyry – II müňýylyk) ozal ylma mälim bolmadyk dünýä medeniýetiniň we siwilizasiýasynyň merkeziniň bolandygyna aýdyňlyk bilen şaýatlyk edýär. Ony Merkezi Aziýa diýip atlandyrmaga doly esas bar. Bir tarapdan ol Mesopotamiýa, beýleki tarapdan Köpetdagiň etegi, üçünji tarapdan Hind derýasynyň jülgesinde ýerleşen Harappa bilen berk baglanyşykly bolupdyr.

«Siwilizasiýa» düşünjesine kesgitleme bermek bilen baglanyşykly diskussiyalar bir asyrdanam gowrak wagtdan bäri dowam edýär. Şu babatdaky dürli-dürli garaýyşlara syn bermek maksadyna eýermän, olaryň diňe iň köp ýaýranlaryny ýatlap geçeriş. Baryp, 1950-nji ýylda XX asyryň meşhur arheologlarynyň biri, London uniwersitetiniň professory Wir Gordon Çayld siwilizasiýanyň on sany kesgitlemesini teklipe etdi: 1) şäherleriň bolmagy, 2) monumental jemgyýetçilik desgalarynyň bolmagy, 3) salgytlar we paç, 4) intensiw ykdysadyýet, şol sanda söwda, 5) senetçileriň-hünärmenleriň öňe saýlanmagy, 6) hat-ýazuw we 7) ylmyň başlangyjy, 8) ösen sungat, 9) aýratyn hukukly synplar we 10) döwlet. Biraz soň onuň kärkeşi K.Klakhholm olary has umumy häsiýetleriň üçüsünde jemlemegi teklipe etdi: 1) monumental arhitektura, 2) şäherler, 3) hat-ýazuw. Bu hemmelere mälim ölçegler ylmy barlaglarda yzygiderli ýatlanylýar. Sanalyp geçilen alamatlaryň ählisi Marguş materialynda bar. Dogry, skeptikler Murgap jülgesinde bir alamatyň – hat-ýazuw nusgalarynyň ýokdugyny aýdýarlar. Ýöne Mesopotamiýa siwilizasiýasyny meşhur eden gadymy ýazgyly köpsanly toýun tablisalaryň hem gazuw-agtaryş işleriniň ilkinji onylylyklarynda tapylmandygyny ýatdan çykarmalyň. Marguşyň monumental köşkerleriniň we ybadathanalarynyň (Demirgazyk Goňruň köşk-ybadathana toplumynyň diňe merkezi böleginiň özüniň 25 gektara golaý meýdany eýeleýändigini aýtmak ýeterlikdir) gurluşygy üçin münlerçe we hatda millionlarça kerpijiň gerek bolandygyny hem bellemek gerek. Şol kerpikleri öndürmek, gününüň aşagynda guratmak we gurluşyk meýdançasyna getirmek gerekdi. Takyk geometriýa ähli desgalaryň, aýratyn hem has irki gurluşyklaryň taraplar boýunça ugruny kesgitlemek barada aýtmanynda-da, şeýle giň möçberli işler iň bolmanda ýönekeý «hasaplaýyş» ýazuwunyň ulanylmagyny talap edýärdi. Bu hat-ýazuw gözegçilik we hasabatlylyk üçin örän zerurdy. Şeýle ýazuwunyň bolandygynyň subutnamalary bolsa ýeterlikdir: Demirgazyk Goňur köşgüniň esasy derwezesiniň golaýynda ýüzüne çyzylyp, belgiler edilen toýun tokinler (şarjagazlar) tapyldy. Derwezäniň golaýynda emeldarlaryň oturyp, edilen işleriň hilini we möçberini barlan bolmaklary mümkin.

Goňurdaky gonamçylygyň mazarlarynyň birinden tapylan pahna şekilli şumer ýazgysy bolan silindr görnüşindäki möhür we ybadathana toplumynyň jaýlarynyň birinden tapylan gadymy hindi ýazgysy ýerleşdirilen harapp möhri biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýyllygyň ahrynda – II müňýyllygyň birinji ýarymynda Mouru ýurdunyň Gadymy Gündogarda möhüm orun eýeläp, dünýä medeniýetiniň merkezleriniň biri bolandygyna şaýatlyk edýär. Ýöne hünärmenleriň käbiri ösen hat-ýazuwyň bolmagyny siwilizasiýanyň alamatlarynyň hataryna goşmaýar. Mysal üçin, Kembrij uniwersitetiniň professory lord Renfrýunyň pikirine görä, siwilizasiýa: 1) jemgyýetiň sosial stratifikasiýasyny, 2) hünärmentçilik senediniň we 3) hemişelik merkezi guramanyň, şeýle hem şäher obşinasynyň bolmagyny göz önünde tutýar. Köşkler we ybadathanalar merkezi guramanyň bolandygyndan habar berýär. Umuman, ýokarda sanalyp geçilen alamatlaryň ählisini biz gadymy Marguşyň mysalynda görýäris. Goňurdepä baryp gören we Marguşdaky arheologik işleriň jemlerine bagyşlanyp, Türkmenistanda geçirilen maslahata gatnaşan dünýäniň esasy hünärmenleri şeýle pozisiýany goldadylar. Şunuň bilen birlikde biziň gadymy marguşlylaryň döp-dessurlarynyň we urp-adatlarynyň köpüsiniň oňparazlaryňky bilen meňzeşdigine şaýatlyk edýän arheologik maglumatlary alandygymyza garamazdan, şol duşuşykda Marguşyň oňparazlyk dininiň döremegi bilen baglanyşygy baradaky pikir alymlaryň uly diskussiýasyny döretdi. Elbetde, bu aýratyn barlaglaryň geçirilmegini talap edýän çylşyrymly meseledir. Şu kitabyň maksady bolsa oňparazlygyň watanyna bolan köne garaýuşlary täzeden seljermekden we ýalana çykarmakdan däl-de, mundan öň dünýä ylmynda düýpden mälim bolmadyk täze maglumatlar bu problemanyň çözügüne bizi golaýlaşdyrar diýip pikir edýäris.

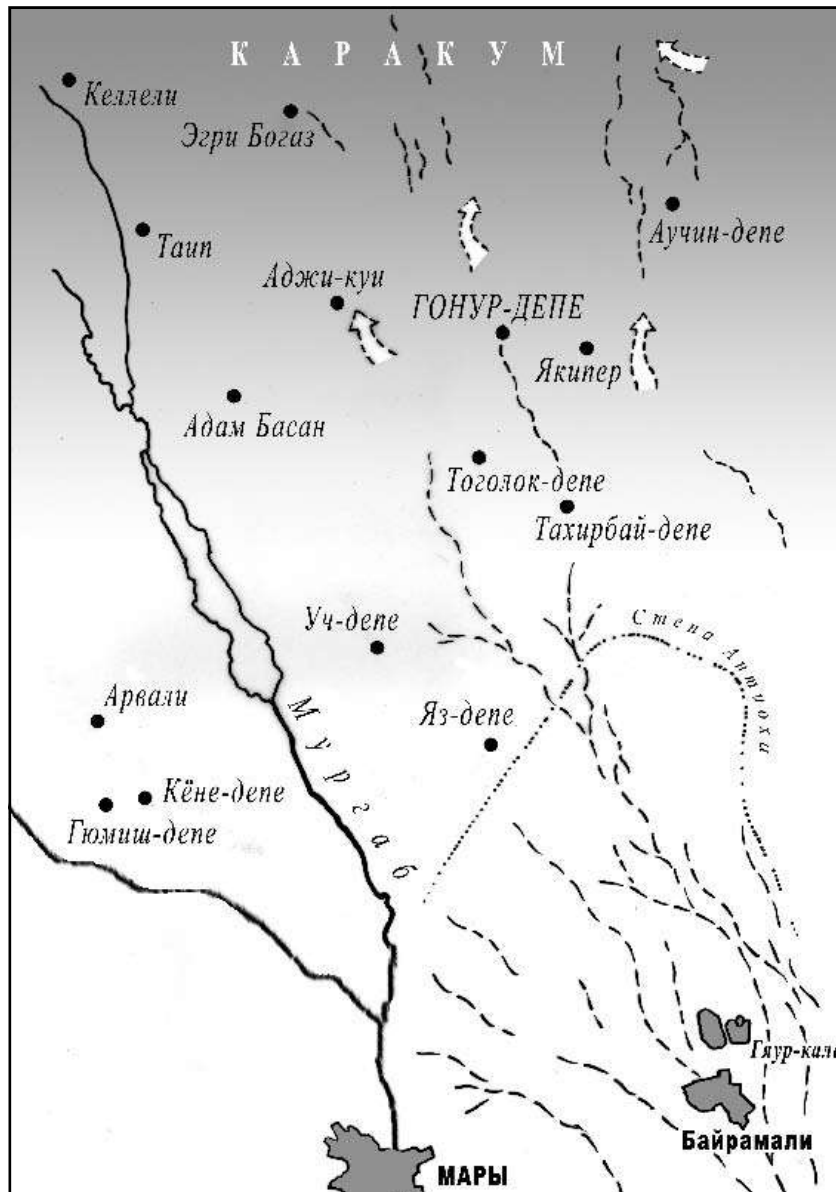

Глава первая Цивилизация? Да!

...**Р**ЕКА Мургаб берет свое начало в афганских горах Паропамиза и имеет так называемую слепую дельту, веером растворяющуюся в каракумских песках. Как и у многих других рек нашей планеты, русло Мургаба постепенно сменяется с востока на запад. Ныне на его берегах расположен город Мары, а в средние века процветал Мерв (севернее современного города Байрамали). Та территория, которую четыре-пять тысяч лет назад и еще ранее орошал полноводный Мургаб, давно уже превратилась в безводную равнину - такыр, на который с севера наступают надувные барханы Каракумов (Илл. 1).

Первые насельники земель современного Туркменистана уже сотни тысяч лет назад (в эпохи верхнего палеолита, мезолита и неолита) жили в предгорной полосе Копетдага с ее мягким климатом, большим количеством воды и естественных строительных материалов. Такие благоприятные условия в V-IV тысячелетиях до н.э. привели здесь к развитию очагов земледелия и скотоводства, что значительно снизило зависимость жителей от превратностей природы. Прикопетдагские равнины уже многие десятилетия находятся в фокусе внимания археологов. В начале семидесятых годов прошлого века широкомасштабные археологические разведки и раскопки Маргианской археологической экспедиции, в которой работали вместе ученые из Ашхабада и Москвы, позволили обнаружить более двухсот древних поселений. Нам стало ясно, что в конце III-II тысячелетий до н.э. в старой дельте Мургаба возникла и расцвела настоящая древневосточная цивилизация! Промежуточное положение Маргуш-Моуру-Маргианы между Месопотамией и долиной реки Инд позволило ей играть важную роль как в истории, так и в культуре всего Ближнего Востока, о чем красноречиво свидетельствуют находки последних лет.

Судя по аэросъемкам и разведочным работам, дельта Мургаба разделялась на большие рукава, вдоль которых вплоть до горизонта расстиралась бескрайняя равнина с ее плодородными, благодаря сезонным разливам реки, землями, с колосившимися на них посевами ячменя и пшеницы. Вдоль многих из этих рукавов и располагались группы маргианских поселений, служившие центрами небольших ирригационных оазисов. Северной границей Маргианы являются памятники Келлелийского оазиса. Дальше на север начинаются высокие барханы Центральных Каракумов. К юго-востоку размещается очень небольшой ирригационный оазис Эгри-Богаз, состоящий всего из нескольких небольших памятников. Еще далее располагается Аучинский оазис с центральным поселением Аучин-1, обнесенным по внешнему краю оборонительной стеной с круглыми башнями. Наряду с обычными древнеземледельческими поселениями на ок-

2
Murgabyň köne hanasynda bürünç eýýatunyň oturymly yerleriniň yerleşiş shemasy.

Схема расположения поселений эпохи бронзы в старой дельте Мургаба.

Layout of settlements of the Bronze Age in the old Murghab delta.

раине Аучинской группы памятников разбросаны небольшие стоянки скотоводческого населения племен андроновского типа. К юго-западу от Аучин-депе располагается Гонурский ирригационный оазис, состоящий из большого числа древнеземледельческих поселений. К западу от него находятся Аджикуинский и Таипский оазисы, а также небольшая Адамбасанская группа памятников, центром которой служил Адам-Басан-1. На юге древней страны Маргуш помещаются поселения Тоголокского и Тахирбайского оазисов. Населенные пункты последнего образуют южную границу Древней Маргианы и расположены ближе всего к современным поселкам (Илл.2).

Конечно, вышеописанная схема расположения древнеземледельческих памятников Маргианы очень условна, так как в зависимости от направления песчаных бурь одни памятники могут быть полностью или частично занесены надувным песком, а другие, напротив, откроются нашему взору, что неизбежно изменит общую картину.

Как показали раскопки в самом северном из перечисленных оазисов – Келлелийском, первые попытки освоения древней дельты реки Мургаб племенами-выходцами из предгорий Копетдага относятся к энеолиту (IV тысячелетие до н.э.), но они оказались неудачными. Намного более успешным было «великое переселение» племен в конце III тысячелетия до н.э. Именно тогда в саговой части дельты был основан крупнейший из известных на сегодня городов страны Маргуш, руины которого теперь известны под современным туркменским названием Гонур-депе. В ту же эпоху возникла и значительная часть из выявленных поселений мургабской дельты. Мы не знаем, откуда пришли в Маргиану заселившие ее племена, но точно установлено, что это произошло именно в III тысячелетии до н.э. - не раньше и не позже.

Чтобы понять, откуда взялась маргианская цивилизация, заглянем в еще более глубокую древность и проследим, как развивалась жизнь племен, обитавших не только в южных районах Туркменистана, но и в Передней Азии, особенно в междуречье Тигра и Евфрата и на Ближнем Востоке. Благоприятный климат предгорий Копетдага дал возможность рано развиваться в этих краях земледелию и скотоводству. Еще раньше (уже в IX-X тысячелетиях до н.э.) эти процессы начались в Месопотамии. Развитие производящего хозяйства привело к бурному росту населения и его все более активному расселению сначала на близлежащие, а затем и все далее расположенные территории. Пока хватало свободных земель, пригодных для посевов пшеницы, ячменя, других культурных растений, а также для выкармливания тучных стад домашних животных, миграция шла достаточно медленно. Но, как установили геоморфологи, в середине IV тысячелетия до н.э. наступает ксеротермический (засушливый) период, то есть на огромной территории от Восточного Средиземноморья до Иранского нагорья происходит глобальное потепление, а количество осадков резко сокращается. Все возрастающие численно земледельческо-скотоводческие племена стали искать другие, более благоприятные для жизни места. Началось великое переселение народов - одно из многих в истории человечества. Жители Анатолии (современная Турция) и Северной Сирии медленно двинулись в юго-восточном направлении в надежде найти новые земли, пригодные для занятий земледелием и домашним скотоводством. Вступив на территорию Месопотамии (в междуречье Тигра и Евфрата), они обнаружили, что эта страна давно и плотно заселена. Переселенцы вынуждены были осесть рядом – в Аккадском царстве, восприняв многое из древней культуры жителей этого края (Илл.3).

Плотность населения постоянно росла, а ксеротермический период приобрел глобальный и затяжной характер, поэтому все новые волны племен из засушливых районов отправлялись на

3

Yakyn we Orta Gündogar bürünç eýýatymynda.

Ближний и Средний Восток в эпоху бронзы.

The Near East and the Middle East in the Bronze Age.

Восток, на поиски плодородных территорий, которые, однако, уже были заняты вплоть до Элама (Юго-Западный Иран). Превалив через Загросские горы, вынужденные мигранты двинулись вдоль Южного Ирана еще далее в восточном направлении, где в районе современного иранского города Керман они, наконец, нашли то, что искали, и остановились там на много лет. Дальнейший их маршрут в восточном направлении отмечен археологами на памятниках Сеистана и Белуджистана (Бампур, Хураб, Кулли, Кветта, Сибри). В результате археологических открытий последних лет даже в долине реки Инд (современный Пакистан) оказались изделия, очень похожие на предметы из Бактрии (Северный Афганистан) и Маргианы, которые восходят к аналогичным формам в культуре Аккада и Элама. Показательно, что эти находки встречены в поздних слоях древнеиндийской Хараппской цивилизации, то есть относятся к тому периоду, когда эта цивилизация, как теперь считает большинство специалистов, в результате именно природно-климатических и экологических изменений, уже клонилась к своему закату. В то же время появление этих предметов синхронно с появлением упомянутых пришлых племен на территории Центральной Азии. Массовая миграция, начавшаяся в IV-III тысячелетиях до н.э. с территорий, ныне занимаемых Турцией и Сирией, шла не только в восточном направлении. В городе Аварисе, считающемся столицей гиксосов и расположенном на севере Африки, в дельте Нила, по многим признакам прослеживается сходство с сиро-анатолийскими и бактрийско-маргианскими памятниками.

Но вернемся к стране Маргуш. Преодолев огромные расстояния, оставив на своем пути многие сотни поселений, племена с далекого Юго-Запада достигли и довольно плотно заселенных к этому времени предгорий Копетдага (Илл.4). Но и местные жители к тому времени уже испытывали нехватку свободных земель, поэтому часть их также включилась в это поступательное движение на Восток. Уже смешавшись с южнотуркменистанскими племенами, пришлые племена в конце III тысячелетия до н.э. достигли богатых и абсолютно свободных земель в древней дельте Мургаба. Судя по всему, значительная часть их (хотя не все) здесь и осела. Другая, по-видимому, меньшая часть продолжала идти на Восток и, по последним данным, добралась даже до Северо-Западного Китая (Синьцзян) и Пакистана. А в Южном Туркменистане происходила долгая ассимиляция и образовался народ, который заложил в дельте Мургаба все упомянутые выше поселения, возвел в них монументальные дворцы и храмы, научился плавить металл и создавать произведения искусства, ничем не уступающие лучшим образцам передовых центров тогдашнего мира. Все созданное ими с убедительностью свидетельствует о существовании здесь уже в аккадское время (конец III – II тысячелетие до н.э.) ранее совершенно неизвестного науке центра мировой культуры и цивилизации, который с полным основанием может быть назван центральноазиатским. С одной стороны, он был тесно связан с Месопотамией, с другой – с предгорьями Копетдага, с третьей – с Хараппой, располагавшейся в долине реки Инд.

Дискуссии вокруг определения понятия «цивилизация» ведутся уже дольше века. Не ставя целью обзор всего разнообразия существующих взглядов, упомянем лишь самые распространенные. Еще в 1950 г. один из крупнейших археологов XX века, профессор

4

Köpetdeguň eteginde (Anewiň demirgazyk tarapyndaky baýyrlık).

У подножья Копетдага (северный холм Анау).

At the foothills of the Kopetdagh (the northern hill of Anau).

Лондонского университета Вир Гордон Чайлд предложил десять признаков определения цивилизации: 1) наличие городов, 2) наличие монументальных общественных строений, 3) налоги или дань, 4) интенсивная экономика, в том числе торговля, 5) выделение ремесленников-специалистов, 6) письменность и 7) зачатки науки, 8) развитое искусство, 9) привилегированные классы и 10) государство. Позднее его коллега К.Клакхольм предложил трансформировать их в три более общие характеристики: 1) монументальная архитектура, 2) города, 3) письменность. Это известные критерии, они регулярно воспроизводятся в научных исследованиях.

Все перечисленные признаки прослеживаются на маргианском материале. Правда, скептики продолжают утверждать, что одного признака - образцов письменности - в долине Мургаба нет. Но не будем забывать и о том, что ныне столь многочисленные клинописные глиняные таблички, прославившие цивилизацию месопотамского Двуречья, были найдены далеко не в первые десятилетия раскопок. Отметим также, что строительство монументальных дворцов и храмов Маргианы (достаточно сказать, что только центральная часть дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, например, занимает площадь около 25 гектаров) требовало изготовления многих тысяч и даже миллионов кирпичей. Их надо было изготовить, высушить на солнце и доставить на место стройки.

Такие масштабные работы, не говоря уже о правильной геометрии и ориентировке по странам света всех, в особенности самых ранних построек, были бы невозможны без хотя бы элементарной «счетной письменности», столь необходимой для контроля и отчетности. А существование такой письменности можно считать доказанным: у главных ворот дворца Северного Гонура найдены глиняные токины со схематическими знаками на них. Вероятно, у ворот сидели чиновники, проверявшие качество и количество проделанной работы. Находки же в одной из могил некрополя Гонура цилиндрической печати с клинописной шумерийской надписью, как и хараппской печати с древнеиндийской письменностью на полу одного из помещений храмового комплекса не оставляют никаких сомнений в том, что страна Моуру в конце III - первой половине II тысячелетия до н.э. занимала важное место в системе Древнего Востока, представляя собой еще один центр мировой культуры. Отметим также, что наличие развитой письменности включается в признаки цивилизации не всеми специалистами. Так, по мнению лорда Рэнфрю, профессора Кембриджского университета, цивилизация предполагает: 1) социальную стратификацию общества, 2) наличие профессионального ремесла и 3) постоянную центральную организацию, о наличии которой свидетельствуют дворцы и храмы, а также существование городской общины. Эти признаки в полном объеме мы видим в Древней Маргиане с самого ее возникновения.

Эта позиция была поддержана всеми ведущими специалистами мира, посетившими Гонур-депе и принявшими участие в уже упоминавшейся Международной конференции в Туркменистане, посвященной итогам археологических работ в Маргиане. Вместе с тем, на этой же встрече ученых большую дискуссию вызвала

мысль о связи Маргианы с происхождением зороастрийской религии, несмотря на полученные нами различные археологические факты, свидетельствующие о сходстве многих традиций и обрядов древних маргушцев с зороастрийскими. Конечно, это непростой вопрос, требующий отдельного исследования. Цель же настоящей книги состоит не столько в том, чтобы пересмотреть и опровергнуть старые взгляды на родину зороастризма, сколько привести новые, ранее совершенно не известные мировой науке фактические данные, которые, думается, приблизят нас к решению этой проблемы.

Chapter 1 Civilization? Yes!

THIRTY-FIVE years ago there was hardly anyone who could imagine what was hidden under the sandy hills (barkhans) of Kara-Kum, one of the greatest deserts in the world. A majestic silence seemed to have embraced forever the present waterless sands. The still landscape is occasionally animated only by small sandy colored rodents that until they are disturbed lie like stone statues motionless by their burrows, and by different reptiles headed by the cobra, the queen of desert. The desert itself is ruled by the mercilessly shining sun in a cloudless blue sky, sending down to earth such strong light that no one can hide from it. From time to time a rare eagle flies gracefully and silently overhead, observing the living creatures that down on the earth run from one saksaul bush to the other or from one sandy loaf (barkhan) to the other vainly trying to find some place that would provide a bit of shade.

Archaeologists came to this area eager to find the mysterious land of Margush. The ancient Greek historians that came to know Central Asia after the Eastern march of Alexander the Great named this country Margiana for easier pronunciation. In the Middle Ages under the influence of the Arabic language the country was called Merv and nowadays this is a Mari administrative region (veloyat) of Turkmenistan. All these different names are derivatives from the word Murg that makes up the basis for the name of the River Murgab (translated as «water of Murg»). The country under investigation was located in the basin of this river. It is of interest that the sacred book of Zoroastrians mentions the country of Mouru, a name which is rather similar to the names discussed above.

The Murgab River starts in the Afghan mountains of Paropamiz and has a so-called «blind delta», which means that it has no connection with any another river or sea but is lost in the sands of one of the biggest deserts of the world, the Kara-Kum. Its bed as well as the beds of

many world rivers is gradually moving from East to West. Nowadays the city of Mari is located on its banks and in the the Middle Ages the Merv oasis (the present city of Bairam-Ali) flourished there. The area that four-to-five thousands years ago was watered by the Murgab River is now lost among the flat plains and desert sands (**Fig.1**).

Many hundreds of thousands of years ago (in the Upper Paleolithic, Mesolithic and Neolithic Ages) the first people of present Turkmenistan lived in the piedmont zone of Kopet-Dagh known for its mild climate, plentiful water and natural building materials. In the fifth-sixth mil. B.C. these favorable conditions fostered the development of farming and cattle-breeding in this area thus decreasing the dependence of the prosperity of the local population on climatic changes. For many decades archaeological excavations were concentrated in these particular sub-mountainous plains. Only in the very beginning of the 1970s, large scale archaeological research and excavations of the Margiana Archaeological Expedition, organized by the Academy of Sciences of the USSR and headed by the author of the present book together with Turkmenistan scientists, began in the depth of the desert and discovered over 200 sites there. The excavations showed that at the end of the third-second mil.B.C. an ancient Eastern civilization was born and flourished in the basin of the ancient delta of Murgab. The intermediate position of Margush-Mouru-Margiana between Mesopotamia and the Indus Valley explains the key role that it played in the history as well as in the culture of the whole The Near East, a statement that is supported by the findings of recent years.

Aerial photography and field research testify that the Murgab delta was divided into large branches and along them an endless plain with fertile lands (due to the seasonal floods of the River) which was covered with crops of barley and wheat. In the irrigated oases of these branches groups of Margiana sites were located. On the North the Margush country was marked by the Kelely oasis which is farther to the North, bordering on the high quicksand hills (barkhans) of the Central Karakum desert. To the North-East of Margush there is a very small irrigated oasis, Egri-Bogaz, that consists of few small sites. Still farther in the same direction, is the Auchin oasis with the capital site of Auchin-I which is encircled by a defensive wall with round towers. On the outskirts of the Auchin group of monuments alongside the usual ancient farming settlements there were found small sites of the cattle breeding tribes of the Andronovo type. To the South-West from the Auchin oasis in the key-point of the Murgab delta the Gonur irrigated oasis with its large number of ancient farming settlements was located. To the West of it one can find the Taip oasis with the regional capital of Taip-I as well as a small group of the Adam-Basan monuments with the central settlement, Adam-Basan-I. On the South the ancient country of Margush borders the settlements of the Adji-Kui and Togolok irrigated oases. The settlements of the Togolok oasis almost mingle with those of the

Takhirbai oasis thus forming the Southern border of Margiana. This oasis is most closely situated to the present settlements (**Fig.2**).

One should bear in mind the fact that the scheme of locating the ancient farming settlements of Margiana given above is rather conventional since a lot depends on the direction of sand storms. Some monuments may be completely or partially covered with sand while others may be uncovered and thus the picture found during the archaeological research in the beginning of 1970s may change dramatically. The excavations of the Kellely oasis - the most Northern of the ones mentioned above - showed that the first attempts at inhabiting the ancient delta of Murgab made by tribes migrating from the piedmont area of Kopet-Dagh in the Aeneolithic Age (fourth mil. B.C.) failed. Much more successful was the «great migration» of tribes at the end of third mil.B.C. It was then that in the lock part of the delta the largest city of the country of Margush was founded and whose ruins the present Turkmens name Gonur-Depe which means «gray hill». Most of the settlements discovered were also inhabited at the same time. Up till now one can not be absolutely sure from where these tribes came to Margiana, but the region from eastern Anatolia and up to northern Syria seems to be most probable. What made these people leave their native lands and move to such faraway places and why did it happen in the fourth-third mil. B.C. exactly and not earlier or later?

To answer these questions one has to go some centuries back and watch the life of those who lived at that time in the piedmont zone of the Kopet Dag and in the general zone of the Near East particularly in the region between the rivers Tigris and Euphrates and the nearby areas. As was mentioned above the favourable climate of the foothills encouraged the early development of farming and cattle breeding. Still earlier (already in the tenth-ninth mil. B.C.) this process was recorded in Mesopotamia. The development of a productive economy resulted in increasing population, and the first active exploring of nearby lands later spread to more distant lands. While the settlers had enough good land for raising wheat, barley and other crops and for feeding herds of domestic cattle, the progress of migration was moderate and rather slow. But according to geomorphologists the end of the fourth mil. B.C. was marked by a xerothermical period and a global warm spell in the Near East area and a sharp drop in the rate of precipitation. The farming and cattle breeding tribes gradually increasing in numbers tried to find free fertile land. Among those tribes were those who lived in the areas mentioned above from Anatolia down to Syria. They slowly started to move in a generally southern direction in the attempt to find new lands good for farming and cattle breeding. When they reached Mesopotamia they found that this land had been long since densely populated and that they could not find free land there. So they were forced to settle down in the nearby Akkadian state where they learned a lot from the ancient culture of the aborigines (**Fig.3**).

But since the density of population was growing and the xerothermic period was continuing the tribes from dry areas continued their search for free fertile lands and soon discovered that all such lands in the whole area up to South-Western Iran (Elam) were occupied by other tribes. The migrants crossed the Zagross mountains and moved along Southern Iran still farther in the eastern direction. In the area of the Iranian city of Kerman they finally found unoccupied lands in which some of them settled down. A route of migrants farther in the eastern direction is marked by such monuments as Seistan and Beluhistan (Bampur, Hurab, Kulli, Quetta, Sibri). The archaeological excavations of recent years testify to the fact that even in the Indus Valley were found articles that have close parallels with those from Bactria and Margiana which in turn are analogous to the ones of Akkadian and Elamian origin. It is remarkable that these finds were excavated in the late layers of the ancient Harappa civilization. And the majority of specialists believe that it was due to the climatic and ecological changes that this latter civilization was declining at this particular period. Simultaneously it should be noted that the appearance of these artifacts is synchronous with the appearance of the tribes in the area of Central Asia.

One should also note that the migration process that started in the fourth-third mil. B.C. from the area of Syria was not limited only to the eastern direction. In the city that is supposed to be the capital of Giksos and which is situated to the West of Syria in North Africa in the Nile Valley - Avaris - one can see similarities among the monuments of North Syria and Bactria and Margiana. Among them the most important are those conservative rites which are connected with funeral customs and grave constructions.

But let us return to the country of Margush. Having covered vast territories and leaving behind many hundreds of settlements, the tribes from faraway South-West finally reached the densely populated piedmont zone of the Kopet Dagh (**Fig.4**). Since some of the local tribes also suffered from the lack of free lands they joined the migrants in their general migration process in the eastern direction. At the end of the third mil. B.C. all these commingled tribes have finally reached the fertile and absolutely free lands in the ancient delta of the Murgab River. It seems that most immigrants (but not all) settled down there. The smaller part of them continued their way to the East, and judging by recent research, went as far as North-Western China (Sintzian).

Those migrants who stayed in the area of the Murgab River built the settlements mentioned above. These were they who built monumental palaces and temples, melted metals, and created pieces of art not inferior to those from the advanced centers of the world. All the creations of these people clearly testify that as early as in the Akkadian period (end of the third - second mil. B.C.) in the East of Turkmenistan in the present Kara Kum desert there existed a heretofore unknown center of world culture that may be named the Central Asian culture. It was

closely connected with Mesopotamia and Elam, with the piedmont zone of the Kopet Dagh, and with the Indus Valley.

The discussion around the definition of the term «civilization» is a long one and has been going on for centuries. I am not going to discuss all the various positions but would like to concentrate on the most popular ones. In 1950 G.Childe had suggested ten characteristics for the term «civilization», which include the existence of: 1) cities, 2) monumental communal buildings, 3) taxes, 4) intensive economy, 5) including trade, 6) craftsmanship, 7) a certain knowledge of science, 8) well developed art, 9) privileged classes and 10) a state system. Later K.Klakhholm has suggested grouping these characteristics into three general ones: 1) monumental architecture, 2) cities, 3) written language. This is a well known list of characteristics that is regularly referred to in many scholarly papers. As is obvious all these characteristics but one (the presence of samples of writing at the Margiana monuments) are found in Margiana.

However one should not forget that numerous cuneiform inscriptions on clay tablets that brought wide fame to the civilization of Mesopotamia were not found in the first years of excavations. Besides, it seems quite clear that for the construction of monumental palaces and temples of Margiana (for example, only the central part of the palace and temple complex occupies an area of 25 hectares) many thousands if not millions of bricks would have been produced. Just imagine how they first made and dried these bricks in the sunlight and then transported them to the construction site. Such large-scale works (not to mention the geometrical schemes and the need for the right orientation to the four cardinal points) would have been impossible without an elementary «accounting language» necessary for counting and reporting. And it is proven that at least this kind of «written language» existed: near the main gates of the North Gour palace clay tokens with schematic signs on them were found. One may logically assume that the king's officers were stationed at the gates in order to control and supervise the quantity and quality of the work done. The country of Margush occupied an important place in the zone of the Near East at the end of the third to the first half of the second mil. B.C. and was another center of world civilization. This is confirmed by the find of a cylinder seal with a cuneiform Sumerian inscription in one of the graves at the Gonur necropolis as well as by another Harappian seal with an ancient Indian inscription found on the floor of a room in the temple complex. However, not all specialists think that the existence of written language is a necessary characteristic of «civilization». Thus, Prof. K.Renfrew believes that the term «civilization» can be determined by the following elements: 1) social stratification of society, 2) professional craftsmanship, and 3) permanent centralized organization which is evident in the existence of palaces and temples as well as a city community. All these elements can be traced in the country of Mouru from the moment of its foundation on the banks of

the Murgab River. This point of view was supported by almost all the leading world specialists who visited Gonur-Depe within the framework of the First International Conference dedicated to the results of the archaeological excavations in Margiana that took place on the 14th - 16th of November 2007 in Turkmenistan. For the last few years the author of this work has presented numerous archaeological facts that are evident in the similarity of many traditions and rites of ancient

Margush tribes to those of Zoroastrians. But the idea of Margiana being associated with the origin of the Zoroastrian religion caused a lot of discussion at the Conference mentioned above. The aim of the present work is not to revise and deny old opinions about where Zoroastrianism originated but to provide new material that so far is absolutely unknown to the world of science. Perhaps this will change the approach to this old problem.

II bap

Goňurdaky köşk-ybadathana toplumy

5

Günorta (kilise) we Demirgazyk Goňur. Uçardan düşürilen surat.

Южный (теменос) и Северный Гонур. Аэрофото.

Southern (temenos) and Northern Gonur. Aerophotography.

MARGUŞ ýurdunyň şäherleri neneňsi bolupdyr? Dört-baş müň ýyl mundan ozal Marguşyň nähili bolandygyny göz öňüne getirmek üçin ýeriň bu bölegine guş uçar belentlikden syn edip göreliň **(5-nji surat)**. Pessejik kenarly uly derýanyň hanasy giňden ýaýylyp ýatyr. Özüniň dirilik suwy bilen mes toprakly yerleri suwaryan derýanyň gollarynyň ugrunda adamlar ornaşyp başladylar. Çet demirgazykda, şol yerleriň golaýynda, suwuň çägeleriň aşagyna siňip gidýän yerinde (Kelleli oazisi) bu jelagaýlara Köpetdagiň eteginden birnäçe asyr öň ilkinjileriň hatarynda göçüp gelenleriň oturymly yerleriniň harabalary görünýär. Derýanyň hanasynyň köşk bölegine golaý yerde (Goňur oazisi) ýaşayyşly şäherçeler peýda bolýar. Şol yerde ýaşayyş jaýlary, köşkler we ybadathanalar gurulýar. Hananyň gollara bölünýän yerinde hereket has köp. Bu yerde işçileriň, ussalaryň, arhitektorlaryň müňlerçesi zähmet çekýär. Olara başlyklar ýolbaşçylyk edýärler, ruhanylar aýat-doga okayarlar we hudaýlara gurban berýärler.

Eýýäm gurlan ybadathanalaryň altarlarynda ot ýanýar. Köşk-ybadathana toplumynyň gala diwarynyň daşynda açylan uly howuz ýörite suw desgasynyň kömegi bilen Murgabyň gollarynyň biriniň suwundan doldurylýar. Daş-töwerekde ösüp oturan agaç köp. Olar jaýlaryň üstüni ýapmak, arabalaryň tigirlerini we oturgyçlaryny, öý goşlaryny, naýzalaryň saplaryny we beýleki zatlary ýasamak üçin ulanylýar. Ýöne agaç müdimilik däl, şol zatlaryň ýekejesi-de biziň günlerimize çenli saklanyp galmaz. Diňe gudrat bilen saklanyp galan pyçagyň agaç sapy arheologlaryň eline düşýär. Bu sapa бүрүнjiň okisiniň siňendigi mese-mälim bildirip dur. Laboratoriýa analizleri hatda onuň nähili agaçdan ýasalandygyny hem görkezzer. Geňtaň göräýmeli – bu armyt agajy eken!

Ekin ekilmedik boş yerlerde ösümlikleriň galyndylary goşulyp, palçykdan ýasalan hatar-hatar kerpiçler günün aşagynda guraýar **(6-njy surat)**. Kerpiçler uly bolup, olar göniburçludyr (uzynlygy 43-45 santimetr), ini 20-25

santimetr we galyňlygy 10-15 santimetr. Taýýar bolan gurluşyk materiallary dört tigirli arabalara ýüklenýär we gurluşygyň alnyp barylýan yerine getirilýär. Şol yerde başarjaň ussalar olardan monumental jemgyýetçilik binalarynyň, hökümdarlaryň rezidensiýalarynyň we ýaşayyş jaýlarynyň diwarlaryny galdyryýarlar.

Ekerançylar yerleri bejerýärler, olara bugdaý we arpa ekýärler, maldarlar goýun, geçi, düýe, sygyr we doňuz sürüleriniň howpsuzlygyna gözegçilik edýärler. Hökümdaryň we harby serkerdeleriň hojalygynynda at hem, eşek hem bar. Alysdaky ölkelerden, köplenç häzir Köpetdag diýlip atlandyrylýan günorta-günbatar daglardan bu yerlere daşdan ýüküni ýetiren kerwenler gelyärler. Bu yerde daş düýbünden ýokdur. Kerwenler bilen şol daglarda eredilen mis hem getirilýär. Ýörite niýetlenen yerlerde ussahanalar gurlupdyr. Olarda ekin meýdanlarynda işlemek üçin mis kätmenleri, hasyl ýygnamak üçin oraklar we beýleki gurallar, şahsy möhür-tumarlar ýasalýar. Şol tumarlar eýeleriniň emlägini al-arwahdan goramaly eken. Ýurt täze göçüp gelenleri kabul edip, ýaşamagyny dowam etdirýär. Bu yerde öz arzuw eden ýurduny tapan adamlar beýik Murgap düzülgini özleşdirýärler.

Indi bolsa paýtagt şäheriň yerleşişine üns beriň. Ozal belenilişi ýaly, bu şäheriň harabalary Goňur diýlip atlandyrylýar. Oňa ýokardan syn etmek ýerdäkiden aňsatdyr **(7-nji surat)**. Goňruň yerleşişinden çak etseň, Murgap ýurdunyň geljekki hökümdarlary bu yeriniň strategik ähmiýetine mynasyp baha beripdirler. Şu yerden suwuň berlişini aňsatlyk bilen kadalaşdyryp bolupdyr (zerur bolan halatynda hatda suw akymyny ýapyp hem bolupdyr). Şeýlelikde, demirgazykda yerleşen ähli suwaryş ulgamlaryny gözegçilikde saklap, marguşlylaryň tutuş jemgyýetçilik durmuşyny dolandyryp bolupdyr.

Eger häzir biz Goňura dikuçardan seretsek, eýýäm üsti açylan binalaryň aýry-aýry toplumlaryny göreris. Olaryň iň irisi we iň gadymysy arheologlar

6

Goňurdepe. Üsti açylan diwarlary konserwirmek üçin ulanylýan çig kerpiçleriň guradylyşy.

Гонур-депе. Сушка сырцовых кирпичей для консервации раскопанных стен.

Gonur-Depe. Adobe brick baking for the unearthed walls' conservation.

tarapyndan Demirgazyk Goňur diýlip atlandyryldy (**8-nji surat**). Ol köşkleriň we ybadathanalaryň çylşyrymly toplumyndan ybaratdyr. Köpsanly radiouglerod seneleriniň görkezşi ýaly, şol desgalaryň gurluşygy biziň eýýamymyzdan ozalky 2300-2250-nji ýyllarda başlanypdyr. Bu merkezi toplumyň günbatarynda, 200-250 metr uzaklykda biz ilki bilen uly şäher gonamçylygyny tapdyk, 2002-nji ýyla çenli bolsa gazuw-agtaryş işlerini geçirip, onuň üstüni doly açdyk. Şol ýerde merhumlar ilkinji göçegçileriň peýda bolan döwründen başlap biziň eýýamymyzdan ozalky II müňýyllygyň ortasyna çenli jaýlanypdyr. Merkezden günorta tarapa takmynan şeýle aralykda biziň eýýamymyzdan ozalky II müňýyllygyň başynda kilise diýlip atlandyrylýan mukaddes uçastogyň gurluşygy başlanypdyr. Biz bu toplumyň doly gurlup bolmandygyny anykladyk. Murgabyň hanasynyň ýuwaş-ýuwaşdan günbatara süşmegi sebäpli, wagtyň geçmegi bilen, suw bu ýerden gidipdir. Adamlar hem suwuň akýan ýerine göçüpdir.

Indi bolsa, Goňruň merkezi bölegine ser salalyň (**9-njy surat**). Ilki bilen toplumyň ähli bölümleriniň dogry ýerleşişine, monumental binalaryň diwarlarynyň örän giňdigine (bir ýarym metre çenli), toplumyň taraplar boýunça sazlaşykly utgaşdyrylyşyna, iň esasy zat bolsa, ähli desgalaryň diwarlarynyň materikde, ýagny el degirilmedik arassa toprakda durandygyna üns bereliň. Bu nämäni aňladýar? Ilkinji nobatda munuň özi desgalaryň bitewi plan boýunça gurlandygyndan habar berýär. Özi-de, gurluşyk bölekleyin däl-de, toplumlaýyn amala aşyrylypdyr. Ýüzugra yene-de bir zady belläp geçeliň. Marguşlylar kerpiç bişirmegi başarsalar-da (Goňurda olaryň üşmekleriniň ençemesi tapyldy), Marguş ýurdunyň ähli binalary çig blokdan galdyrylypdyr. Gadym döwürde, şondan müňlerçe ýyl soň hem, bu ülkelerde palçykdan salnan jaýlar amatly bolan bolsa gerek. Çig materialdan gurlan diwarlar yeterlik derejede galyň bolanda, içki otaglar jöwzada salkyn howany, gysyň aýazly günlerinde bolsa ýylylygy gowy saklaýarlar.

Şeýlelikde, gadymy Marguşyň binagärleri Demirgazyk Goňruň merkezinde örän giň, kwadrat görnüşindäki kremli (içki galany) ýerleşdiripdirler. Onuň söweşeň minaralar bilen berkidilen kuwwatly goranyş diwarlary bolupdyr (bu kremliň diwarlarynyň her biriniň uzynlygy 115-120 metre barabardyr). Tutuş perimetri boýunça kremli diwarlary edil gadymy Siriýadaky Ugarit şäheriniň köşgündäki ýaly üçburçluk şekilli, ýaýyň oky görnüşindäki ambrazuralar bilen gurşalyp alnypdyr (**10-njy surat**). Diwarlaryň içinde minaralaryň ählisine geçelgesi bolan koridor uzalyp gidýär. Kremli diwarynyň yüz tarapyň her birinde dört sany gönüburçly minara bar, diňe gündogar diwarda olar baş sanydyr. Şol minaralaryň ählisinde peçler gurlupdyr. Peçleriň çylşyrymly konstruksiýalary olaryň diňe garawullaryň bolýan otaglaryny ýylatmak üçin niýetlenmändiginden habar berýär (**11-nji surat**). Tutuş toplumyň diňe bir administratiw däl, eýsem dini maksatlara hem niýetlenendigi sebäpli, şol peçleriň gurban bermek ýa-da aýratyn günlerde hem-de sagatlarda mukaddes ody ýakmak üçin ulanylandygyny çaklamak bolar.

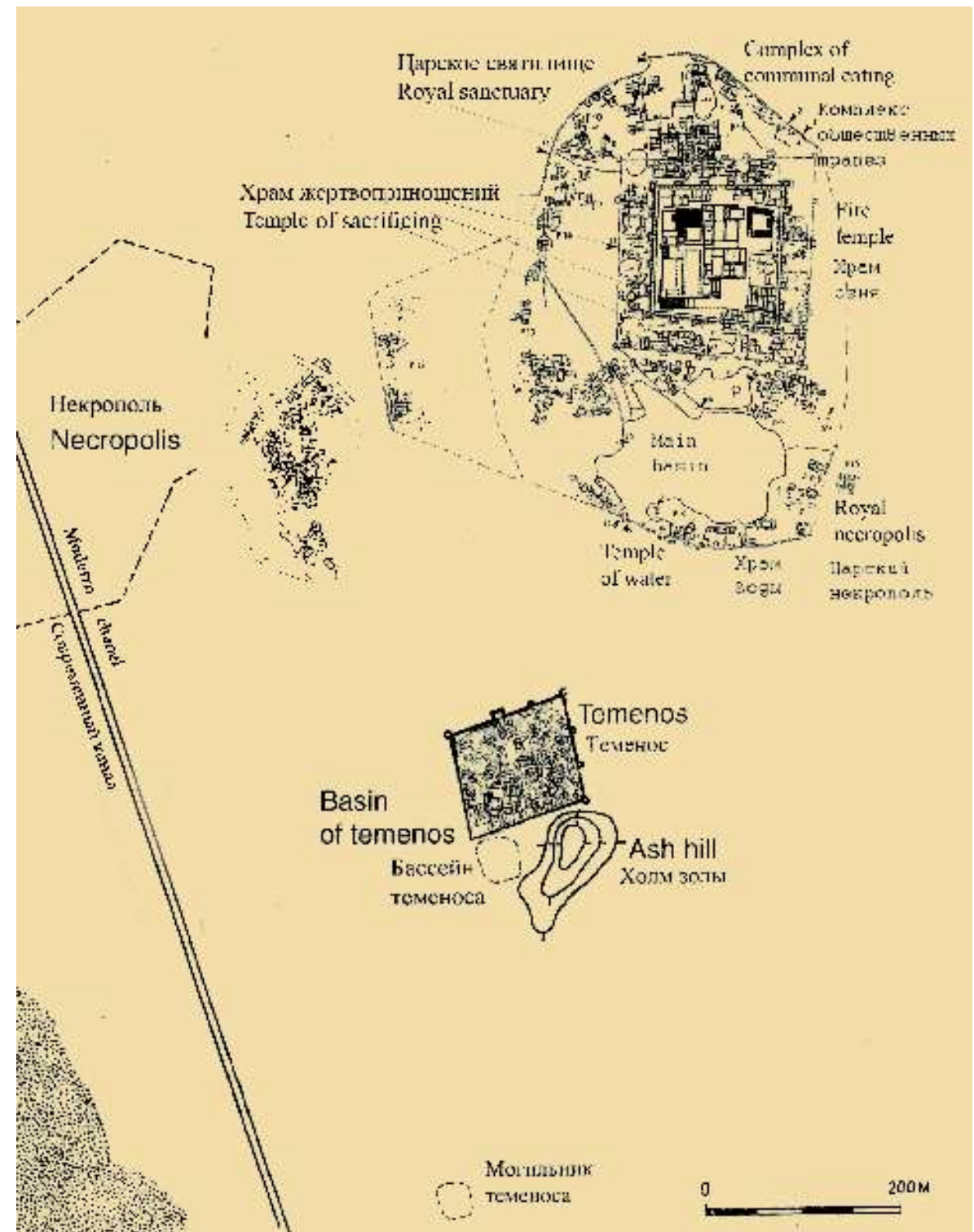
Ýerleşşi çylşyrymly bolan monumental köşk kremlde esasy orny eýeleýär. Onuň dabaralar zaly (**12-nji surat**), hökümdaryň we onuň maşgalasynyň ýaşayş apartamentleri, dessurlar berjaý edilýän toplumlary we beýleki otaglary hem-de howlulary bar. Meniň öňki kitaplarymyň käbir baplary olary suratlandyrmaga bagyşlanypdy. Men diňe kremli diwarlarynyň dört sany girelgesiniň bolandygyny ýatladasym gelýär. Merkezi, esasy girelge demirgazyk tarapda gurlupdyr (**13-nji surat**). Gündogar girelge diwaryň gündogar bölegine seplesýän ot ybadathanasyna alyp barypdyr.

7

49-nji sahypada:
Desgalaryň
yerleşişiniň
shemasy.

На стр. 49:
Гонур-депе. Схема
расположения
объектов.

On page 49:
Gonur-Depe.
Layout of objects

8
Goñruň merkezi böleginiň uçardan düşürilen suraty (2004-nji ýylyň Magtymguly aýy).

Аэрофото
центральной
части Гонура
(май 2004 г.).

Aerophotography
of the central part
of Gonor
(May 2004).

Günbatar we günorta girelgeler arkaly hökümdar, onuň maşgalasy, ýakynlary, ruhanylar degişlilikde günbatar we günorta gurban berilýän ybadathanalaryň otaglaryna baryp bilipdirler. Kreml diwarlaryna daşyndan ýanaşýan territoriýalaryň aýratynlygy dürli ululykdaky we çuňlukdaky howuzlaryň bolmagyndan ybaratdyr. Olaryň ählisi kremlniň girelgeleriniň garşysynda ýerleşýär. Kremlniň daşy gurşap alan ybadathanalar we howuzlar ýene-de bir dörtburçluk görnüşindäki goranyş diwarlaryna birleşdirilipdir. Şol diwarlar hem kreml diwarlary, gönüburçly minaralar bilen berkidilipdir (bu daşky diwarlaryň her biriniň uzynlygy 180 metre barabardyr). Çak edilşi ýaly, bu diwar kremlniň birinji goranyş liniýasy bolupdyr.

Kare monumental diwarlaryň daşynda ybadathanalar hem ýerleşýär. Günorta fasadyň aýratynlygy iki sany howuz ulgamynyň bolmagyndan ybaratdyr. Esasy howzuň (günbatardan gündogara 180 metr we demirgazykdan günorta 85 metr) kenarlarynda demirgazyk we günorta suw ybadathanalary ýerleşýär. Kiçi günorta howzuň içinde ýörite arassalaýyş desgasy (özboluşly filtr) bolupdyr, biz entek oňa gaýdyp geleris. Esasy howzuň günorta-gündogar kenarynyň golaýynda hökümdaryň ilkinji köşgüniň harabalary tapyldy. Hökümdar şol ýerde toplумыň kreml böleginiň gurlan ýyllarynda ýaşapdyr. Şol birinji köşgüň has golaýynda, howzuň gündogar kenarynda patyşa gonamçylygy ýerleşipdir. Bu gonamçylykdan, çak edilşi ýaly, Goñruň ilkinji hökümdarlaryna degişli bolan ýedi sany mazar tapyldy.

Diwaryň demirgazyk ýüz tarapy hut şol ýerde toplumuň esasy girelgesiniň ýerleşendigi bilen tapawutlanýar. Onuň öňünde hem howuz gurlupdyr. Özi-de, şol howzuň ýerleşşi adamlara bölekleyin ýa-da doly täret etmän, toplумыň içine girmäge mümkinçilik bermeýär. Göz öňüne getirilişi ýaly, bu bölegiň esasy desgasy ybadathanadyr, has takygy köpçülikleýin naharlanylş toplumydyr. Ol özüne ýatlanyp geçilen howuzdan başga-da, ýene-de iki howzy birleşdirýär (olaryň birinjisi öňki howzuň demirgazyk-gündogarynda, ikinjisi bolsa kareniniň demirgazyk-günbatar çüňkünde ýerleşýär). Ýörite desgalar, köpçülikleýin naharlanylş meýdançasý we patyşa ybadathanasy oňa girmeyär.

Kareniň daşyndaky territoriýada, günbatarda Mitranyň gün ybadathanasy ýerleşýär, günortadan oňa Goñurda biraz gijräk gurlan soma-haoma ybadathanalarynyň biri birleşýär. Toplумыň gündogar bölegindäki, kareniniň daşyndaky desgalar saklanyp galmandyr. Iň soňky gurlan dördünji ot ybadathanasynyň jaýlarynyň kare goranyş diwarlaryny «böwsüp», häzirki takyra çykandygyny aýtmak bolar. Sanalyp geçilen ybadathana desgalary we howuzlar ýene-de bir, üçünji – çig kerpiçden gurlan sowma diwar bilen gurşalyp alnypdyr. Ýöne bu diwar goranyş funksiýasyny ýerine ýetirip bilmändir, onuň hiç hili minarasy bolmandyr we örän ýuka (bary-ýogy ýarym metr) bolupdyr. Hut ýukalygy sebäpli, ol iç tarapdan kerpiçden gurlan gyraňly çyngytlar bilen berkidilipdir. Olar diwaryň ýykylmagyna ýol bermändirler. Mundan başga-da, toplумыň beýleki iki diwaryndan tapawutlylykda, aýlanyp gidýän diwar birnäçe gezek täzeden gurlupdyr. Onuň bölekleriniň gurluşy (mysal üçin, günortada), şeýle hem toplумыň içki bölümüne desgalaryň birnäçesini (toplумыň günortasyndaky we demirgazygyndaky bölekler) goşmak maksady bilen, bölekleriň täzeden gurulmagy muňa şaýatlyk edýär. Şol uzyn, ýöne gowşak diwaryň goranyş wezipesini däl-de, Goñur toplумыnyň mukaddes bölegini daşky aladaly dünýäden şertli aýyrmak, goramak wezipesini ýerine ýetirendigini esasy tassyklamak bolar. Diwaryň dört sany derwezesi bolup, olar biri-biriniň garşysynda ýerleşipdir. Toplумыň her tarapynda bir derweze bolupdyr. Günorta derwezesi olaryň iň ulusy we giňi bolup, arabalar ondan arkaýyn geçip bilipdirler. Bezeglidigine we uly ähmiýete eýedigine garamazdan, demirgazyk derweze örän dar bolupdyr we diňe pyýadalaryň geçmegine mümkinçilik beripdir.

Demirgazyk Goñruň umumy häsiýetlendirilen arhitekturasy eýýäm biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýyllygyň ahrynda onuň Murgabyň gadymy hanasynda täsin köşk-dini toplum bolandygyna şaýatlyk edýär **(14-nji surat)**. Ol бүрүнч eýýamynyň häzir mälim bolan monumental ýadygärlikleriniň iň ulularynyň biridir. Onuň ägirt uly territoriýasynda (25 gektar) ýaşayyş jaýlarynyň düýbünden yokdugy şol ýerde hemişe diňe Marguşyň hökümdarynyň we onuň maşgalasynyň ýaşandygyny habar berýär. Köşgüň we dini binalaryň arhitektura bitewiligi Marguş ýurdunyň ruhany patyşasý bolandygyna we özünde dünýewi hem-de dini häkimiyeti jemländigine şaýatlyk edýär.

Aslynda, Goñur ybadathanalar şäheridir. Onuň esasy wezipesi dini dessurlary berjaý etmekden ybarat bolupdyr. Ýurduň ilaty şähere diňe baýramçylyk ýa-da dini dessurlaryň berjaý edilýän günlerinde ygnanypdyr. Hökümdara, onuň maşgalasyna we ruhanylara hyzmat eden adamlaryň öýleri köşk-ybadathana toplумыnyň iň çetinde, köp halatlarda bolsa, aýlaw diwarynyň daşynda ýerleşipdir. Şol gadymy eýýamyň şeýle görnüşdäki ybadathana şäherleri entek alymlara mälim däldir. Ýöne has soňky döwürlerde olar Alyny Aziýa üçin mahsus bolupdyr. Gynansak-da, häzirki wagtda Marguş ýurdunyň iki ýüzden gowrak oturmly ýerleriniň diňe barmak бүкүп sanaýmalysynyň (Togalak-21, Togalak-1 ybadathanalarynyň, Goñurdepe toplумыnyň) adaty Ajyguýy-8 we bölekleyin, Kelleli-3 oturmly ýerleriniň üsti açyldy.

Köşk baradaky maglumatlar öňem ençeme gezek çap edilipdi. Aýdylanlaryň üstüne nämeleri goşup bolar? Eger biz onuň gurlup bolan badyna (ýagny biziň eýýamymyzdan ozalky 2300-2250-nji ýyllarda) däl-de, 600-700 ýyldan soň (ýagny biziň eýýamymyzdan ozalky 1800-1700-nji ýyllarda), nähili bolandygyny göz öňüne getirmäge synanyşsак, köp ýerde uly yangynyň galdyran yzларыny göreris. Şol heläkçilikli wakanyň subutnamalary köşgüň ähli jaýlarynda, hatda soňuna çenli ýanyp gutarmadyk

tagt zalynda hem saklanyp galyppdyr. Tagt zalyňyň aşak gaçan üçegi uzynlygy 6 metre golaý bolan pürsün (binanyň üstüne ýapylýan agajyň ýa-da sütüniň bölegi bolmagy mümkin) üstüni toprak bilen gömüpdür we onuň doly ýanmagyna maý bermändir. Ýangyn mahalynda kömre öwürülmegi netijesinde şol pürs saklanyp galyppdyr. Ýangynyň sebäpleri bize mälim däldir. Ýangynyň weýrançylykly bolandygyna garamazdan, köşgüň täzededen öňki plan boýunça gurlandygyny nazara alsañ, ýangyn içki bulagaýlyklaryň birinde bolana meňzeýär. Şonda ýönekeý marguşlylaryň köşk-ybadathana toplumyna girip, oňa ot berendiklerini we talandyklaryny çaklamak bolar. Şonuň üçin hem köşk gaýtadan dikeldilen mahalynda, onuň goranyş ukybyny güýçlendirmäge aýratyn üns berlen bolmagy mümkin. Mysal üçin, esasy girelgäniň öňünde iki sany parallel diwar gömüşinde öňüni alyş goranyş desgasy gurlupdyr. Soňra şol diwarlar öwürüm edip, birek-bireginiň garşysyna gaýdyrlar. Olaryň arasynda diňe ini bir metre çenli bolan darajyk geçelge galýar. Munuň özi belli bir derejede duşmanyň içerik girmegini kynlaşdyrypdyr. Şu maksat bilen kreml diwarlarynyň daşky tarapyna goşmaça kerpiç örülipdir, minaralar bolsa abatlanypdyr we bölekleyin täzededen gurlupdyr. Abatlaýyş işleri geçirilenden soň, köşk belli bir döwürde özüniň öňki wezipesini ýerine ýetiripdir, ýöne köp wagt geçmänkä-de, doly taşlanypdyr. Ýene-de iki ýüz ýyl geçer we takmynan, biziň eýýamymyzdan ozalky II müňýyllygyň ortasynda bir mahalky uly köşkleriň, ybadathanalaryň, ot altarlarynyň we giň meýdanlaryň omunda diňe ozalky kuwwatly diwarlaryň harabalary galar we garamaýak marguşlylaryň – şol ýerleriň iň soňky ýaşajylarynyň kübeleri peýda bolar. Gün-güzeranyny zordan aýlaýan ýönekeý marguşlylaryň özleriniň ähli emlägini alyp, Murgabyň ugruny üýtgedýän akymynyň yzyna düşüp, günbatara, çaklanlyşy ýaly, Togalak oazisine tarap giden has gurpuly ata-babalarynyňky (elbetde, ilkinji nobatda, hökümdarlar) ýaly mümkinçilikleri bolmandyr.

Indi bolsa, dünýäniň şol döwürdäki iri medeni merkezleri bilen deňeşdirilende, Goňruň nähili bolandygyny göz öňüne getirmäge synanyşalyň. Biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýyllygyň ahyrynda dünýäniň şu böleginde, ilkinji siwilizasiýalaryň demirgazyk künjeginde entek şeýle monumental köşkler bolmandyr. Şonuň üçin hem Goňur köşgi häzir Merkezi Aziýany öwrenýän arheologlara mälim bolan köşkleriň iň gadymysydyr we iň ulusydyr. Ol ýerleşşi boýunça-da, jaýlarynyň bezegi we ýerine ýetirýän wezipesi boýunça-da Gadymy Gündogaryň öňdebaryjy merkezleriniň şunuň ýaly desgalaryndan pes durmaýar. Goňur köşgi täsin we özboluşly bolsa-da, onuň Alynky Aziýanyň we Ortaýer deňziniň, hususan-da, grek monumental arhitekturasy bilen, gürrüňsiz, meňzeş taraplary bardyr. «Kör penjireler» diýlip atlandyrylýan, gapdal taraplary diş-diş bolan diwardaky oýuklar muňa şaýatlyk edýär. Jemgyýetçilik binalarynyň aýratyn jaýlary şeýle oýuklar bilen üpjün edilendir. Jaýlaryň dabara girelgeleriniň aýratyn bezegi hem muny ýatladýar: olar ortasynda sütünler bolan (belki, birnäçe gapysy bolan) giň pessejik bosagalar bilen üpjün edilipdir. Meňzeşligiň beýleki möhüm alamatlarynyň arasynda «kör penjireler» ýaly **(15-nji surat)**, dabara zallarynyň burçlarynda potologa çenli çekilen darajyk oýuklaryň edilmegi, «tagt» oýugynyň diwaryň okundan çep tarapa süýşmegi, şeýle hem näme üçin niýetlenendigi belli bolmadyk, arheologiya dilinde «keliýler» diýlip atlandyrylýan aýratyn jaýlaryň bolmagy ýaly aýratynlyklar bar **(16-njy surat)**.

Görnüşi ýaly, Goňur köşgi yerli binagärler tarapyndan döredilipdir. Olar öz tejribesinden başga-da, alysdaky Günbatardan göçüp gelenleriň «arhitektura mirasyny» işjeň ulanypdyrlar. Kreml diwarynyň daşynda gurlan monumental desgalar bu çaklamany doly tassyklaýar.

9

53-nji sahypada:
Goňruň köşk-
ybadathana
toplumy. Plan.

На стр.53:
дворцово-
храмовый
комплекс Гонур.
План.

On page 53:
Palace-and-temple
complex of Gonur.
Plan.

Глава вторая Дворцово-храмовый ансамбль Гонура

10
Kremlin
ambrazuraly
diwarynyň bir
bólegi.

Участок
кремлевской
стены с
амбразурами.

Section of the
citadel wall
with crenels.

ТАК ЧТО же представляли собой города страны Маргуш? Попробуем взглянуть на этот кусок земли с высоты птичьего полета (*Илл.5*), чтобы представить, каким он был четыре-пять тысяч лет назад. Широко раскинулась дельта большой реки с низкими, песчаными берегами. Ее рукава, орошающие своими живительными водами плодородные почвы, только начали обживаться человеком. На самом севере, вблизи от тех мест, где вода пропадет под толщей песков (Келлеллийский оазис), еще видны полузасыпанные руины поселений первопроходцев, пришедших сюда на несколько веков раньше из предгорий Копетдага. Ближе к замковой части дельты (Гонурский оазис) появляются живые поселки, где активно строятся жилые дома, дворцы и храмы. Наиболее оживленно в самом основании дельтового веера. Здесь трудятся тысячи рабочих, мастеров, архитекторов. Ими руководят начальники, жрецы читают молитвы и возносят жертвы богам.

На алтарях уже построенных святилищ пылает огонь. Большой бассейн, открытый за пределами крепостной стены дворцово-храмового комплекса, с помощью специального гидроузла наполняется водами одного из протоков Мургаба. Вокруг много деревьев, которые используются для сооружения перекрытий зданий, изготовления колес и сидений повозок, домашней утвари, древков копий и массы других предметов. Но древесина недолговечна, и до наших дней ничего этого не сохранится: только чудом уцелевшая деревянная рукоятка ножа, пропитавшись окислами бронзы, попадет в руки археологов, а ее лабораторный анализ позволит установить даже породу дерева - это оказалась груша! На незанятых посевами участках сушатся на солнце бескрайние ряды кирпичей, изготовленных из

хорошо промешанной глины с добавлением растительных остатков (*Илл.6*). Кирпичи – прямоугольные, крупные (43-45 см длиной, 20-25 см шириной и 10-15 см толщиной). Уже готовые строительные материалы грузятся на четырехколесные повозки и отвозятся к местам строительства, где умелые мастера выкладывают из них стены монументальных общественных зданий, резиденции правителя и незатейливых жилых построек.

Землепашцы обрабатывают поля, засевая их пшеницей и ячменем, скотоводы следят за безопасностью тучных стад баранов, коз, верблюдов, коров и свиней. В хозяйстве правителя и главных военачальников есть и лошади, и ослы. Из дальних краев, преимущественно с юго-западных гор, ныне именуемых Копетдагом, к этим местам идут караваны с камнем, который совершенно отсутствует в песчаной местности. Везут они и заготовки выплавленной в тех же горах меди. В специальных местах устроены мастерские, где отливаются медные тяпки для обработки полей, серпы для сбора урожая, персональные печати-амулеты, оттиски которых должны отгонять злых духов от имущества и запасов их владельцев, разного рода инструменты... Страна живет, принимая новых переселенцев, и люди, нашедшие здесь свою обетованную землю, обживают великую Мургабскую равнину.

Обратим теперь особое внимание на планировку столичного поселения, руины которого, как уже отмечалось, ныне называются Гонур депе, тем более, что сверху это сделать легче, чем находясь на земле (*Илл.7*). Судя по расположению Гонура, будущие правители страны Мургаб по достоинству оценили стратегическое значение этого места. Отсюда можно было легко регулировать подачу воды (и при необходимости даже перекрывать ее) и тем самым держать под контролем поселения всей ирригационной сети, расположенной к северу, а значит, и регулировать всю общественную жизнь маргушцев.

Если мы сегодня посмотрим на Гонур с борта вертолета, то увидим несколько отдельных комплексов уже раскопанных зданий. Самый крупный из них, получивший у археологов название Северный Гонур, является и самым ранним (*Илл.8*). Он представляет собой сложный ансамбль дворца и храмовых построек, начало сооружения которых относится, как показывает множество радиоуглеродных дат, к 2300-2250 годам до н.э. В 200-250 метрах к западу от этого центрального ансамбля мы сначала обнаружили, а к 2002 году полностью раскопали большой городской некрополь, где захоронения проводились начиная со времени появления первых поселенцев и до середины II тысячелетия до н.э. Приблизительно на таком же расстоянии от центра к югу в начале II тысячелетия до н.э. было начато сооружение священного участка, именуемого *теменос*. Мы выяснили, что полностью этот комплекс достроен не был. В связи с тем, что русло Мургаба постепенно смещалось на запад, вода со временем покинула эти места. Ушли вслед за ней и люди.

Взглянем теперь на центральную часть Гонура (*Илл.9*). Прежде всего обратим внимание на правильную планировку всех частей комплекса, большую (до полутора метров) ширину стен монументальных зданий, точную ориентацию ансамбля по странам света,

11

Kremlin minaralarynyň birindäki iki kameraly peç.

Двухкамерная печь в одной из башен кремля.

Two-chambered furnace in one of the citadel's towers.

а самое главное, на то, что стены всех основных построек стоят на материке, то есть девственно чистом грунте. О чем это говорит? Прежде всего, о наличии единого плана, по которому они возводились, причем строительство велось не частями, а одновременно поднимался весь комплекс. И еще одно попутное замечание. Все здания страны Маргуш были сложены из сырцовых блоков, хотя маргушцы знали и умели обжигать кирпичи (на Гонуре найдено несколько их скоплений). По-видимому, глиняные дома в древности, как и тысячи лет спустя, были весьма удобны в этих краях. При достаточной толщине сырцовых стен внутренние помещения в зной хорошо сохраняют прохладу, а в холодные зимние дни – тепло.

Итак, в центре Северного Гонура зодчие Древней Маргианы поместили обширный, почти квадратной формы, кремль с мощными оборонительными стенами, усиленными боевыми башнями (длина каждой из сторон этого кремля составляет 115-120 метров). По всему периметру кремлевские стены опоясаны стреловидными амбразурами точно такой же треугольной конфигурации,

как и расчищенные во дворце города Угарит в Древней Сирии (Илл.10). Там такие же амбразуры тоже расположены на уровне глаз стоящего человека. Внутри стен тянется коридор, имеющий проходы во все башни. Каждый фасад кремлевской стены имеет по четыре прямоугольные башни, лишь на восточной стене их пять. Во всех этих башнях, также как и в угловых, устроены печи, сложная конструкция которых говорит о том, что вряд ли они были предназначены исключительно для обогрева помещения, где мог находиться караул (Илл.11). Больше оснований допустить, что поскольку весь комплекс имел не только административное, но и религиозное назначение, эти печи могли использоваться для принесения жертв или возжигания священного огня в особые дни или часы.

Центральное место в кремле занимает монументальный дворец сложной планировки, имеющий парадные залы (Илл.12), жилые апартаменты правителя и его семьи, хозяйственные постройки, ритуальные комплексы и прочие помещения и дворы, описанию которых посвящены отдельные главы в моих предыдущих книгах. Напомню лишь, что кремлевские стены имели четыре входа, четко ориентированные по странам света. Центральный, парадный вход был устроен с севера (Илл.13). Восточный вход вел в **храм огня**, непосредственно примыкавший к восточной части стены. Через западный и южный входы правитель, его семья, приближенные, жрецы могли попасть в помещения соответственно западного и южного **храмов жертвоприношений**.

Особенностью территорий, непосредственно прилегавших к кремлевским стенам снаружи, является наличие бассейнов разных размеров и глубины. Все они расположены прямо напротив входов в кремль. Храмовые постройки и бассейны, окружавшие стены кремля, включены еще в одно, практически квадратное каре оборонительных стен, усиленных так же, как и кремлевская стена, прямоугольными башнями (длина каждой из этих внешних стен составляет 180 метров). Эта стена представляла собой, судя по всему, первую линию обороны кремля.

За пределами монументальных стен каре расположены также храмовые постройки. Особенностью южного фасада является на-

12

Koşgün kabul edişlikler zaly diwarlar konserwirlenenden soň

Аудиенц-зал дворца после консервации стен.

Audience-hall of the palace after the walls' conservation.

личие системы из двух бассейнов: огромного (180 метров с запада на восток и 85 метров с севера на юг) главного бассейна, на берегах которого размещаются **северный и южный храмы воды**, и малого южного бассейна, внутри которого располагалось специальное очистное сооружение (своеобразный фильтр), к которому мы еще вернемся. Около юго-восточного края главного бассейна найдены руины первого дворца правителя, где тот, предположительно, жил в те годы, когда возводилась кремлевская часть комплекса. В непосредственной близости от этого первого дворца, на восточном берегу бассейна, располагался **царский некрополь**, где обнаружено семь гробниц, предположительно принадлежавших первым правителям Гонура.

Северный фасад отличается тем, что именно там расположен главный вход в ансамбль. Непосредственно перед ним тоже устроен бассейн, причем таким образом, что пройти внутрь комплекса нельзя, не совершив частичного или полного омовения. Как представляется, главным сооружением этой части является храм, а точнее, **комплекс общественных трапез**, включающий, кроме упомянутого бассейна, еще два (один к северо-востоку от первого, а второй – около северо-западного угла каре). Сюда не входят специальные постройки, площадь общественных трапез и так называемое **царское святилище**.

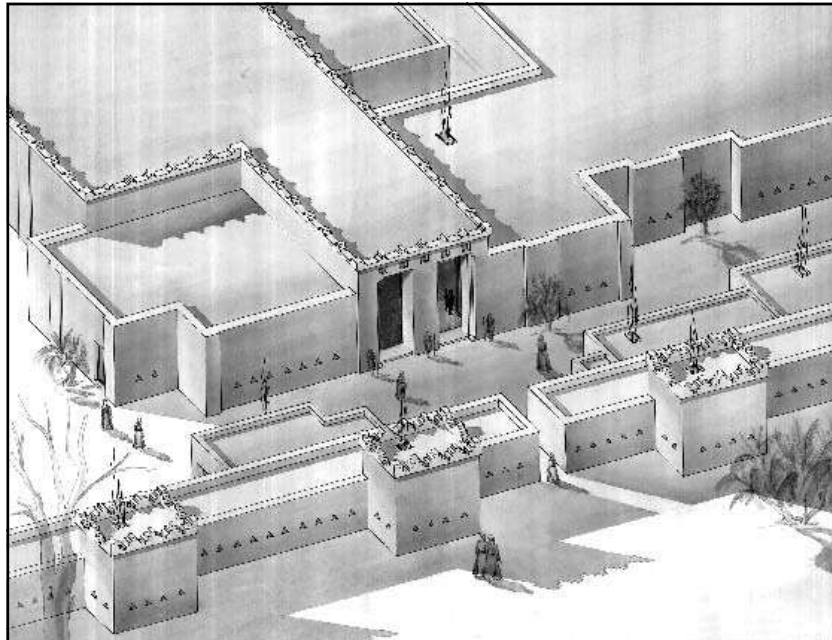
Территория за пределами каре с запада занята **соляным храмом Митры**, к которому с юга примыкает **храм сомы-хаомы**, построенный несколько позднее одного из самых ранних на Гонуре аналогичных храмов. Постройки в восточной части комплекса за пределами каре практически не сохранились. С уверенностью можно лишь утверждать, что помещения последнего по времени строительства и четвертого по счету храма огня «перехлестнули»

13

Goñur köşgüniñ esasy girelesiniñ grafiki taýdan dikeldişi.

Графическая реконструкция парадного входа во дворец Гонура.

Graphic reconstruction of the front access door to the Gonur palace.

58

оборонительные стены каре и вышли практически на современный такыр.

Перечисленные храмовые строения и бассейны окружены еще одной, третьей – обводной стеной из сырцового кирпича. Но эта стена не могла выполнять оборонительные функции, так как не имела никаких башен и была очень тонкой (всего около полуметра). Именно из-за своей малой толщины она на всем протяжении укреплена кирпичными пилястрами с внутренней стороны, которые не позволяли ей обрушиться. Кроме того, в отличие от двух других стен комплекса, окружная стена не раз перестраивалась, о чем свидетельствует факт устройства ее частей (например, на юге) – на толстом слое культурных остатков, а не на материке, а также переустройство фрагментов с той целью, чтобы включить внутрь комплекса ряд строений (фрагменты на юге и севере ансамбля). Можно обоснованно утверждать, что задачей этой протяженной, но слабой стены было не защитить, а только условно отделить, оградить священную часть гонурского ансамбля от окружающего суетного мира. Стена имела четверо ворот, расположенных друг против друга по одному с каждой стороны ансамбля. Самыми широкими, в которые могла проехать повозка, были южные. Несмотря на парадность и безусловно главное значение, северные ворота были очень узкими и позволяли пройти внутрь только пешему человеку.

Обрисованная в общих чертах архитектура Северного Гонура свидетельствует о том, что уже в конце III тысячелетия до н.э. он представлял собой уникальный дворцово-культурный комплекс в дельте Мургаба – крупнейший среди всех ныне известных монументальных памятников эпохи бронзы (**Илл. 14**). Полное отсутствие на всей его огромной (более 25 гектаров) территории жилых построек говорит о том, что здесь постоянно жили только правитель Маргианы и его семья. Архитектурное единство дворца и культовых построек может указывать нам на то, что правитель страны Маргуш был царем-жрецом и олицетворял собой и светскую, и религиозную власть.

В сущности, Гонур – это храмовый город, главная функция которого заключалась в отправлении религиозных культов, и где население страны собиралось лишь в определенные праздничные или ритуальные дни. Жилища людей, обслуживавших правителя, его семью и жрецов, находились на крайней периферии дворцово-храмового комплекса, а в большинстве своем – далеко за пределами окружной стены. Подобного типа храмовые города той далекой эпохи ученым пока не известны. Но в более позднее время они стали типичны для Передней Азии. Остается только сожалеть, что в настоящее время из более чем двухсот поселений страны Маргуш раскопаны пока только единицы (храмы Тоголок-21, Тоголок-1, комплекс Гонур-депе, рядовое поселение Аджи-Куи-8 и, частично, Келлели-3).

Подробные описания дворца уже не раз публиковались. Что можно добавить к сказанному? Если мы попытаемся представить, каким он был не сразу после его строительства (то есть в 2300-2250 гг. до н.э.), а через 600-700 лет (т.е. в 1800-1700 гг. до н.э.), то увидим во многих местах следы грандиозного пожара. Свидетельства этого катастрофического события отмечаются практически во всех поме-

14

60-61-nji sahypada: Goñruiñ köşkybadathana toplumy. Oñki hatarda – ot ybadathanasy.

На стр. 60-61: Дворцово-храмовый комплекс Гонура. На переднем плане – храм огня.

On pages 60-61: Palace-and-temple complex of Gonur. The fire temple in the foreground.

59

Goňur köşgüniň konserwirlenen diwarlary.

Законсервированные стены гонурского дворца.

Walls of the Gonur palace under conservation.

щениях дворца, даже в не до конца сгоревшем тронном зале, где упавшая кровля присыпала и не дала полностью сгореть деревянной балке длиной почти 6 метров (возможно, фрагменту перекрытия или колонны), сохранившейся благодаря тому, что во время пожара она сильно обуглилась. Причина пожара нам не известна. Учитывая, что несмотря на его катастрофические последствия, дворец был отстроен заново по прежнему плану, видимо, пожар случился во время одной из внутренних смут, когда восставшие рядовые маргущцы ворвались в дворцово-храмовый комплекс, сожгли его и, возможно, разграбили. Вероятно, поэтому при восстановлении дворца особое внимание было уделено усилению его обороноспособности. Так, перед главным входом сделано предвратное оборонительное сооружение в виде двух параллельных стен, которые затем, повернув под прямым углом, идут навстречу друг другу, оставляя лишь узкий проход (менее одного метра шириной), что до определенной степени могло затруднить проникновение неприятеля. С этой же целью кремлевские стены с внешней стороны были одеты в дополнительные кирпичные «рубашки», а башни отремонтированы и частично перестроены. После ремонта дворец еще какое-то время продолжал выполнять свои прежние функции, но вскоре был полностью заброшен. Пройдет еще лет двести, и примерно в середине II тысячелетия до н.э. на месте некогда величественных дворцов, храмов, пылающих алтарей огня и просторных площадей останутся лишь руины былых мощных стен и вырастут лачуги бедных маргущцев – последних обитателей этих мест. Они уже не имели тех возможностей, как их более состоятельные предки (в первую очередь, конечно, правящая верхушка), которые, собрав все свое

имущество, ушли вслед за отступающей водой Мургаба на Запад, предположительно в Тоголокский оазис.

Постараемся теперь оценить, что же представлял собой Гонур в сравнении с крупными культурными центрами тогдашнего мира. В конце III тысячелетия до н.э. в этой части света, на северной периферии первых цивилизаций, еще не было таких монументальных дворцов, поэтому гонурский – самый старый и самый крупный из числа тех, что известны ныне археологам, изучающим Центральную Азию. Ни по планировке, ни по своему оформлению и назначению помещений он не уступает аналогичным постройкам передовых центров Древнего Востока. При всей своей оригинальности и самобытности дворец Гонура имеет бесспорные черты сходства с монументальной архитектурой Передней Азии и Средиземноморья, в частности с греческой. Об этом говорят так называемые «слепые окна» – широкие стальные ниши с зубчатыми боковыми сторонами (Илл. 15). Такими нишами снабжались особые помещения общественных зданий. Об этом же напоминает и особое оформление парадных входов в помещения: они снабжались широкими низкими порогами с колонной посередине (а, возможно, и двумя парами дверей); среди других важных признаков сходства – устройство узких, как и «слепые окна», протянутых до потолка ниш по углам парадных залов; смещение «тронной» ниши от оси стены в левую сторону, а также наличие особых помещений, не ясно для чего предназначенных, именуемых на археологическом жаргоне «кельями» (Илл. 16).

По всей видимости, гонурский дворец представлял собой творение местных зодчих, которые, кроме своего опыта, активно использовали «архитектурную память» переселенцев с далекого Запада. Этот вывод еще больше подтверждают монументальные сооружения, воздвигнутые за пределами кремлевской стены.

15

Kör penjireler gazuw-agtaryş işlerinden soň.

«Слепые» окна после раскопок.

«Blind» window after excavations.

Chapter 2

The Palace and Cult Ensemble of Gonur

WHAT did the cities of the ancient country of Mouru that until recently seemed to be hidden forever under the sand hills (barkhans) of the present Kara Kum desert look like? (Fig.5) Let us imagine what the alert eye of an eagle could have seen some four thousand years ago. Spread out below was the delta of a big river with low sandy banks. Men began to inhabit its branches that richly watered the fertile lands. On the very Northern point near where the water disappears under thick sands (the present Kellely oasis) the eagle's eye could still see the semi-covered ruins of settlements that had been built by those who several thousand years ago had come from the piedmont zone of the Kopet Dagh. Closer to the key-point of the river delta (the present Gonur oasis) people had begun to build settlements, houses, palaces and temples. A most active life is recorded in the very base of the delta fan where thousand of workers, technicians and architects are working hard. They are supervised by their bosses, while the priests pray and worship gods. In the temples that have already been built the fire is burning in fire altars (Fig.6). The forced migrants were the first to enter these territories that earlier had been inhabited only by wild animals. Their main ruler is now sitting and watching their work from a point on the southern bank of a basin that was quickly built and through a special engineering system was filled with water from one of the branches of the Murgab River.

Besides the fertile lands the area is also rich in wood that is used for building roofs, making wheels and seats of carts, and various housewares. In the uncultivated areas endless rows of bricks are drying in the sunlight to be used for construction later. The large rectangular bricks (43-45 cm long, 20-25 cm wide and 10-15 cm thick) are made of clay that had been well mixed with small plant particles and straw. The ready construction material is loaded on four-wheeled carts and transported to construction sites where well qualified master builders use them for building communal buildings, palaces and simple living quarters.

Farmers plough fields and sow them with wheat and barley, shepherds watch the safety of fat herds of sheep, goats, camel, cows and pigs. There are horses and some donkeys at the farms that belong to the ruler and high ranking military men. From faraway places, mainly from the south-western mountains known presently as the Kopet-Dagh come caravans with stone that is completely lacking in this sandy area, as well as with copper that has already been melted on the spot, in the mountains. In special places there are workshops in which copper-bronze tools for cultivation of fields

as well as sickles for harvesting of crops are produced. In these workshops they also made various other instruments as well as seals, the imprints of which should keep the evil spirits off the property and supplies of their owner. The country is prospering, the tribes that came from the faraway places gradually and steadily inhabit the great Murgab plain.

One should pay special attention to the plan of the capital settlement whose ruins the contemporary people call Gonur Depe (Gray Hill) (Fig.7). The real name of this temple city that has concentrated the administrative and religious power of the country of Mouru remains unknown. One only hopes that this will be solved by future generations of researchers who would carefully study not only artifacts but also the archives that will be found in the years to come.

The location of Gonur suggests that the leaders of the country of Murgab estimated its true worth to be the strategic value of this place. From here one could easily regulate the water supply (or seize it in case of necessity) thus having under their control not only all the settlements of this irrigated zone but consequently the situation in the whole country (Fig.8). If nowadays we look at Gonur Depe from the same height as the noble eagle who was flying there four thousand years ago we shall see separate construction complexes. The largest, which archaeologists call North Gonur, is the most ancient. It represents a complex consisting of a palace and temple buildings that according to numerous radiocarbon data was built in 2300-2250 B.C. To the West of this central ensemble at a distance of 200-250 m archaeologists found a large necropolis where burials began in the time of the first colonists and lasted up to the middle of the second mil.B.C. The necropolis was fully excavated by 2002. At approximately the same distance from the center in the southern direction, at the beginning of the second mil.B.C., the construction of a temenos (sacred area) was started but not completed. Since the bed of the Murgab river was gradually moving westward and the area was left waterless, the people also left these areas.

Let us survey the central section of Gonur (Fig.9). First of all it strikes us with the accurate planning of all parts of the complex, the wide walls (up to 1,5 m) of the monumental buildings, the precise orientation to the four cardinal points. But most important is that the walls of main buildings rest on virgin soil. All these facts testify that from the very beginning the whole complex was thought of as one ensemble and built according to one single plan. Also it is remarkable that all the buildings of the Mouru country were built of raw bricks though the people who lived there knew the production of fired bricks (several piles of fired bricks were found at Gonur). The fact of the matter is that buildings constructed of raw bricks stay cool in summer and warm in winter and it is for this very reason this tradition is still alive.

In the center of North Gonur the ancient architects of Margiana built a large kremlin square in shape with strong defensive walls (each 120 m long) that were strengthened with military towers. Along the entire perimeter of the kremlin walls at the eye level of a standing man, arrow-

shaped embrasures were located (**Fig.10**). Inside the walls is a corridor with passages to each tower. Four rectangular towers are placed along each of the kremlin walls except the eastern one where there are five towers. All the towers including the corner ones, also rectangular, had hearths of a complex construction. This leads one to suggest that they were not used only for warming the guards that supposedly made their rounds along the corridor but also for religious purposes when on some special occasions they could prepare sacrifices or just burn sacred fire in these hearths (**Fig.11**).

The central area in the kremlin is occupied by a monumental palace in a complex design with ceremonial halls (**Fig.12**), living quarters for the ruler and his family, subsidiary premises, ritual complexes and so on. The four passages of the kremlin walls were strictly oriented to the four cardinal points. On the North was a central, ceremonial entrance (**Fig.13**). The eastern passage led to **the Temple of Fire** that was located right at the eastern wall. Through the western and southern passages a ruler, members of his family, and priests could go to **the Western or Southern Temples of Sacrifices**. In the area outside the kremlin just opposite the northern, western and southern entrances to the kremlin there were pools of various sizes and depths. The temple buildings, the pools and the kremlin itself were surrounded by another defensive wall in the form of a square that like the kremlin wall also had rectangular towers (each wall was 180 m long). This wall seems to be the first defensive wall of the kremlin.

Temple buildings were also located outside the strong walls of the square. At the southern wall of the square a system of two pools was unearthed: the main large pool (180m long from the West to East and 85 m - from the North to South) with the buildings of **the Northern and Southern Temples of Water** located along its shore and a small southern pool with a special purification system (a sort of a filter) that will be described later. Near the south-eastern side of the main pool there were ruins of the first temporary temple of a ruler where he presumably lived while the kremlin of the complex was under construction. Very close to this first palace on the eastern bank of the pool **a royal necropolis** was found with seven tombs that most likely belonged to the first rulers of Gonur.

The main entrance to the kremlin is located on the northern wall. Right in front of it was another pool located in such a way that one could not get into the complex without making either partial or complete ablutions. One could surmise that here the main construction was the Temple or more precisely **a complex of Communal Eating** that besides the already mentioned pool included two more pools (one to the North-East of the first mentioned pool and the second - near the North-Western corner of the square), alongside special buildings, «a square of communal eating» and the so called **royal sanctuary** that will be discussed later. On the West the area outside the square was occupied by the so called

Solar Temple of Mitra and on the South of it is a temple that is presumed to have been **the Temple of Soma-Haoma**. In the eastern part of the kremlin outside the square there are practically no signs of buildings and since the present surface represents the sandy virgin soil one may assume that the area has never been built. One can only state that the last construction which represented the fourth Temple of Fire «overlapped» the defensive walls of the square and occupied practically the whole present day plain.

All the temple buildings and pools mentioned above were surrounded by a third circular wall made of raw bricks. The wall was very thin (about half a meter); it had no towers and obviously had no defensive functions. To avoid the collapse of the fragile walls they were strengthened by brick pilasters. Also, unlike the two other walls of the complex, this surrounding wall was rebuilt more than once. Some of its sections (for example on the South) were built on top of cultural remains instead of virgin soil and some parts were rebuilt in order to include some structures (fragments on the South and North of the ensemble) into the complex. One may suggest that the purpose of the surrounding wall was to separate and guard the sacred section of the Gonur ensemble from the busy world outside. Four gates, one on each side of the wall, were located one opposite another. The southern gates were the widest and could be used for a carriage to pass through them. Though the northern gates were very narrow (about one meter wide), only wide enough for a pedestrian, they undoubtedly were the main ceremonial entrances.

The general description of the architecture of North Gonur leads one to opine that as early as the end of the third mil.B.C. it represented a unique monumental complex of palaces and temples, the largest known monuments of the Bronze Age in the ancient delta of the Murgab River (**Fig.14**). The complete absence of any living quarters in its large area (over 25 ha) leads one to assume that it was exclusively occupied by a ruler of Margiana and his family. The architectural combination of the palace and cult buildings can be interpreted as a fact that the ruler of Margiana was a king-priest who personified the secular as well as religious power. In fact, one may say that Gonur was a temple city aimed at the performance of religious rites where the population of the country assembled only on certain ceremonial or religious days. Some of the living quarters of those who served the ruler, his family and priests were located on the very outskirts of the complex while the majority of them were found behind the surrounding wall mentioned above. It is remarkable that other temple cities of this type are not yet known for the period under discussion. They were characteristic of the Near East in a later period. One may only regret that so far only a single one of more than 200 monuments of the Mouru country has been studied (temples Togolok-21, Togolok 1, Gonur Depe complex, Adji-Kui settlement and the incompletely studied complex of Kelleli-3).

16

Ot ybadathanasyndaky keliyler.

Кельи в храме огня.

Cells in the fire temple.

Detailed descriptions of the palace have been published many times. What can we add to the above-said? If we try to imagine, how it could be looked 600-700 years later after its construction was finished (i.e. 1800-1700 B.C.), we would have noticed many spots with traces of a big fire. The evidence of this catastrophe is present in practically all the chambers of the palace, even in the throne hall that has been burnt completely; as a result of its roof falling down, the wooden beam mentioned above that could be a fragment of either a ceiling or a column was saved from being burned up entirely. We do not know the reason for the fire. But if we consider the fact that after such a big fire the palace was reconstructed according to the same plan, it would seem possible that the fire occurred as a result of some action when people of Margush revolted, stormed the palace and temple complex, burnt it down and probably plundered it. It is noteworthy that when the palace was reconstructed special attention was paid to the strengthening of its defense potential. Thus, in front of the main entrance to the palace they built a defensive gate structure in the form of two parallel walls that at one point made a right-angle turn and finally met and formed a very narrow passage of less than one meter wide. Perhaps this was done in order to make the access to the palace and kremlin difficult. Having in mind the same purpose, the outside walls of the kremlin were reinforced with stone layers, and the kremlin bastions were repaired and partially reconstructed. After that the palace continued to play its functions for some time but soon was completely abandoned. If our visitor had come still 200 years later (in the middle

of the second mil.B.C.) he would have seen only the ruins of once large and beautiful palaces, temples and burning altars and instead of all the miserable dwellings of poor people of Margush, the last inhabitants of this place. Their more luckier and richer countrymen left these places with all their belongings and followed the river Murgab that was moving westwards, probably to the Togolok oasis.

One should say that the monumental palace excavated by the Margiana expedition was the first and the largest palace of this kind at the end of the third mil.B.C. Its plan and decoration are in no way inferior to any other analogous buildings of this period. But though the Gonur palace is very distinctive and original one cannot help but notice that some of its features are clearly similar to the monumental architecture of the Near East and Mediterranean, especially Greece. The features of similarity are the following: the «blind windows» mentioned above - ceremonial recessed niches characteristic of special premises of communal buildings; a special decoration of ceremonial entrances in the way of wide low thresholds with a column in the center (and, perhaps, with two pairs of doors); narrow (like «blind windows») niches in corners that led up to the ceiling of ceremonial halls; displacement of the «throne» niche from the center of the wall to the left; as well as buildings of still unclear purpose that are called «cells». It seems likely that the Gonur palace was a creation of local architects who besides their experience used also the «architectural memory» of the tribes that came to these places from the faraway West in their search for good lands. This conclusion will gain further substantiation if we observing the monumental buildings outside the kremlin walls.

Goñur köşgüniñ kabul edişlikler zaly.

Аудиенц-зал гонурского дворца.

Audience-hall in the Gonur palace.

III Bap

Kremlin töwregindäki ybadathanalar

17

Ot ybadathanasyndaky gazuw-agtaryş işleri.

Раскопки храма огня.

Excavations in the fire temple.

O T YBADATHANASY. Mukaddes ot dini ygtykaty Marguş ýurdunda sarpalanýan dessurlaryň biri bolsa gerek, çünki bu ybadathana gala diwarynyň çäginde ýerleşip, Goňurda ýaşalan döwri ençeme gezek täzeden gurlupdyr we zygiderli giňeldilipdir. Mysal üçin, arheologlara biribiriniň üstünde gurlan dört sany ybadathanany tapmak başartdy (**17-18-nji suratlar**). Olaryň iň gadymkysynyň, birinji ybadathananyň diwarlarynyň düýbi materikde tutulypdyr, iň soňky dördünji ybadathananyň (bölekleyin saklanyp galypdyr) binýady Goňruň oturymly ýeriniň gadymy böleginde ýerleşipdir. Iç tarapyndan çig kerpiç bilen örtülen we gaty ýanan, bir hatara zynjyr ýaly düzlüp gurlan dört sany kamera birinji ybadathanada esasy orny eýeleýär. Olary kerpiçden dikeldilen uzyn-tutuş diwar nätanyşlardan «gizläp saklaýar». Görşümüz ýaly, ýanan oduň tüssesine garalan äpişgesiz jaýlara diňe ruhanylar girip bilipdir. Otparazlygy öwreniji, XX asyryň meşhur alymy Meri Boýs hem muny tassyklaýar. Ol Eýranda bolan mahaly şunuň ýaly altarlara baryp görüpdir (**19-njy surat**). Görşümüz ýaly, şeýle altarlaryň gurluşy öz gözbaşlaryny müňýyllyklaryň jümmüşinden, Marguşyň köphudaýlylyk, otparazlyga çenli eýýamyndan alyp gaýdýar.

Şunuň ýaly gönüburçly altarlarda ot hemişe ýanyp durana meňzeýär. Olaryň içindäki gurum basan kerpiçler hem muňa şaýatlyk edýär. İçinden ýanan gönüburçly kameralar (ot altarlary) Marguşda gelmişek taýpalar bilen bir wagtda peýda bolýar diýip hasaplamaga doly esas bar. Olarda adaty gurban bermek dessury berjaý edilmändir-de, «baky ot» ýanypdyr. Belent, uzyn diwarlaryň aňyrsyndan çalaja görünýän şeýle gönüburçly kameralary gurmak däbi biziň eýýamymyzdan ozalky II müňýyllygyň ahyrına çenli saklanyp galýar (Togalak-21 ybadathanasy).

Ot altarlarynyň golaýynda iki sany «mukaddes külün saklanýan ýeri» ýerleşýär. Olar gönüburçly kerpiç konteýnerleri görnüşinde bolup, ýeriň astynda gazylypdyr we içi kerpiç bilen örtülipdir. Olaryň içi arassa, ak gar

ýaly hiç zat garylmaýdyk kül bilen doldurylypdyr. Çukurlaryň ikisiniň hem üsti durşuna kerpiç bilen örtülipdir. Munuň özi altarlarda oduň hemişe ýanyp durmagy netijesinde emele gelen küli Marguş ýurduň takwa ruhanylarynyň birnäçe derejä bölendiklerine şaýatlyk edýär. Olar külün iň «keramatlysyny» «gorap saklanýan ýere» döküpdirler, kömürjikler bilen hapalananlaryny bolsa (ikinci, üçünji we ş.m. derejeliler) bu ýere gelyän dindarlara paýlapdyrlar.

Altar kameralarynyň golaýynda giň, gönüburçly, podiumly kilise (106-njy jaý) ýerleşýär. Podium poldan biraz ýokaryk galdyrylyp, onuň ýüzüne gips çalypdyr. Altlaryň golaýynda ýerleşen jaýlaryň käbirinde (117, 109-njy jaýlar) urp-adat häsiýetli ikigat ojaklar bolupdyr. Olaryň arasynda biri saýlanyp dur. Ol kwadrat görnüşinde bolup, jaýyň ortasynda ýerleşýär, onuň duhowkasyna keremika düşelipdir. Munuň özi onuň aýratyn maksatlar üçin ulanylandygyny aňladýar.

Birinji ybadathana çagşandan soň, hut şol ýerde, öňki diwarlar ulanylyp, has uly ikinji ybadathana guruldy. Ikinji ybadathananyň diwarlary, bir tarapdan, karenin gündogar diwaryny ýapýar, beýleki tarapdan bolsa, burçdaky goranyş minarasyna baryp ýetýär (**20-njy surat**).

Şol binada aýratyn kiçi toplum saýlanyp dur. Onuň üsti açylan jaýlarynyň arasynda 70-nji jaý möhüm orun eýeleýär. Bu jaýyň interýeri pol bilen birlikde gips bilen suwalypdyr. Onuň günbatar diwarynyň ortasynda urp-adat häsiýetli ikigat ojak (içinde oduň çalaja zýy galypdyr) ýerleşýär. Şol ýerde iki sany «kör penjire» hem bolupdyr. Şu otag bilen galtaşýan 65-nji jaýda diwar oýuklary saklanyp galypdyr. Şol oýuklar olara ýanaşyk pol bilen birlikde ak gips bilen örtülipdir.

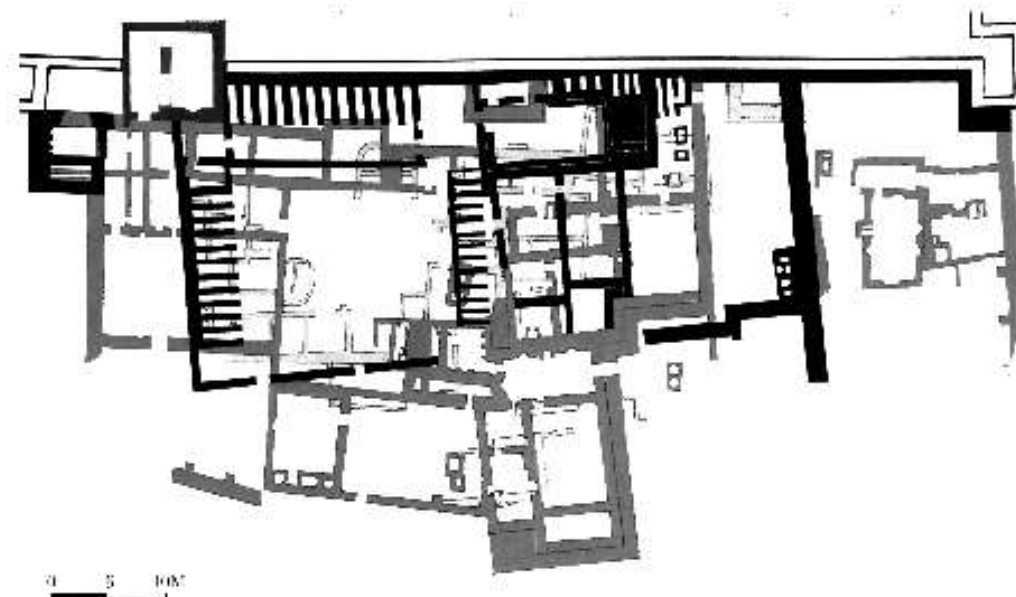
Jaýlaryň ikisiniň hem aýratyn maksatlara niýetlenendigi jedelsizdir. Olaryň ýerleşişini karenin çäklerinde toplumyň demirgazyk ýüz tarapyndaky patyşa kilisesiniň «kioskyna» çalyndaşdyr. Biz entek bu barada gürrüň ediris. Ikinji (gurlan döwri boýunça) ot ybadathanasy birinji bilen deňşdirilende, örän uly

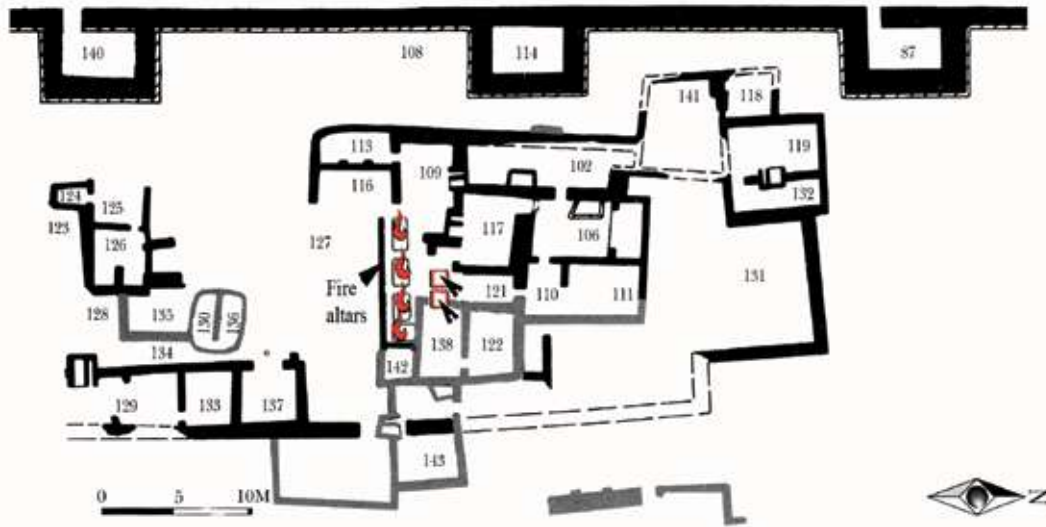
18

Demirgazyk Goňruň ot ybadathanasynyň dört eýýatyny görkezýän utgaşdyrylan plany.

Совмещенный план, отражающий четыре периода существования храма огня Северного Гонура.

A compound plan reflecting four periods of existence of the fire temple of the Northern Gonur.

19
Birinci ot
ybadathanasy.
Plan.

Первый храм
огня. План.

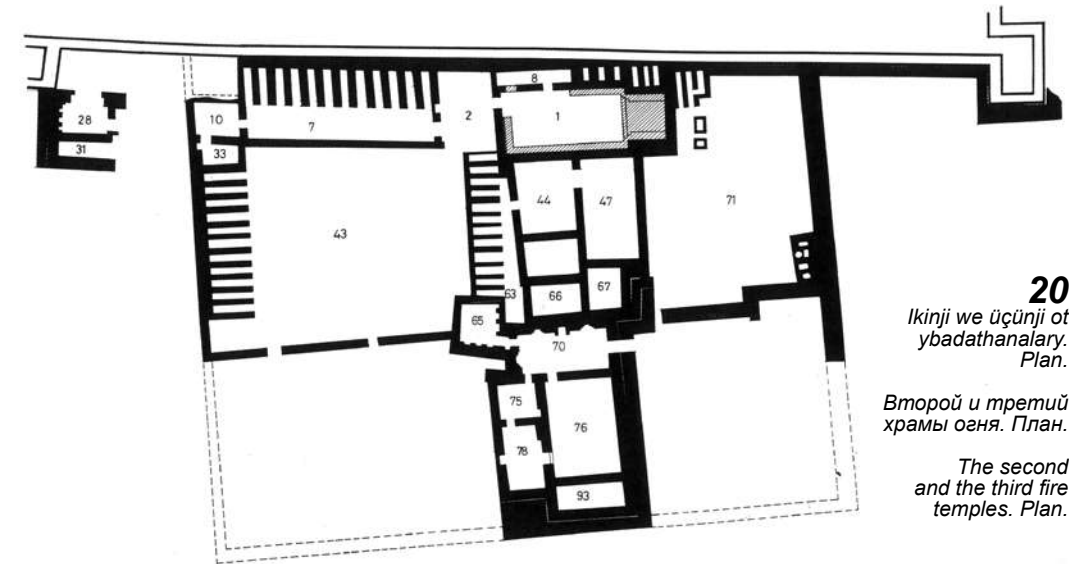
The first fire temple.
Plan.

meýdany eýeleýär. Onuň şeýle giň meýdany tutmagy ýapyk kilisäniň (100-nji jaý) kremliň agzalyp geçilen burç minarasynyň golaýynda gurlan desga bilen hem baglanyşyklydyr. Ýerleşşi boýunça bu bina gönüburçludyr, onuň interýeri «kör penjireleriň» başisi we urp-adat häsiýetli iki kameraly peçleriň ikisi bilen bezelipdir. Şol peçlerde oduň çalaja yzlary galypdyr. Ýerleşşi boýunça bina biziň eýýamymyzdan ozalky IV müňýyllyga degişli Eýranyň Godin-Depe diýen ýerindäki meşhur ybadathana, şeýle hem has soň Kiçi Aziýada Tillyada gurlan (biziň eýýamymyzdan ozalky I müňýyllygyň başy) dini dessurlary berjaý etmäge niýetlenen desga meňzeşdir. Bu meňzeşlikler müňýyllyklardan gözbaş alýan eýran-mesopotamiýa arhitektura-plan döpleriniň bolandygyna şaýatlyk edýär.

Ikinji ybadathana hem çagşap başlandan soň, ol hem üçünji ybadathananyň gurluşygy üçin platforma öwürüldi. Şol ybadathana öňküsinden düýpli tapawutlanypdyr. Ýöne, gynansak-da, oňat saklanyp galmadygy sebäpli, onuň ýerleşiş ýagdaýyny doly dikeldip bolmasa-da, onuň esasy, merkezi bölegi giň howludan ybarat bolupdyr diýmäge doly esas bar. Şol howlunyň üç tarapy «keliýler» – kremliň gündogar bölegindäki ýaly darajyk we belent bolmadyk kameralaryň birnäçesi bilen gurşalyp alnypdyr. Kremldäki ýaly bu keliýleriň hem iç tarapyna palçyk suwalypdyr we üsti umumy üçek bilen ýapypdyr. Marguşda aýratyn, dini maksatly desgalar babatda şeýle edilipdir.

Ot ybadathanasynyň gurluşygynyň ähli döwürlerinde merkezi kiçi toplumyň (65-70-nji jaýlar) hereket edendigini nygtamalydyrys.

Häzir, çak edilişi ýaly, dördünji ybadathananyň saklanyp galmadyk jaýlarynyň diwarlarynyň bölekleri görünýär. Ybadathananyň «kör penjireli» diňe bir sany jaýynyň suduryny görmek bolýar. Jürdegi öküziň kellesi görnüşinde ýasalan dini äheňli gap-gaçlaryň bölejikleri ybadathanada yzygiderli ot ýakmakdan we kül ýygnamakdan başga-da, dabaralaryň geçirilendigine şaýatlyk edýär. Haýwanlaryň (ilkinji nobatda öküzleriň) kelleleri görnüşinde bezelen jürdekler Kiçi Aziýanyň ybadathanalarynda, mysal üçin, Ynandykdepede we Anadolynyň käbir beýleki bürünç asyr ýadygärliglerinde meşhur bolupdyr.

20
Ikinji we üçünji ot
ybadathanalary.
Plan.

Второй и третий
храмы огня. План.

The second
and the third fire
temples. Plan.

GURBAN BERILÝÄN YBADATHANA. Bu toplumyň desgalary ot ybadathanasyndan belent diwar bilen bölünipdir. Munuň özi onuň aýratyn ähmiýete eýe bolandygyny ýene bir gezek nygtaýar. Gündogar ýüz tarapyndaky jaýlaryň bir bölegi kare diwarlyna seplesdirilipdir, bir bölegi bolsa kreml diwarlyndan belli bir aralykda ýerleşýär. Bu desga toplumyň günorta ýüz tarapynda dowam edip, başda günorta-gündogar kare minarasynyň, soňra bolsa günorta-günbatar minaranyň daşyndan aýlanyp geçýär we günbatar ýüz tarapy emele getirýär (**21-22-nji suratlar**).

Şol toplumyň günorta we günbatar bölekleriniň ortasynda uly bolmadyk howuzlar bolupdyr (**23-nji surat**). Olar kremliň we kareniň girelgeleriniň

golaýynda ýerleşipdir. Ýöne bu howuzlar şol ýadygärliklerde ýaşayşyň ir döwründe peýda bolmandyr. Olar bir mahallar bu ýerde galdyrylan desgalaryň diwarlarynyň bir bölegini ýykypdyr. Belki, şol howuzlar Goňurdaky ýaşayşyň iň soňky döwründe köp möçberdäki suwy ýygnamak üçin gerek bolandyr. Munuň özi suwy köp ulanmak zerurlygyny ýüze çykaran dini ygtykatlaryň üýtgemegi (ösmegi) bilen bagly bolmagy hem mümkin. Emma birinji çaklamanyň hakykatdan daşrak bolmagy mümkin, çünki faktlaryň ählisi şol howuzlar gurlandan soň, olary gurşap alan jaýlaryň ýene-de uzak wagtlap dini dessurlary berjaý etmek maksady bilen ulanylandygyna we Goňurda ýaşayşyň işjeň dowam edendigine şaýatlyk edýär.

Içinde dini maksatly ojaklary bolan jaýlaryň uzyn hatarynda günbatar ýüz tarapda biri-birine golaý ýerleşen iki sany uly altar saýlanyp dur. Olaryň ulusynyň (diametri 7 metre golaý) gündogar jaýyň içine alyp barýan basgançakly geçelgesi bar. Şol altaryň içinde, günorta diwaryň düýbünde oňat saklanyp galan dini äheňli iki gatly içdiwar ojak ýerleşýär. Onuň diwarlarynda çala ýanan oduň we tütüniň yzlary saklanyp galypdyr. Külüniň özboluşly düzüminden çen tutsaň, ojakda odunyň däl-de, haýsydyr bir hoşboý ys berýän ösümligiň ýanandygyny çaklamak bolar. Altaryň polunda Marguş üçin täsin bolan, oniksden ýasalan ýarym sfera görnüşindäki käse tapyldy. Onuň dini dessurlary berjaý etmek bilen baglanyşykly dabaralarda, şol sanda serhoş ediji içgiler içilende ulanylan bolmagy mümkin. Bu altar köp gezek täzelenipdir, onuň diwarlary palçyk bilen suwalypdyr. Ol çagşap, derde ýaramandan soň, bu ýere gelýänleriň sanynyň, degişlilikde berilýän gurbanlyklaryň artmagy sebäpli, onuň golaýynda gapdal girelgesi bolan «kiçi altar» (diametri 5 metr) gurlupdyr.

Günorta ýüz tarapda, 50-nji jaýda hem üsti açyk tegelek altar (diametri 5 metre golaý) ýerleşýär. Onuň demirgazyk böleginiň iç tarapy, 30-50 santimetr belentlikde çalaja ýanypdyr. Ýanan oduň yzlarynyň biziň 3200-nji patyşa mazaryndan tapan göçme çyralaryna meňzeş çyralaryň ulanylmagy bilen baglanyşykly bolmagy hem mümkin (24-nji surat).

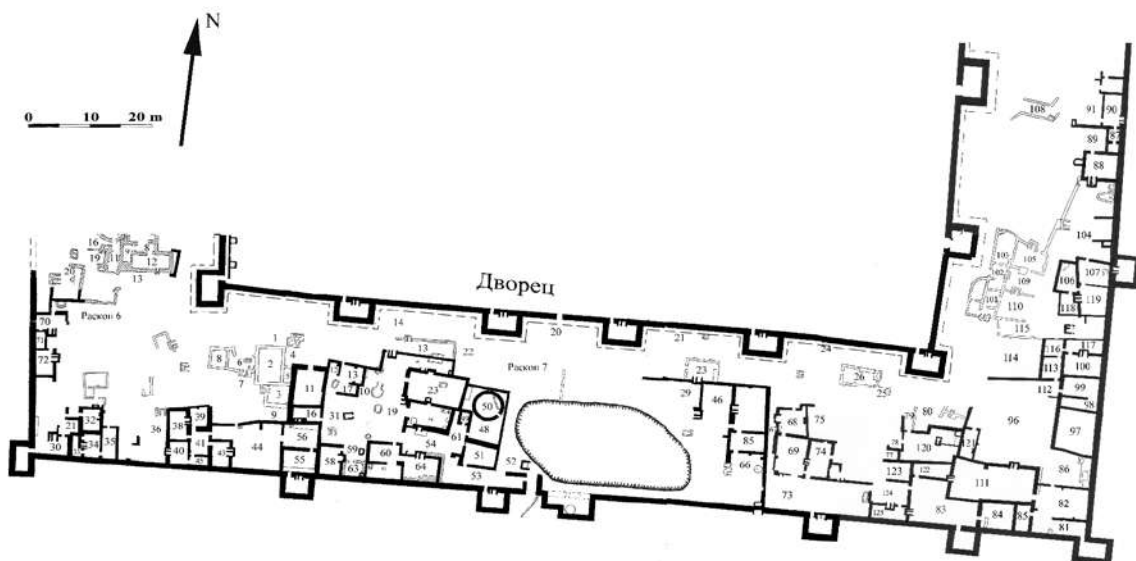
Ýokarda häsiýetlendirilen altaryň üçüsiniň hem umumy taraplary bar. Olar «açyk asmanyň astynda» gurlupdyr. Olaryň birinde ikigat dini äheňli

21

Gurban berilýän ybadathana: gündogar we günorta toplumlaryň plany.

Храм жертвоприношений: план восточного и южного комплексов.

Sacrifice temple: plan of the eastern and southern complexes.

ojak bar, beýleki ikisiniň bolsa diwarlary çalaja ýanypdyr. Otparazlyk ot dini ygtykatyna düşünmek üçin bu aýratynlyklaryň uly ähmiýeti bar. Günbatar ýüz tarapyň uly we kiçi altarlarynyň arasynda hasyllylyk sahnasy beýan edilen silindr görnüşindäki möhür we steatit güberçek (ruhanynyň daş hasasynyňky bolmagy mümkin) tapyldy (25-nji surat).

Kareniň günbatar ýüz tarapyň demirgazyk böleginde jemgyýetçilik maksatly uly gönüburçly bina ýerleşýär. Biz oňa «aýdym aýdylýan öý» diýen şertli at berdik. Şol ýerde dindarlar ýygnanyp, ruhanlylar bilen birlikde hudaýlara doga-dileg eden we gurban beren bolmaklary mümkin. Dini äheňli dabaralar we dessurlar altar meýdançalarynda, ýokarda agzalyp geçilen tegelek altarlarda geçirilipdir. Günorta ýüz tarapdaky şunuň ýaly giň jaý – «aýdym aýdylýan öý» ilki başda esasy orny eýeläpdir. Giçki döwürde şol ýerde ýatlanyp geçilen howzuň gurlan mahalynda günorta «aýdym aýdylýan öýüň» ýarysy ýykylp aýrylypdyr. Görşümüz ýaly, goranyş karesiniň çäklerindäki günbatar, günorta we bölekleyin gündogar ýüz taraplaryň ýerleşişinde umumylyklar köpdür. Köpsanly birmeňzeş dini äheňli ojaklary, jemgyýetçilik maksatly «aýdym aýdylýan öýleri», şeýle hem soňky döwre mahsus bolan, merkezi bölekde ýerleşen uly bolmadyk howuzlary şol umumylyklaryň hataryna goşmak bolar. Şol binalaryň wezipeleriniň bir bolandygyny aýtmak bolar: bu ýerde umumy gurban beriş ybadathanasy ýerleşipdir. Şol ybadathananyň jaýlarynda dini maksatly ojaklaryň bolmagy öz-özünden düşnüklidir. Mysal üçin, gadymy eýranlylaryň ynamyna görä, olary gurşap alan dünýäde perişdelere we jyn-arwahlar köp bolupdyr. Adamlaryň ruhuna eýe bolmak üçin olaryň arasynda hemişe çaknyşyklar dowam edipdir. Olara garşy durmak üçin köp gurban bermek zerur bolupdyr. Munuň özi bolsa dini äheňli ojaklaryň köp bolmagyny talap edipdir. Arheologlar tarapyndan Garagum çölünde açylan gurban berilýän ybadathana häzirikçe tutuş Ýakyn Gündogarda şunuň ýaly ýeke-täk we täsin desga bolup durýar. Ol ýerleşişiniň monumentallygy we dabaralylygy bilen tapawutlanmasa-da, özüniň ähmiýeti boýunça bu toplumyň gurban bermek däbi bilen baglanyşykly desgadygyna şübhelemese bolar.

Howuzlar gurban bermek däbiniň hökmany şerti bolupdyr. Dabara gatnaşýanlar şol howuzlarda täret edipdirler we diňe şondan soň gurban bermek dessuryny berjaý etmäge girişip bilipdirler. Dilçi alym W.Kryukowanyň pikirine görä, tämizlik däbiniň berjaý edilmegi gadymy eýran jemgyýetiniň durmuşynda aýgtylaýjy orun eýeläpdir. Demirgazyk Goňurda geçirilen gazuw-agtaryş işleriniň barşynda ýüze çykarylan köpsanly howuzlar munuň dokumental subutnamasy bolup durýar.

Irki döwürde Gurban berilýän ybadathana ýokarda agzalyp geçilen «kiçi» günorta howzuň suwuny ulanypdyr. Biraz gijräk, howzuň suwy azalandan soň, iki sany täze howuz gazylypdyr. Olara suw düzlükden uzyn drenaj akabalar ýa-da aryklar (26-njy surat) arkaly akdyrylypdyr.

«PATYŞA YBADATHANASY». Kremlin we kare diwarynyň arasyndaky demirgazyk-gündogar giňişlikde adaty durmuş maksatly jaýlar gurlupdyr. Çak edilişi ýaly, olarda şol topluma hyzmat edýän adamlar we garnizonyň esgerleri ýaşapdyr. Tapylan jaýlarda ýokarda ýatlanyp geçilen dini äheňli iki kameraly peçleriň düýbünden ýokdugy we durmuş maksatly ojaklaryň bolmagy biziň çaklamamyzy tassyklaýar. Bu desgalaryň meňzeşligi sebäpli, olar barada jikme-jik durup geçmegiň hajaty yok diýip pikir edýäris. Kareniň demirgazyk sektorynyň ikinji ýarymy örän gyzyklydyr. Ol kremlin (27-nji surat) merkezi girelgesiniň günbatarynda ýerleşýär.

22

76-nji sahypada: Gurban berilýän ybadathana: günbatar toplumyň plany.

На стр.76: храм жертвоприношений: план западного комплекса.

On page 76: Sacrifice temple: plan of the western complex.

Eger biz geçmişe dolanyp, suratlandyrylýan jaýlary biziň eýýamymyzdan ozalky 2300-2250-nji ýyllarda şol ýerde dini dessurlaryň berjaý edilýän mahalynda baryp bilsedik, onda biz dabaraly ýörişe gatnaşyjylaryň giň howludan (143-nji jaý) geçip, «patyşa ybadathanasy» **(28-29-njy surat)** diýlip şertli atlandyrylan, özüniň ýerleşşi boýunça örän gyzykly we möhüm ähmiýeti bolan bina gadam basandygyny görerdik. Bu desga kareniniň diwaryna birigýär. Ol kareniniň demirgazyk diwaryny emele getirýär. Biziň syn edýän ýörişimize gatnaşyjylar «patyşa ybadathanasynyň» jaýlarynyň palçyk we ak gips bilen suwalan polundan pessajya ýöräp, uly bolmadyk jaýlaryň hataryndan geçýär we 115-nji jaýyň girelgesiniň öňündäki zalda (129-njy jaý) saklanýar. Şol ýerde diwarlar boýunça potologa tarap uzalyp gidýän on sany «kör penjire» aýratyn dabaraly ýagdaýy döredýär. Ýokardan düşýän öçügsi ýşyk ojaýyň poluna düşelen ýumşajyk ak keçä we boýra düşege siňip gidýär. Diňe hökümdaryň iň ýakyn adamlary içerik girýärler. Ojaýyň merkezinde olar binanyň iň mukaddes ýerine – «kiosk» diýlip atlandyrylýan ýere barýarlar. Bu gönüburçly desganyň dört burçy hem ýok diýen ýaly. Olar giň we belent bolmadyk bosagalary ýatladýarlar. Ýöne «kioskyň» burçlary dört kerpiç sütüni emele getirýär. Olaryň üstünde özboluşly bassyrma gurlan bolmagy mümkin. Bosagalaryň her biriniň ortasynda merkezi sütün ýerleşýär, olaryň gapdalynda iki taraply gapylar ýerleşip bilerdi **(30-njy surat)**. «Kioskyň» şeýle ýerleşşi Goňur köşgüniň dini ygtykatly toplumynyň ýokarda ýatlanlyp geçilen «kwadrat zalyny» (170-nji jaý) ýatladýar.

Bu jaýyň günorta diwarynyň ortasynda, iki sany «kör penjiräniň» arasynda iki kameraly dini äheňli peç ýerleşýär. Peçiň hut şeýle ýerleşmegi ikinji Ot ybadathanasyndaky (100-nji jaý) kilisäniň planyny ýatladýar. Diňe şu peçde däl, eýsem «patyşa ybadathanasynyň» beýleki peçleriniň hem içinde bölüji walikler däl-de, özboluşly, şol bir maksat bilen gurlan «basgançaklar» saklanyp galypdyr. Peçlerden hoşboý ysly tüsse çykýar, olaryň ot ýakylýan ýeriniň diwarlarynda oduň gyzyly zy galmandyr-da, gara gurum mese-mälüm bildirip dur. Çünki olarda adaty odun däl-de, hoşboý ysly ösümlükler ýakylpdyr. Gurban berilýän ybadathananyň günbatar yüz tarapynyň ýatlanlyp geçilen «uly altarynda» «basgançakly» dini äheňli peçiň bardygyny bellemek ýerlikli bolardy. Aýratyn dini ygtykatly jaýlarda, aýratyn hem Demirgazyk Goňruň ybadathanalarynyň altarlarynda duş gellen, dini dessurlar berjaý edilýän peçlerde şeýle ýagdaýy synlamak bolýar. Hoşboý ysly otlaryň köp halatlarda hindiarilerde, şeýle hem oňparazlarda gurban bermek hökmünde ulanylandygyna üns bereliň.

Mohenjo-Daro gadymy hindi şäheriniň ikinji gatlagyndaky ýerleşşi boýunça biraz çalymdaş desgany hasaba almasaň, tutuş Yakyn Gündogarda «kiosk» görnüşündäki jaýlar mälüm bolmandyr. Ýokarda agzalyp geçilen desga hindi hünärmenleriniň käbiri tarapyndan «ot ybadathanasy» diýlip kesgittenilýär. Goňruň «patyşa ybadathanasynda», şol sanda «kiosky» otagda (115-nji jaý) harapp medeniýetiniň täsirini görkezýän piliň süňkünden ýasalan zatlar, iň esasysy bolsa, dyzyna çöküp oturan adam şekillendirilen daş (steatit) heýkeljigiň bölegine duş gelinmegi tötänden däl bolsa gerek. Gynansak-da, biziň günlerimize çenli ylm babatda aýratyn gyzyklanma bildirilýän heýkeljigiň ýokarky bölegi däl-de, diňe aşaky bölegi saklanyp galypdyr **(31-nji surat)**. Ýöne biziň elimize düşen şu daş bölejigi-de uly ylmy ähmiýete eýedir. Heýkeljikde şekillendirilen adamyň epilen dyzalarynyň biri beýlekisinden aşak goýberilipdir, onuň elleri saklanyp galmadygam bolsa, çep aýasynyň biraz galyp duran çep aýagyň dyzyna direlip durandygy görünýär. Hind derýasynyň jülgesindäki gadymy şäherlerde gazuw-agataryş işleri geçirilende, şeýle dyzyna çöküp oturan adamyň heýkeljikleriniň birnäçesi tapyldy. Özi-de, olaryň birinde, Goňurdaky tapyndynyňky ýaly, eliň aýasy dyza direlip dur. Munuň özi olaryň biri-birine doly meňzeşdigini görkezýär **(32-nji surat)**.

Bu heýkeljikleri Hind derýasynyň jülgesine Marguşdan göçüp gelen taýpalar getiripmi ýa-da, tersine, olar medeni alyşmalaryň netijesinde Hindiň kenarларыndan Marguşa düşüpmi? Häzirki wagtda bu sowala anyk jogap bermek kyn. Ýöne Hindi kontinentinde şondan öňki döwürde şeýle heýkeljikler düýbünden mälüm bolmandyr, şol bir wagtyň özünde bolsa olar Marguşda

23

Gurban berilýän ybadathananyň günbatar toplumunyň uly we kiçi altarlary.

Большой и малый алтари западного комплекса храма жертвоприношений.

Big and small altars of the western complex of the sacrifice temple.

ýeterlik derejede meşhur bolupdyr. Mysal üçin, dyzyna çöküp oturan adamlaryň (köp halatlarda guş kelleli) şekilleri Baktriýanyň we Marguşyň möhürlerinde duş gelýär. Özi-de, bir aýagyň dyzy beýlekisiniňkiden ýokarda görkezilipdir.

Şeýle meňzeşlik şekiliň bu görnüşiniň Baktriýadan we Marguşdan Hindi subkontinentine çenli ýaýrandygyna şaýatlyk edýär. Öz nobatynda, şeýle şekilleriň gözbaşyny, biziň pikirimizçe, siriýa-hett gliptikasyndan (daşyň ýüzüni haşamlamak sungaty) gözlemek gerek. Şol ýerde olar gadymy Siriýanyň we Kiçi Aziýanyň möhürlerinde şekillendirilipdir. Görnüşi ýaly, Merkezi Aziýadan Hind jülgesine ýuwaşlyk bilen göçen baktriýa-marguş taýpalarynyň özleri bilen öz şekilleriniň we ata-babalarynyň watanynda çokunan hudaýlarynyň şekillerini getirendiklerini çaklamak bolar. Nämede bolsa, gadymy Hindistanda, Baktriýada we Marguşda dini dessurlarda ulanylan birmeňzeş heýkeljikleriň giňden ýaýrandygy görnüp dur.

Şu ýerde biziň eýýamymyzdan ozalky üçünji müňýyllygyň ahyrynda gadymy Hindistan bilen Marguş ýurdunyň arasynda bolan gatnaşyklar barada ýörite durup geçmek gerek. Bir tarapdan, A.Ardeleanu-Ýansen we aýratyn hem G.Possel ýaly, häzirki zaman meşhur hünärmenleri Hind derýasynyň jülgesinden gelip çykýan iň täze materiallary jikme-jik seljermegiň esasynda gadym döwürde bu medeni merkezleriň arasynda ysnysykly gatnaşyklaryň bolandygy baradaky netijä geldiler. Olar biziň eýýamymyzdan ozalky 2000-nji ýyllarda harapp siwilizasiýasynyň oturmly yerlerinde marguşlylaryň bolandygyny subut edýärler. Beýleki tarapdan, Demirgazyk Goňruň aristokratik mazarlaryndan tapylan, ýöne Baktriýada we Marguşda taýýarlanýan saç daraklary (**33-nji surat**), piliň süňkünden ýasalan beýleki zatlar (**34-nji surat**) biziň eýýamymyzdan ozalky III-II müňýyllyklaryň sepgidinde bu iki ýurduň arasynda gatnaşyklaryň bolandygyny tassyklaýar.

Hindi subkontinentinde tapylan marguş zatlary Harapp siwilizasiýasynyň giçki gatlaqlaryndan gelip çykýar, Marguşda bolsa bu zatlar iň irki gatlaqlardan tapyldy. Şeýle bolansoň, Murgap jülgesine uzak günbatardan

24

Gurban berilýän ybadathananyň günorta toplumyndaky tegelek altar.

Круглый алтарь в южной группе храма жертвоприношения.

Round altar in the southern group of the sacrifice temple.

gelen taýpalaryň ählisiniň bu derýanyň kenarlarynda galmandygyny çaklamak bolar. Olaryň bir bölegi gündogara tarap, Hind derýasynyň uzaboýuna çenli süýşüp başlapdyr. Bu iň täze arheologik maglumatlar «arileriň Hindistany basyp almagy» baradaky problema ýene bir gezek gaýtdan garamaga mejbur edýär.

Goňruň «patyşa ybadathanasyna» gaýdyp gelmek bilen, şol ýerde tapylan we ýokarda agzap geçen zatlarymyz bilen birlikde dini äheňli keramiki gap-gajyň bölekleriniň tapylandygyny bellemelidir. Şol bölekleriň ýüzünde agaçlaryň arasynda gezip ýören şahly geçiler şekillendirilipdir. Gaplarda öküziň kellesi görnüşinde ýasalan turba jürdekleri bolupdyr. Munuň özi «kioskyň» (**35-nji surat**) dünýewi däl-de, dini häsiýetde bolandygyny görkezýär. Ýöne bu örän özboluşly desga nähili dini ygtykatlar bilen baglanyşykly bolupdyr? Näme üçin ot ybadathanasy we gurban berilýän ybadathana ýaly, onuň hem goranyş diwarlarynyň karesiniň içinde ýerleşendigine garamazdan, oňa diňe şu kareniniň daşyndan girmek mümkin bolupdyr? Kareniniň daşynda ýerleşýän giňişliklere syn bermek bilen, biz bu sowallara jogap taparys diýip pikir edýäris.

KÖPÇÜLİKLEÝIN NAHARLANYŞ YBADATHANASY.

Ybadathana şäheriniň demirgazyk derwezesine girip, köşge yetmezden ozal, ep-esli aralygy geçmeli bolýar. Şol köşk koridorlar bilen gurşalyp alnan birnäçe giň «howludan» we jaýlardan ybaratdyr. Giň «zolaklar» we «howlular» hem-de olary gurşap alan darajyk koridorlar Alynky Aziýa monumental arhitekturasyndaky gözbaş alýan «koridorlar bilen gurşalyp alnan howly» görnüşündäki plana meňzeşdir. Bu monumental desgalar Goňruň sowma diwarynyň demirgazyk böleginden uzalyp gaýdypdyr we «patyşa ybadathanasynyň» toplumyna baryp ýetipdir.

Ýöne, «koridorlar bilen gurşalyp alnan «howlularyň» labirintlerine barmazdan ozal, kareniniň (**36-nji surat**) diwarlarynyň ýanynda demirgazyk-gündogarda ýaýylyp ýatan ägirt uly meýdana (500 inedördül metrden gowrak) üns bermek gerek. Gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly bu giňişlik haýwanlaryň süňkleri, keramika bölejikleri we derýanyň arassa çägesi garyşyk medeni gatlagyň (galyňlygy 1 metre çenli) aşagynda gömülgedi. Bu ýerde diwaryň ýekeje bölegi-de, hiç hili desga ýa-da altar hem, altar meýdançalary hem tapylmady; uly bolmadyk ot ýakylan yerleriň yzlary mese-mälim bildirip dur. Şonuň üçin Goňruň özleşdirilen döwründe-de, bu uçastogyň Marguş ýurdunyň dürli künjeklerinden gelen zyýaratçylaryň ýygnaýan meýdançasynyň wezipesini yerine ýetirendigi baradaky çaklama esaslydyr. Adamlaryň şu ýerde ýygý-ýygýdan ýygnaýmagynyň maksady sowma diwaryň demirgazyk-gündogar bölegine, uly bolmadyk jaýlara (mysal üçin, 7-nji we 11-nji jaýlar) (**37-nji surat**) baranymyzdan soň mälim bolar.

Gurban berilýän ybadathanadan tapawutlylykda, bu toplumyň jaýlarynyň käbirinde biz uly, armyt görnüşündäki peçleri görýäris. Olaryň işleýiş prinsipi adaty ikigat ojaklaryňky bilen örän meňzeşdir (**38-nji surat**). Dini äheňli peçlerde oduň duhowkadaky gurbanlyk etini ýakmazlygy üçin ähli şertler döredilipdir. Diňe armyt görnüşündäki peçlerde iri haýwanlaryň-sygryň, öküziň we düýäniň kelle süňklerine duş gelinmegi tötänden däl. Armyt görnüşli peçler jaýlaryň içinde däl-de, aýk ýerlerde ýerleşýär. Diňe 40-njy jaýda peçleriň iki görnüşine-de bilelikde gabat gelindi, özi-de armyt görnüşli peçiň ot ýanýan yerinde düýäniň kelle süňki tapyldy. Bir jaýda peçleriň iki görnüşiniň hem ýerleşmegi olaryň bir wagtda hereket edendigine şaýatlyk

25
Hasylylygy
şekillendirýän
silindr görmüşindäki
möhür.

Цилиндрическая
печать со сценой
плодородия.

Cylindrical seal
depicting a fertility
scene.

edýär. Gadymy eýranlylaryň gurban berilýän mallar öldürilende, kesilen kelleleri we guýruklary ýerinde galdyryp, hudaýlara bagyş edendikleri mälimdir. Bular barada aşakda jikme-jik gürrüň berler.

Suratlandyrylan iki kameraly peçleri bolan jaýlar toplumynyň günbatar diwary gündogar tarapdan Goňruň esasy demirgazyk girelgesiniň burçuny emele getirýär. Ýokarda ýatlap geçişimiz ýaly, onuň öňünde dürli döwürlerde howuzlar gurlupdyr. Bu faktlaryň hemmesi we syn etmeler meýdançanyň, dini äheňli peçleriň we howuzlaryň ýerine ýetirýän wezipeleri boýunça özara baglydygyny görkezýär. Olar bitewi köpçülikleýin naharlanylş ybadathanasynyň – gadymy arilerde (Iza) we hindilerde (Ida) giňden ýaýran döp-dessurlara meňzeş dessurlary berjaý etmäge niýetlenen desgalaryň toplumuny emele getiripdir. Soňky alnan maglumatlara görä, baýramçylyklar köp adam ýerleşýän meýdanda geçirilipdir.

Döp-dessurlarda göz önünde tutulan aýratyn günlerde köp sanly zyýaratçylaryň Mouru ýurdunyň ähli künjeklerinde ybadathana şäherine ýygnaşyyny göz önüne getirmek bolýar. Ähtimal, olar maşgala toparlary, obşınarlar bolup gelendir we gurban beriljek mallaryň birini ýa-da birnäçesini öz öňlerine salyp getirendir. Olar demirgazyk derwezeden geçip we howuzda täret kylyp, getirilen goýunlary, geçileri, sygyrlary ýa-da düýeleri ruhanylara tabşyrypdyrlar. Ruhanylar doga okap we mukaddes sözlere aýdyp, belki, häzir bize belli bolmadyk başga-da dessurlary berjaý edip, gurban berilýän eti taýýarlapdyrlar. Muňa zyýaratçylaryň hem gatnaşan bolmagy mümkin. Soňra olar meýdança geçipdirler, eger bu naharlanylş agşamyna geçirilýän bolsa, uly bolmadyk oduň daşyna üşüpdirler. Ýörite usulda taýýarlanylýan we dogalar bilen keramatlandyrylan eti ybadathana hyzmatkärleri dabara gatnaşýanlaryň ählisine paýlapdyr. Meri Boýsuň sözlerine görä, bu et «akyl-huşuňy we ruhuňy bir ýere jemlemek» bilen iýlipdir, çünki Ida/Iza mahsus bolan şol döp-dessurlar keramatly güýje eýe bolupdyr. Bizde anyk subutnamalar ýok, ýöne şeýle köpçülikleýin naharlanylş sazandalaryň we hatda akrobatlaryň çykyşlary bilen utgaşdyrylan bolmagy mümkin. Togalak-1 ýadygärligindäki mazarlaryň birinde duş gelnen daş silindri şeýle pikir döredýär. Şol silindrde saz gurallarynyň, şol sanda örän uly depleriň sazynyň astynda ýerine ýetirilýän akrobatik böküşler sahnasy şekillendiripdir (**39-njy surat**). Hett arhiwlerinde «festiwal» sözünüň diňe «baýramçylyk» däl, eýsem «toý-tomaşa», «banket» manysynyň hem

bardygyny dilçiler subut etdiler. Şol dabaralar köp halatda sazandalaryň gatnaşmagynda geçirilipdir. Bökýän akrobatlar esasan hem egeý-anadoly dünýäsinde, indi bolsa Margaşda hem mälim bolupdyr. Munuň özi bu sebitleriň medeni-taryhy arabaglanylşygyny görkezýär.

Ýokarda ýatlanlyp geçilen, koridorlar bilen gurşalan zallarda dini äheňli tanslary ýerine ýetirmek «köpçülikleýin naharlanmak» bilen baglanylşykly «gizlin dini mazmunly çäreleriň» geçirilen bolmagy mümkin. Ýöne şol dabaralar ýat adamlar üçin niýetlenilmändir. «Köpçülikleýin naharlanylşyň» jemleýji bölegi meýdançanyň özünde, köp adamlaryň gatnaşmagynda geçirilipdir. Ýokarda ýatlanlyp geçilen silindrde şekillendirilen sahna boýunça Margaş jemgyýetinde gizlin «mistika» dini ygtykatlaryň bolup bilendigini aýtmak bolar. Şekildäki sahna gatnaşyjylar adam bedeni we maýmyn kelleli (ýa-da maskaly) bolupdyr. Munuň özi şeýle dabaralaryň «gizlin» häsiýete eýe bolandygyny görkezýär.

Şeýle hem patyşanyň gatnaşmagynda geçirilýän «möwsümleýin» baýramçylyklar barada gürrüň berýän hett ýazuw resminamalarynyň möhüm subutnamalaryny ýatlalyň. Patyşa köşkden çykyppdyr we ýörite howuzda täret etmek dessuryny berjaý edenden soň, ybadathana barypdyr hem-de şol ýerde köpçülikleýin naharlanylş we dini içgileri içmek dabarasyna goşulypdyr.

Umuman, gadym döwürde «köpçülikleýin naharlanylş» Ýakyn Gündogarda giňden ýaýrapdyr we alymlaryň aýtmagyna görä, «ybadathanada gurban bermek ýaly, päkligiň, arassalygynyň ýokary derejesi» bolupdyr. Munuň özi belli bir derejede dionis dini dabaralaryny ýatladýar. Şol dabaralarda, ähtimal, saz ýaňlanandyr, tans edilendir, hatda teatrlaşdyrylan oýunlar görkezilen bolmagam mümkin. Şu ýerde haýwanlaryň süňkleri, keramika bölekleri we arassa derýa çägesi bilen garyşyp giden gara külüň gatklary bilen baglanylşykly ýene-de bir zada aýratyn üns bermek gerek. Gurbanlyk etini iýýän, dini içgileri içýän we tanslara, akrobatik maşklara, teatrlaşdyrylan sahnalara syn edýän ýa-da olara gatnaşýan «köpçülikleýin naharlanylş» gatnaşyjylary göz önüne getirsek, şeýle dabaralardan soň galan-gaçan zatlaryň tertiplije ýygnaşyp, zir-zibil dökülýän ýere taşlanmajagy äşgär görnüp duran zat. Şol zatlaryň ählisi dabaranyň geçirilen ýerinde galdyrylýandygyny çak etmek bolar. Arassa çäge gatklarynyň bolmagy bolsa, nahardan galan zatlaryň üstüniň çäge bilen gömülendiginden habar berýär. Has soňky döwürde saklanyp galan ýazgylar munuň gytakly subutnamasy bolup durýar. Olarda bellenilişi ýaly, köpçülikleýin naharlanylş tamamlanandan soň, oňa gatnaşyjylar «haýwanlaryň, ilkinji nobatda itleriň süňkleri oturmly ýerlere äkidip taşlanmazlygy üçin olaryň üstüni çäge bilen gömüpdirler».

Şeýlelikde, «köpçülikleýin naharlanylş» dini baýramçylyklary gadymy marguşlylaryň ideologik garaýyşlarynda örän möhüm orun eýeläpdir diýmek üçin ähli esas bar. Şol baýramçylyklar Demirgazyk Goňurdaky tutuş köşk-dini ygtykatly toplumyň hereket etmeginiň iň soňuna çenli geçirilipdir. Özüne meýdany, howzy, dini äheňli ikigat ojakly jaýlary birleşdirýän tutuş toplum «köpçülikleýin naharlanylş ybadathanasy» diýlip atlandyrylyp bilner.

Bellenilişi ýaly, dini dessurlar berjaý edilýän ojakly jaýlaryň bir topary sowma diwara goşulýan desganyň tutuş demirgazyk-gündogar bölegini eýeleýär. Demirgazyk-günbatarda düýpden başga arhitektura ýerleşýär. Ol iki sany uly howlyny we oňa birigýän jaýlary emele getirýän uzyn diwarlardan ybaratdyr. Bize eýýäm tanyş bolan dini äheňli iki kameraly peçleriň bolmazlygy şol jaýlara mahsus bolan aýratynlykdyr. Munuň özi,

26

Taşlanylyp gidilen desgalaryň harabalyklarynda gazylan gadymy aryk.

Древний арык, прорытый по руинам заброшенных строений.

Ancient irrigation channel dug through ruins of abandoned structures.

gürrüňsiz, ýokarda garalyp geçilen desgalar bilen deňeşdirilende, bu toplumyň başga maksatlar üçin niýetlenendigini görkezýär. Onuň wezipesi nämeden ybarat?

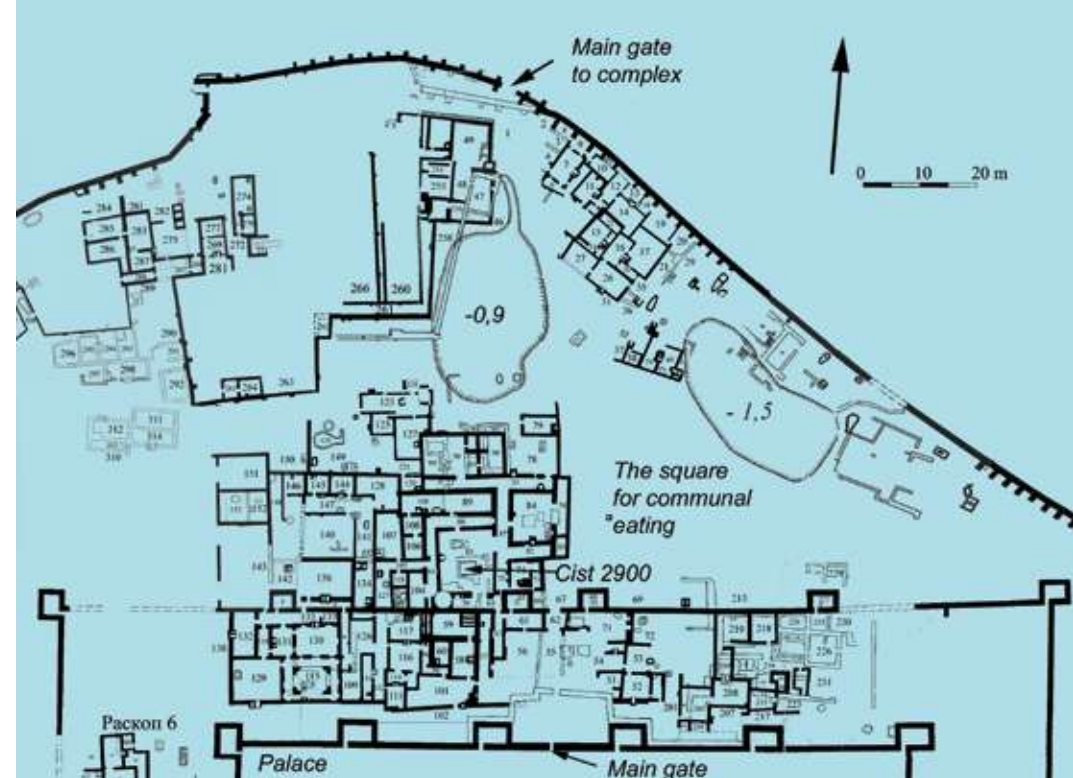
Gazylyp tapylan desgalaryň arasynda kwadrat görnüşindäki uly bina tapawutlanýar. Ol şäheriň esasynyň gurlan döwründen has soň bina edilipdir. Onuň ýukajyk, ýöne, gürrüňsiz, zir-zibil – kül gatklarynda duran diwarlary muňa şaýatlyk edýär. Has gijräk bu ýerde ikinji «körçülikleýin naharlanýş meýdançasý» guruldy, has jikme-jik suratlandyrmaga mynasyp ozalky jaýlaryň harabalary onuň aşagynda galdy.

Bina demirgazyk-günorta oky boýunça ýerleşýärdi we arhitektura babatda gutarnykly keşbe eýedi. Ozalky desganyň merkezi bölegi merkezi okdan biraz gapdala süýşen, gönüburçly jaýdan ybarat bolupdyr (340-njy jaý).

Bu desganyň beýleki otaglarynyň arasynda 341-nji, 343-nji we 344-nji jaýlar tapawutlanýar. Olaryň her birinde gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahalynda oňat saklanyp galan bir sany dini dessurlar berjaý edilýän peç bolupdyr. 346-njy jaýyň polunda içi ýanan gönüburçly altar ýerleşýär.

Bu binanyň köp bölegi saklanyp galmadyr, şonuň üçin hem onuň anyk wezipesi düşnüksiz bolmagynda galýar. Olarda tapylan ganatly, dyzyna çöküp oturan adamyň şekili ýerleşdirilen mis möhür, şeýle hem düzümlü heýkeljigiň kinniwanja mermer kellejigi bu otaglaryň aýratyn maksatlara niýetlenendiginiň subutnamasydyr.

Bu ybadathana desgalary baradaky synymyzy jemläp, olaryň ýerleşiş prinsipleri her näçe özboluşly we hatda täsin bolsalar-da, gadymy kökleri Alynky Aziýanyň öňdebaryjy merkezlerine uzalyp gidýän däh-dessurlaryň arabaglanyşygy mese-mälüm görünýär diýen netijä gelmek bolar. Şol däh-dessurlary Marguşa we Baktriýa günbatar taýpalaryň getiren bolmagy mümkin.

Глава третья

Храмы вокруг кремля

ХРАМ ОГНЯ. Очевидно, что культ священного огня был одним из самых почитаемых в стране Маргуш, поскольку, находясь в пределах крепостной стены, этот храм за время обитания Гонура неоднократно перестраивался и постоянно расширялся. Так, археологам удалось обнаружить четыре построенных друг над другом храма (Илл. 17, 18). Основания стен самого древнего из них, первого храма, устроены на материке, а самого последнего, четвертого (сохранившегося лишь фрагментарно) – выступают практически на древнюю дневную поверхность поселения Гонура. Центральное место в первом храме занимают вытянутые в цепочку четыре прямоугольные камеры, впущенные в материк, облицованные изнутри сырцовым кирпичом и сильно обожженные от интенсивного огня (Илл. 19). От случайных взглядов их скрывает длинная глухая кирпичная стена.

Показательно, и это подтверждает крупнейший в XX веке исследователь зороастризма Мэри Бойс, которая лично посещала подобные алтари в Иране, что только жрецы могли входить в сильно закопченные внутри помещения без окон. Истоки устройства таких алтарей, как мы теперь видим, уходят в глубь тысячелетий, в эпоху языческой, дозороастрийской Маргианы.

Думается, что огонь в таких прямоугольных алтарях горел практически постоянно, на что указывает сильная ошлакованность кирпичей внутри них. Есть все основания считать, что такого типа пря-

27

Goňruň köşk-ybadathana toplumunyň demirgazyk böleginiň plany.

План северной части дворцово-храмового комплекса Гонура.

Plan of the northern part of the palace-and-temple complex of Gonur.

моугольные обожженные изнутри камеры (алтари огня) появляются в Маргиане вместе с пришлыми племенами. В них горел «вечный огонь», а не совершались обычные жертвоприношения. Традиция устройства таких прямоугольных, еле выступающих на поверхности камер за высокими, длинными, глухими стенами, доживает до конца II тыс. до н.э. (храм Тоголок-21).

Рядом с алтарями огня располагаются два так называемых «хранилища священной золы», устроенные в виде прямоугольных кирпичных контейнеров, также впущенных в материк и облицованных изнутри кирпичами со следами слабого влияния огня. В момент раскопок оба контейнера были заполнены белой чистой золой без каких либо примесей в виде угольков. Сверху они были наглухо заложены кирпичами.

Это свидетельствует о том, что всю золу, образовавшуюся в результате постоянного горения огня в алтарях, благочестивые жрецы страны Маргуш делили на несколько категорий. Самую чистую и «священную» они ссыпали в «хранилища», а более загрязненную угольками (второй, третьей и т.д. категории) раздавали прихожанам, как это практикуется, например, у современных зороастрийцев.

Рядом с алтарными камерами находится обширное, прямоугольное святилище (*помещение 106*) с Т-образным подиумом у торцевой стены, слегка приподнятым над полом и покрытым белой гипсовой обмазкой. В некоторых помещениях, расположенных рядом с алтарями (*помещения 117, 109*) имеются единичные культовые двухкамерные печи, среди которых выделяется одна. Она находится в середине помещения, имеет квадратную форму, и ее духовка выстлана фрагментами керамики, указывая на ее особое назначение.

Когда первый храм огня обветшал, а прихожан становилось все больше, на этом же месте, используя стены первого, был построен второй храм, много больших размеров, чем предшествующий. Стены второго храма, с одной стороны, перекрывают восточную стену каре, а с другой, доходят до северо-восточной угловой оборонительной башни кремля (*Илл. 20*).

В этом здании выделяется отдельный микрокомплекс, центральное место среди вскрытых помещений которого занимает помещение 70. Интерьер этого помещения вместе с полом покрыт хорошо сохранившейся белой гипсовой обмазкой. Посередине его западной стены устроена культовая двухкамерная печь (со следами слабого огня внутри), которую фланкируют с обеих сторон два «слепых окна». Смежное с этой комнатой *помещение 65* сохранило стенные ниши, которые вместе с прилегающими к ним полами покрыты белой гипсовой обмазкой.

Особое назначение обоих этих помещений бесспорно. Их планировка находит аналогии в так называемом «киоске» царского святилища на северном фасаде комплекса в пределах каре, о котором речь впереди. Второй (по времени строительства) храм огня занимает значительно большую площадь по сравнению с первым, в том числе и благодаря сооружению недалеко от упомянутой угловой башни кремля изолированного святилища (*помещение 100*). Это здание в плане прямоугольное, интерьер его украшен пятью

«слепыми окнами» и культовой двухкамерной печью со слабыми следами огня внутри. Близкое по планировке здание представляет собой известное святилище в слоях IV тысячелетия до н.э. на Годин-Тепе в Ираке, а также много более позднее (начало I тысячелетия до н.э.) сооружение культового назначения в Тилля в Малой Азии. Эти параллели свидетельствуют о существовании тысячелетних ирано-месопотамских архитектурно-планировочных традиций.

Когда и второй храм стал разрушаться, он также был превращен в платформу для строительства третьего храма, кардинально отличавшегося от двух предшествующих. Хотя, к сожалению, из-за плохой сохранности его планировку можно восстановить не полностью, есть все основания говорить о том, что главную, центральную его часть составляет обширный двор, обнесенный с трех сторон «кельями» – серией таких же узких и невысоких камер, как и в восточной части кремля. Эти кельи, так же как и кремлевские, обмазаны изнутри глиняной штукатуркой и перекрыты сверху общей крышей. В момент раскопок входы во все кельи были заложены кусками кирпичей, что в Маргиане применялось к сооружениям особого, культового назначения.

Подчеркнем, что во все строительные периоды храма Огня оставался действующим центральный микрокомплекс (помещения 65, 70), кратко охарактеризованный выше.

Почти на современной дневной поверхности прослеживаются отдельные обрывки стен от несохранившихся помещений предположительно четвертого храма. Более или менее четко прослеживается лишь одно оставшееся от него помещение со «слепым окном». О том, что, кроме перманентного возжигания огня, собирания и сортировки золы в храме проводились и какие-то церемонии, связанные с ритуальными возлияниями (возможно, в честь бога Огня?), свидетельствуют фрагменты культовых сосудов, сливы которых оформлены в виде бычьих голов. Сливы, оформленные в виде голов животных (и в первую очередь быков), были популярны в храмах Малой Азии, как, например, в Инандык-тепе и ряде других памятников бронзового века Анатолии.

ХРАМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ. Постройки этого комплекса отделены довольно высокой глухой стеной от храма огня, что еще раз подчеркивает его обособленность и особое значение. Часть помещений на восточном фасаде пристроена непосредственно к стене каре изнутри, часть – располагается на некотором расстоянии от кремлевской стены. Эта застройка плавно огибает сначала юго-западную башню каре, продолжаясь на южном фасаде комплекса, а затем и юго-восточную башню, формируя западный фасад (*Илл. 21-22*).

Среди длинной монотонной анфилады помещений с культовыми очагами внутри на западном фасаде выделяются два огромных расположенных рядом круглых алтаря (*Илл. 23*). Большой из них (диаметром около 7 м) имеет в своей восточной стенке проход со ступеньками, ведущими внутрь. Внутри этого алтаря, в самом основании южной стенки, устроен прекрасно сохранившийся внутрисстенный культовый двухкамерный очаг. Он сильно закопчен изнутри,

но слабо обожжен. Можно предполагать, что в нем сжигали не дерево, а, судя по специфическому составу золы, ароматические травы. На полу алтаря была обнаружена уникальная для Маргианы ониксовая, частично фрагментированная полусферическая чаша, возможно использовавшаяся при культовых церемониях и в том числе возлияниях. Этот алтарь многократно подновлялся, его стены обмазывались глиной, слегка надстраивались. Когда он обветшал и пришел в негодность, или же ввиду увеличения числа прихожан и, соответственно, жертвоприношений, рядом возвели другой, «малый алтарь» (диаметром 5 м) также с боковым входом.

На южном фасаде, в помещении 50 располагается также открытый сверху круглый алтарь (диаметром около 5 м), северный участок которого внутри слегка обожжен на высоте 30-50 см. Вполне вероятно, что следы горения связаны с использованием переносных светильников того же типа, что потом были встречены нами в царской гробнице № 3200 (Илл. 24).

Все три описанных алтаря обладают общими чертами. Они устроены «под открытым небом», в одном из них имеется двухкамерный культовый очаг, в двух других – слабо обожжены стенки. Эти особенности имеют важное, как я постараюсь показать далее, значение для понимания зороастрийских культов огня. Между большим и малым алтарями западного фасада были обнаружены цилиндрическая печать со сценой плодородия (Илл. 25) и большое стеатитовое навершие, по всей видимости, от каменного посоха жреца.

В северной части западного фасада каре располагается огромное прямоугольное здание явно общественного значения, условно названное нами «дом песнопений», в котором могли собираться прихожане и вместе со жрецами возносить молитвы богам и совершать жертвоприношения. Сами культовые церемонии и ритуалы могли происходить на алтарной площадке, внутри вышеупомянутых круглых алтарей. На южном фасаде такое же обширное помещение – «дом песнопений» – занимало первоначально практически центральное место. В поздний период южный «Дом песнопений» был наполовину снесен во время устройства на этом месте упомянутого ритуального бассейна.

Как видим, планировка западного, южного и частично восточного фасадов в пределах оборонительного каре имеет много общего: большое число однотипных культовых печей, огромные круглые алтари, так называемые «дома песнопений», имевшие, скорее всего, общественное назначение, а также характерные для последнего периода небольшие водоемы, располагавшиеся в их центральной части. Вероятно, можно говорить о том, что и функции этих зданий были одинаковы: здесь располагался единый храм жертвоприношений.

Такое большое число культовых печей в помещениях этого храма вполне объяснимо. Известно, например, что, по поверьям древних иранцев, окружающий их мир был населен бесконечным числом добрых и злых духов, между которыми все время идет ожесточенное противостояние за обладание человеческими душами. Для того, чтобы противостоять им, следовало совершать многочисленные

жертвоприношения, что, естественно, требовало и большого количества культовых печей.

Открытый археологами в пустыне Каракумы храм жертвоприношений пока является единственным и уникальным сооружением на всем Ближнем Востоке. И хотя он не отличается монументальностью и парадностью планировки, нет абсолютно никаких причин сомневаться в том, что по своему значению этот комплекс являлся сооружением, связанным с культовыми жертвоприношениями.

Добавим, что неперенным условием культовых жертвоприношений являются водоемы, в которых их участники совершали очищающие омовения и только после этого могли приступать к ритуалам жертвоприношений. По мнению лингвиста В.Крюковой, соблюдение ритуальной чистоты и восстановление ее после осквернения играли едва ли не решающую роль в жизни древнеиранского общества. Документальным доказательством этого служат многочисленные бассейны, выявленные в ходе раскопок Северного Гонура.

Думается, что в ранний период храм жертвоприношений использовал воду из упомянутого выше «малого» южного бассейна, в то время как позднее, когда он в сильной степени обмелел, что затруднило доставку воды, были вырыты два новых водоема, вода в которые поступала с равнины при помощи устройства длинных дренажных канав или арыков (Илл. 26).

«ЦАРСКОЕ СЯТИЛИЩЕ». Сразу же отметим, что все северо-восточное пространство между кремлем и стенами каре застроено обычными бытовыми постройками, где, предположительно, мог проживать обслуживающий персонал или солдаты гарнизона. Об этом нам говорит практически полное отсутствие в обнаруженных помещениях культовых двухкамерных печей вышеупомянутого типа и наличие бытовых очагов. Вряд ли стоит рассматривать эти строения ввиду их ординарности. Намного интереснее вторая половина северного сектора каре, лежащая к западу от центрального входа в кремль (Илл. 27).

Если бы мы могли перенестись в прошлое и посетить описываемые помещения во время ритуалов, свершавшихся там в 2300-2250 гг. до н.э., мы бы увидели, как торжественная процессия, пройдя через обширный двор (помещение 143), величаво вступает в чрезвычайно интересное по своей планировке и важное по значению здание, условно названное «царским святилищем» (Илл. 28-29).

Это сооружение вплотную примыкает к стене каре, которая и образует его северную стенку. Участники процессии, за которой мы наблюдаем, тихо ступая на тщательно обмазанный глиной и белым гипсом пол помещений «царского святилища», минуют анфиладу небольших помещений, проходы которых находятся один против другого, и процессия останавливается в зале (помещение 129) перед входом в помещение 115. Особо торжественную атмосферу в нем создают десять «слепых окон», устремившихся к потолку по его стенам. Падающий сверху неяркий свет струится по складчатым стенам этих ниш и утопает в мягком белом войлоке и циновках, устилающих пол комнаты. Только самые близкие к правителю лица проходят внутрь.

28-29

«Patısa ybadathanasyndaky gazuw-agtaryş işleri we plany».

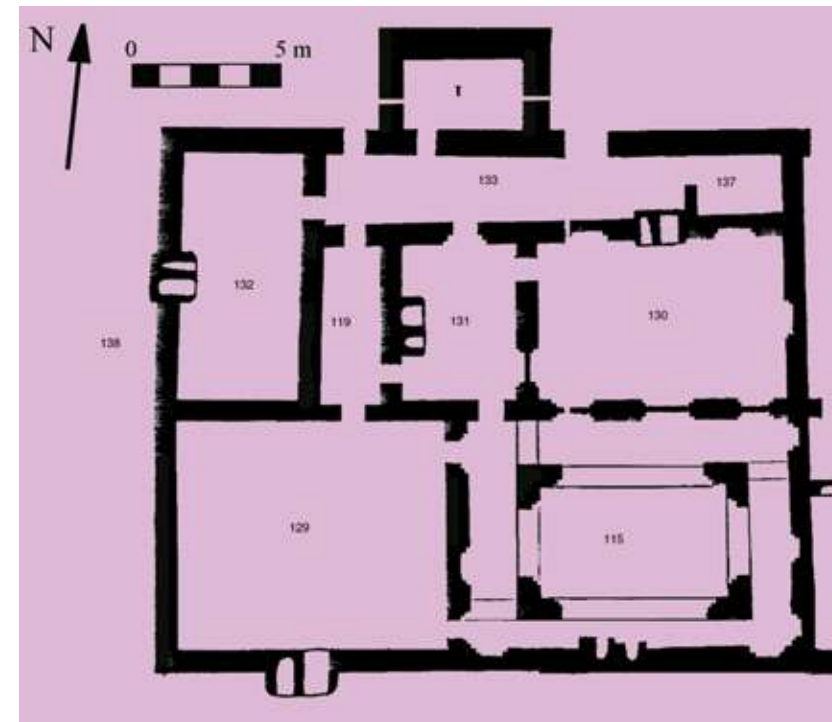
Раскопки и план «царского святилища».

Excavations and plan of the "royal sanctuary".

В центре комнаты они вступают в наиболее святую часть этого здания – в так называемый «киоск». У этого прямоугольного сооружения все четыре стены практически отсутствуют. Они, скорее, напоминают широкие и невысокие пороги. Зато углы «киоска» формируют четыре кирпичных устоя, на которых, видимо, был сооружен своеобразный навес. В середине каждого порога имеется центральная колонна, по бокам от которой могли размещаться двустворчатые двери (Илл.30). Такая планировка «киоска» достаточно близко напоминает вышеупомянутый «квадратный зал» (помещение 170) культового комплекса дворца Гонура.

В середине южной стены этого помещения между двумя «слепыми окнами» располагается двухкамерная культовая печь. Именно такое расположение печи напоминает собой аналогичную планировку святилища во втором Храме огня (помещение 100). Интересно, что не только эта, но и другие печи «царского святилища» сохранили внутри не разделительные валики, а своеобразные «уступы», имевшие то же самое назначение. Из печей струится ароматный дым, стенки их топок изнутри не краснообожжены, а чернозакопчены, т.к. в них горят не обычные дрова, а скорее всего ароматические травы. Здесь же будет кстати заметить, что культовая печь «с уступом» имеется в упомянутом «большом алтаре» западного фасада храма жертвоприношений.

Забегая вперед, отметим, что аналогичная картина наблюдается во всех без исключения ритуальных печах, встреченных в особых культовых помещениях, и особенно в алтарях храмов Северного Гонура. Обратим внимание и на то, что ароматические травы нередко

выступают в качестве жертвоприношений у индоариев, а также у зороастрийцев.

Здания типа «киосков» в системе всего Ближнего Востока неизвестны, если не считать до определенной степени сходное по планировке сооружение во втором слое древнеиндийского города Мохенджо-Даро, которое некоторыми индийскими специалистами определяется как «Храм огня». И, возможно, не случайно в гонурском «царском святилище», в том числе в комнате с «киоском» (помещение 129), встречены изделия из слоновой кости, отражающие влияние хараппской культуры, «гадальные палочки», а главное – фрагмент каменной (стеатитовой) статуэтки, изображающей коленапреклоненного человека. К сожалению, до наших дней дошла только нижняя, а не верхняя часть статуэтки, представляющая особый научный интерес (Илл.31).

Но даже этот доставшийся нам невзрачный каменный обломок имеет большое научное значение. Обращает на себя внимание то, что одно из согнутых колен опущено ниже другого, и хотя руки не сохранились, видно, что левая ладонь опирается на приподнятое колено левой ноги. Дело в том, что при раскопках древних городов в долине реки Инд обнаружено несколько сходных коленапреклоненных статуэток, причем у одной из них, как и у гонурской находки, ладонь охватывает колено, что не оставляет никакого сомнения в их полном сходстве (Илл.32).

Были ли эти статуэтки принесены в долину Инда пришлыми из Маргианы племенами или, напротив, они попали в результате культурных обменов с берегов Инда в Маргиану? В настоящее время трудно однозначно ответить на этот вопрос.

30
«Patyşa ybadathanasyňyň merkezi jaýy konserwirlenenden soň»

Центральное помещение «царского святилища» после консервации.

Central premises of the "royal sanctuary" after conservation.

Но на Индийском континенте в предшествующее время подобные коленопреклоненные статуэтки вообще не известны, в то время как в Маргиане они были достаточно популярны. Так, изображения коленопреклоненных людей (нередко с птичьими головами) встречаются на печатях Бактрии и Маргианы, причем нередко колено одной ноги на них показано выше другого. Скорее всего, такое сходство указывает на распространение этого мотива из Бактрии и Маргианы вплоть до Индийского субконтинента. В свою очередь, истоки подобных коленопреклоненных образов, скорее всего, следует искать в сиро-хеттской глиптике, где они представлены на печатях Древней Сирии и Малой Азии.

Можно предположить, что бактрийско-маргианские племена, возможно, просочившиеся в своем медленном продвижении из Центральной Азии в долину Инда, могли принести вместе с собой свои собственные изображения и божества, которым они поклонялись на своей прародине. Как бы то ни было, очевидно, что в Древней Индии, Бактрии и Маргиане были распространены однотипные статуэтки, использовавшиеся при культовых ритуалах.

Здесь следует специально остановиться на взаимоотношениях, существовавших в конце III тысячелетия до н.э. между Древней Индией и страной Маргуш. С одной стороны, крупные современные специалисты А.Арделеану-Янсен и особенно Г.Поссел на основании скрупулезного анализа новейших материалов из долины Инда пришли к однозначному выводу о существовании в древности тесных связей между этими культурными центрами. Они доказывают присутствие маргианцев в поселениях Хараппской цивилизации около 2000 гг. до н.э. С другой стороны, найденные среди погребальных приношений в аристократических гробницах Северного Гонура гребни для волос (Илл.33), другие разнообразные аксессуары из слоновой кости (Илл.34), но изготовленные в Бактрии или Маргиане,

33
Gonur-depe. Piliň süňkünden ýasalan darak.

Гонур-депе. Гребень из слоновой кости.

Gonur-Depe. An ivory comb.

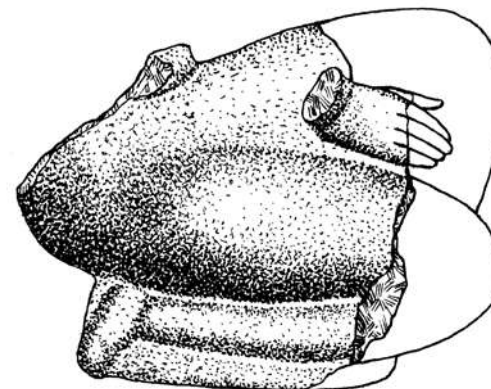
подтверждают вполне определенные связи, существовавшие на рубеже III-II тыс. до н.э. между этими двумя странами.

Показательно также, что все находки маргианских предметов, сделанные на Индийском субконтиненте, происходят из поздних слоев Хараппской цивилизации, а в Маргиане эти же предметы найдены в самых ранних слоях. В таком случае нельзя исключать, что не все племена, пришедшие с далекого Запада в долину Мургаба, остались на берегах этой реки. Часть их стала просачиваться

31
«Patyşa ybadathanasyndan» tapylan daş heykeljigiň gaýtadan dikeldilen bir bölegi.

Реконструкция фрагмента каменной статуэтки из «царского святилища».

Reconstruction of the stone figurine fragment from the "royal sanctuary".

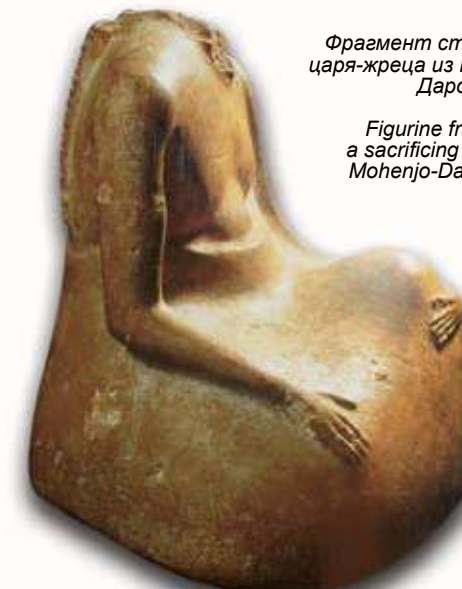

32

Mohenzo - Darodan (Hindistan) bolan ruhanly patyşanyň heykeljiginiň bir bölegi.

Фрагмент статуэтки царя-жреца из Мохенжо-Даро (Индия).

Figurine fragment of a sacrificing ruler from Mohenjo-Daro (India).

34

Goñruň patyşa ybadathanasyndan tapylan bezeg we kosmetiki piljagaz.

Декоративные накладки и косметическая лопаточка из слоновой кости из царского некрополя Гонура.

Ivory decorative straps and cosmetic spatula from the Gonur royal necropolis.

далее на Восток, вплоть до долины реки Инд. Эти новейшие археологические данные заставляют еще раз пересмотреть проблему «арийского завоевания Индии».

Возвращаясь к гонурскому «царскому святилищу», отметим, что вместе с перечисленными находками там найдены фрагменты явно культового керамического сосуда с нацарапанным орнаментом в виде рогатых козлов среди деревьев и трубчатыми сливами, оформленными в виде бычьих голов, что указывает на культовый, а не светский характер «киоска» (Илл. 35). Но с какими культами, ритуалами было связано это в высшей степени оригинальное сооружение? Почему, несмотря на его размещение внутри каре оборонительных стен, так же как храма огня и храма жертвоприношений, указывающее на их бесспорно важное место в культовой обрядности Маргианы, войти в него можно было только извне этого каре? Думается, ответы на эти вопросы мы получим, обозревая пространства, находящиеся за пределами каре.

ПЛОЩАДЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАПЕЗ. Войдя в северные ворота храмового города, необходимо преодолеть немалое расстояние, прежде чем подойти ко дворцу. Его составляют несколько обширных «дворов», окруженных коридорами, и помещений, связывающих их между собой. Обширные «залы» или «дворы» и окружающие их узкие коридоры представляют планировку типа «двор в обводе коридоров», столь популярную в монументальной архитектуре Передней Азии и восходящую к древнесирийской архитектуре IV тысячелетия до н.э. Эти монументальные сооружения тянулись от северной части обводной стены Гонура и доходили до комплекса «царского святилища», с которым, видимо, были функционально связаны.

35

«Patyşa ybadathanasyndan» tapylan öküziň kellesi görnüşindäki jürdekli dini äheňli keramiki gap-gaç.

Культовый керамический сосуд со сливами в форме голов быка из «царского святилища».

Cult ceramic vessel with outlets in the form of bull's heads from the "royal sanctuary".

36

94-njy sahypada: Goñruň demirgazyk tarapyndaky birinji köpçülikleýin naharlanýş meýdançasy we dini äheňli peçleri bolan jaýlaryň toplumu.

На стр. 94: первая площадь общественных трапез.

On page 94: The first square of public refectories and a complex of premises with cult furnaces in the northern face of Gonur.

Но прежде чем попасть в лабиринты «дворов в обводе коридоров», нужно обратить внимание на огромную площадь (свыше 500 м²), раскинувшуюся с северо-востока у стен каре (Илл. 36). В момент раскопок это пространство было погребено под толстым культурным слоем (толщиной до 1 м), состоящим из перемежающихся слоев черной золы с костями животных, битой керамики и чистого речного песка. Ни одного обрывка стен, ни каких-либо строений или алтарей, алтарных площадок здесь обнаружено не было. Поэтому вполне обоснованно предположение, что и в период основания Гонура этот участок выполнял функции площади, на которой могли собираться паломники, пришедшие из разных концов страны Маргуш. Цель периодического сбора людей на этом месте станет ясна после того, как мы пройдем к северо-восточной части обводной стены, к группе небольших, тщательно отделанных помещений с уже не раз описанными культовыми очагами внутри каждого из них (например, помещения 7 и 11) (Илл. 37).

Но, в отличие от храма жертвоприношений, в некоторых помещениях этого комплекса мы впервые видим большие грушевидной формы печи, принцип действия которых весьма схож с подобным в обычных двухкамерных ритуальных очагах (Илл. 38). Их конструкция отвечает основному условию культовых печей: препятствовать прямому контакту языков пламени с кровавым жертвенным мясом, находящемся в духовке. Это достигается тем, что между сильнообожженной топкой и просторной духовкой имеется уступ и установлена перегородка с отверстиями, через которые мог проникать только жар. Очевидно, не случайно только внутри таких грушевидных печей были встречены черепа крупных животных – коровы-быка и верблюда. Печи грушевидной формы располагаются не внутри помещений, а на открытых местах, и только в помещении 40 оба типа печей встречены

37

94-njy sahypada: Goñruň demirgazyk bölegindäki dini äheňli ikigat ojak.

На стр. 94: культовый двухкамерный очаг в северной части Гонура.

On page 94: Cult two-chambered hearth in the northern part of Gonur.

38

Iri mallaryñ etinden gurbanlyk taýýarlamak üçin ulanylýan armyt görnüşindäki dini äheñli peç.

Грушевидная культовая печь для приготовления жертвенного мяса крупных животных.

Pyriform cult furnace for cooking the sacrificial meat of big animals.

вместе, причем в топке грушевидной печи находился череп верблюда. Тот факт, что в одном из помещений одновременно находились оба типа печей, указывает на их одновременное сосуществование. Известно, что древние иранцы при заклании жертвенных животных отрезанные головы и хвосты оставляли на месте, посвящая богам, о чем подробнее будет сказано ниже.

Глухая западная стена описываемого комплекса помещений с двухкамерными печами фланкирует с восточной стороны главный северный вход в Гонур. Как мы помним, сразу перед ним был устроен водоем, который нельзя было миновать, не совершив омовения. Второй бассейн, сооруженный несколько позднее, помещается к северу от площади и с восточной стороны от комплекса с двухкамерными печами. Вода в оба эти бассейна поступала с прилегающей снаружи равнины, для чего в основание близлежащей обводной стены были вкопаны составленные вместе гончарные дренажные трубы. Все эти факты и наблюдения со всей определенностью указывают на взаимную функциональную связь площади, ритуальных печей и бассейнов. Очевидно, они образовывали единый храм общественных трапез – комплекс сооружений, предназначенных для отправления ритуалов, сходных с теми, что были широко распространены у древних ариев (Иза) и индийцев (Ида). Судя по поздним источникам, такие празднества совершались на площади, вмещавшей большое число людей.

Можно представить, как в особые, предусмотренные традицией дни множество паломников со всех концов страны Моору стекалось к храмовому городу. Скорее всего, они шли семейными группами, общинами и гнали перед собой одного или нескольких жертвенных

животных. Пройдя через северные ворота и совершив ритуальное омовение в бассейне, они, скорее всего, передавали приведенных баранов, коз, коров или верблюдов жрецам, которые к этому времени уже подготовили дрова и разжигали ритуальные очаги. Читая молитвы и произнося священные тексты, совершая, возможно, и еще какие-то не известные нам ритуалы, жрецы готовили жертвенное мясо. Не исключено, что и сами паломники принимали в этом участие, а затем проходили на площадь и рассаживались вокруг небольших костров, если эти трапезы устраивались вечерами. Приготовленное специальным образом и освященное молитвами, мясо разносилось храмовыми служками всем участникам. Оно подалось, по словам Мэри Бойс, «с особой концентрацией ума и духа», потому что обряды, подобные Иде/Изе, олицетворяли собой божественную силу, к которой приобщались все, кто принимал участие в общественных трапезах.

У нас нет прямых доказательств, но весьма вероятно, что такие коллективные трапезы сопровождалась выступлениями музыкантов и даже акробатов. На мысль об этом наводит каменный цилиндр, встреченный в одной из могил на памятнике Тоголок-1, где изображена сцена акробатических прыжков, которые исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов, и в том числе огромных тамбуринов, издававших, надо полагать, громкие, оглушительные звуки (Илл. 39). Лингвистами доказано, что в хеттских архивах слово «фестиваль» обозначает не только «праздник», но и «пир», «банкет», который нередко проходил в музыкальном сопровождении. Прыгающие акробаты известны в основном в эгейско-анатолийском мире, а теперь еще и в Маргиане, что лишний раз указывает на культурно-исторические связи этих областей.

Думается, что вышеупомянутые залы (менее вероятно - дворы) в обводе коридоров служили местом, где проходили своего рода «тайные мистерии» (культовые церемонии и ритуалы), представлявшие собой сакральные действия, связанные с общественными трапезами, но которые не были предназначены для взоров непосвященных. В них принимали участие лишь избранные жрецы. Финальная же часть общественных трапез имела место на самой площади, в присутствии большого числа людей. О том, что в маргианском обществе могли существовать тайные мистические культы, можно судить по сцене, изображенной на вышеупомянутом цилиндре, где все участники име-

ют человеческие тела и обезьяньи головы (или маски), указывающие именно на тайный характер церемоний.

Вспомним также чрезвычайно важное свидетельство хеттских письменных документов, повествующих о сезонных праздниках с участием царя, который выходил из дворца и после совершения ритуального омовения рук в специальном бассейне вступал в святилище, где присоединялся к коллективным трапезам и культовому питью. Не эти ли функции – особого помещения, где правитель Маргианы принимал участие в общественных трапезах, – выполняло описанное выше царское святилище вместе с его интригующим «киоском»? Не потому ли вход в него находился не со стороны кремля, а снаружи оборонительной стены каре? Показательно также, что пространство между царским святилищем и площадью общественных трапез застроено именно вышеупомянутыми «залами в обводе коридоров», где могли проходить таинства, связанные с мистериями.

Вообще же в древности общественные трапезы были достаточно широко распространены на Ближнем Востоке, представляя собой, по словам исследователей, «высочайший уровень чистоты, наподобие жертвоприношений в храме». Это в какой-то степени напоминает дионисийские мистерии, которые могли проходить под музыкальное сопровождение и ритуальные танцы, а возможно, и театрализованные представления.

Здесь нельзя не обратить внимание и еще на один момент, касающийся перемежающихся слоев черной золы, смешанной с костями животных, фрагментами керамики и чистого, возможно, речного песка, которыми до толщины одного метра была заполнена площадь общественных трапез. Если представить себе сидевших на площади участников этих трапез, вкушающих мясо жертвенных животных, совершающих ритуальные возлияния, наблюдающих или же принимающих участие в танцах или театрализованных действиях, то трудно представить, что всё, оставшееся после таких ритуалов, аккуратно собиралось и утилизировалось где-то в мусорных ямах. Скорее всего, все это оставалось на месте. Наличие же прослоек чистого песка может говорить о том, что остатки трапезы старательно присыпали песком. Косвенным доказательством тому служат значительно более поздние письменные данные (в том числе кумранские рукописи), согласно которым после завершения общественных трапез участники засыпали кости, чтобы животные и в первую очередь собаки, не растаскивали их по поселению.

Никогда раньше археологи не сталкивались с такой стратиграфической ситуацией культурных напластований, и это впервые отмечено для III тысячелетия до н.э. в системе всей Центральной Азии. О важном месте, которое в культовой символике Маргианы занимали общественные трапезы, и о длительной живучести этих традиций свидетельствует установленный на Северном Гонуре факт, что по мере того, как одна такая площадь захламлялась и приходила в негодность, рядом устраивалась новая. Возле таких площадей всегда располагались бассейны, куда дождевая вода с равнины поступала через систему гончарных труб и длинных канав. В момент раскопок все эти площади были покрыты толстым слоем

39

Silindr görmüşündäki möhürin yzy (Togalak-1).

Прорисовка оттиска цилиндрической печати (Тоголок-1).

Detailed representation of the cylindrical seal impression (Togolak-1).

черной, перегоревшей золы. И так, есть все основания считать, что ритуальные праздники общественных трапез играли чрезвычайно важную роль в идеологических воззрениях древних маргушцев, которые существовали вплоть до самого конца функционирования всего дворцово-культового ансамбля на Северном Гонуре. И весь комплекс, включающий площадь, бассейн, группу помещений с культовыми двухкамерными очагами, объединенный единой функцией, вполне может быть назван «храмом общественных трапез».

Но вернемся к обзору архитектуры прилегающей изнутри к северной части обводной стены рассматриваемого дворцово-культового ансамбля. Как отмечалось, группа помещений с ритуальными очагами занимает весь северо-восточный сектор застройки, примыкающей к обводной стене. Совершенно иная архитектура располагается на северо-западе. Она состоит из длинных стен, образующих два больших двора и примыкающих к ним помещения, характерной особенностью которых является практически полное отсутствие столь уже знакомых культовых двухкамерных печей. Это, безусловно, указывает на ее иное назначение по сравнению с выше рассмотренными сооружениями. Но какое?

Среди раскопанной планировки выделяется одно огромное квадратное здание, которое было построено в более позднее, чем основание города, время, о чем свидетельствуют его стены, стоящие, хотя и на тонких, но, бесспорно, мусорно-зольных слоях. Позднее на этом месте была устроена вторая «площадь общественных трапез», а под ней оказались погребены руины былых помещений, которые заслуживают более подробного описания.

Здание стояло строго по оси север-юг и имело архитектурно законченный вид. Центральную часть бывшего сооружения, видимо, составляло самое большое в нем, прямоугольное помещение (предположительно, внутренний двор), несколько смещенное в сторону от центральной оси (*помещение 340*).

Среди других комнат этого сооружения выделяются *помещения 341, 343 и 344*, в каждом из которых имелось по одной, хорошо сохранившейся к моменту раскопок двухкамерной культовой печи. В *помещении 346* на полу располагается сильно обожженный изнутри прямоугольный алтарь. Еще один двойной кирпичный алтарь располагается напротив культовой печи в *помещении 341*, однако его хронологическая принадлежность к первому, основному периоду, с точностью не установлена.

Значительная часть этого здания не сохранилась, поэтому конкретное назначение его остается неясным, хотя общее культовое представляется наиболее вероятным. Подтверждением особого назначения этих комнат является обнаруженная в них медная печать с изображением крылатой, коленопреклоненной человеческой фигуры с двумя змеями по бокам, а также миниатюрная мраморная головка от составной статуэтки.

Заключая общий обзор и этих храмовых сооружений, можно сделать вывод, что при всей оригинальности и даже уникальности их планировочных принципов налицо связи традиций, уходящих своими корнями в передовые центры Передней Азии, которые могли принести в Маргиану и Бактрию западные племена.

Chapter 3 Temples around Kremlin

TEMPLE OF FIRE. The cult of sacred fire seems to be the most revered in the country of Mouro since its performance was located within the limits of the square. In the history of Gonur it was several times reconstructed and constantly enlarged. Thus, archaeologists managed to find four temples built one on top of the other (**Fig. 17-18**). The first, most ancient, temple was built on virgin soil whilst the fourth, the last one, (preserved only fragmentarily) was constructed practically on the present-day surface of the Gonur settlement. In the first temple the central place was occupied by four rectangular chambers set in line and dug into the virgin soil. Inside the chambers were faced with mud bricks and severely burnt by fire (**Fig. 19**). A long blind wall separated them from any curious glances. Such a tradition of rectangular chambers that barely projected above earth level and hidden behind high blind walls had persisted until the end of the second mil.B.C. It is quite possible that this type of chamber was brought to Margiana by immigrants and represented altars of fire with an «eternal flame» and were not meant for the usual sacrifices. In Margiana they were used until the end of the Bronze Age (Temple Togolok-21). The fire seems to have been burning in these rectangular altars day and night, deeply carbonized bricks inside of the altars favour this suggestion. Next to altars of fire the two so called «depositories of sacred ashes» were found. Dug into the soil, were rectangular brick containers, faced inside with bricks with light traces of fire. By the time of excavations both containers were filled with pure white ashes without any coal particles. On top they were tightly covered with bricks. All the facts testify that altars were used for «eternal fire» burning in them. The Margiana priests divided the ashes from these altars into several categories. The purest and «sacred» ashes were saved in the nearby «depositories of sacred ashes», whilst «contaminated» ashes (second, third and other categories) could have been divided among parishioners the same way as modern Zoroastrians do.

Next to the altar chambers was a spacious rectangular sanctuary (chamber No 106), a platform at the butt-end wall was slightly raised above the floor and covered with a white gypsum layer. Some chambers near the altars (No 117, 109) had double-chambered cult hearths. Among them one hearth stands out. This square hearth is located in the center of the chamber and the floor of its oven is covered with ceramic fragments; this bespeaks a special purpose. When the first Temple of Fire was ruined, on the same place another, bigger one was built for the needs of parishioners, and for the construction fragments of old walls were used (**Fig. 20**). On the one side the walls of the second Temple stand outside the eastern wall of the square and on the other,

they reach the north-eastern corner bastion of the kremlin. A separate micro-complex stands out in this building and the central place in it belongs to chamber No 70. The interior of this chamber including the floor is covered with well preserved white gypsum coating. In the center of its western wall is a cult double-chambered hearth (with light traces of fire); two «blind windows» flank it on both sides. Chamber No 65 that adjoins it has preserved recessed niches and floors covered with a white gypsum layer. One cannot doubt the special purpose of these chambers. Their plan finds analogies in the so called «kiosk» of the royal sanctuary at the northern facade of the complex within the limits of the square which will be discussed later. The second Temple was considerably larger than the first one due to the isolated sanctuary (chamber No 100) that was built close to the corner bastion mentioned above. This was a rectangular building; its interior was decorated with five «blind windows» and a cult double-chambered hearth with light traces of fire inside. Its plan is close to that of a known sanctuary found in the layers of the fourth mil.B.C. at Godin-Depe in Iraq (Young and other authors) and in a still considerably later building of a cult purpose at Tillya in Asia Minor (beginning of the first mil.B.C.). These parallels testify to the thousands of years old traditions of the Iranian-Mesopotamian architectural concepts.

When the second Temple was destroyed it was also used as a platform for building the third Temple which resolutely differed from the two preceding ones. Unfortunately because of its bad preservation it is impossible to reconstruct its plan; we can only say that the main central section of it was occupied by a spacious courtyard framed on three sides by «cells» - those narrow low chambers that our visitor saw in the eastern part of the kremlin. The «cells» of this third Temple as well as the ones in the kremlin were also clay plastered and topped with a roof. By the time of excavations all entrances to the cells were blocked by brick pieces; in Margiana this was used in buildings of a special, cult purpose (Sarianidi, 1998, figs.64-65). It is noteworthy that the central micro-complex (chambers No 65, 70) of the first temple was used during all the building stages of the Temple of Fire. Separate fragments of the walls of the unpreserved chambers of the presumably fourth temple were traced almost on the modern surface. Only one chamber with «blind windows» can be traced more or less clearly. Fragments of cult vessels with discharges in the form of bull's heads testify to the fact that the Temple was used not only for the permanent burning of fire, saving and sorting of ashes, but also for some ceremonies connected with ritual libations (perhaps, in the honor of the God of Fire?). Such fragments were found in large numbers among the ceramics from the chambers of the Temple of Fire. It is not accidental that cult vessels with discharges in the form of bull's heads were so popular in temples of Asia Minor, as for example, in Inandik Tepe and at other Bronze Age monuments in Anatolia.

TEMPLE OF SACRIFICES. It is significant that a rather high blind wall separated this complex from the Temple of Fire, an indication of its special meaning. On the eastern facade some chambers directly adjoin the inside wall of the square, others are located at a distance from the kremlin wall. The buildings of the complex were built around the south-eastern tower of the square and then continued on the southern facade of the complex and followed around the south-western tower end to its western side (**Fig.21-22**).

In the center of the southern and western parts of this complex one can see small pools in front of the kremlin entrance as well as within the limits of the square. Noteworthy are that the pools were not built at the early stage of this monument and their construction destroyed parts of the walls of the previous buildings. It is quite possible that they were built at the last stage of the Gonur monument for gathering and saving as much water as possible, or may be their construction was inspired by the changes (development?) of religious cults wherein it became necessary to use more water. The first supposition seems more doubtful since most of the evidence testifies that after the construction of the pools the buildings around them were long used for cult purposes and that the active life at Gonur continued. Two large round altars located next to each other stand out among the long monotonous row of chambers. In the eastern wall of the largest of them (diameter about 7 m) is a passage with downward steps (**Fig.23**). Down in the basement of the southern wall of the altar was a very well preserved double-chambered cult hearth built inside the wall. Inside it is lightly burnt but very sooty. The specific composition of its ashes suggests that it was used for burning aromatic herbs rather than wood. Fragments of a unique for Margiana semi-spherical cup made of onyx was found on the altar floor. Perhaps it was used during religious ceremonies, including libations. More than once they renewed the altar, raised its walls slightly and covered them with clay plaster. Either due to the decay of this altar, or the increase of the number of parishioners and consequently of the amount of sacrifices a «small altar» (diameter 5 m) was built next to the large one. On the southern facade in chamber No 50 was another round altar (diameter about 5m), also open on the top, its northern section at the height of 30-50 cm slightly burnt inside (**Fig.24**). It is quite possible that these traces were left by moving lamps of the same type that were found in the royal tomb No 3200.

All these three altars that our visitor saw had common features. They were all built in the open air; one of them had a double-chambered cult hearth whilst the two others had slightly burnt walls. Later on I will try to prove that these peculiarities are very significant for our understanding of the Zoroastrian cults of fire. Between the large and small altars on the western facade were found a cylinder seal with scenes of fertility and a large steatite top of a stone scepter (**Fig.25**) that presumably belonged to a priest.

At the northern part of the western facade of the square was a large rectangular building of a clearly public purpose. It is conventionally called the «house of songs» and here parishioners together with priests could pray to their gods and make sacrifices. The cult ceremonies and rituals could have been completed in the altar square inside the round altars mentioned above. At first on the southern facade this large chamber - the «house of songs» - occupied practically the whole central place. At a later stage the southern «house of songs» was half destroyed after they built a ritual pool on this spot. The plan of the western, southern and part of the eastern facades have much in common: a lot of one type of cult hearths, large round altars and the so called «houses of songs» that obviously had a public use. Another common feature is that at the last stage of these «houses» small reservoirs were made in their central sections. Perhaps we can suggest that these buildings had a common function, meaning that they were parts of a temple of sacrifices.

A large number of cult hearths in the chambers of a given temple is easily explained. It is known that ancient Iranians believed that the surrounding world was inhabited by a great number of good and evil spirits and that they constantly fought with each other for the rule over human souls. To withstand evil spirits and propitiate good ones many sacrifices had to be done and naturally this demanded a great number of cult hearths. The temple of sacrifices excavated by archaeologists in the Kara Kum desert is so far a single and unique monument in the entire zone of The Near East. Though the temple is far from being monumental in size and its plan is simple still one can suggest that this complex was undoubtedly connected with ritual sacrifices.

Besides all the above mentioned details, such as a large number of ritual double-chambered hearths of a special construction, large and open altars of fire, the «houses of songs» with single ritual hearths, that are believed to be special buildings used not only for sacrifices but for collective singing, a kind of liturgy, as well as reservoirs used by parishioners for washing before making sacrifices: all these makes it possible to say that the monument excavated at Gonur is the only ritual complex and is found nowhere else. It is possible that in the early stage of the temple of sacrifices they used water from the southern «small» reservoir mentioned above and that later when the level of water in it lowered they dug out two new reservoirs which were filled with water through long drainage lines (**Fig.26**).

THE ROYAL SANCTUARY. The north-eastern area between the kremlin and walls of the square was built out with ordinary dwellings and household structures where probably the personnel that served the complex or the guards lived. This supposition is based on the almost complete absence in these chambers of any ritual double-chambered hearths of the type described above and the presence of usual home hearths instead. It is doubtful that our visitor could have been interested

in this type of dwelling. Much more interesting for him would have been the second, north-western half of the northern facade of the square which was to the West from the central entrance to the kremlin (**Fig.27**).

If we can among visited these chambers during the rituals that took place in 2300-2500 B.C. (which will be discussed later) he would see how a solemn procession crossed first the large courtyard (chamber No 143) outside the defensive walls of the square and then went through a narrow passage next to the second square bastion from the north-western corner of this wall and entered a very important building with an unusual plan that archaeologists conventionally call «royal sanctuary» (**Figs 28,29**). The wall of the square forms the northern wall of the structure under discussion. We can watch how the people in the procession silently walk through the chambers of the «royal sanctuary» whose floors were carefully plastered with clay and white gypsum, past a row of small rooms with passages located opposite each other and finally stop in the hall No 129 before they enter the special chamber No 115. The solemn atmosphere of this chamber was created by ten «blind windows». Soft light from the top of the roof streamed along the folds of niches and rolled onto white soft felts and mats that covered the floor of the chamber. Only the people closest to the ruler went inside. In the center of the chamber they entered the so called «kiosk» - the most sacred part of this building. This rectangular structure had wide low thresholds instead of walls. The corners of the «kiosk» were decorated with folds and probably on these four stands a kind of a tent was stretched. In the center of each threshold was a column on the sides of which were probably double folded doors (**Fig.30**). The plan of the «kiosk» is rather close to the «square hall» (chamber No 170) of the ritual complex of the Gonur palace mentioned above.

In the center of the southern wall of the chamber between two «blind windows» is a double-chambered ritual hearth. The location of the hearth reminds us of an analogous plan of the sanctuary in the second temple of fire (chamber No 100). It is noteworthy that not only this hearth but also the others in the «royal sanctuary» had a kind of «a step» rather than a partition between the two chambers of an oven. Aromatic smoke streamed from the hearths, the walls of their furnaces were sooty black (and not burnt red) because they most likely burnt not wood but herbs. It is remarkable that a ritual hearth with a «step» was also found in the large altar of the western facade of the temple of sacrifices. It is noteworthy that the analogous detail is traced in all ritual hearths of special cult chambers and especially in the temple altars of North Gonur. Also, it should be noted that Indo-Iranians and Zoroastrians often use aromatic herbs as an element of sacrifice.

We do not know any building of the «kiosk» type in the entire zone of the Near East except for one structure of a similar plan that was excavated in the second layer of the ancient Indian city of Mohenjodaro that some Indian specialists have determined to be a «temple of

fire». If this analogy is correct then it is not accidental that in Gonur in the «royal sanctuary» and in the chamber with a «kiosk» (No 115) there were ivory objects that reflected the influence of the Harappa culture («fortune telling sticks», and which is more important - fragment of a stone (steatite) statuette of a kneeling man). Unfortunately only the lower part of the statuette has been preserved, though the upper part would have been of a greater scientific interest for us (**Fig.31**). Nevertheless, even this unattractive stone fragment has great significance. It should be noted that one knee is bent lower than the other, and though hands were not preserved still one can trace that the left palm rested on the raised knee of the left leg. The fact of the matter is that excavations of some ancient cities in the Indus Valley brought to light several similar statuettes of people on bent knees and on one of them the palm also rested on the knee, in the same way as the Gonur statuette is posed. This leaves no doubt of their common origin (**Fig.32**). The question is whether these statuettes were brought to the Indus Valley by immigrants from Margiana or, on the contrary, they were found in Margiana as a result of cultural exchange between these two places. It is difficult to give a definite answer to this question but remarkably on the Indian subcontinent in the earlier periods such statues with bent legs were not found, though in Margiana they were rather popular. Thus, people on bent knees (often with bird's heads) are traced on seals from Bactria and Margiana; often one knee is higher than the other.

Such similarity testifies that this motif was spread from Bactria and Margiana down to the Indian subcontinent. In turn the origin of these images of people on bent knees should be observed in the Syro-Hittite glyptics where they are represented on the seals of ancient Syria and Asia Minor. So one can suggest that the Bactria and Margiana tribes could have slowly moved from Central Asia into the Indus Valley and brought along their own images and deities whom they worshiped in their faraway motherland. Anyhow, it is clear that in ancient India, Bactria and Margiana one type of ritual statuette was used during religious ceremonies. At this point it would be useful to dwell upon the contacts between ancient India and the country of Mouru at the end of the third mil.B.C. Such scholars as A.Ardeleanou-Yansen and especially G.Possel who scrupulously analyzed the latest material from the Indus Valley (as, for example, a «wig» from a composite statuette from the late layers of Mohendjo-Daro, found by R.Midow) came to a firm decision that close contacts existed between these two countries in antiquity. They prove the presence of Margiana tribes in the settlements of the Harappa civilization near 2000 B.C. Also, among funeral gifts in the aristocratic tombs at North Gonur there were ivory hair combs (**Figs 33, 34**) and other accessories made by craftsmen of Bactria and Margiana, another fact that testifies to the existence of definite contacts between these two countries on the eve of the third-second mil.B.C.

It has already been mentioned that the objects found in Margiana

and made in the Indian subcontinent belonged to the late layers of the Harappa civilization though in Margiana the same articles were found in the earliest layers. In this case one may suggest that not all the tribes that came to the valley of Murgab from the faraway West settled down on the banks of this river. Some of them continued their march eastwards and reached the Indus Valley. These latest archaeological materials give new grounds for reviewing the problem of the «Arian conquest of India».

If we come back to the «royal sanctuary» of Gonur we shall see that besides the already mentioned artifacts, on the floor of chamber No 132 there were fragments of a clearly cultic ceramic vessel with an inscribed ornament in the shape of horned goats among trees and with pipe-shaped discharges that looked like bull's heads (**Fig.35**); this is evidence of the ritual, not secular, character of the «kiosk». The question though remains of what kind of rituals and religious ceremonies were performed in this very original structure? Like temples of fire and sacrifices the «kiosk» was also placed inside the square of the defensive walls (a certain indication of their important role in the religious life of Margiana); yet one could enter it only through the outside walls of the square.

THE TEMPLE OF COMMUNAL EATING. When we entered the northern gates of the temple city came a long way to reach the palace. There are several large «courtyards» surrounded by corridors and chambers. As we have mentioned above, such large «courtyards» or «halls» with narrow corridors surrounding them recall the plan of the type of a «courtyard framed with corridors» that was so popular in the monumental architecture of the Near East and whose origin should be looked for in the ancient Syrian architecture of the fourth mil.B.C. (monument of Khabub-Kabir - Iraq). These monumental structures extended from the northern part of the encircling wall of Gonur and reached the complex of «royal sanctuary» and probably had same functional connection with it.

But before we stepped into the labyrinth of «courtyards framed with corridors» we would have noticed a large square (over 500 sq.m) that started at the north-eastern wall of the square (**Figs 36**). By the time of excavations this area was covered with a thick cultural layer (up to 1 m) that consisted of alternating layers of black ashes mixed with animal bones and broken ceramics and white river sand. No parts of walls, no fragments of buildings or altars or altar platforms were found here; only separate spots of small bonfires could be clearly traced. The excavated state of this square leads one to suggest that when Gonur was founded it was a place where visitors and pilgrims from different corners of Margiana could gather together. The aim of such systematic gatherings will be clear to us when we shall come to the north-eastern section of the surrounding wall, to the group of small and carefully trimmed chambers with cult hearths in each of them (for example, No 7, 11) (**Fig.37**).

In some of the chambers of this complex for the first time we found

large pear-like hearths that we had not seen in the temple of sacrifices. The hearths played a role similar to that of the usual double-chambered ritual hearths (**Fig.38**). Their construction is the usual plan for cult hearths: prevention of direct contact of fire with bloody meat. To achieve this, between a hotly burning furnace and a spacious oven they placed a step with a perforated partition so that the heat could reach the meat through holes. It is not accidental that only inside this type of hearths skulls of large animals - cow, bull, camel - were found. The pear-shaped hearths were found in the open air, except for the chamber No 40 where both types of hearths were presented and a camel's skull was found in the pear-shaped hearth. Both types of hearths were used at the same period of time. It is known that when ancient Iranians killed animals for sacrifice, they left their heads and tails on the spot and dedicated them to gods (this will be discussed in more detail below).

The main northern entrance to Gonur on its eastern side is flanked with a blind western wall of the complex of rooms with double-chambered hearths described above. As we remember, in front of this entrance was a reservoir where one should make ablutions. The second reservoir built at a later stage is situated to the North from the square and to the East from the complex with double-chambered hearths. To both reservoirs water was supplied from the outside plain through a drainage system made of ceramic pipes. All these facts testify that the squares, ritual chambers and reservoirs were functionally linked together and formed a single temple of communal eating. Such a complex of structures for a given ritual is similar to those popular among ancient Iranians (Iza) and Indians (Ida). Based on later sources we may suggest that this kind of feast took place in squares and were meant for large gatherings of people.

One can imagine that according to tradition on special days a great number of pilgrims from different parts of the Mouru country gathered together in the temple city situated in the key-point of the delta. We can imagine how they were coming in family groups, or communities driving one or several animals for sacrifice. Most probably after passing through the northern gates and making ritual ablutions in the reservoir, they passed with their ram, goats, cows or camels to the priests who had already prepared the wood and started to burn the ritual hearths. They probably prayed and pronounced some sacred texts and made rituals unknown to us while preparing the sacrificed meat. Quite possibly the pilgrims also participated in this ceremony and afterwards went to the square and sat around small bonfires in case the eating took place in the evening. Then, the temple servants divided among the people the meat that was specially cooked and sanctified with prayers. They ate the meat «with a special concentration of mind and soul» (M.Boyce), since ceremonies like Ida/Iza were regarded as divine strength that was administered to everyone who participated in communal eating. Though we have no direct evidence still we can suggest that this communal eat-

ing was accompanied with music and acrobatic acts. The suggestion is based on the stone cylinder found in one tomb at Togolok-1; it bears a scene of acrobatic capers and musical instruments among which were large tambourines that probably produced loud harsh sounds (**Fig.39**). According to linguists in the Hittite archives the word «festival» means not only a «holiday» but also a «feast», a «banquet» that was often accompanied by musicians. Jumping acrobats are mainly known in the Aegean-Anatolian world and now the cylinder with such a scene from Margiana may be interpreted as evidence of cultural and historic contacts between these two regions.

The halls (less probably, yards) encircled by corridors that were mentioned above are believed to be the place where a kind of «secret mysteries» (cult ceremonies and rituals) took place. These were sacral acts associated with «communal eating» that should be hidden from the eyes of non-initiated. They were meant only for selected priests. But the final stage of the «communal eating» probably took place in the square in the presence of a large number of people. The existence of secret «mystical» cults in ancient Margiana society may be proved by the fact that all those who participated in the scene on the cylinder mentioned above had human bodies and monkey heads (or masks).

It is remarkable that in the Hittite written documents they speak of «seasonal» meals with the participation of a king. First he made an ablution of hands in a special pool and then entered the temple where he joined the collective meals and ritual drinking. Maybe the «royal sanctuary» described above had the same functions as a special place where the ruler of Margiana participated in communal eating. And perhaps this explains the fact that one could enter this structure not from the side of the kremlin wall but from the outside of the defensive wall of the square and that the space between the «royal sanctuary» and the square of communal meals was built up by «corridor-encircled halls».

It is noteworthy that in antiquity the tradition of «communal eating» was rather wide spread in the Near East and represented «the highest level of purity, similar to sacrifices in the temple» (Magness). To some extent this may bring to mind the Dionysian mysteries that were accompanied by music and ritual dances and even perhaps by theatrical performances.

Also, let us remember another fact that has been mentioned above: the alternating layers of black ashes mixed with animal bones and ceramic fragments and pure sand that covered the square of the «communal eating» up to 1 m high. We can imagine how the people who were sitting in the square ate the meat of sacrificed animals, made ritual libations and watched or even participated in dances, acrobat or theatrical performances. It is hard to imagine that they would carefully collect the remains of these ritual meals and kept them in some definite place (or places). These remains were most probably left on the spot and then carefully covered with sand. There is also another indirect

proof of our supposition that was found in the later written documents (including the Qumran manuscripts) according to which after the end of communal meals they «covered the bones so that animals, dogs first of all, would not drag them all over the settlement». Never before did archaeologists meet such a cross cut of cultural layers and for the third mil.B.C. this is the first such case in the entire zone of the Near East. Communal eating played an important role in the cult symbolism of Margiana and the enduring vitality of this custom is proved by the fact that at North Gonur when one such square became cluttered and could not be used any more they arranged a new one in another part of the complex – first in its north-western part and at the last stage of the monument in the southern part. Always next to these squares was a reservoir filled with rain water through a system of ceramic pipes and long trenches. By the time of excavations the squares were covered with a thick layer of black burnt out ashes.

So far we have enough evidence to suggest that ritual festivals of «communal eating» played an extremely important role in the ideological views of the ancient Margiana people. Perhaps, they lasted until the end of the North Gonur existence. We believe that the whole complex that included the square, reservoir, a group of rooms with ritual double-chambered hearths was united by a common function and can be considered as a temple of communal meals.

Let us then continue the review of the architecture that our visitor saw inside the northern part of the surrounding wall of the palace and temple complex. As was mentioned above, the group of chambers with ritual hearths occupied the north-eastern sector of the complex that adjoins the surrounding wall. In the north-western section we found quite a different architecture. It consisted of long walls that made up two large halls or yards and a number of chambers that adjoined them. It is very remarkable that no double-chambered hearths so familiar to us were found in any of these premises. This is evidence that the given ensemble had quite a different purpose. Among the excavated structures we can single out a very large square building that was built in a later period, that is after the foundation of the city. This is proved by the fact that its walls were based on a thin layer formed by debris and ashes. Still later a second square for «communal eating» was arranged on this spot and underneath there were ruins of former chambers that deserve a more detailed description. The structure was built strictly according to the North-South axis and was fully complete. The largest feature in this structure was a rectangular chamber that was located in the center (supposedly, an inner courtyard) and slightly shifted from the central axis (No 340). Also noteworthy are chambers No 341, 343, 344; each of them had a well preserved double-chambered cult hearth. On the floor of chamber No 346 was a rectangular altar severely burnt inside. In chamber No 341 another double-chambered brick altar was located opposite the cult hearth. But it is hard to determine whether it was built

at the first, main stage of construction or later.

Since most parts of this structure were not preserved, it is difficult to establish precisely its purpose but ritual attribution seems most probable. A special purpose for these chambers is evident from such findings as a copper seal with an image of a winged human figure with bent legs flanked with two snakes at his sides, as well as a miniature marble head of a composite statuette. In the conclusion of this review of temple structures one may say that in spite of the fact that their plan principles were original and unique still offer evidence of traditional contacts with the Iranian and Mesopotamian world. The tribes that migrated from the West to Bactria and Margiana could have brought these traditions.

IV bap

Gün ybadathanasy

40
«Gün
ybadathanasyndaky»
jaýlar toplumu
gazuw-agtaryş işleri
mahalynda.

Комплекс
помещений храма
Солнца-Митры во
время раскопок.

A complex of prem-
ises of the Sun-Mitra
temple during exca-
vations.

GOŇURDEPEDE soňky ýyllarda geçirilen gazuw-agtaryş işleri ybadathana desgalarynyň köşk-dini ygtykatly toplumyň çäginde daşda bolandygyny, olaryň toplumyň diwaryna has golaý ýerleşýändigini görkezýär. Eger häzir üsti açylan harabalyklaryň üstünden geçsek, zynjyra düzlen jaýlary görmek bolýar. Şol jaýlaryň içinde köpsanly ojak bar. Bu zynjyr üzülip, dürli derejede saklanyp galan üç sany tegelek altary emele getirýär. Ol göni çäge materigiň üstünde gurlupdyr, ýagny onuň aşagynda hiç haçan hiç zat bolmandyr. Jaýlaryň oňat saklanyp galmadygy sebäpli, bu ýerde geçirilen dini dabaralar barada gürrüň etmek kyn hem bolsa, olarda oduň möhüm orun eýeländigini çaklamaga doly esas bar. Şu jähetden diametri 10 metre golaý bolan «uly altar» bilen birleşýän bir sany kiçi toplum tapawutlanýar. Oňa girýän jaýlaryň ählisi öz aralarynda geçelgeler bilen baglanyşýar – toplumyň merkezinde bolsa peçli süýri jaý ýerleşýär. Bu jaý, görnüşi ýaly, dini dessurlar bilen baglanyşykly bolana meňzeýär (**40-njy surat**). Hut şu ýerde köpçülikleýin doga okalan bolmagy mümkin. Her hal, biz eýýäm şuňa meňzeş ýerleşiş ýagdaýyna Owganystandaky Daşly-3 gadymy baktriýa «tegelek ybadathanasynda» gazuw-agtaryş işlerini geçirenimizde duşupdyk: şol ýerde merkezi meýdançanyň içinde yokarsy ak gips bilen suwalan belent bolmadyk podiumly we goşa peçli gönüburçly kiliseler bolupdyr. Bu meňzeşlik Baktriýada hem, Marguşda hem dört müň ýyla golaý wagt mundan ozal umumy dini ynamlaryň bolandygyny, olarda oduň möhüm orun eýeländigini tassyklamaga doly esas berýär.

Koridor Goňur ybadathanasynyň (özboluşly «aýdym aýdylýan öý») uly zalyny eýýäm ýatlanylýp geçilen örän uly tegelek altar bilen birleşdirýär. Altaryň merkezinde peçli gönüburçly kilise ýerleşýär. Altar, gürrüňsiz, örän

uzak wagtlap ulanylýpdyr, çünki onuň golaýynda dykyz depgilenen külün köp gatlagy emele gelipdir. Hut şu altar meýdançasynynda ýene-de iki sany altar bolupdyr, olar gazuw-agtaryş işleriniň geçirilen mahalynda çenli oňat saklanyp galmadyr. Olaryň biriniň içinde soň gurlan ojak ýerleşýär. Üçünji altardan diňe ýanma-ýan ýerleşen iki sany örän uly peç galypdyr (**41-nji surat**). Peçleriň ikisi hem gyzyl ot bolup ýanypdyr. Olaryň ojaklarynda hem, «duhowkalarynda» hem gaty ýanan oduň yzlary galypdyr. Eger bu uly ýangynyň yzlary bolmasa, onda bu ýerde ýörite ýakylan ot lowurdap ýanypdyr! Şeýle ýagdaýda peçleriň ikisi hem adaty bolmadyk maksatlar üçin ulanylýpdyr. Men şeýle desgalaryň dini häsiýetli bolandygyny tekrarlaýaryn. Munuň şeýledigini köp alamatlar tassyklaýar.

Elbetde, şol altarda berlen gurbanlyk haýsy hudaýa (ýa-da hudaýlara) niýetlenendigini bize bilmek miýesser etmändir. Ýöne dinleriň köpüsünde jaýlaryň tegelek formasy gün dini ygtykaty bilen baglanyşdyrylýar. Biziň tegelek desgamyz gün dini ygtykaty, başgaça aýdylanda, güne çokunmak däbi bilen baglanyşykly dälmikä?

Şu ýerde Awestada birnäçe gezek ýatlanylýan Mitra hudaýyny ýatlamak zerur bolup durýar. Mitra köphudaýly hindiari panteonynda, şeýle hem oňparazlyk dininde esasy orunlaryň birini eýeläpdir. Klassiki Mitra ylalaşyklaryň we şertnamalaryň (dürli şertnamalar baglaşylanda, onuň adyndan ant içilipdir) hudaýy hasaplanylýsa-da, ol şeýle hem ählumumy «kosmiki tertibini» alamatlandyrypdyr: haçan gije bilen gündiz çalyşýar ýa-da haçan möwsümleýin özgerişlikler bolup geçýär, ýylyň pasyllaryna laýyklykda gurban bermegiň tertibi bolupdyr. Hindiyewropalylar Mitra gün hudaýy hökmünde çokunypdyrlar. Gadymy hindi Rigwedasynda hem, Awestada hem ol günün dogmagynyň kompanýony hökmünde çykyş edýär, ýagş ýagdyrýar, ösümlikleriň ösmegine we ählumumy bol hasyllylyga ýardam edýär – bu barada Meri Boýs aýdýar. Onuň kärdeşleriniň köpüsi hem oda Mitranyň agenti hökmünde garamak bolar diýip hasaplaýar. Onuň gadymy Hindistanda hem, Merkezi Aziýada hem deň derejede meşhur bolandygyny bilmek möhümdir. Dilçiler Awestada we Rigwedada Mitra bilen günün we oduň arabaglanyşygynyň köpsanly subutnamalaryny tapdylar. Şu jähetden Goňurdepäniň daşky diwarynyň çäginde daşdaky ybadathana desgalarynda geçirilen gazuw-agtaryş işleri şol ýerde tapylan altarlary hut gün dini ygtykaty bilen baglanyşdyrmaga doly esas berýär.

Oňparazlykda Mitranyň hudaýlyk rolunyň köp aspektleri bar. Ol Çinwat köprüsünde merhumyň sogap we erbet pikirlerini, sözlerini we işlerini saldarlap, adamlaryň öleninden soňky kazysynyň roluny hem ýerine ýetiripdir. Awesta laýyklykda, merhumyň ruhunyň jennetde ýa-da dowzahda bolmalydygy baradaky meseläni hem hut Mitranyň özi çözüpdir. Muňa Mitra bilen birlikde adalat hudaýy Arştat hem gatnaşypdyr. Awesta döwüründe oňa çokunmak Mitra dini ygtykatynyňkydan pes bolmandyr. Şunuň bilen baglylykda Goňurdepede, ýatlanylýp geçilen altar meýdançasynyň golaýynda edilen örän gyzykly açyş barada durup geçmän bolmaz. Bu açyş oturan adamlaryň palçykdan ýasalan, diňe günde guradylan birmeňzeş heýkeljikleri bilen baglanyşyklydyr (**42-nji surat**). Olar özlere tipologik taýdan ýakyn, ýöne Baktriýanyň we Marguşyň daşdan ýasalan düzümlü diýlip atlandyrylýan heýkeljiklerini ýatladýar (**43-nji surat**). Düzümlü heýkeljikler aristokratlaryň we hatda patyşalaryň mazarlaryndaky zatlary arasyndan hem tapyldy. Goňurdepedäki toýun heýkeljikleriň näme maksat bilen ýasalandygy bize mälüm däl, ýöne alymlaryň käbiri olary jaýlamak dessurlary, diýmek, ölüm bilen baglanyşdyrýarlar. Düzümlü heýkeljikleriň

41

Gün ybadathanasynyň jaýlarynyň birindäki iki kameraly peç.

Двухкамерные ритуальные печи в одном из помещений храма Солнца-Митры.

Two-chambered ritual furnaces in one of the premises of the Sun-Mitra temple.

palçykdan ýasalan görnüşleriniň tegelek altar ýerleşen ybadathanadan tapylmagy şol ýerde duran heýkeljikleriň hudaýlar Mitrany we Arşatý şekillendirendigini çaklamaga esas berýär.

Mälim bolan düzümlü heýkeljikleriň ýekejesinde-de jynsa degişlilik alamatlary ýokdur. Munuň özi alymlaryň arasynda uly diskussiýalary döredýär. Düzümlü heýkeljikleriň mermerden ýonulan kelleleri we elleri, şeýle hem gara steatitden ýasalan başgaplary we gür saçlary hemişe bedeninden aýry-aýrylykda taýýarlanylýpdyr. Şonuň üçin hem olar düzümlü diýlip atlandyrylýpdyr. Şeýle düzümlü heýkeljikleriň bölekleriniň dürli ussahanalarda öndürilendigi hem anyklanylady! Mysal üçin, Goňur gonamçylygyndaky «daş ýonujynyň mazarynda» beýleki zatlar bilen birlikde düzümlü heýkeljikleriň üç jübüt elleri hem bar eken. Diýmek, her bir ussa heýkeljikleriň belli bir bölegini taýýarlamaga ýöriteleşdirilipdir we olaryň diňe zehinlileri kellejikleri ýasapdyr. Şol önümler köp halatlarda hakyky sungat eserine öwrülýpdir (**44-46-njy suratlar**).

Gadymy adamlaryň Mitranyň gelip çykyşyny Gündogar bilen baglanyşdyrmagy tötänden däl bolsa gerek. Baktriýanyň we Marguşyň gadymy sungatynda hem bu çaklama öz subutnamasyny tapýar. Düzümlü heýkeljiklerden başga-da, dürli haýwanlar şekillendirilen tumarlar bar. Bütin dünýäde meşhur fransuz alymy Pýer Amýe ilkinji bolup olara üns berdi we şeýle sýuzeti «fallik simwolyzmi» diýip atlandyrdy (**47-nji surat**). Häzirkä zaman hünärmenleriniň köpüsi onuň bilen ylalaşýar. Köp asyrlar geçenden soň, gadymy rim legionerleri özleriniň gündogara ýörişleri mahaly Mitra hudaýynyň dini ygtykaty bilen tanyşdylar. Şol dini ygtykat legionerleriň üsti bilen Gündogardan Günbatara ýaýrady we Rim imperiýasynda resmi taýdan ornaşdy. Öküzi öldürip duran Mitranyň köpsanly şekilleri hut şeýdip döredilipdir. Rimiň bu syrly tema bilen baglanyşykly kompozisiýalary häzire çenli ylmy diskussiýalaryň temasy bolup durýar. Indi mitraizmiň gözbaşlaryny hut Merkezi Aziýadan gözlemeli diýmäge bizde doly esas bar.

Глава четвёртая

Храм Солнца, святилище Митры

РАСКОПКИ последних лет на Гонур-депе показали, что храмовые постройки были и за пределами дворцово-культового комплекса – они вплотную примыкают к его обводной стене. Если пройти сейчас по вскрытым руинам, можно увидеть группу вытянутых в цепочку помещений, имеющих внутри много очагов. Эта цепочка обрывается, образуя площадку с тремя разной сохранности круглыми алтарями. Она устроена прямо на песчаном материке, то есть под ней никогда ничего не было. Хотя из-за плохой сохранности помещений трудно судить о характере протекавших здесь культовых церемоний, есть все основания полагать, что огонь играл в них первостепенную роль. И в этом смысле показателен один микрокомплекс, который соединяется с «большим алтарем» диаметром почти 10 метров. Почти все входящие в него помещения связаны между собой проходами, а в центре этого ансамбля – большое вытянутое помещение с печью в западной стене, которое имело, судя по всему, культовое назначение (**Илл.40**). Не исключено, что именно здесь проходили коллективные моления в соответствующем антураже. Во всяком случае, довольно близкую планировочную ситуацию мы уже встречали раньше во время раскопок древнебактрийского «круглого храма» Дашлы-3 в Афганистане: внутри центрального круга там были прямоугольные святилища с невысокими подиумами, обмазанными сверху белым гипсом и двойными, явно культовыми, печами. Это сходство дает все основания утверждать, что и в Бактрии, и в Маргиане около четырех

42

Gün ybadathanasynyň 13-nji jaýyndan tapylan toýun heýkeljikler.

Глиняные статуэтки из помещения 13 в храме Солнца-Митры.

Earthenware figurines from room 13 in the Sun-Mitra temple.

тысяч лет назад были общие верования, в которых огонь играл первостепенную роль.

Коридор соединяет большой зал гонурского храма (своеобразный «дом песнопений») с уже упомянутым огромным круглым алтарем, в центре которого располагается прямоугольное святилище с печью. Алтарь, безусловно, использовался очень и очень долго, так как рядом с ним накопилось множество слоев плотно утрамбованной золы. На этой же алтарной площадке были еще два алтаря, которые к моменту раскопок очень плохо сохранились. Внутри одного из них - поздний по времени очаг, устроенный над пришедшими к тому времени в ветхость старыми алтарями. От третьего алтаря остались лишь две расположенные бок о бок двухчастные печи необычайно больших размеров, устья которых направлены на север (Илл.41). Обе они обожжены докрасна: у них и топки, и духовки несут следы сильного воздействия огня. Если это не следы пожара, в котором мог сгореть весь храм, тогда на этом месте пылал специально разводимый огромный костер! И в таком случае обе эти печи имели и вовсе необычное назначение. Едва ли оно было утилитарным, или, иначе говоря, бытовым, как полагают иные скептики. Я настаиваю на культовом характере подобных сооружений, на что указывает немало весьма существенных признаков.

Конечно, нам не дано узнать, какому божеству (или божествам) предназначались жертвы, приносившиеся на этом алтаре. Но во многих религиях круглая форма помещений связывается с культом солнца, нередко тесно переплетенного с обожествлением огня. Так не связано ли наше круглое сооружение с солярным культом, а проще говоря – с поклонением светилу?

Тут стоит вспомнить неоднократно упоминаемого в Авесте бога Митру, который занимал одно из главных мест в языческом индоарийском пантеоне, точно так же, как и в последующей зороастрийской религии. Хотя классический Митра считается богом договора и соглашения (его именем клялись при заключении разных контрактов), он олицетворял собой также всеобщий космический порядок: когда ночь сменяется днем, или когда происходят сезонные изменения, а в зависимости от времен года находился порядок жертвоприношений и т.д. Индоевропейцы поклонялись Митре как солнечному божеству. И в древнеиндийской Ригведе, и в Авесте он выступает как компаньон восхода солнца, вызывает дождь, способствует росту растений и всеобщему плодородию – этот факт отмечает Мэри Бойс. Многие ее коллеги также считают, что огонь может рассматриваться как агент Митры. Очень важно отметить, что он был в одинаковой степени популярен как в Древней Индии, так и в Центральной Азии. В Авесте и Ригведе лингвисты нашли большое число свидетельств связи Митры с солнцем и огнем. В этом свете раскопки храмовых построек с западной стороны за пределами внешней стены Гонур-депе дают веские основания связывать найденные там алтари именно с солярным культом.

В зороастризме есть много аспектов божественной роли Митры, в том числе и как посмертного судьи, который взвешивает у моста Чинват благие и злые мысли, слова и дела умершего человека. Согласно Авесте, именно Митра определяет, достойна ли душа по-

43
Baktriyadan tapylan
daşdan ýasalan
düzümlü heykeljik.

Каменная состав-
ная статуэтка
из Бактрии.

Compound stone
figurine from
Bactria.

койного рая, или ее место в аду. Очень важно, что вместе с Митрой в этом участвует и богиня правосудия Арштат, поклонение которой в авестийские времена не уступало культу Митры. В этой связи нельзя не отметить одно весьма интригующее открытие, сделанное на Гонур-депе рядом с упомянутой алтарной площадкой. Это две однотипные раскрашенные фигурки из необожженной, а лишь высушенной на солнце глины, изображающие сидящих людей (Илл.42). Они напоминают типологически близкие им, но вырезанные из камня так называемые составные статуэтки Бактрии и Маргианы, найденные среди погребальных приношений аристократических и даже царских могил (Илл.43). Назначение их пока остается не совсем ясным, хотя их связь с погребальными обрядами, а значит, и смертью, признается многими исследователями. Поскольку глиняные

44

*Goñurdan
tapylan daşdan
yasalan düzümli
heýkeljikleriň
bólejikleri.*

*Фрагменты
каменных
составных
статуэток
из Гонура.*

*Fragments
of compound stone
figurines
from Gonur.*

варианты составных статуэток были обнаружены в храме, где находился круглый алтарь с пылающим пламенем, возможно, в честь бога Митры, то можно допустить, что стоявшие рядом статуэтки могли изображать его и богиню Арштат.

Ни на одной из числа известных составных статуэток нет характерных признаков пола, что уже давно вызывает бурные дискуссии среди ученых. Этот тип статуэток получил свое название из-за того, что их головы и руки, выточенные из белого мрамора, а также головные уборы или пышные прически из черного стеатита всегда изготавливались отдельно от основного туловища – также стеатитового. Установлен и тот факт, что части таких составных статуэток производились в разных мастерских. Например, в «могиле камнереза» на некрополе Гонура, помимо других погребальных приношений оказались три пары рук от составных статуэток, что указывает на «серийность» их изготовления. Выходит, что каждый мастер специализировался на изготовлении определенных частей статуэток и только самые талантливые из них вытачивали головки с очень выразительными и неповторимыми чертами лица, которые нередко представляют собой настоящие шедевры малой пластики (Илл.44-46).

Возможно, не случайно древние связывали происхождение Митры с Востоком, что получает теперь и свои археологические доказательства в древнем искусстве Бактрии и Маргианы. Кроме составных статуэток, это еще и очень распространенные сюжетные композиции, выгравированные на каменных амулетах с однотипными изображениями извивающихся змей или драконов в паре с птицами или животными.

Всемирно известный французский ученый Пьер Амье едва ли не первым обратил на них внимание, назвав такой сюжет «фаллическим символизмом». (Илл.47). С ним согласно большинство современных специалистов. Считается, что такие темы и образы отражают общую идею «похищения живительного семени». В конечном счете, она связывается с мыслью о всеобщем плодородии и продолжении жизни на земле. Много веков спустя древнеримские легионеры во время своих восточных походов познакомились с культом бога Митры, который через них распространился с Востока на Запад и стал официальным в Римской империи. Именно там создавались многочисленные изображения Митры, убивающего быка, к которому, извиваясь, подкрадывается змея. Римские композиции, связанные с этой загадочной темой, до сих пор служат темой научных дискуссий. Теперь же мы имеем основания говорить, что истоки митраизма стоит искать именно в Центральной Азии.

Chapter 4 A Presumed Solar Temple of Mitra

OUR visitor saw that temple structures went behind the limits of the walls of the square and adjoined the encircling wall. Together with our guide we continue to move along this wall in the direction from the North to the South and finally enter a group of rooms that extend in a chain along the encircling wall. These chambers, like most of those described above, also have a lot of cult hearths. This plan ends in the middle of western facade and forms a badly preserved altar square. The square has three round altars in different stages of preservation and to a certain degree reminds us of those already mentioned in the temple of sacrifices on the western and part of the southern sides of the square. The «altar square» was made at the edge of the ensemble right on the sandy soil. Due to the very bad preservation of the chambers it is difficult to say definitely what kind of cult ceremonies took place there, but there are grounds to believe that fire played the leading role in the rituals. Very important is a micro-complex that has been preserved best of all; it joined the «large altar» (almost 10 m diameter) that was located nearby. Almost all the rooms of this micro-complex were joined together with common passages, which indicates their common purpose.

In the center of the micro-complex was the large rectangular chamber No 3 with a ritual hearth in its western wall, that most probably had a social and ritual purpose (Fig.40). One may suggest that it was here where common praying accompanied perhaps with collective singing took place. A kind of corridor joins this large hall (a sort of «House of songs») with the large round altar mentioned above (chamber No 30). In the center of the altar is a rectangular sanctuary with a cult hearth placed almost in the middle of the southern wall and opposite it a passage. On the outer western side of the altar another rectangular structure of a much smaller size was excavated; it had short partitions across its walls that reminds one of the plan of «cells» mentioned above.

No doubt the altar was functional for a long time since next to it two cult hearths of the latest period were built on top of accumulated ash layers. They partially overlapped the altar walls that were already ruined by the time of the construction of the hearths. We have grounds to believe that this round structure was the main altar in the square and was associated with the cult, probably solar, ceremonies and rituals. It is remarkable that this construction of a round altar with a rectangular sanctuary in the center and «cells» around it closely resembles a sacred part of the so called round temple of Dashli-3 in Bactria (Afghanistan).

In the same square to the South of the main altar there were two more round altars that were poorly preserved. One of them had a late ritual hearth that was built on top of the altar ruins. Remarkably, the ancient builders dug the sandy soil down to 35 cm and then on the ancient surface built the outer circle of the altar. The altar floor was not strengthened: it was not even clay plastered and simply represented ash and rubbish dumps that covered the sandy soil.

The third altar structure (room No 46) was very difficult to recover. By the time of excavations only two double-chambered ritual hearths were found. These unusually large hearths were located next to each other and their mouths were both directed towards the North (**Fig.41**). It is noteworthy that both hearths were burnt red from the top downwards. They were burnt so severely that not only the furnaces but even the «ovens» (which is very unusual) bear traces of very hot fire. One may suggest that either they were burnt in a big fire or that a big bonfire was burned on this spot and if this is the case, their purpose was rather special. The floor of this altar was coarsely covered with a thick layer of clay that continued on the nearby walls.

Unfortunately, the visitor who guides us at Gonur is only a product of our imagination and cannot tell us which gods the sacrifices made in this altar square were meant for. In many religions the round shape of structures is usually associated with the solar cult that was often linked with fire worship. In this connection it is remarkable that in the Avesta, the god Mitra is mentioned more than once. He occupied one of the main places in the pagan pantheon of Indo-Iranians and then at a later stage in the Zoroastrian religion which followed. Mitra was not only a god of agreements and consent, but he also personified the «universal order» (the alteration of day and night), seasonal changes, the way of making sacrifices and so on. In the Indo-Iranian religion they worshiped him as Sun; he was a solar deity. In the sacred books of the Rigveda and Avesta, Mitra was presented as a companion of the sunrise; he provoked rain, helped plants to grow and promoted general fertility (M.Boyce). Some scholars suggest that fire can be looked upon as a Mitra's agent. It is remarkable that he was equally popular both in India and Iran. In the Avesta as well as in the Rigveda linguists found quite enough evidence that Mitra was associated both with sun and fire. Based on this we may suggest that temple structures with an altar square excavated on the west outside the limits of the square could be associated with Mitra cults.

In the Zoroastrian religion Mitra personifies many aspects of divine power including that of the post-death judge who at the Chinvan bridge evaluates the good and evil thoughts of the dead, the words and deeds in his life on the earth. It is he who decides where the dead should be placed: in paradise or hell. Very remarkable that Arshtat, the goddess of justice, the worship of whom was not less than that of Mitra, together with Mitra also participated in making these decisions .

45

Margianadan
tapylan daşdan
ýasalan düzümlü
heykeljik.

Каменная
составная
статуэтка
из Маргианы.

Compound stone
figurine from
Margiana.

46

Goñurdan tapylan
daşdan ýasalan
düzümlü heykeljiginiň
bölegi.

Фрагмент
каменной
составной
статуэтки
из Гонура.

Fragments
of compound
stone figurine
from Gonur.

Most significant are the objects found in chamber No 13 situated near the altar square. These objects are two painted anthropomorphic figurines of the same type, made not of burnt but simply of sun-dried clay. They represent seated people that closely resemble stone composite statuettes (Fig.42). As a rule similar intact stone figurines were found in aristocratic (and even royal) tombs of Bactria and Margiana (Fig.43). Though their definite purpose is still unknown many scholars believe that they were associated with funeral rites and finally, with death. Since the clay variations of composite statuettes were excavated near the altar square with a supposed solar altar with burning fire in it, possibly in honour of Mitra, the «composite» statuettes found nearby could represent Arshtat, the goddess of justice, who could help the dead get into paradise.

Remarkably, none of these statuettes show sex signs, this missing feature has long been a subject of hot debates among scholars. It is known that «composite» statuettes were ready-made in different workshops and by different craftsmen. Thus, in the «tomb of a stone cutter» at the Gonur necropolis besides funeral gifts three pairs of hands made of marble had been placed. Such «serial production» of details precludes their individual production and, on the contrary, suggests a sort of «standardization» of components and «specialization» of craftsmen. In other words, we may believe that each craftsman specialized in production of a certain component of a statuette.

Still, we cannot deny that single statuettes (especially those from royal tombs) could have individual features (and even may be a portrait likeness), but certainly this requires additional evidence. It is known that these types of statuettes are conventionally called «composite» because such components as heads with caps or hairdos, arms and hands were first produced separately and then put together. One may suggest that faces were made by the most gifted craftsmen and in some cases they probably could achieve a portrait likeness with certain of the dead.

Probably it is not accidental that ancient Manicheans believed that the origin of Mitra was associated with the East; at present this idea seems to derive its archaeological evidence from the glyptics and sphragistics of Bactria and Margiana. These are popular subject compositions engraved mainly on stone amulets of Bactria and Margiana that represent a type of images of coiling snakes or snake-dragons under the bellies of birds or animals with the heads clearly bent to reach for their hind legs (Figs 44, 45, 46). A very well known French scientist P.Amiet was hardly the first scholar who drew attention to this subject and named it «phallic symbolism» (Fig.47). Now it is proven that these subjects and images reflect the common idea of some of the samples of the Bactrian and Margiana glyptics, that is the «stealing of life-giving semen». In the final analysis this idea is associated with general fertility and continuation of life on earth.

It is a known fact that much later during the aggressive Eastern campaigns of Roman soldiers they came to know the cult of the god Mitra, and that thanks to them this cult spread from the East to the West into the Roman empire. From Roman times up to our day there have been preserved numerous images of the god Mitra wherein he kills a bull who lets out his semen that coiling snakes try to steal. Up to the present, these Roman compositions with this mysterious image serve as the subject of hot debates among the most prominent scientists of the world and so far have no definite answer. If one takes into account such facts as the indisputable eastern origin of Mitra, the necessary presence of scorpions and snakes in these compositions, as well as semen as the main object of dispute among them, then one may suggest that the origin of Mitraism should be looked for in Bactria and Margiana. And still it may be found in some other historical place that has not yet been sufficiently studied.

47

Haywanlar
şekillendirilen
baktriya-marguş
möhürleri we
tumarlary.

Бактрийско-
маргианские
печати
и амулеты
с изображением
животных.

Bactrian-
Margianian seals
and amulets with
animal images.

V bap Dini içgiler ybadathanalary

48-49

Goňruň günbataryndaky soma-haoma ybadathanasyndaky keramiki gapjagazlar yerleşdirilen çukurjyklar.

Ямки с керамическими тарелками в храме сомы-хаомы на западе Гонура.

Pits with ceramic plates mortared therein in the soma-haoma temple in the west of Gonur.

KREMLIŇ we onuň töweregindäki ybadathanalaryň günorta tarapynda uly bolmadyk depede köpsanly gönüburçly jaýlardan ybarat bolan özbaşdak gurluşyk desgalarynyň kiçi toplumu yerleşipdir. Häzir biz olardan galan köp bolmadyk we gazuw-agtaryş işleriniň barşynda tapylan zatlary görýäris. Biz hyýalymyzda dört mün ýyl mundan ozalky döwre, bu merkeziň hereket eden soňky döwrüne geçip, şol kiçi toplumyň nähili bolandygyny göz önüne getirip bilerdik. Arheologlaryň tapan diwarlarynyň aşagynda şondan ozalky, has irki arhitekturanyň galyndylary görünýär. Şol ýerde, toplumyň günorta-günbatarynda onuň ýaşayşynyň ilkinji asyrlarynda nähili desgalaryň bolandygyny häzirikçe aýtmak kyn.

Goňruň beýleki ybadathana toplumlarynda bolşy ýaly, bu ýerde hem iki kameraly, dini äheňli peçler köp (25-den gowrak). Olaryň köpüsi günortadaky jaýlarda jemlenipdir. Günbatar tarapda, kiçi toplumyň çetinde özünde gönüburçly we armyt görnüşli peçleri saklap galan giň meydan ýaýylyp ýatyr.

Kiçi toplumyň demirgazyk böleginiň jaýlarynyň birnäçesinde diametri bir metre çenli we çuňlugy 25-30 santimetr bolan aşagy daralyp gidýän we içi ýörite suw geçirmeyän palçyk bilen suwalan uly bolmadyk çukurjyklar tapyldy (48-49-njy surat). Olaryň pessejik, belentligi bir kerpije barabar bolan tegelek görnüşli diwarlary bar. Çukurjyklaryň düýbünde bütin we örän ownuk keramiki tarelkalar ornaşdyrylypdyr. Suwagyň we tarelkalaryň şol gaplarda saklanjak suwuklygyň daşyna syzyp çykmazlygy üçin niýetlenen bolmagy mümkin. Jaýlaryň köpüsünde şeýle çukurjyklaryň bir sanysy,

ýöne 22-nji jaýda olaryň birbada üçüsi bar. Özi-de, olaryň ikisinde uly haýwanlaryň (öküziň ýa-da düýäniň) süňkleri bardy.

Greк pifoslaryna meňzeş uly gaplaryň içini gips bilen suwamak, olaryň düýbüne keramiki çanaklary ornaşdyrmak usuly Marguş ýurdunyň has soňky döwürdäki ybadathanalarynda ulanylypdyr. Şol ybadathanalar soma-haoma ady bilen mälim bolan huşuňy üýtgediji içgileri taýýarlamak bilen baglanyşykly bolupdyr. Biz olary Goňruň kilisesinde, Togalak-1 we Togalak-2 ybadathanalarynda, Demirgazyk Goňurda – onuň günortagündogar künjeginde, patyşa gonamçylygynyň golaýynda, şeýle hem suw ybadathanasynda tapdyk.

Ýatlanylýp geçilen çukurjykly jaýlaryň birinden haýwanyň süňkünden ýasalan we gözleri biçäk uly, göreçleri giňelen adamyň ýüzi şekillendirilen turbajyk tapyldy. Şuňa meňzeş şekilli turbajyklar ýokarda agzalyp geçilen Marguş ybadathanalaryndan hem tapyldy. Şol ybadathanalarda dini dessurlar we dabaralar soma-haomasyz geçmändir (50-nji surat). Turbajyklardaky adamyň ýüzüniň täsin şekilleri olaryň dini içgileri içmek üçin ulanylandygyna şaýatlyk edýär.

Şeýlelikde, gürrüňi edilýän binanyň gurbanlyk azygyň (ilkinji nobatda-etiň) we huşuňy üýtgediji soma-haoma içgisiniň öndürilişi, şeýle hem dini dabaralar bilen baglanyşykly bolandygyny tassyklamak üçin ähli esas bar. Iki kameraly peçleriň «çukurjyklaryň» sanyndan es-esli köp bolandygyna üns bermek gerek. Munuň özi peçleriň has meşhurlygy ýa-da dini içgini taýýarlamak üçin ulanylýan alkaloidli ösümlükleriň ýetmezçiligi bilen bagly bolan däldir. Dini içgileri içmek Marguşda az sanly adamlaryň, aýratyn hem ruhanylaryň, Marguş aristokratiýasynyň artykmaçlygy bolupdyr, mallary gurban bermek bolsa giňden ýaýrapdyr.

Bu toplumu goýup, onuň oýlanyşykly planyna üns bereliň: bu ýerdäki jaýlaryň ählisi diýen ýaly birbada gurlupdyr. 4 kameraly jaý aýratyn tapawutlanýar, oňa gadymy gündogar arhitektura däpleri mahsusdyr (51-nji surat).

Ýeri gelende aýtsak, Demirgazyk Goňruň çäginde bu ybadathana soma-haomany taýýarlamak we içmek däbi bilen baglanyşykly ýeke-täk bina däldi. Ýene-de bir uly bolmadyk «ýöriteleşdirilen» ybadathana günorta-gündogar künjekde, patyşa gonamçylygynyň golaýynda ýerleşipdir. Bu uly bolmadyk desganyň sowma diwaryň daşynda ýerleşmegi tötdänen дәli diýip hasaplaýarys. Içinde soma-haoma içgisi taýýarlanylýan marguş ybadathanalarynyň ählisi (Goňur kilisesi, Togalak-1 we 21) ilki başda şeýle toplumlaryň çäginde daşynda ýerleşipdir, diňe gijräk olar ybadathanalaryň içine geçirilipdir. Bu günorta-gündogar ybadathana hem degişlidir. Ol uly bolmasa-da, örän dykyz ýerleşipdir. Ybadathana sekiz sany gönüburçly jaýdan ybarat bolupdyr. Olaryň ýerleşşi «koridorlar bilen gurşalyp alnan köşk» prinsipini ýatladýar.

Goňur kilisesinden we aýratyn hem Togalak-1 we 21 ybadathanalaryndan tapawutlylykda günorta-gündogar «soma-haoma ybadathanasynda» «koridorlar bilen gurşalyp alnan köşk» görnüşindäki jaýlar we «ak otag» bilelikde garalýan toplumyň içinde «bir üçegiň aşagynda» ýerleşýär. Ähli otaglaryň arasynda 1-nji jaý esasy orny eýeleýär. Onuň günbatar diwarynyň ugrunda 4 sany uly pifos goýlupdyr (pifos (grek.pithis) - adatça galla we suwuklyk saklamaga niýetlenen uly keramiki gap). Olar goşmaça palçyk suwagy bilen pola berkidilipdir we içinden köpsanly gips gatlaklary bilen örtülipdir (**52-nji surat**).

Şol pifoslaryň garşysynda ýerleşen diwarda «oýuk - ojak» gurlupdyr. Ojak kül-kömür gatlagyny saklap galypdyr. Munuň özi Togalak-21 ybadathanasynyň «ak otagyndaky» şuna meňzeş ýagdaýy ýatladýar. 1-nji jaýyň poluna iki gezek gips çalypdyr. Şol suwaglaryň arasynda ýanan gara gatlak çalaja görünýär. Ony agzalan ojaýyň küli bilen baglanyşdyrmak bolar. Şol jaýdan iki sany geçit biri-biriniň üstünden geçýän otaglara (2, 7 we 6, 8-nji jaýlar) alyp barýar. Gündogar diwaryň golaýynda ýene-de başga hili otaglaryň bolan bolmagy mümkin, olardan diňe iki diwaryň bölekleri galypdyr (**53-nji surat**).

Bu uly bolmadyk ybadathanada adamlaryň we haýwanlaryň heýkeljikleri tapawutlanýar (**54-nji surat**). Olaryň ählisi dini äheňli gap-gaçlary bezäpdir. Şeýle gap-gaçlara öňem, mysal üçin, Togalak-1 we 21 ybadathanalarynda gazuw-agtaryş işleri geçirilende hem duş gelindi. Şunda iň doly nusgalaryň biri Togalak-1 ybadathanasynda tapyldy (**55-nji surat**). Dini äheňli gap-gaçlaryň gutarnykly sýužet kompozisiýasyny berýän heýkel detallary şol gadymy döwürde çuň many-mazmuna eýe bolupdyr. Olar marguşlylaryň arasynda meşhur bolan rowaýatlaryň we hekaýatlaryň özboluşly suratlary bolupdyr. Gap-gaçlardaky şekiller şol rowaýatlaryň gadymy jemgyýetde örän meşhur bolandygyna şaýatlyk edýär. Bu ybadathanadan tapylan şekiljikler ozal mälüm bolan şekillere örän meňzeşdir. Şeýle bolsansoň, olaryň şu görnüşdäki gap-gaçlara degişlidigine asla şübhelenmese bolar.

Bu ybadathananyň ýerine ýetiren wezipesi babatdaky çaklamalarymyzy berkitmek üçin onda palçykdan ýasalan şekiljeklerden başga-da, bu ýerde ýerleşen otaglaryň birinden ulygözli adam ýüzi şekillendirilen sünňden ýasalan turbajygyň tapylandygyna salgylanalyň... Ybadathananyň gurlan döwri barada aýdylanda bolsa, bu babatda biri-birine gabat gelmeýän iki faktor esasynda netije çykarmak bolar. Bir tarapdan, onuň palçykdan gurlan diwarlary soňky mazarlar zerarly, çagşapdyr - diýmek, ol Goňry özleşdirmegiň irki ýa-da ortaky tapgyrynda peýda bolup bilipdir. Ýöne, gipsiň galyň gatlagy bilen örtülen pifoslar Marguşyň has giçki ýadygärliklerinde (Togalak-1 we 21) giňden ýaýrapdyr. Bu kiçi ybadathananyň onuň golaýynda

ýerleşen patyşa mazarlarynyň eýýäm ýatdan çykyşan we ähtimal, bireýýäm talanan döwründe gurlan bomagy mümkin.

Her näme-de bolsa, soma-haoma içgisini öndürmäge we içmäge niýetlenen hem-de biziň eýýamymyzdan ozalky III-II müňýyllyklara degişli bolan iki sany goňur ybadathanasynyň açylmagy şu dini ygtykat bilen baglanyşykly dessurlaryň ýerli taýpalaryň arasynda örän meşhur bolandygyna aýdyň şaýatlyk edýär. Dilçiler arileriň dini durmuşynda bu dini ygtykatyň uly ähmiýete eýe bolandygyny subut etdiler. Şeýle hem soma-haoma öz gözbaşlaryny baryp hindiýewropa birligi döwründen gözbaş alyar diýen çaklama bar.

Глава пятая

Храмы культовых напитков

НА НЕБОЛЬШОМ естественном возвышении к югу от кремля и окружающих его святилищ располагался самостоятельный строительный микрокомплекс с застройкой, состоящей из большого числа прямоугольных помещений. Сегодня мы видим лишь то небольшое, что от них осталось и обнаружено в ходе раскопок. Представить же, каким был этот микрокомплекс, мы бы смогли, лишь мысленно перенесясь на четыре тысячи лет назад, ближе к последнему периоду существования этого центра. Под обнаруженными археологами стенами четко прослеживаются остатки предшествующей, более ранней архитектуры. Какие постройки находились здесь, на юго-западе комплекса в первые века его жизни, пока сказать трудно.

Как и в других храмовых комплексах Гонура, здесь много (свыше 25) двухкамерных ритуальных печей. Большая их часть сконцентрирована в самых южных помещениях. С запада, на краю микрокомплекса, раскинулась обширная площадь, которая на момент раскопок оказалась заполненной мусорно-зольным культурным слоем, сохранившим в себе гончарные печи как прямоугольной, так и грушевидной формы с сильно обожженными изнутри кирпичными «алтарями».

В нескольких помещениях северной части микрокомплекса обнаружены небольшие, диаметром до метра и глубиной в 25-30 см небольшие ямки конической формы, сужающиеся книзу и густо покрытые изнутри специальной глиняной, по-видимому, водонепроницаемой смесью (**Илл.48-49**). Эти углубления имеют низкие, высотой в один кирпич, округлые стенки, а в дно их вмазаны целые и очень мелкие керамические тарелки. Видимо, и обмазка, и тарелки предназначались для того, чтобы жидкость, которая должна была содержаться в этих емкостях, не просачивалась наружу. В большинстве помещений имеется по одной такой ямке, но в *помещении* 22 их сразу три, причем в двух находились кости каких-то крупных животных (быка или верблюда).

50

124-njy sahypada:
Goňruň
soma-haoma
ybadathanasyndan
tapylan sünňden
ýasalan turbajyklar.

Ha стр.124:
костяные
трубочки
с гравировкой из
гонурского храма
сомы-хаомы.

On page 124:
Engraved ivory
tubules from the
Gonur soma-haoma
temple.

51

Goñruñ günorta-gunbataryndaky soma-haoma ybadathanasy gazuw-agtaryş işleri geçirilýän mahalynda.

Храм сомы-хаомы на юго-западе Гонура в процессе раскопок.

Soma-haoma temple in the southwest of Gonur in process of excavations.

Похожий прием обмазывания изнутри крупных сосудов типа греческих пифосов толстым слоем гипса с керамическими мисками на дне практиковался в более поздних храмах страны Маргуш, связанных с изготовлением стимулирующего напитка, известного как сома-хаома. Мы находили их в теменосе Гонура, в храмах Тоголок-1 и 21, на самом Северном Гонуре – его юго-восточной окраине, недалеко от царского некрополя, а также в храме воды.

Отметим особо, что в одном из упомянутых помещений с ямками была найдена трубочка, сделанная из кости животного и украшенная весьма условно нацарапанным изображением человеческого лица с преувеличенно большими глазами и расширенными зрачками. Такие же трубочки с подобными изображениями были найдены и в названных выше маргианских храмах, где ритуалы и церемонии не обходились без сомы-хаомы. (Илл.50). О том, что трубочки, скорее всего, предназначались для культовых возлияний, свидетельствуют изображенные на них странные лики с вытаращенными глазами, словно под воздействием галлюциногенного сока.

Итак, есть все основания считать, что здание, о котором идет речь, было связано как с производством жертвенной пищи (прежде всего - мяса) и стимулирующего напитка типа сомы-хаомы – едва ли не самого характерного для индоарийских племен в древности, так и с культовыми церемониями. Стоит обратить вни-

мание на то, что число двухкамерных печей намного превышает число ритуальных «ямок», что вряд ли было связано с большей популярностью первых или же нехваткой алкалоидных растений, необходимых для приготовления культового сока. Более вероятно, что культовые возлияния в Маргиане были привилегией незначительного числа людей, преимущественно жрецов, и, возможно, маргушской аристократии, тогда как жертвоприношения животных были распространены значительно шире.

Покидая этот комплекс, обратим внимание на его четко продуманный план: несомненно, что практически все помещения были возведены здесь сразу. Особо показательно обширное *помещение 4* с тремя камерами в его северо-восточной части, для которого характерны достаточно четко выраженные древневосточные архитектурные традиции (Илл.51). Но судить с точностью об их конкретном назначении можно будет только после полного завершения раскопок этой части дворцово-храмового комплекса Гонура.

Впрочем, на территории Северного Гонура этот храм не был единственным, связанным с приготовлением и культом сомы-хаомы. Еще одно небольшое «специализированное» святилище располагалось на юго-восточной окраине, в непосредственной близости от царского некрополя. Думается, отнюдь не случайно этот небольшой строительный комплекс был расположен за пределами обводной стены, а не внутри нее. Все маргианские храмы (теменос Гонура, Тоголок 1 и 21), в которых приготавливалась сома-хаома, первоначально располагались за внешними пределами таких комплексов, и лишь позднее они были перенесены внутрь самих храмов. Не является исключением и юго-восточный храм. Он небольшой, но очень компактный, состоящий всего из восьми прямоугольных помещений, общая планировка которых напоминает принцип «двора в обводе коридоров». Хотя сохранность стен не превышает одного-двух кирпичей, но на полах всех помещений отмечена белая, гипсовая обмазка в несколько слоев, что с бесспорностью указывает на особое назначение всего этого здания.

В отличие от теменоса Гонура и особенно храмов Тоголок-1 и 21, в юго-восточном храме сомы-хаомы помещения типа «двор в обводе коридоров» и «белая комната», стены и полы которой подвигнуты белой обмазкой, указывающей на процесс приготовления сомы-хаомы, располагаются вместе внутри рассматриваемого комплекса, под одной крышей. Центральное место среди всех комнат занимает *помещение 1*. Вдоль его западной стены на полу (а не на кирпичном возвышении-платформе, как это характерно для упомянутых выше храмов) установлены четыре больших пифоса*. Они скреплены с полом дополнительной глиняной обмазкой и покрыты изнутри множеством толстых гипсовых слоев (Илл.52).

В стене, расположенной напротив этих пифосов, устроен «очагниша», пол которого совпадает с полом помещения. Ниша сохранила зольно-угольный слой, что прямо напоминает аналогичную ситуацию в «белой комнате» такого классического храма, как Тоголок-21. Пол *помещения 1* был дважды обмазан гипсом. Между этими обмазками прослеживается черный горелый слой, который можно связать с золой из упомянутого очага. Два прохода из этого

52

Goñruñ
gündogaryndaky
soma-haoma
ybadathanasyndaky
pola ýelmenen
pifoslar.

Пифосы в храме
сомы-хаомы на
востоке Гонура.

Pithoses mortared
in the floor in the
soma-haoma
temple in the east
of Gonur.

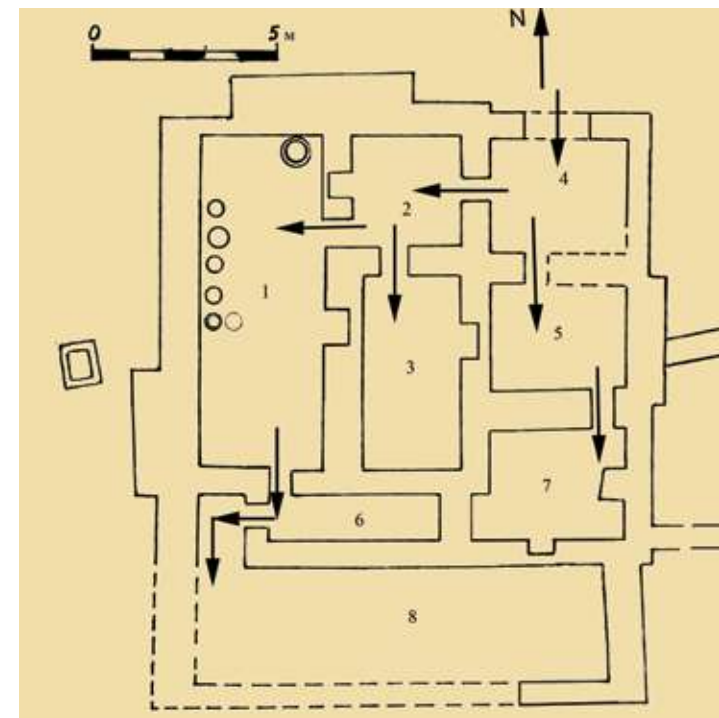
помещения ведут в смежные комнаты (помещения 2, 7 и 6, 8). Рядом с восточной стеной, видимо, были еще какие-то помещения, от которых остались лишь фрагменты двух стен (Илл. 53).

Среди находок, сделанных в этом скромном святилище, выделяются скульптурные статуэтки людей и животных (Илл. 54). Все они явно украшали венчики культовых сосудов, составляя целые тематические фризы. Такого типа сосуды встречались и раньше, например, при раскопках храмов Тоголок-1 и 21, при этом один из самых полных образцов найден в храме Тоголок-1 (Илл. 55). Скульптурные детали культовых сосудов, передающие законченные сюжетные композиции, в те далекие времена имели глубокий смысл. Они были своего рода иллюстрациями к популярным среди маргушцев мифам и преданиям. На широкую известность этих легенд в древнем обществе указывает тот факт, что все изображения фигурок на сосудах весьма условны и читаемы по нескольким штрихам. Так, сосуды, заполненные жидкостью, представляли собой модель водной стихии и окружающей ее земной тверди,

населенной различными животными, птицами и людьми. А расположенные на дне сосуда налепные рыбы, змеи и, реже, лягушки невольно вызывают в памяти ассоциации, связанные с морем Ворукаша, в середине которого (согласно Авесте) растет «дерево всех семян» (дерево хаома). Вокруг него, утверждает Авеста, плавают рыба Кара, которая отгоняет от этого дерева вредные существа (и, в первую очередь, лягушек), якобы поедающих его корни. Если учесть, что именно на «дерево всех семян» произрастают семена необходимых для продления рода человеческого культурных злаков, то становится понятно, почему лягушки считались воплощением зла. Найденные в этом святилище фигурки абсолютно аналогичны известным ранее изображениям, так что не вызывает никаких сомнений их принадлежность к сосудам такого рода.

В подтверждение наших догадок относительно назначения этого храма сошлемся на то, что в нем, кроме глиняных фигурок, в одной из расположенных здесь комнат была обнаружена еще одна костяная трубочка с гравированным изображением лица с преувеличенно большими глазами... Что же касается времени возведения храма, то здесь выводы можно делать на основании двух весьма противоречивых факторов. С одной стороны, его глиняные стены нарушены поздними погребениями - стало быть, он мог появиться на раннем или среднем этапе обживания Гонура. Но пифосы, обмазанные толстым слоем гипса, были более распространены в поздних памятниках Маргианы (таких, как Тоголок 1 и 21). Скорее всего, этот маленький храм был построен и использовался для ритуалов в то время, когда расположенные рядом царские гробницы были уже забыты и, возможно, давно разграблены.

Как бы то ни было, открытие двух гонурских святилищ, предназначенных для производства и употребления сомы-хаомы и относящихся к III-II тысячелетиям до н.э., убедительно свидетельствует, что ритуалы, связанные с этим культом, были весьма популярны у местных племен. Лингвисты доказали, что данный культ имел большое значение в религиозной жизни ариев, в среде которых позже зародился зороастризм. Существуют также предположения, что культ сомы-хаомы восходит еще ко времени индоевропейского единства.

53

Goñruñ
gündogaryndaky
soma-haoma
ybadathanasy
(plan).

Храм сомы-хаомы
на востоке
Гонура (план).

Soma-haoma
temple in the east
of Gonur (plan).

Chapter 5

The Temples of the Ritual Drinks «Soma-Haoma»

STANDING on a low natural platform we can see an isolated micro-complex that consists of many rectangular buildings. But we could see it only if we came to Gonur at the time closer to the last period of the existence of this center. Under the excavated walls archaeologists found the remains of an earlier architecture, but what kind of buildings were here, at the south-western part of complex in the first ages of its life, is difficult to determine so far.

As in the other temple complexes of Gonur many double-chambered ritual hearths were found here. The majority of them are concentrated in the most southern of the rooms. By the time of excavations on the western edge of the micro-complex a large square was located that was covered with a cultural layer of rubbish and ashes, as well as with ceramic «altars». Though most of them were rectangular still some had a pear-like form, and all of them were severely burnt inside.

It is remarkable that in the northern section of the excavated area in some chambers there were small holes of a conical shape that narrowed at the bottom (diameter 1,0 m, depth 25-30 cm). Their inner walls were thickly plastered with a special clay layer (probably for waterproofing) and intact very small bowls or plates were immured in the bottoms (**Figs 48, 49**). These hollows have low (one brick high) round walls. The plaster and bowls were made in such a way that the liquid they held should not leak out. Most chambers had one such hole, though room No 22 had three of them. It is noteworthy that in two of them there were bones of cattle (probably, cow-bull-camel); this may not be accidental.

The custom to plaster the inside of big vessels of a pithos type with a thick gypsum cover and to immure ceramic bowls in the bottom was practiced in the later temples of the Margush country. They were associated with the preparation of a stimulating drink of a Soma-Haoma type (temenos of Gonur, temples of Togolok-1 and 21) at North Gonur - at its south-eastern outskirts, not far from the royal necropolis, and in the Temple of Water (see below).

It is noteworthy that in one of the rooms with holes as mentioned above there was a tube made of an animal bone and decorated with a scratched image of a face with large exaggerated eyes and emphasized pupils. Similar tubes with the same images were found in the Gonur temenos, and at such monuments as Togolok-1 and Togolok-21 in the buildings associated with the preparations and libation of ritual drinks of the Soma-Haoma type (**Fig.50**). The tubes are supposed to have

been used for drinking this hallucinogenic drink, which explains the exaggerated eyes scratched on them.

Thus one can say that the building where we are now, was associated not only with the cooking of sacrificed meals (meat, first of all), with the stimulating drink of the Soma-Haoma type - hardly the most characteristic drink for the ancient Indo-Iranian, Aryan tribes - but also with the ritual ceremonies. It is remarkable that the number of double-chambered ritual hearths exceeds that of the cult «holes». One could suppose that whilst sacrifices were popular and accessible to the common people of Margiana, the ritual libations were the privilege of a limited number of people, mainly priests and Margiana aristocrats.

Before leaving this complex it is worth mentioning that it was built according to an exactly detailed plan and that almost all buildings were constructed at one time. Especially representative is a large room No 44 with three chambers in its north-eastern section; it rather vividly represents clearly ancient eastern architectural traditions (**Fig.51**). The definite purpose of these chambers can be determined only after finishing the excavation on this part of the palace and temple complex of Gonur. Besides this temple in the area of Gonur there was another small temple that «specialized» in the preparation of the ritual drink Soma-Haoma. It was situated on the south-eastern outskirts of Gonur, very close to the royal necropolis.

It is not accidental that this small building complex was located outside the encircling walls. All Margiana temples (temenos Gonur, Togolok 1 and 21) associated with the preparation of the ritual drink of the Soma-Haoma type were originally located outside the limits of such complexes and only at a later stage they transferred them inside the temples. The same has happened to the south-eastern temple. It is small and very compact and consists of eight rectangular chambers built according to the plan of a «courtyard framed with corridors». The walls were preserved at the height of 1-2 bricks and white gypsum coating in several layers covered the floor, evidence of a special purpose for the building.

Contrary to such chambers in the Gonur temenos and temples of Togolok 1 and 21, such chambers of this temple as a «courtyard framed with corridors» and a «white room» (that is, a room in which the walls and a floor are white plastered and that was directly associated with the process of preparation of Soma-Haoma) are situated inside the complex under discussion «under the same roof». The chamber No 1 is at the center among the rest of rooms. Along its western side on the floor (and not on a brick platform-sufa as was the case in the temenos of Gonur and temples Togolok1 and 21) four large pithoi were placed. With the help of additional clay plaster they fixed them to the floor and put several layers of gypsum on its inner walls to prevent the leaking of liquid (**Fig.52**). Opposite the pithoi a «recessed hearth» was made, its floor was on the same level with the floor of the room. The «hearth» has preserved a layer of coal and ashes, which reminds one of the analogous situation

in the «white room» of the Togolok-21 shrine. The floor in chamber No 1 was twice covered with gypsum plaster. Between these two gypsum layers one can trace a black burnt layer that could be associated with the ashes from the «recessed hearth» mentioned above. The chamber has two passages to adjoining rooms (No 2, 7, and 6, 8). Next to the eastern wall there probably were some rooms but only fragments of two walls have been preserved (**Fig.53**).

Sculptured statuettes of people and animals as well as one volumetric male figure stand out among the objects found in the chambers of this small shrine (**Fig.54**). It is absolutely clear that they decorated the rims of ritual vessels and made up complete subject friezes. This type of vessel was found earlier in the excavations of Togolok 1 and 21; the most complete one comes from the Togolok-1 temple (**Fig.55**). In ancient times sculptured details of ritual vessels, often with clear subject compositions, had very profound meaning. They were a kind of illustration of myths and traditions popular among the tribes of Margiana. These legends were most probably very well known in ancient society and this explains the fact that the figures on the vessels were depicted in a rather conventional way. The people knew very well who was depicted on a vessel and what action was shown. The vessels were filled with water and thus represented a model of a water element and a stable earth inhabited with various animals, birds and people. The modeled fish, snakes and very rarely, frogs on the bottom of these cups involuntarily bring to mind

associations with the Varukash Sea in the middle of which according to the Avesta the «Tree of all seeds» (the Haoma tree) grows. As the Avesta states, around it the fish Kara is swimming and protecting the tree from evil beings (first of all, snakes and frogs) who try to eat its roots. The ancient people believed that the «Tree of all seeds» sent down to earth seeds of various plants that were necessary for the life and continuation of human existence and according to their beliefs snakes and frogs were consequently regarded as evil beings. There is no doubt that the statuettes found in the rooms of the shrine on the south-east of the complex belonged to this class of cups.

In addition to clay figurines, one of the rooms yielded a bone tube with absolutely the same image - one with exaggeratedly large engraved eyes from the shrine on the south-west of the complex under investigation and that had been excavated

54

Goñruñ soma-haoma ybadathanasyndan tapylan erkek kişiniñ pałcykdan yasalın şekiljigi.

Глиняная мужская фигурка из гонурского храма сомы-хаомы.

Male figurine from the Gonur soma-haoma temple.

55

Togalak-21 ybadathanasyndan tapylan dini äheñli gap.

Культовый сосуд с лепным венчиком из храма Тоголок-21.

Cult vessel with a stucco rim from Togolok-21 temple.

and described earlier from the temples of Togolok 1 and 21. Obviously it was used for the same purpose - ritual libation of the hallucinogenic Soma-Haoma type of beverages. It is noteworthy that the walls of the shrine were destroyed by later graves, which means that the shrine was probably functioning in the early stages of Gonur existence.

But we know that pithoi with a thick gypsum layer were popular at the late monuments of Margiana (of Togolok 1 and 21 types) and so we can suppose that the south-western shrine was most likely built and used for rituals at the time when the nearby royal tombs were already forgotten and left, or even plundered long ago.

The two excavated temples at North Gonur of the third-second mil. B.C were associated with the production and libation of the hallucinogenic beverage of the Soma-Haoma type and clearly show that this ritual was very popular among the local tribes. Linguists proved that this cult played an important role in the religious life of Aryan tribes among whom later the first world religion - Zoroastrianism - originated. Some suppose that the Soma-Haoma cult is associated even with the period of the Indo-Iranian unity.

VI bap

Suw ybadathanasynyň iki toplumy

KARE diwarynyň günorta bölekleriniň arasynda ýerleşýän örän uly territoriýanyň esasy giňliginde howuzlar ýerleşýär. Howuzlary gurşap alan desgalaryň ählisi olar bilen baglanyşyklydyr. Munuň özi olaryň bitewi suw ybadathanasy bolandygyny çaklamaga mümkinçilik berýär. Esasy ýa-da uly howuz günbatardan gündogara tarap 180 metre we demirgazykdan günorta tarap 85 metre uzalyp gidýär, onuň çuňlugy bolsa bir ýarym metre barabar bolupdyr. Bu emeli howzuň demirgazyk kenary örän dardyr we uly howzy kiçi günorta howzundan aýyryan bent bolup hyzmat edýär. Kiçi howzuň iki tarapynda hem demirgazyk kenar toplumynyň desgalary ýerleşipdir. Olaryň jaýlary diwarlar bilen bir wagtda gurlan iki kameraly peçler bilen üpjün edilipdir. Günorta kenar toplumynyň ýerleşşi bolsa düýbünden başgaça bolupdyr. Onuň bir hatara düzlen otaglary uly howzuň kenarynyň ugry boýunça uzalyp gidýär.

DEMIRGAZYK KENAR TOPLUMY. Suw ybadathanasynyň demirgazyk kenar toplumynyň jaýlarynda gurlan köpsanly dini äheňli peçleri diňe gurban bermek ybadathanasy bilen deňeşdirip bolar. Bu bolsa şol ýerde bar bolan desgalaryň ybadathana degişli bolandygynyň möhüm delilidir. Hawa, bu binalaryň ýerleşşi monumentallygy we simmetriýasy bilen tapawutlanmaýar, ýöne öz wezipesi boýunça ol ilkinji nobatda dini dabarlar we tämizleýji dessurlar bilen baglanyşykly hakyky ybadathana bolupdyr.

Bu ýerde diňe bir suwa gurban bermek dessury berjaý edilmän, eýsem gurbanlyk naharynyň taýýarlanylýan bolmagam ähtimal. Munuň üçin arassa

agyz suwy gerek bolupdyr. Şunuň bilen baglylykda kiçi günorta howzuň ortasyndan tapylan, kerpiçden gurlan desga ünsüni özüne çekýär (**56-njy surat**). Göräýmäge, bu täsin desganyň möçberi ýeterlik derejede uludyr 7×5,5 metr, özi-de, iki diwaryň ini bir metre golaýdyr, beýleki ikisi bolsa ýukarakdyr – degişlilikde 0,5 we 0,7 metr. Diwarlaryň hemmesi tutuşdyr we 1,5-1,6 metr belentlikde saklanyp galypdyr. Günorta diwarda suwuň ýuwup gitmeginiň oňünü almak üçin üç tarapyndan hem palçyk bilen berkidilen deşik edilipdir. Ternaw uly we kiçi howuzlary bölýän böwetden başlanýar. Desganyň gündogar diwarynda kiçi howzuň düýbünüň derejesinden 0,7 metr belentlikde ýene-de bir gönüburçly deşik bar. Bu desganyň içindäki giňişlik bir mahallar gamyş gatlaklaryndan doldurylypdyr. Olaryň yzlary biziň günlerimize çenli saklanyp galypdyr. Bar bolan maglumatlardan çen tutsaň, bu tutuş desga özboluşly filtr (ýa-da suw durlaýjy) bolup hyzmat edipdir. Ol Murgabyň bulanyk suwuny arassalamak üçin gurlupdyr.

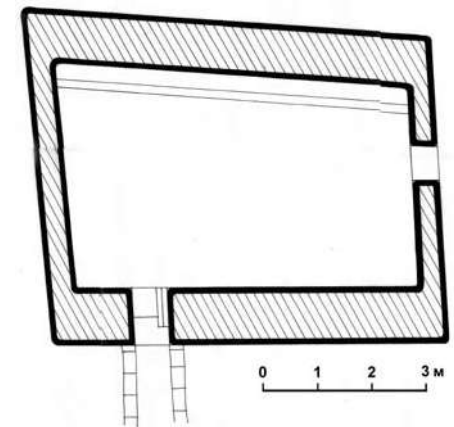
Filtriň işleýşini şeýle göz öňüne getirmek bolar. Derýanyň uly howzy dolduryp duran suwy täret etmek üçin ýaramly bolsa-da, ony içmek we nahar taýýarlamak üçin ulanyň bolmandyr. Ternawyň we günorta diwardaky deşigiň kömegi bilen suw baş «filtriň» içine barypdyr. Şol ýerde ol gamyşlarda durlanyp, ikinji deşige akypdyr. Arassalanan suw kiçi howzy doldurypdyr. Goňruň ýaşajylary we ähtimal, ruhanylar hem dürli maksatlar üçin, şol sanda nahar taýýarlamak we dini dessurlary berjaý etmek üçin şol ýerden suw alypdyrlar. Gamyş filtriň üstüni gyrmança basandan soň, ony täzesine çalşypdyrlar. Häzirki türkmenler ýaly, marguşlylaryň hem suwy arassalamak üçin diňe bir gamyş däl, eýsem ýandagy ulanan bolmaklaram ähtimal. Mälüm bolşy ýaly, ýandak baktrid, dezinfisirleýji häsiýetlere eýedir.

Filtri suw ybadathanasynyň demirgazyk kenar toplumynyň binalarynyň golaýynda gurbak prinsipini düşündirmek kyn däl. Gadymy marguşlylaryň çokunýan zatlarynyň biri suw hadysasy bolýan bolsa, onda gurbanlyk naharyny taýýarlamak üçin ulanylýan suw örän arassa we dury bolmalydyr.

Goňruň doly boşap galmagynyň oň ýanyndaky döwürde suw ybadathanasynyň demirgazyk böleginiň iň günbataryndaky jaýlar metallurglar tarapyndan бүрүнч erginlerini baýlaşdyrmak we metal önümlerini guýmak üçin ussahanalar hökmünde ulanylypdyr (**57-nji surat**). Ähtimal, kiçi howzuň ýuwaş-ýuwaşdan guramagy we suwuň çekilmegi bilen baglylykda uly we kiçi howuzlary biri-birine has ýakynlaşdyrmak zerurlygy ýüze çykandyr. Munuň üçin howzuň «gaçýan suwunyň» ugrunda täze jaýlar gurlupdyr. Beýleki subutnamalardan başga-da, «kiçi» howzuň kenarynda däl-de, şol döwürde eýýäm suwy örän azalan gündogar uçastokda üsti açylan ýek-tük jaýlar hem munuň şaýadydyr.

Suw ybadathanasynyň demirgazyk kenar toplumynyň ýerleşşi bir tipde bolup görünse-de, günbatardan gündogara uzalyp gidýän birnäçe aýratyn duran kiçi toplumlaryň bolmagy oňa mahsus ýagdaýdyr. Häzirlikçe olaryň näme maksat bilen gurlandygy bize mälüm däl. Ybadathananyň gündogar böleginde hem şeýle kiçi toplumlaryň üç-dört sanysy bar.

GÜNORTA KENAR TOPLUMY. Uly howzuň günorta kenarynda üsti açylan jaýlar uly zynjyra düzlüpdür we uly howzuň kenarynyň hem-de

56

Kiçi günorta howzudaky suwy arassalayan filtr (çepde) we onuň plany.

Фильтр для очистки воды в малом южном бассейне (слева) и его план.

Water treating filter in the minor southern pool (on the left) and its plan.

57

Goňruň suw ybadathanasynyň duran yerindäki bürünç önümlerini guýmak üçin ulanylan ussahana.

Мастерская для отливки бронзовых изделий на месте гонурского храма воды.

Workshop for bronze articles casting in the area of the Gonur water temple.

tutuş Demirgazyk Goňruň sowma diwarynyň günorta böleginiň arasynda gysylana meňzeýär **(58-nji surat)**. Bu diwaryň ortasynda günorta derwezesi ýerleşipdir.

Gysgaça synmyzy çetki gündogar bölekden başlarys. Şol ýerde, kenarda açyk giňişlik görünýär. Giňişligiň günorta-günbatar burçundaky birnäçe jaýy hasaba almasaň, şol ýerde hiç zat gürulmandyr. Ilkibaşda onuň howly bolan bolmagy, soňra bolsa uly bolmadyk jaýlaryň gurluşygy bilen özleşdirilip başlanan bolmagy mümkin. Gazuw-agtaryş işleri mahalynda çak edilýän howlynyň diwarlary ýokdy we golaýda ýerleşen «patyşa gonamçylygyna baryp duran» tarapy açykdy.

Aňyrrakda, demirgazyk ugurda, uly howuz tarapda tertiplije hatara düzlen, ähtimal, öz aralarynda baglaşan jaýlar ýerleşýär. Olaryň arasynda merkezi, gönüburçly 45-nji jaý tapawutlanýar. Ähli jaýlaryň içki bezegi ünsüňi özüne çekýär. Aýratyn hem howzuň iç tarapyna uzalyp gidýän diwarlar oňat suwalypdyr. Ilkibaşda kenar ýokarda bolupdyr we bu bina uly howzuň günorta kenarynda belende galypdyr, soňra bolsa şu howzuň suwunyň daşmagy netijesinde ony suw basypdyr.

Ir döwürde, patyşalaryň ägirt uly köşgüniň gurlup başlanan wagtynda bu binanyň Marguşyň ilkinji hökümdarlarynyň wagtlaýyn rezidensiýasy bolan bolmagy-da mümkin.

Bulardan başga-da, golaýda, ýöne biraz gündogarda patyşa gonamçylygynyň ýerleşendigi hem muňa şaýatlyk edýär, çünki hindari aristokratiýasy ýakynlaryny özleriniň ýaşaýan jaýlarynyň golaýynda jaýlapdyr. Şunuň bilen baglylykda Goňruň uly köşgünde, patyşa rezidensiýasynyň arka tarapyndaky howluda hem patyşa mazarlary ýerleşen dahma-mawzoleýi bolupdyr.

Şondan aňyrrakda, sowma diwaryň günbatar ugrundan aýratyn kiçi toplum ýerleşýär. Onuň jaýlarynyň käbirinde ýek-tük kameraly peçler saklanyp galypdyr. Şol kiçi toplumda giň howly esasy orny eýeleýär (20-nji jaý). Onuň poly palçyk bilen suwalypdyr. Şol ýerde belent bolmadyk platformada bir hatara düzülene iki kameraly peçler oturdylypdyr. Özi-de, peçleriň biriniň duhowkasyna keramika bölekleri düşelipdir **(59-njy surat)**.

Uly howza bakyp duran köşk-zalyň demirgazyk tarapynyň diwary ýokdur we suwa tarap giňden açylypdyr, munuň özi olaryň özara baglanyşkydygyna şaýatlyk edýär. Şu dini äheňli peçlerde taýýarlanylýan gurbanlyk hut suwa bagyşlanan bolmagy mümkin. Şeýle bolansoň, patyşa maşgalasynyň hut şu uly zalda suw bilen baglanyşkyly esasy dini dessurlary berjaý edendigi kanunalaýykdyr. Biziň pikirimizçe, şol ýerde soma-haoma taýýarlanylýan yerleriň duş gelmegi tötänden däldir. Bu içgini hem ruhanlyar we patyşalar özleriniň dinidessurlarynda ulanypdyrlar.

20-nji jaýyň günbatar diwarynyň ortasyndaky geçit ýanaşyk kiçi topluma alyp baryar. Bu toplum hemme tarapdan uzyn tutuş diwarlar bilen gurşalyp alnypdyr. Onuň içinde ýek-tük dini äheňli peçleri bolan kiçiräk jaýlaryň birnäçesi gurlupdyr.

Bu toplumyň anyk nähili wezipäni ýerine ýetirendigine düşünmek babatda gadymy suw gurluşykçylary tarapyndan howzuň günorta-günbatar kenar böleginde gurlan basgançakly giň eýwan ünsüňi özüne çekýär. Boýy 10 metre golaý we ini 5 metre golaý bolan eýwanyň özi suwuň kenaryň ýokary nokadyndan howzuň merkezine tarap gideninden soň gurlupdyr. Şol eýwanda (ýa-da gorizont meýdançada) materik gatlakda bir bölegi gazylp, bir bölegi hem çig kerpiçden örülip 63-nji jaý gurulupdyr **(60-njy surat)**. Onuň gündogar diwarynda dini äheňli iki kameraly peç ýerleşdirilipdir. Gurluşykçylaryň maksady howzuň guramagy sebäpli, «gaçýan» suw bilen dini äheňli peçleriň arasynda emele gelen aralygy azaltmaktan ybarat bolan bolmagy mümkin.

Marguşda üsti açylan iň gadymy suw ybatdathanasyny suratlandyrmagy tamamlap, filtriň yörite konstruksiyasyndan başga-da, uly we kiçi howuzlaryň arasyndaky böwetde çig däl-de, bişen kerpiçden gurlan yörite suw desgasyň galyndylary tapyldy. Gynansak-da, gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly ol örän çagşapdyr. Şonuň üçin hem onuň gurluşyny gaýtadan dikeltmek mümkin däldi.

Suw ybadathanasynyň demirgazyk we günorta böleklerindäki jaýlaryň ýerleşişini olaryň dürli maksatlara hyzmat edendigini çaklamaga esas berýär. Mälim bolsy ýaly, otparazlykda köpsanly tämizleniş dessurlary bar, olary berjaý etmän doga okamaga girişmek bolmaýar. Aýratyn hem irki tärete aýratyn uly ähmiýet berilýär. Hut şonuň üçin her bir otparaz daň säherden turup, özüni suw bilen arassalamaga borçly bolupdyr. Bölekleyin täretler bilen bir hatarda hökmany suratda berjaý edilmeli täretler, mysal üçin, aýratyn ýagdaýlarda tutuş bedeniňi doly, üç gezek arassalamak dessury hem bolupdyr. Bir söz bilen aýdylanda, tämizlemek dessurlary köp möçberdäki suwy talap edipdir. Şu maksatlar üçin uly howuz ýerlikli bolupdyr. Bu ýerde ojakly jaýlar örän az bolupdyr, diýmek, esasy gurban bermek dessurlary bu ýerde däl-de, arassa we dury suwly kiçi howzuň demirgazyk kenarynda berjaý edilipdir. Munuň üstesine, demirgazyk kenar toplumu gurluşyklaryň gürlügi we dini äheňli peçleriň köplügi bilen tapawutlanýar. Ýene-de bir zada üns bereliň: toplumyň üç tarapynda – demirgazyk, günbatar we günorta taraplarynda karenin çäklerinde howuzlar hem, iki kameraly peçler hem bolupdyr, ýöne arassalaýjy desga, filtr ýa-da durlaýjy diňe günorta tarapda gurlupdyr. Munuň özi suw ybadathanasynyň suratlandyrylýan desgalardan ybarat bolandygynyň subutnamasy dälmi eýsem?

Şunuň bilen baglylykda ýene-de bir zada ünsüňizi çekesimiz gelýär. Ozal bellenilişi ýaly, Mekezi Aziýanyň derýalary dünýäniň beýleki derýalarynyň arasynda kadadan çykma däldir we olaryň hanalary tebigy ýagdaýda gündogardan günbatara tarap süýşýär. Munuň özi Murgap derýasyna hem degişlidir. Bu tebigy prosesleriň netijesinde derýanyň howuzlara baryan suwy ýylsaýyn azalypdyr, uly we kiçi howuzlaryň suwy peselipdir. Soňra olara suw düýbünden akmagyny bes edipdir. Şonda gadymy marguşlylar, zerur bolan halatlarynda köşk-dini ygtykatly toplumyň daş-töweregini gurşap alan düzlükde ýygnanýan ýagyş suwuny ulanmaly bolupdyrlar. Uzyn, darajyk arylary gazmak arkaly howuzlaryň ikisiniň hem suwunyň peselmeginiň önüni wagtlaýyn almak başardypdyr.

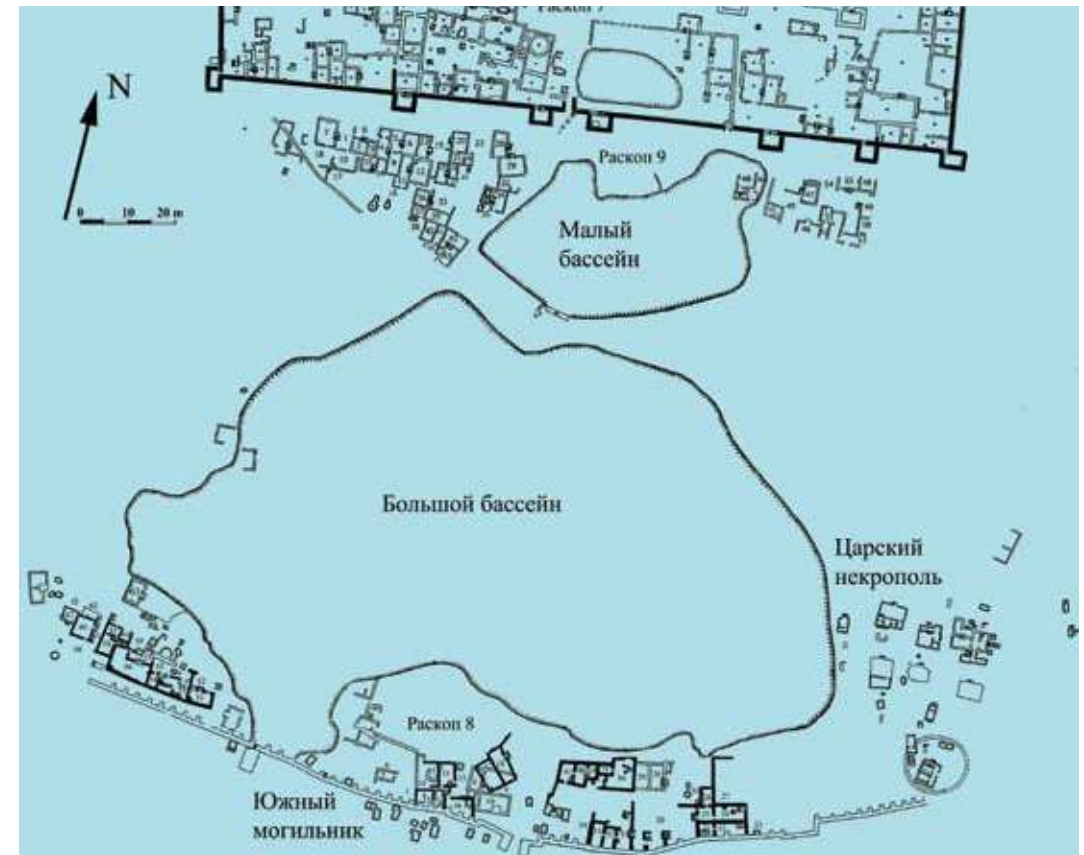
Два комплекса храма воды

ОСНОВНОЕ пространство огромной территории, находящейся между южными частями стен каре и обводной стеной, занято бассейнами. Все окружающие их постройки так или иначе тяготеют именно к ним, что позволяет допускать их назначение как единого храма воды.

Главный, или большой бассейн протянулся на 180 метров с запада на восток и на 85 метров с севера на юг, а глубина его составляла около полутора метров. Северный берег этого искусственного водоема очень узок и представляет собой скорее земляную перемычку, отделяющую его от малого южного бассейна. По обеим сторонам последнего когда-то была плотная застройка северного берегового комплекса, чьи помещения снабжены двухкамерными печами, возведенными одновременно со стенами. Совсем иную планировку демонстрирует южный береговой комплекс, длинная цепочка комнат которого вытянулась вдоль берега большого бассейна, примыкая изнутри к обводной стене.

СЕВЕРНЫЙ БЕРЕГОВОЙ КОМПЛЕКС. Большое число культовых печей, устроенных в помещениях северного берегового комплекса храма воды, может быть сравнимо лишь с храмом жертвоприношений, а это важный аргумент в пользу того, что существовавшие здесь постройки относились к святилищу. Да, планировка этих зданий не отличается классической монументальностью и симметрией, которая обычно ассоциируется с храмами, но по своему назначению это был самый настоящий храм, связанный, в первую очередь, с культовыми церемониями и очищающими ритуалами.

Не исключено, что здесь происходили не только жертвоприношения воде, но и готовилась жертвенная пища, для чего требовалась чистая питьевая вода. В этой связи обращает на себя внимание полое внутри сооружение из сырцового кирпича, обнаруженное в самой середине малого южного бассейна (*Илл. 56*). Размеры этой странной, на первый взгляд, конструкции достаточно велики: 7×5,5 м, причем две стены имеют ширину около одного метра, а две другие, более тонкие, - соответственно 0,5 и 0,7 м. Все стены глухие и сохранились на высоте 1,5-1,6 м. В южной стенке, у самого основания конструкции, сделано отверстие, укрепленное со всех трех сторон глиной, чтобы предотвратить размывание потоком воды. К этому отверстию подходит специальный желоб из сырцовых кирпичей длиной 14-15 м, проложенный по дну бассейна. Сам желоб имеет глубину 50-60 см и ширину 60 см, причем ширина его при впадении в малый бассейн достигает почти метра, а глубина 20-25 см. Желоб начинается непосредственно на перемычке, разделяющей большой и малые бассейны. Еще одно прямоугольное отверстие имеется в восточной стенке конструкции на высоте 0,7 м от уровня дна малого бассейна. Все пространство внутри этого сооружения было некогда заполнено слоями тростника, следы которого сохранились до настоящего времени. Судя по имеющимся данным, вся эта конструкция

являлась своеобразным фильтром (или отстойником), сооруженным для очистки мутной воды Мургаба - такой же мутной и грязной, как и во всех равнинных реках Центральной Азии.

Представить работу фильтра можно следующим образом. Заполняя большой бассейн речная вода, если и годилась для ритуальных омовений, то, конечно, не могла употребляться для питья и приготовления пищи. С помощью желоба и отверстия в южной стенке эта вода попадала внутрь полого фильтра, где она, отстоявшись в камышах, выливалась во второе отверстие и, уже очищенная, заполняла малый бассейн. Отсюда жители Гонура и, видимо, сами жрецы вычерпывали воду для различных целей, в том числе для приготовления пищи (включая жертвенную) и отправления культовых ритуалов. По мере того, как камышовый фильтр обрастал илом, его заменяли новым. Не исключено, что маргушцы, как и современные туркмены, могли использовать для фильтрации не только камыш, но и верблюжью колючку. Последняя, как известно, обладает хорошими бактерицидными, дезинфицирующими свойствами.

Принцип устройства фильтра в непосредственной близости от зданий северного берегового комплекса храма воды вполне объясним, так как, если мы признаем, что одним из объектов поклонения древних маргушцев являлась стихия воды, то используемая для

58

*Demirgazyk
we günorta suw
ybadathanalarynyň
planı.*

*План северного
и южного храмов
воды.*

*Plan of the northern
and southern water
temples.*

приготовления ритуальной пищи вода должна была быть чистой и прозрачной.

На всей этой площади, вытянутой перед каре оборонительных стен по обеим сторонам малого бассейна, имеется плотная монотонная однотипная застройка, состоящая из комнат, в большинстве которых до наших дней сохранились внутренние двухкамерные печи. Если судить по их большому числу, северный береговой комплекс храма воды первоначально растягивался достаточно далеко как на запад, так и на восток. Не исключено, что он подходил вплотную и к описанному выше юго-западному храму сомы-хаомы.

В период, предшествовавший полному запустению Гонура, самые западные помещения северной части храма воды использовались древними металлургами в качестве мастерских для обогащения бронзовых сплавов и отливки металлических изделий (*Илл. 57*). Возможно, в связи с постепенным и медленным усыханием малого бассейна и отступлением воды возникла необходимость максимально сблизить большой и малый бассейны между собой. Для этого в направлении «убегающей воды» бассейна стали возводить все новые помещения, основания стен которых покоятся уже не на материке, а на тонких и, бесспорно, мусорно-зольных наслоениях. Помимо других наблюдений, доказательством тому служат единичные помещения, раскопанные не на берегу малого бассейна, а на обмелевшем к тому времени восточном участке дна, откуда вода уже давно ушла к центру водоема. Интересно, что и эти помещения также имеют внутри двухкамерные культовые печи. В них, судя по всему, готовилось жертвенное мясо для культовых церемоний и ритуалов, связанных преимущественно с водой.

При всей кажущейся однотипности планировки северного берегового комплекса храма воды для нее характерно наличие вытянутых с запада на восток нескольких обособленных микрокомплексов, назначение которых пока остается не вполне ясным. Три-четыре подобных микрокомплекса, отграниченных от других строений длинными глухими стенами, наличествуют и в восточной половине храма.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГОВОЙ КОМПЛЕКС. Если все помещения северного комплекса группировались вокруг малого бассейна и, судя по всему, использовали его относительно чистую воду, то иная картина наблюдается на противоположном, южном берегу большого бассейна. Здесь все раскопанные помещения вытянуты в длинную цепочку и как бы зажаты между берегом большого бассейна и южной частью обводной стены всего Северного Гонура. (*Илл. 58*). В середине этой стены располагались южные ворота, оформленные с обеих сторон выступающими наружу двумя прямоугольными массивными пилонами.

Наш краткий обзор начнем с крайней восточной части, где на берегу просматривается открытое пространство неправильной прямоугольной конфигурации, почти незастроенное, если не считать несколько помещений в его юго-западном углу. Не исключено, что первоначально это был двор, который позднее стал застраиваться небольшими помещениями. В момент раскопок восточная стена

предполагаемого двора отсутствовала и была открыта в сторону расположенного рядом так называемого «царского некрополя».

Далее, в северном направлении, в сторону большого бассейна выстраивается серия аккуратно выстроенных, по-видимому взаимосвязанных между собой помещений, среди которых выделяется центральное, прямоугольное *помещение 45*. Интерьеры всех помещений отличаются тщательной отделкой. В особенности хорошо оштукатурены стены, которые уходят далее внутрь бассейна. Очевидно, первоначально береговая линия была выше, и все это здание возвышалось на южном берегу большого бассейна и лишь впоследствии было затоплено поднявшейся водой этого водоема.

Нельзя исключать, что это здание с самого начала представляло собой временную резиденцию первых маргушских царей, когда еще только шло строительство их грандиозного по тем временам дворца. Помимо всего прочего, на это может указывать тот факт, что рядом, но еще восточнее, располагался царский некрополь (о котором подробнее будет сказано ниже), поскольку индоарийская аристократия предпочитала хоронить близких поблизости от своих жилищ. В этой связи уместно напомнить, что и в большом дворце Гонура, на заднем дворе резиденции царя, была дахма-мавзолей с царскими захоронениями.

Далее, в западной стороне вдоль обводной стены располагается обособленный микрокомплекс. Некоторые из составляющих его помещений сохранили единичные двухкамерные культовые печи, возможно, указывая на места, где совершали свои жертвоприношения первые поселенцы Гонура. Центральное место в этом микрокомплексе занимает обширный двор (*помещение 20*). Его пол покрыт толстым слоем глиняной обмазки, на котором располагаются три большие, вознесенные на невысокие платформы двухкамерные печи, вытянутые в одну линию и обращенные устьями в одну и ту же сторону, причем духовка одной из печей аккуратно выложена фрагментами керамики (*Илл. 59*).

Северная сторона зала-двора, обращенная в направлении большого бассейна, не имеет стенки и широко открыта в сторону водной

59
Keramiki
böleklerden
düzülen duhowka.

Духовка,
выложенная
фрагментами
керамики.

Oven laid with
pieces of broken
ceramics.

глади, что не оставляет сомнений в их взаимосвязи. Именно воде, а шире – водной стихии – могли быть посвящены жертвоприношения, приготавливаемые в этих культовых печах. В таком случае закономерно, что именно в этом обширном зале жившая рядом во временной резиденции царская семья совершала главные культовые ритуалы, связанные с водой и водной стихией. Думается, что отнюдь не случайно здесь же были встречены хотя и единичные, но бесспорные места для приготовления сомы-хаомы, которая использовалась жрецами и правителями в их ритуалах.

Проход в середине западной стены *помещения 20* ведет в смежный микрокомплекс, который отграничен со всех сторон длинными глухими стенами и застроен внутри серией небольших помещений с единичными культовыми печами. Западная стена рассматриваемого микрокомплекса идет по одной осевой линии с южными воротами, как бы отграничивая всю вышеописанную береговую полосу, которая составляла восточную часть храма воды. Далее, к западу, через «улицу», начинающуюся от южного въезда с двумя пилонами и упирающуюся в большой бассейн, идет разновременная застройка, состоящая из крупных прямоугольных комнат, сильно нарушенных более поздними перестройками, причем только два верхних помещения из них сохранили культовые двухкамерные печи.

Для понимания конкретного назначения всего этого комплекса в высшей степени показательна широкая ступенчатая терраса, устроенная древними ирригаторами в юго-западной береговой части бассейна. Сама терраса шириной около 10 м и глубиной около 5 м была выкопана, когда вода ушла уже далеко от наивысшей береговой точки в сторону центра бассейна в связи с общим постепенным усыханием. На этой террасе (или горизонтальной площадке) в материковой толще было частично вырублено, а частично выложено из обычного сырцового кирпича небольшое *помещение 63* с культовой двухкамерной печью в восточной стене. (Илл. 60). Очевидно, что цель, которую преследовали строители, заключалась в том, чтобы до предела уменьшить образовавшееся в связи с общим высыханием бассейна расстояние между «убегающей» водой и культовыми

печами, в которых жрецы совершали ежедневные ритуалы, посвященные воде.

* * *

Подводя итог в описании самого древнего храма воды, раскопанного в Маргиане, следует отметить, что, кроме специальной конструкции фильтра, на перемычке между большим и малым водоемами были расчищены остатки, по-видимому, специального ирригационного сооружения, построенного не из сырцового, а из жженого кирпича, который не так быстро поддавался размытию водой из обоих бассейнов. К сожалению, к моменту раскопок оно было настолько сильно разрушено, что восстановить его устройство не представилось возможным.

Планировка помещений северной и южной частей храма воды дает основания предполагать их принципиально разное функциональное назначение. Как известно, в зороастризме существует много очистительных обрядов, без соблюдения которых нельзя приступать к молитве. Особенно важное значение придается утреннему омовению. Именно поэтому, проснувшись на заре, каждый зороастриец обязан был тщательно очистить себя водой от ночной скверны. Наряду с частичными омовениями существуют и более строгие предписания, как например, полное, трехкратное омовение всего тела в особых случаях осквернения и т.д. Одним словом, очистительные ритуалы требовали большого количества воды. Для этих целей лучше всего и подходил большой бассейн. Помещений с очагами здесь совсем мало, стало быть, и основные жертвоприношения совершались не здесь, а на противоположном, северном берегу малого бассейна с его очищенной прозрачной водой. К тому же, северный береговой комплекс отличается плотной застройкой и наличием большого числа культовых печей. Обратим внимание и на то, что если с трех сторон комплекса – северной, западной и южной в пределах каре – имелись как бассейны, так и двухкамерные ритуальные очаги, то очистное сооружение, фильтр, или отстойник построен только на юге. Это ли не еще одно убедительное доказательство, что описываемые постройки составляли именно храм воды?

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание по этому поводу. Как уже отмечалось, реки Центральной Азии не являются исключением среди других рек мира и их русла естественным образом смещаются с востока в западном направлении. Это в полной мере приложимо к такой равнинной реке, как Мургаб. Вследствие этих естественных процессов постепенно приток свежей речной воды в бассейны с годами все заметнее уменьшался, большой и малый бассейны все больше мелели, пока вода вообще не прекратила поступать в них. Тогда древним маргушцам по необходимости пришлось переходить к использованию дождевой воды, которая скапливалась на окружающей дворцово-культовый ансамбль равнины. Процесс полного и окончательного обмеления обоих бассейнов удалос несколько затормозить при помощи рытья длинных, узких канав, т.е. устройства новой дренажной системы, по которой вода естественным путем стекала в водоемы.

Chapter 6

The Temple of Water

THE LARGE area that lies between the southern parts of the walls of the square and the encircling wall is mainly occupied by reservoirs. The buildings located in this area show that all of them to a certain extent were associated with these reservoirs and one may suggest that they formed a united Temple of Water. The main and the largest reservoir stretches for 120 m from West to East, from North to South 85 m and it is 1,5 m deep. Its northern bank is so narrow that it could be referred to as a bridge that unites it with the small southern reservoir. On both sides of the small pool a northern complex was located where most of the rooms had double-chambered ritual hearths built at the same time as the walls. The southern complex revealed quite a different plan; its long chain of rooms stretched along the bank of a large pool and from the inside adjoined the encircling wall.

NORTHERN COMPLEX. The plan of the rooms in the northern complex is far from being classically monumental, but the number of ritual hearths in them can be compared only with that of the Temple of Sacrifices, a fact that testifies that the complex was most probably associated with cult ceremonies and clearing rituals. In this case it seems quite probable that sacrifices were made not only of meat but of water as well. Quite remarkable in this connection is a hollow structure made of mud bricks that was excavated in the very middle of the small southern pool (**Fig.56**). This rectangular structure is rather large: 7.0 by 5.5 m, two of the walls are about 1 m thick, whilst two others are thinner (accordingly 0.5 and 0.7 m). The blind walls are 1.5 - 1.6 m high. In the southern wall at the very bottom of the construction was an opening that on three sides was strengthened with clay to prevent it from washing-out. A special gutter made of mud bricks (48×25×11 cm) was laid on the bottom of the pool and joined the opening. The gutter was 14-15 m long, 60 cm wide and 50-60 cm deep. At the spot where the gutter entered the small pool it became almost 1 m wide and 20-25 cm deep. The gutter started right at the bridge that divided the large and small reservoirs.

At a height of 0.7 m from the level of the small reservoir another rectangular opening was made in its eastern wall. The inside of this structure was once filled with reed layers, its traces have survived to the present. The available material suggests that the whole construction was a sort of filter for purification of the muddy waters of the Murgab river. This water, though probably good for ritual ablutions, could not be used for cooking and drinking. The filter probably functioned in the following way: the water of the Murgab River filled the large reservoir and then through the gutter described above and the opening

in the southern wall reached the «precipitation tank» that was filled with reeds, and the water purified in such a way came out through the second opening and then the small reservoir was filled up with clean water. The priests and probably the rest of the Gonur population could use this clean water for various purposes including cooking and ritual ceremonies. The reed in the filter was changed from time to time. Probably the ancient tribes, like modern Turkmens, used not only reeds for filtration but camel burr as well. The latter is known to have very good anti-bacterial, disinfecting qualities.

If we are correct in our supposition that the ancient Margiana tribes worshiped the pure nature of water then it is logical that the filter was built so close to the buildings of the Temple of Water on the northern bank of the reservoir. In the square that was located in between the two sides of the small reservoir there was a dense and monotonous construction that consisted of rooms which by the time of excavations have preserved ritual double-chambered hearths. One may suggest that originally the northern complex of the Temple of Water has stretched very far to the West and could have come closely to the south-western Temple of Soma-Haoma described above.

In the period before the complete abandonce of Gonur the very western rooms of the northern complex of the Temple of Water were occupied by ancient metallurgists who used them as shops where they concentrated bronze alloys and moulded various metal objects (**Fig.57**).

SOUTHERN COMPLEX. The rooms of the northern complex were grouped around the «small reservoir», as was described above. But on the opposite southern bank of the large reservoir the rooms were stretched in a long chain as if «squeezed» between the bank of the large reservoir and the southern part of the encircling wall of the entire ensemble (**Fig.58**). In the center of the southern encircling wall (directly opposite the main, northern entrance into the palace and temple ensemble) were the southern gates on both sides decorated with two protruding rectangular and massive pylons.

We shall start our short tour from the extreme eastern point where a large courtyard of an asymmetric rectangular form was situated on the bank of the reservoir. The courtyard was empty except for some rooms in its south-western corner. Perhaps in the beginning it was really a courtyard that was later built out with small rooms. At the time of excavations, instead of the eastern wall, there was an opening leading to the nearby «royal necropolis».

Farther in the northern direction at the «large pool» a series of accurately built structures that were apparently connected, stretches on. A central rectangular structure No 45 stands out among them. The inside walls of all the rooms were carefully plastered, especially those that had a direct link with the reservoir itself. Perhaps originally the bank was

higher and the whole structure topped the southern bank and later, when the water rose, it was covered by it.

Though it is not proven, it seems logical to suggest that the structure under discussion was originally used as a temporary residence by the first kings of the migrating tribes during the period of the construction of the palace mentioned above. The supposition can be supported by the fact that nearby, a bit to the East, was a royal necropolis (it will be described later on) and it is important to remember that the ancient Iranian aristocracy preferred to bury their dead close to their houses. In this connection one also has to remember the fact described earlier, that when at the palace of North Gonur (rooms No 91-94) in the «back yard» of the king's residence, a dakhma-mausoleum with royal burials was found.

A separate micro-complex was located near the western part of the encircling wall. In some of its rooms single double-chambered hearths were preserved, and perhaps, it was here where the first migrating Indo-Iranian aristocrats made their sacrifices. A large courtyard (chamber No 20) took the central place in the micro-complex. Its floor was covered with a thick layer of clay and on a low platform were placed three large double-chambered hearths stretched in one line. All the mouths of these hearths faced the same direction and the furnace in one of them was carefully lined with ceramic fragments (**Fig.59**).

On the northern side of this hall-yard that faced the «large reservoir» there was no wall and the connection between the yard and the reservoir seemed most logical. It was water, or more broadly understood, the nature of water, to which the sacrifices prepared in these cult hearths were made. In this case one may suggest that the royal family that lived in the temporal residence could perform their cult sacrifices to water in this very courtyard. Also, it is remarkable that separate places used for preparing the Soma-Haoma drink were found in this yard.

The passage in the center of the western wall in chamber No 20 led to the adjoining micro-complex that on all four sides had long blind walls, and inside of it a series of small rooms with double-chambered hearths were located. The western wall of the micro-complex is located on the same line with the southern gates as if separating the eastern part of the Temple of Water from the rest of the structures.

Farther to the West through the long «street» that starts from the southern entrance with pylons of the encircling wall and ends at the water of the «large reservoir», one can see buildings of different periods. These were large rectangular rooms badly damaged by later reconstruction and only in two upper rooms cult double-chambered hearths have been preserved.

A wide stepped terrace that the ancient irrigators made in the south-western bank of the reservoir helps significantly in our understanding of the purpose of the complex under discussion. The terrace about 10 m wide and about 5 m deep was made after the water moved to the center

of the reservoir due to the slow constant drying out of the reservoir. On this terrace (or horizontal platform) the small room No 65 with a cult double-chambered hearth in the eastern wall (**Fig.60**) was partly cut out in the virgin soil and partly made of mud brick. It seems that the ancient people in their attempt to shorten the distance between the flowing water and the place of sacrifice tried to move the hearths as close to water as possible.

Before closing the description of the most ancient Temple of Water in Margiana one should mention the following fact. Besides the specially constructed «filter» on the bridge between the large and small reservoirs there were remains of an irrigation system that was made of fired (not mud) bricks that cannot be easily washed away. But unfortunately it was so badly damaged that it could not be reconstructed.

The plan of rooms in the northern and southern parts of the Temple of Water suggests a different functional purpose. Zoroastrianism is known to have various cleansing rituals that should precede prayer. Special attention is given to morning ablution; one could not begin doing anything before the morning cleansing.

The first thing every Zoroastrian had to do in the morning was an ablution, the process that cleaned a man after his sleep. Alongside this partial ablution, in some special cases of profanation it was necessary to make thrice-repeated ablution of the whole body. In other words a lot of water was required for all these processes. In this case it is logical to suggest that the large reservoir was most suitable for this purpose and all the ritual ablutions took place in it. Remember that its size was: 180×80 m and that a few rooms with separate double-chambered hearths were located along the reservoir.

As was mentioned, there was another situation on the opposite, northern bank of the small reservoir. There was a dense building and a lot of cult hearths and the small reservoir with clean limpid water. It is easy to suggest that sacrifices that involved clean, drinkable water took place there. It is remarkable that the purification system, the «filter», was built only in one place, on the southern side of the complex, additional evidence that the rooms being described may be regarded as the Temple of Water.

There is one more point that requires our attention. Like other rivers in the world the Murgab river gradually changed its bed moving from East to West. Consequently less water was coming into both reservoirs until finally the supply of water dried up. The Margush people had to think of some way to stop the marked shallowing of reservoirs and they began with the help of a special drainage system to gather the rain water in such a way that they could restore and preserve the water level in the pools.

VII bap Goňurdaky patyşa gonamçylygy

61
Patyşa
gonamçylygynyň
umumy görnüşi.

Общий вид
царского
некрополя.

General view of the
royal necropolis.

GOŇURDAKY köşk-dini ygtykatly toplumy gözden geçirenden soň, baş howzuň günorta-gündogarynda gurlan, bary-ýogy on sany mazardan ybarat uly bolmadyk gonamçylyga baryp görmezlik mümkin däl. Ozal bellenilişi ýaly, ol Marguşyň hökümdarynyň wagtlaýyn rezidensiýasynyň golaýynda gadymy aristokratiýasynyň döp-dessurlaryna laýyklykda ýerleşipdir. Patyşa rezidensiýasy ýaly, gonamçylygyň hem gadymy Marguş ýurdunyň taryhynyň iň irki döwrüne, ýagny biziň eýýamymyzdan ozlaky III müňýyllygyň soňky ýüzýyllyklaryna degişlidigini çaklamak bolar (**61,62-nji suratlar**).

Mazarlaryň ählisinde umumylyklaryň köpdüğine, ýöne olaryň arasynda birmeňzeşleriniň ýokdugyna üns bereliň! Ýüze çykarylman mazarlaryň ikisi tapawutlanýar: olar adaty, ýöne uly çukurlar görnüşindedir: ölçegleri 3,5×5,3 m, çuňlugy 1,65 m süýrümlik çukur (3225-nji mazar) we 3,75×5,5 m, çuňlugy 1,95 m gönüburçly çukur (3240-njy çukur). Beýleki başsisi bolsa öýleriň ýerasty modelini ýatladýar. Munuň özi marguş aristokratlarynyň ýaşayyş jaýlarynyň nähili bolandygyny göz öňüne getrmäge mümkinçilik berýär. Hünärmenler ýerasty öýler görnüşündäki mazarlaryň diňe hindiari taýpalaryna degişli bolandygyny çaklaýarlar. Gynansak-da, eýýäm gadym döwürlerde bu mazarlaryň ählisi birnäçe gezek talanypdyr. Biz hatda olaryň örtgüsiniň nähili bolandygyny hem bilemzok, çünki ýykylan sütünlerden ýekeje kerpiç hem galmandyr ýa-da mazarlaryň hiç birinden pürs bölekleri tapylmady. Şol bir wagtyň özünde bu örtükleriň bolandygyny ynamly aýtsa bolar, çünki mazarlaryň girelgeleri çig kerpiç bilen gury ýapylypdyr (ýagny palçyk suwag ulanylmadyr). Munuň özi, zerur bolan halatynda,

nobatdaky jaýlamak dessurynda kerpiçleri çalt aýyrmaga we köşkeriň içine girmäge mümkinçilik beripdir. Beýleki çaklamalara görä, munuň özi dünýäde giňden ýaýran skleplerde jaýlamak dessuryňa meňzeş köpçülikleýin mazarlarmagym mümkin.

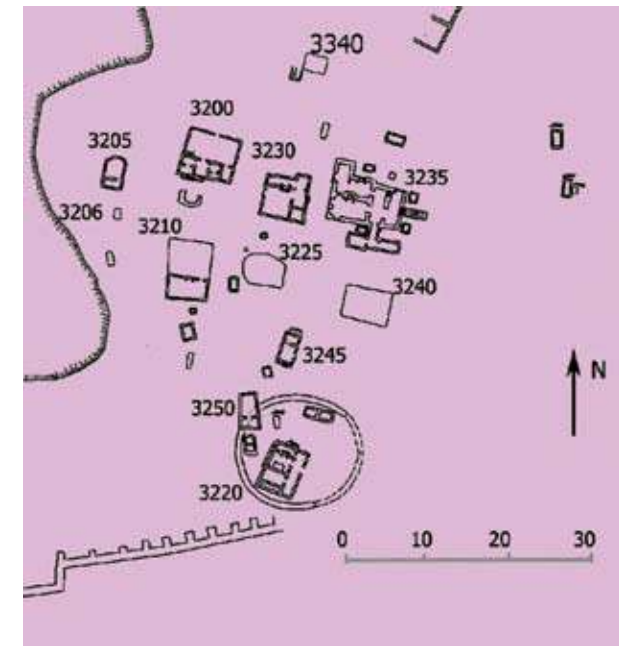
Iki sany mazaryň (3200-nji we 3210-njy) öz aralaryndaky alamatlary umumydyr: olaryň günorta böleginde çukuryň diwarlary çig kerpiçler bilen örtülipdir. Munuň özi olary günbatardan gündogara 6 metre, demirgazykdan günorta bolsa 3,0-3,5 metre uzalan özboluşly «merhumlar öýüne» çalyndaş edýär. Çukuryň galan demirgazyk bölegi bolsa howla meňzeýär. 3200-nji mazardaky «merhumlar öýi» dört sany kamera-otaga bölünendir we iki sany girelgesi bar. Otaglaryň üçüsi öz aralarynda geçitler bilen birleşipdir, biri bolsa ýapykdyr (**63-nji surat**).

Howlynyň demirgazyk diwarynyň ortasynda giň geçit (derweze) bar. Dört tigirli araba hem onuň üstünden arkaýyn geçip bilipdir. Biz şu ýerde arabanyň galyndylaryny tapdyk. 3210-njy mazardaky «öý» bir otaglydyr we demirgazyk tarapdan bir sany girelesi bar (**64-nji surat**). Desgalarynyň ikisi hem (öýler hem, howlular hem) içinden palçyk bilen suwalypdyr.

3220-nji mazaryň düýbünden başgaça howlusy bar. Howlynyň poly «öýüň» pollarynyň derejesinde däl-de, onuň diwarlarynyň beýikliginiň derejesinde ýerleşýär. Diňe şol mazar ýarys saklanyp galan kerpiçli tegelek görnüşinde ýokary gatlakda ýerleşýär. Ýatlanlyp geçilen kerpiç tegeleginiň gündogar bölegi gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly doly çagşan ýagdaýdady. Munuň özi, ähtimal, şol ýerde sowma diwaryň gurulmagy bilen baglanyşyklydyr (**65-nji surat**).

Bu synlamalardan soň, biz ýene-de bir gezek tutuş patyşa gonamçylygynyň, hususan-da, 3220-nji mazaryň sowma diwardan has öň gurlandygyna göz ýetirdik. Patyşa gonamçylygynyň dowam eden has giçki döwründe bu mazaryň kerpiç tegelegi 3250-nji kameraly mazaryň gurlan wagtynda ýykylpdyr. «Merhumlar öýünden» başga-da, kerpiç tegeleginiň içinde, onuň günbatar böleginde iki kameraly, armyt görnüşündäki dini äheňli peç gurlupdyr. Şu ýerde şeýle hem tegelek diwara iç tarapdan iki kameraly kerpiç altary birigýär.

3220-nji gonamçylykdaky «Merhumlar öýi» üç sany kamerany birleşdirýän koridordan ybaratdyr (**66-njy, 67-nji suratlar**). «Öýüň» girelgesi eňňit görnüşinde gurlupdyr. Ortaky kamerada goşa ojak, onuň garşysynda bolsa bir mahallar üstüne agaç düşelip, iki hatar çig kerpiçden örülen «stol» ýerleşýär. 3230-njy we 3235-nji mazarlaryň (**68,69,70-nji suratlar**) howlulary yok, ýöne biraz günorta tarapda ýerleşýän, yokarda ýatlanlyp geçilen çukur mazarlarmagym olaryň her biri bilen baglanyşyklydyr: 3225-nji süýrümlik çukur (toplumyň talanmadyk iki sany mazarynyň biri) 3230-njy mazara, 3240-njy gönüburçly çukur bolsa 3235-nji mazara degişlidir. 3230-njy mazar talaňçylar tarapyndan dargadylypdyr, ýöne ol azyndan üç-dört

62
Patyşa
gonamçylygynda
mazarlaryň ýerleşiş
shemasy.

Схема
расположения
гробниц на
царском
некрополе.

Layout of tombs
in the royal
necropolis.

sany otagdan ybarat bolupdyr. Mazaryň demirgazyk diwarynyň ugrunda ýerleşen darajyk kamerada dini äheňli ikigat ojak gurlupdyr.

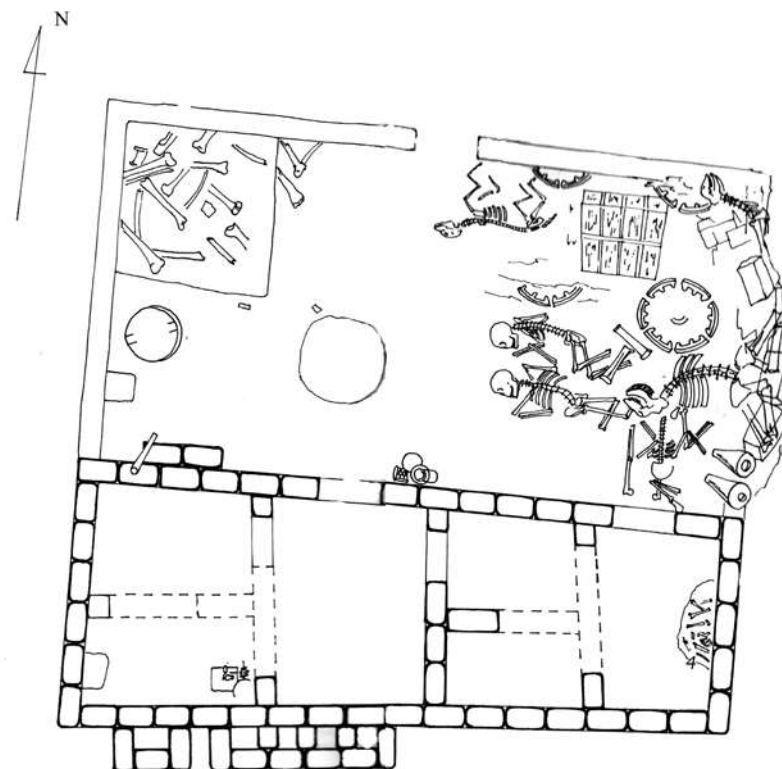
3235-nji mazar iň tapawutlanýan jaýlaýyş desgasy bolup durýar. Köp gezek talanandygyna garamazdan, öl özüniň ýerleşişini oňat saklap galypdyr. Onuň girelgesi gündogar tarapda ýerleşýär we ýeriň aşagyna alyp barýan, çig kerpiçden örülen ýedi basgançakdan ybaratdyr. Onda baş sany esasy we üç sany goşmaça (hojalyk maksatlary üçin bolmagy mümkin) kameralar bar. Iki kamerada dini dessurlar üçin niýetlenen goşa ojaklar, beýleki ikisinde bolsa adaty durmuş ojaklary ýerleşýär. Geçit- koridorlarda «gizlin» (daşyndan palçyk bilen galyň suwalan) uly bolmadyk iki kameraly ojak edilipdir.

Глава седьмая

Царский некрополь Гонура

ЗАВЕРШАЯ осмотр дворцово-культового ансамбля Гонура, нельзя не посетить небольшой некрополь, состоящий всего из десяти гробниц, устроенных на юго-восточном берегу главного бассейна. Как уже отмечалось, он был расположен рядом с временной резиденцией правителя Маргианы в полном соответствии с традициями древнеарийской аристократии. Есть все основания считать, что как царская резиденция, так и этот некрополь относятся к самому раннему периоду в истории древней страны Маргуш, то есть к последним столетиям III тысячелетия до н.э. (Илл. 61, 62).

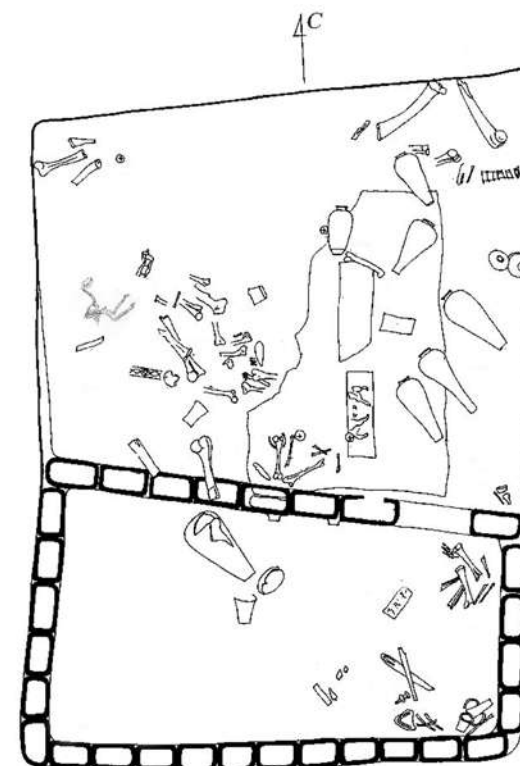
Обратим внимание на то, что все гробницы имеют много общего, но среди них нет ни одной одинаковой! Из семи выявленных погребений выделяются два: они представляют собой обычные ямы-котлованы, правда гигантских размеров: овальная яма (погребение 3225) размером 3,5×5,3 м при глубине 1,65 м и прямоугольная (погребение 3240) габаритами 3,75×5,5 м при глубине 1,95 м. Другие же пять представляют собой подземные модели домов, что дает нам возможность представить, в частности, каковы же были жилища маргианской аристократии. Попутно отметим, что только индоарийским племенам специалисты приписывают могилы в виде подземных моделей домов. Увы, еще в далекой древности все эти погребения были разграблены, причем неоднократно. Мы, к сожалению, даже не знаем, какими были их перекрытия – плоскими или сводчатыми, так как никаких кирпичей от рухнувших сводов или фрагментов деревянных балок ни в одной из гробниц не обнаружено. В то же время можно уверенно говорить о том, что эти перекрытия существовали, так как все входы в гробницы были заложены сырцовыми кирпичами всухую (то есть без применения глиняного раствора). Это позволяло, в случае необходимости, при очередных захоронениях быстро разбирать кирпичную закладку и проникать в камеру. По другим предположениям, это могли быть коллективные последовательные захоронения, наподобие широко распространенных в мире погребений в склепах.

63
3200-nji mazaryň plany.

План гробницы 3200.

Plan of tomb 3200.

64
3210-njy mazaryň plany.

План гробницы 3210.

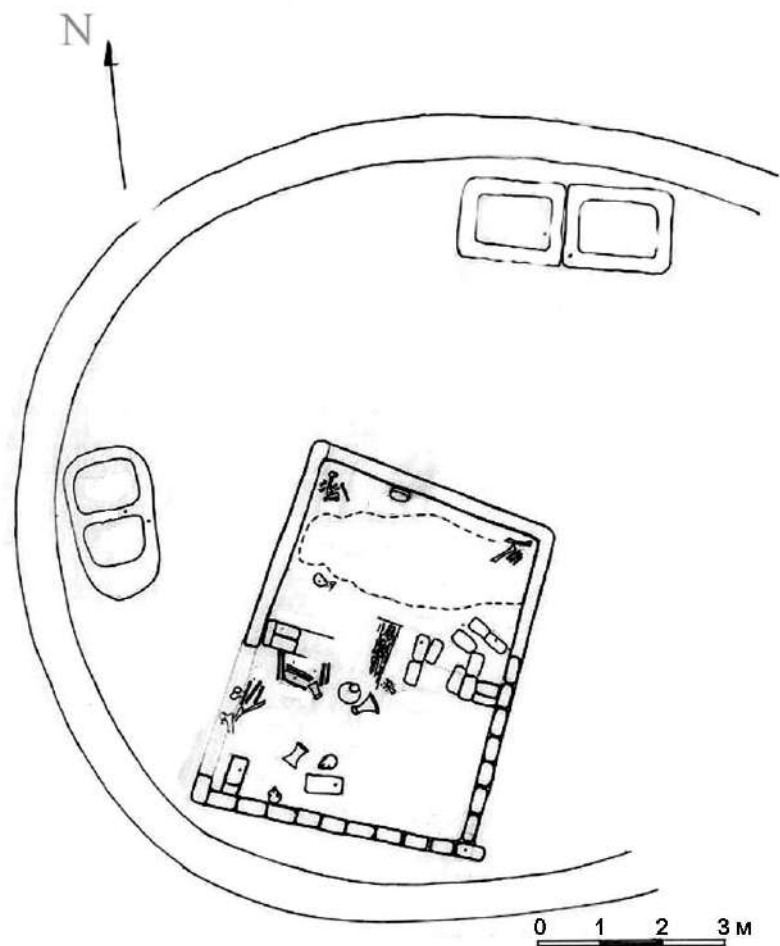
Plan of tomb 3210.

65

3220-nji mazaryň plany.

План гробницы 3220.

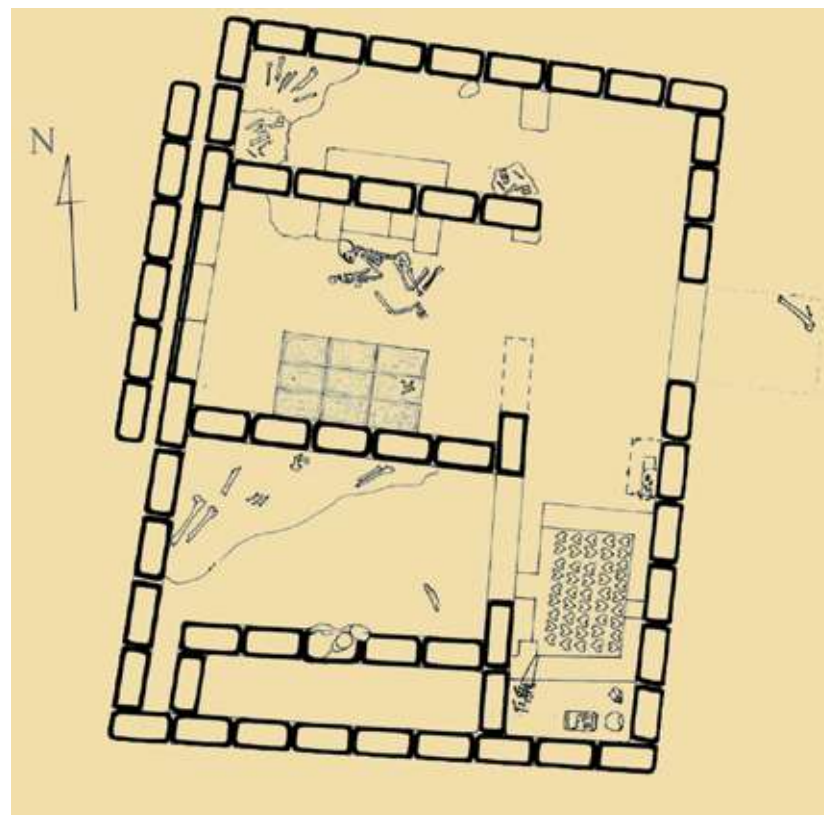
Plan of tomb 3220.

Две гробницы (3200 и 3210) имеют между собой один общий признак: в южной их части стены котлована облицованы сырцовыми кирпичами, что делает их похожими на своеобразные «дома мертвых», вытянутые с запада на восток на 6 м, а с севера на юг – на 3,0 - 3,5 м. Остальная же, северная, часть котлована (несколько большей ширины) представляет собой двор. «Дом мертвых» в гробнице 3200 разделен на четыре камеры-комнаты и имеет два входа, оба открытые с северной стороны. Три комнаты соединены между собой проходами, а одна изолирована (Илл.63).

В середине северной стены двора также есть широкий проход (ворота), через который внутрь двора могла пройти и четырехколесная повозка, остатки которой нам довелось обнаружить здесь. «Дом» в гробнице 3210 – однокомнатный и имеет один вход, также с севера (Илл.64). Оба эти погребальные сооружения (и дома, и дворы) изнутри тщательно обмазаны глиняной штукатуркой.

Совершенно другой двор, пол которого расположен не на уровне полов «дома», а на уровне высоты его стен, имеет гробница 3220. Только она одна обозначена на поверхности полусохранившимся кирпичным кругом, внутрь которого и была вписана. Восточная

66

3220-nji mazaryň gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahalyndaky umumy görnüşi.

Общий вид гробницы 3220 во время раскопок.

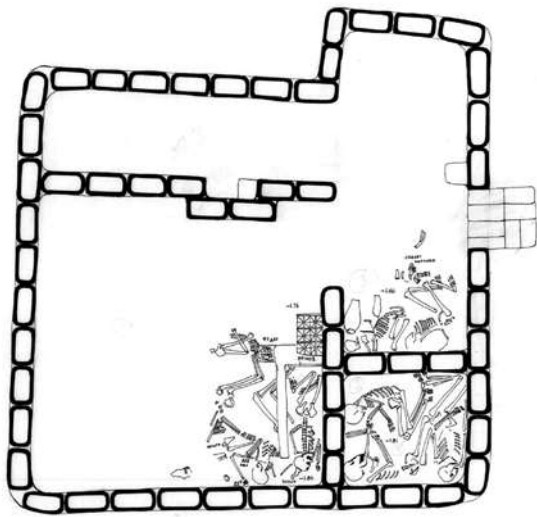
General view of tomb 3220 during excavations.

67

3220-nji mazaryň arassalanylandan soňky plany.

План гробницы 3220 после расчистки.

Plan of tomb 3220 after clearing.

часть вышеупомянутого кирпичного круга к моменту раскопок оказалась полностью разрушенной, что, скорее всего, было связано со строительством на этом месте обводной стены (Илл.65).

Эти наблюдения еще раз убедили нас в том, что устройство всего царского некрополя и в частности гробницы 3220, относится к гораздо более раннему времени, чем возведение обводной стены. Уже в самый поздний период существования царского некрополя кирпичный круг этой гробницы был нарушен во время устройства камерной могилы 3250, также подвергшейся разграблению в древности. Кроме «дома мерт-

вых», внутри кирпичного круга, у его западной части была сооружена совершенно нетронутой до момента раскопок двухкамерная культовая печь грушевидной формы, типа встреченных нами ранее перед северным фасадом в комплексе общественных трапез. Здесь также изнутри к круглой стене примыкает двухкамерный кирпичный

68

3230-njy mazaryň plany.

План гробницы 3230.

Plan of tomb 3230.

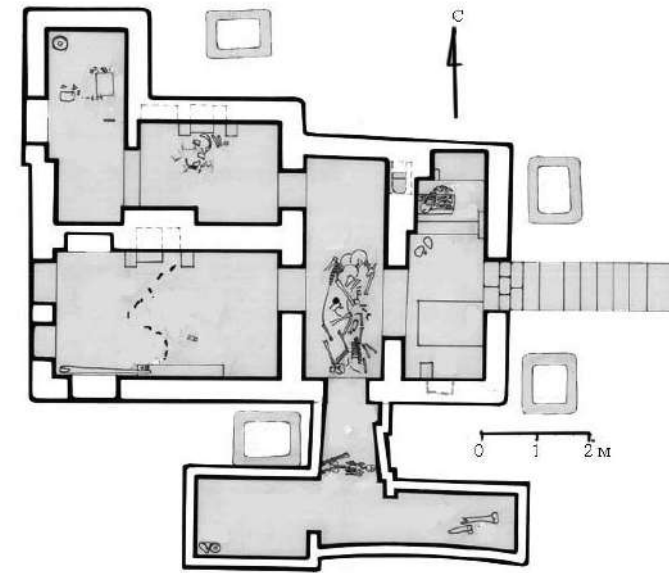

алтарь огня, сохранивший заметные следы горения.

«Дом мертвых» в гробнице 3220 состоит из коридора, соединяющего три камеры (Илл.66, 67). Вход в сам дом оформлен пандусом, спускающимся вниз. В средней камере - двойной очаг, а напротив него - «стол», сложенный из двух рядов сырцовых кирпичей, некогда накрытых деревянными досками. Гробницы 3230 и 3235 (Илл.68, 69, 70) не имеют дворов, зато к каждой из них тяготеют расположенные южнее упомянутые выше ямные могилы: овальная яма 3225 (одно из двух неогранных погребений комплекса) - к гробнице 3230, а прямоугольная яма 3240 - к гробнице 3235. Гробница 3230 сильно нарушена грабителями, но состояла она не менее чем из трех-четырёх комнат. В наиболее узкой камере, расположенной вдоль северной стенки гробницы, устроен двухкамерный ритуальный очаг.

Самым выдающимся погребальным сооружением является гробница 3235, которая, несмотря на многочисленные ограбления, хорошо сохранила свою планировку. Вход в нее находится с восточной стороны и оформлен семью ступенями лестницы из сырцового кирпича, ведущими под землю. В ней пять основных и три дополнительные (предположительно, хозяйственные) камеры. В двух камерах сооружены двойные ритуальные очаги; в двух других - обычные бытовые печи; в проходе-коридоре сделан «секретный» (обмазанный снаружи толстым слоем глины вровень с наружной обмазкой стен) небольшой двухкамерный ритуальный очажок.

Характерно, что как и в гробнице 3220, в этих культовых очагах топка отделена от духовки простым уступом, а не валиком-перегородкой. Необходимо учесть, что в помещениях дворцово-храмового комплекса Северного Гонура встречено всего лишь несколько культовых печей «с уступом», да и то в помещениях особого назначения («большой алтарь», «киоск», гробницы). Вспомним, как это было отмечено при описании очага в большом алтаре, что в таких печах возжигали не дерево, а преимущественно ароматические травы. Попутно заметим, что в аристократических погребальных камерах большого некрополя Гонура были встречены модели точно таких же культовых печей с уступом. А еще в одной из камер гробницы 3235 оказались обычные стенные ниши и «слепые окна», аналогичные тем, что мы видели в гонурском дворце.

69-70

3235-nji mazaryň umumy görnüşi we plany.

Общий вид и план гробницы 3235.

General view and plan of tomb 3235.

71

3200-nji mazardan
tapylan dört
tigirli arabanyň
arassalanylyan
mahaly.

Четырехколесная
повозка в
гробнице 3200
в процессе
расчистки.

Four-wheeled cart
in tomb 3200 in
process of clearing.

Chapter 7 The Royal Necropolis of Gonur

ONE cannot leave the palace and cult ensemble of Gonur without visiting a small necropolis of ten burials on the southeastern bank of the main reservoir. We remember that near it was the temporal residence of the Margiana rulers, in full accord with the traditions of Indo-Iranian aristocracy (**Figs 61, 62**). We have all possible evidence that the royal residence as well as the royal necropolis belonged to the very early period of the ancient history of Mouru (Margush), to the last centuries of the third mil.B.C.

It is remarkable that in spite of many features common to all these tombs, one cannot find two exactly alike. Two tombs stand out among the seven excavated burials. They represent extremely large but still ordinary pit burials; the burial No 3225 is oval, its dimensions are: 3,5×5.3×1.65 m deep and the burial No 3240 is 3.75×5.5×1.95m deep. The other five were made in the shape of an underground miniature house and gave us an idea of the residences of the Margiana aristocracy. Here one should note that according to specialists only Indo-Aryan tribes made burials in the shape of underground model houses.

These burials had already been robbed in antiquity and perhaps more than once. We cannot even say whether their covers were flat or oval since neither of them had any bricks from vaults or fragments of beams left. At the same time the ceilings had certainly existed since

entrances to the burials were capped with mud bricks without plaster between the rows. This demonstrates that in case it was necessary to bury another corpse, they could easily remove the bricks and enter the chamber. Other evidence also testifies that these were collective burials of a crypt type.

Two other tombs No 3200 and 3210 also have something in common: their southern walls are faced with mud bricks, a fact that makes them appear to be «houses of the dead» that stretch for 6.0 m from West to East and for 3.0-3.5m from North to South. The northern sections of pits (somewhat wider) give the impression of a yard. The «house of dead» in tomb No 3200 was divided into four chambers-rooms and both entrances were located on the northern side. Three rooms were joined with passages whilst the fourth one was isolated. In the middle of the northern wall of the yard was a passage (entrance) wide enough for a four-wheeled cart to go through. The «house» in the burial No 3210 consisted of one room with one entrance, also on the northern side (**Fig.63**). These funeral structures (yards and rooms) were carefully plastered with clay inside.

An absolutely different «yard» was at burial No 3220; its floor was on the level of the height of its walls instead of on the level of the floor of the «house». On the present surface a half preserved brick circle around this burial has survived. By the time of excavations the eastern section of this brick circle was completely ruined; this was most likely explained by the later construction of an encircling wall on this spot (**Fig.64**).

All the facts mentioned above prove that the royal necropolis existed here long before the construction of the encircling wall. The brick circle around the burial No 3220 was ruined in the very last period of the royal necropolis when the chamber tomb No 3250, also robbed in antiquity, was built here. Inside the brick circle in its western section in addition to the «house of the dead» a double-chambered ritual hearth of a pear shape was built and had survived intact to the time of excavations. Earlier we described this type of hearth when speaking about the hearths found in the northern section of the complex of «communal eating». Inside the northern section of the encircling wall was a double-chambered altar of fire made of brick with clear traces of burning inside it (**Fig.65**).

The «house of the dead» in the burial No 3220 consists of four chambers-rooms: one corridor with passages to three other rooms (**Figs 66, 67**). The entrance to the «house» had a ramp in the north-eastern corner of the structure. In the middle chamber was a ritual double-chambered hearth and opposite it a «table» made of two rows of mud bricks that were once covered with wooden boards.

Tombs No 3230 and 3235 had no yards (**Figs 68, 69, 70**). To the South of them were two pit burials and of them the oval pit No 3225 (one of two intact burials of the complex) was closer to the tomb No 3230 while the rectangular burial No 3240 was near the tomb No 3235.

The tomb No 3230 was badly disturbed by robbers but still one could determine that it had at least 3-4 rooms. Along the northern wall of the tomb in the narrowest chamber a double-chambered ritual hearth was excavated.

The most representative ritual structure was the tomb No 3235 that despite numerous robberies had a well preserved plan. Its entrance was on the eastern side and had seven steps that led down underground. It consisted of five main and three additional (supposedly, household) chambers. In chambers No 2 and 3 double-chambered ritual hearths were made, chambers No 4 and 5 had common cooking furnaces and in the passage-corridor (chamber No 6) near the north-western corner of the chamber No 7 a small «secret» double-chambered ritual hearth was placed. Its outside walls were covered with a thick clay layer that continued to the thickly plastered walls of the chamber.

It is remarkable that in these cult hearths as well as in those of the tomb No 3220 the oven was separated from the furnace with a simple step instead of a partition. So, we can again repeat our suggestion that these were hearths for a special purpose. As has already been mentioned above this kind of hearth were most likely used for burning aromatic herbs instead of wood. Incidentally, one can recall that in the aristocratic funeral chambers of the Gonur necropolis the same model of cult hearths with a «step» were excavated.

In the southern wall of the chamber No 2 and in the northern wall of the chamber No 3 of the tomb No 3235 the usual recessed niches were found whilst in the western walls of both chambers were «blind windows» analogous to those of the palace of Gonur described above.

VIII bap

Merhum jaýlanylanda onuň ýanynda goýulýan zatlar

72

3220-nji mazardaky kúmuş we altyn gap-gaçlaryň hazynasy arassalanylmazyndan ozal.

Клад серебряных и золотых сосудов в гробнице 3220 перед расчисткой.

Buried treasure of silver and golden vessels in tomb 3220 before clearing.

KÜMMETLERIŇ diwarlaryndaky oýuklar nämäni aňladýar? 3210-njy mazarda hiç hili oýuk tapylmady, 3200-nji mazarda bolsa olar diňe iki jaýda bar eken. Sanalyp geçilen oýuklaryň ählisi gizlin bolupdyr, ýagny olaryň ählisi adaty diwarlarda görünmez ýaly edilipdir. Ähtimal, olarda merhum jaýlananda goýulýan gymmatly zatlar ýerleşendir. Şulardan çen tutsaň, merhumlaryň garyndaşlarynyň we gadymy talaňçylaryň arasynda özboluşly «oňuşmazlyk» dowam edipdir: merhumyň ýakynlary gymmatly zatlary gizlin ýerlerde saklamaga çalşypdyr, talaňçylar bolsa ele düşmek howpy astynda olary tapmagyň küýünde bolupdyr. Gynansak-da, köp halatlarda hazyna gözleýjiler ýeňiş gazanypdyr. Ýöne şowlulygyň gülüp bakan pursatlary hem bolupdyr. Mysal üçin, müňýyllyklar geçenden soň, arheologlar şowly açyşyň üstünden bardylar: 3220-nji we 3235-nji mazarlarda iki sany baý hazyna bús-bütin saklanyp galypdyr! **(72-nji surat)**. 3220-nji mazaryň günorta-gündogar çüňkünde jaýlanan erkek kişiniň aýaklarynyň golaýynda dürli ululy-kiçili 24 sany gap-gaç bar eken: olaryň ikisi altyndan, on ýedisi kúmuşden we bäşisi mis-bürünçden ýasalypdyr **(73-nji surat)**. Şol zatlaryň arasynda iki örküçli düýeleriň ikisi şekillendirilen, kubok görnüşindäki silindr gap has tapawutlanýar. Ol örän ussatlyk bilen şekillendirilipdir, ony hatda dünýä sungatynyň genji-hazynalarynyň hataryna goşmak bolar. Biz onda bezelen, uly üçburçluk görnüşindäki tagmalary bolan düýeleri görýäris **(74, 75, 76-nji suratlar)**.

73

Goňruň patyşa gonamçylygyndan tapylan altyn gap-gaçlar.

Золотые сосуды из царского некрополя Гонура.

Golden vessels from the Gonur royal necropolis.

Düýe şekillendirilip, kümüşden ýasalan beýleki bir önümde hem hut şeýle tagma bar. Bu demirgazyk Goňruň has gıçki aristokratik mazarynda jaýlanan merhumyň boýnundan tapylan heýkel güberçekli iňňebagjykdyr (2900-nji mazar) **(77-njy surat)**. Ähtimal, olar diňe patyşa hojalygyna degişli bolan iri haýwanlara salnan tagmalar bolandyr.

Kümüşden we altyndan ýasalan gap-gaçlaryň birnäçesiniň düýbünde diňe düýeleriň şekillendirilmegi bu haýwanlaryň gadymy marguşlarda möhüm orun eýeländigine şaýatlyk edýär. Özi-de, olar örän şertli, bary-ýogy birnäçe çyzyklar bilen şekillendirilipdir. Munuň özi şol şekilleriň estetiki häsiýete eýe bolmandygyny, diňe simboliki ähmiýete eýe bolandygyny görkezýär. Bu fakt düýeleriň oňparazlarda möhüm orun eýeländiginiň subutnamasydyr. Çaklamalaryň birinde Zaratuştra pygamberiň adynyň «köne düýeli» ýa-da «sary düýeleriň eýesi» diýlip terjime edilýändigini ýatlalyň **(78,79-njy suratlar)**. Gap-gaçlaryň käbirinde düýeleriň örküçleriniň üstünde peýkamy ýatladýan belgiler haşamlanypdyr. Emma olaryň nähili wezipäni ýerine ýetirendigini anyklamak üçin olary ýörite öwrenmek zerur bolup durýar.

Ýöne patyşa mazarlarynda arheologik gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly tapylan gizlin ýerleri suratlandyrmaga gaýdyp gelemiň. Tapylan ikinji hazynada gizlenip goýlan gap-gaçlaryň sanynyň ep-esli azdygyna garamazdan, ol özüniň çeperçilik ähmiýeti boýunça beýlekiden birjik-de pes duranok. Bu hazyna 3235-nji mazaryň günorta diwarynyň polunyň aşagyndan 1 metrden gowrak çuňlukda tapyldy. Çola ýerde jemi 7 sany gap-gaç (2 sany uly bolmadyk altyn kubok, 2 sany mis-bürünç we 3 sany kümüş gapjagazlar) bar eken **(80-nji surat)**.

Kümüş gap-gaçlaryň arasynda haýwanlar şekillendirilen koniki kubok has tapawutlanýar. Çeperçilik babatda ol örän ussatlyk bilen ýerine ýetirilipdir **(81-82-nji suratlar)**. Şol sahnada öküz bilen göreşýän ýolbars hem, «ýaşayyş daragtynyň» iki tarapynda duran iki sany keýik hem, suw içip duran ýene-de bir keýik hem, towşany kowalap barýan möjek hem, dagdan düşüp gelýän aýy hem bar. Şekillendirilen esasy gahrymanlaryň ählisi düzlükde ýaşayän haýwanlardyr. Şol bir wagtyň özünde sahnada çöl peýzaży däl-de, dag landşafty suratlandyrylypdyr. Dag landşaftyň beýan edilmeği gadymy däp-dessurlara sarpa goýlupdyr diýen pikiri döredýär, şol bir wagtyň özünde ussa esasy gahrymanlary özüniň täze watanynda görüpdür. Kubogyň düýbündäki şekil hem haýran galdyrýar: bu şahly geçiniň kellesidir, onuň gözlerinden yaş akýar! Bu sýuzetiň manysy nämeden ybarat? Ol kubogyň dünýäden ir öten eýesi baradaky hasratmy ýa-da haýsydyr bir allegoriýamy?

Ýöne patyşa mazarlarynda jaýlanan merhumlaryň ýanynda goýlan zatlaryň ählisi gizlin ýerlerde ýerleşmändir. Olaryň aglabasy ýörite jaýlarda we «peşgeş saklanylýanlar» diýlip atlandyrylan gaplarda ýerleşipdir **(83-nji surat)**. «Peşgeş saklanylýanlar» – bu merhumyň jesediniň üstüne goýulýan agaç gutulardyr ýa-da ýaşiklerdir. Ähli ýagdaýlarda, 3235-nji mazardan başga, olaryň içki ýüzi mozaiki nagyşlar bilen örtülipdir. Olar barada aýratyn durlup geçiler. Şol gutularda merhumyň ýanynda goýulýan zatlaryň esasy, ýöne has bir gymmatly däl böleginiň ýerleşdirilendigini çaklamak bolar. Şeýle «peşgeş saklanylýanlaryň» mazarlarda talaňçylaryň ünsüni sowmak üçin ýörite goýlan bolmagy hem mümkin. «Peşgeş saklanylýanlarda» goýlan zatlary alyp, gadymy talaňçylaryň oljalaryndan göwünleri hoş bolandygy we gözleglerini bes eden bolmagy ähtimal. Şunuň netijesinde iň gymmatly zatlara el degilmän galypdyr.

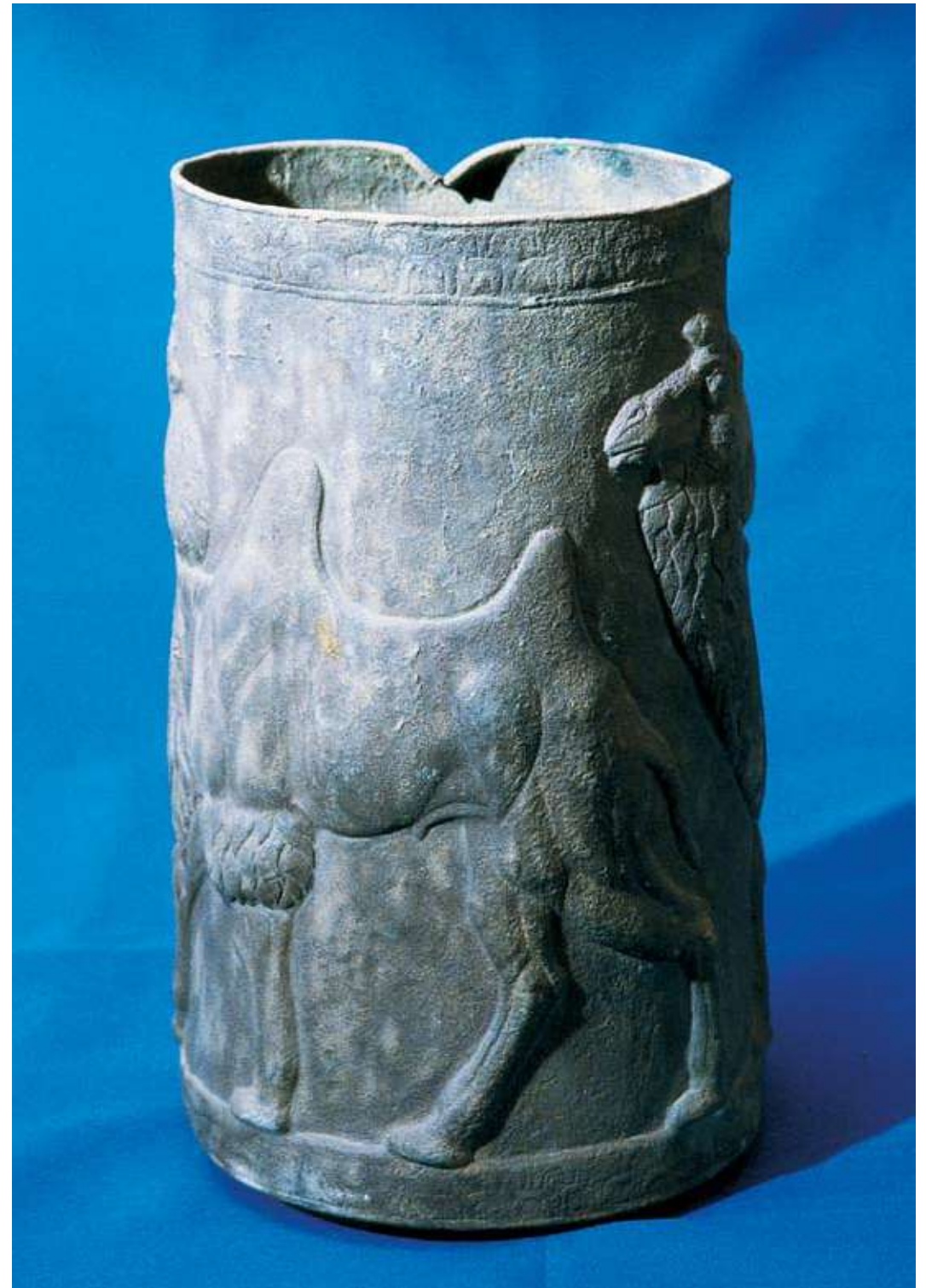
Patyşa mazarlarynda, şeýle hem beýleki aristokratik guburlarda (kameraly mazarlarda) ýene-de bir örän möhüm kanunalaýyklyk görünýär:

74

163-nji sahypada:
3220-nji mazardan
tapylan kümüş gap-
gaçlar.

На стр. 163:
серебряный
сосуд из клада в
гробнице 3220.

On page 163:
Silver vessel from
the buried treasure
in tomb 3220.

75

3220-nji mazardan tapylan kütüş gapda şekillendirilen düýäniň kellesi.

Голова верблюда на рельефе серебряного сосуда из гробницы 3220.

Camel's head on the surface of a silver vessel from tomb 3220.

76

3220-nji mazardan tapylan gapda şekillendirilen düýäniň aýagyndaky tagma.

Знаки-тамги на ноге верблюда с сосуда из гробницы 3220.

Signs-tamgas on the camel's leg on the vessel from tomb 3220.

164

esasy mazarlardaky jesetler hemişe bir kamerada, olaryň ýanynda goýulýan zatlar bolsa beýleki kamerada ýerleşýär. Çünki mazarlaryň her birinde ýokary aristokratiýanyň wekilleri (hökümdarlar, belent ruhanylar), şeýle hem gullar ýa-da hyzmatkärler jaýlanydyr. Agzalyp geçilenleriň birinjisini esasy merhumlar diýip atlandyrmak bolar. Çünki şeýle monumental ýerasty desgalar hut olary jaýlamak üçin gurlupdyr. Gullaryň we hyzmatkärleriň özleri bolsa gurban berlen zatlar hökmünde görüpdür, ýagny olar ol dünýäde hem hojaýynyna hyzmat etmek üçin öldürilipdir.

Mundan başga-da, merhum jaýlanylanda onuň ýanynda goýulýan zatlar baradaky temany tamamlamak üçin talaňçylardan soň 4 müň ýyla golaý wagtyň dowamynda ýeriň aşagynda saklanyp galan köp bolmadyk, ýöne örän möhüm zatlary häsiýetlendirip geçeliň.

Mazarlaryň ählisinden beýik hökümdarlygyň simwollary, şol sanda daşyň dürli görnüşlerinden haşamlanan we häzire çenli bize nämälim bolup galýan haýsydyr bir dessurda ulanylan uly daş diskleri, şeýle hem uzyn daş hasalary tapyldy (84,85-nji suratlar). Daşdan, köp halatlarda alebastrdan ýasalan diskleriň diametri 0,5 metre golaýdyr, galyňlygy bolsa 12 santimetre çenlidir. Mazarlaryň ählisinden şeýle diskleriň bir sanysy, 3210-njy guburdan bolsa iki sanysy tapyldy. Diňe 3200-nji we 3220-nji mazarlardan tapylan diskleriň merhumlaryň garyndaşlarynyň goýan ýerinde ýerleşendigini çaklamak bolar.

Hasalar, adatça, slanesden ýasalypdyr. Olaryň aşaky böleginiň galyňlygy 10 santimetre çenli bolupdyr. Olaryň ýokarky uýy güberçek bilen bezelipdir. Aşaky uýy köp halatlarda goşa toýnaksyz (atyňky bolmagy mümkin) iri haýwanyň toýnagy görnüşinde haşamlanydyr. Hasalaryň uçlarynda sürtülmäniň yzlarynyň galmandygy olaryň simwoly maksatlar üçin ulanylandygyny görkezýär. Tagtda oturan aristokratlar olary häkimiyetiň simwoly hökmünde ellerinde saklapdyr. Olaryň bir mahallar «mukaddes ýeriň» gözleginde marguşlylaryň ata-babalarynyň öňüne düşüp, daglary we çölleri söken öňbaşçylaryň elindäki hasalaryň simwoly bolan bolmagy hem mümkin.

Mazarlaryň üçüsiniň her birinde iki sany kinniwanja daş sütünjigi, dördünjisinde bolsa birisi tapyldy. Ähli ýagdaýlarda şeýle zatlar diňe aristokratik mazarlarda göze ilýärdi. Olar jaýlananlaryň sosial statusynyň ýokarydygynyň subutnamasy bolup durýar.

Mazarlaryň üçüsünde arabalaryň galyndylarynyň tapylmagy suratlandyrylýan guburlarda Marguş ýurdunda iň ýokary wezipeleri eýelän adamlaryň jaýlanandygynyň ýene-de bir subutnamasydyr. Şu ýerde ýene-de bir zada ünsi çekeliň. Ýatlanylýp geçilen 3225-nji we 3240-njy mazarlar degişlilikde 3220-nji we 3235-nji «merhumlar öýleri» bilen özara baglanyşyklydyr. Şonuň üçin hem mundan beýläk-de hut şu birleşdirilen mazarlar barada gürrüň ederis.

3200-nji mazar üsti açylan patyşa guburlarynyň birinjisidir we onuň howlusynda ýerleşdirilen zatlar beýleki mazarlardaky ýaly kân bir dargadylmandyr. Şol ýerde, howluda, mazaryň esasy derwezesiniň gündogar tarapynda dört tigirli araba goýlupdyr. Bu biziň eýýamymyzdan ozalky üçünji müňýyllygyň arheologiyasynyň tutuş Ýakyn Gündogar we Merkezi Aziýa sebitlerinde abat saklanyp galan birinji arabasydyr (71,86-njy surat). Arabanyň oturgyýy baş sany tagtdan ýasalypdyr, onuň ini 0,8 metre barabardyr. Oturgyýyň tagtalaryny berkitmek üçin olaryň arasynda ini 5 santimetrlik ýukajyk tagtalar ulanylypdyr. Arabanyň oturgyýy tigirleriň arasyndaky ortalykda däl-de, yzky oka golaýrak ýerde ýerleşýär. Özi-de,

77

2900-nji mazardan tapylan kütüş iňňebagjygyň güberçegindäki düýäniň şekili.

Изображение верблюда, венчающего навершие серебряной булавки из могилы 2900.

Camel image crowing the pommel of a silver pin from tomb 2900.

165

78-79

3220-nji, 3235-nji mazarlaryň gizlin yerinden tapylan kütüş we altyn gap-gaçlaryň düýbündäki düýe şekilleri.

Гравированные изображения верблюдов на донцах серебряных и золотых сосудов из тайников гробниц 3220 и 3235.

Engraved camel images on bottoms of silver and golden vessels from hoards of tombs 3220 and 3235.

munuň oturgyjyň bir böleginiň dargap biläýjek ýagdaýy bilen baglanyşykly daldigini ynamly aýtmak bolar. Çünki oň tarapdaky okuň golaýynda agajyň ýekeje bölegi-de tapylymady. Tigrileriň hemmesiniň diametriniň birmeňzeş, ýagny 0,7 metre barabar bolandygyny bellemek gerek.

Ikinji araba (sökülen ýagdaýda) 3225-nji mazardan tapyldy. Onuň çukurynyň günbatar diwarynyň golaýynda dört sany tigr ýerleşýärdi (**87-njy surat**). Tigrileriň dördüsiniň hem konstruksiýasy 3200-nji mazardaky bilen birmeňzeşdi, ýöne diametri ulurakdy (90 santimetr). Arabanyň golaýynda, bölekleyin tigrileriň üstünde agaçdan ýasalan oturgyç bardy, onuň konstruksiýasy 3200-nji mazardakydan tapawutlydy. Ol uzyn (160 santimetr), darajyk (32 santimetr) oturgyçdy. Onuň belent bolmadyk arkasy (uzynlygy 165, beýikligi 15 santimetr) we iki tarapyndan tirsekligi bar eken. Oturgyjyň özi ini 32 santimetre we galyňlygy 2 santimetre barabar bolan bir sany tagtadan ýasalypdyr. Oturgyjyň arkasy we tirseklikleri şeýle galyňlykdaky we ini 5 santimetrlik üç sany darajyk plankadan edilipdir. Özi-de, olaryň arasy biraz açykdyr.

Şeýle arabanyň üçünjisiniň tigrileriniň galyndylary 3240-njy mazardan, talaňçylar tarapyndan tozdurylan ýagdaýda tapyldy. Bürünç okiselleriniň yzlary galan iri agaç galyndylary şol ýerde agaç tigrileriň bolandygyna şaýatlyk edýär (**180-nji surat**). Iki sany agaç bölejigi tigriniň ululygyny kesgitlemäge mümkinçilik berdi: onuň diametri 80 santimetre barabar bolupdyr.

3225-nji mazardan tapylan şol agaç bölekleriniň we tigrileriň galyndylarynyň esasynda olaryň konstruksiýasyny dikeltmek başartdy. Tigrileriň ählisi bir görnüşlidir. Olaryň spisalary bolmandyr. Tigriler tutuş bolup, üç sany agaç bölegi bilen birleşdirilipdir. Agaç bölekleri ýokarsyndan reýkalar bilen berkidilipdir, gurşawlar bolsa alty sany bürünç segment bilen gaplanypdyr. Segmentler tigrilere uly bürünç berçinler bilen berkidilipdir.

Spisalary bolmadyk şeýle tigriler örän gadymky we iň ýönekeý tigrileriň hilinden bolupdyr. Olar häzir hem Kawkazyň daglyk obalarynda duş gelýär. Şol bir wagtyň özünde Goňruň patyşa mazarlaryndan tapylan birmeňzeş bürünç gurşawlar Baktriyanyň we Elamyň (Günorta-Günbatar Eýran) gadymy mazarlaryndan tapylan gurşawlara çalymdaşdyr. Oňat saklanyp galan iki sany arabanyň her biriniň tigrileriniň ählisi birmeňzeş ululykda bolupdyr.

Şol arabalaryň nähili wezipäni ýerine ýetirendikleri bize entek mälim däl. Olar marguş aristokratiýasynyň ulag serişdesi bolupmy, ýa-da hojalykda ulanylyan arabanyň wezipesini ýerine ýetiripmi, ýa bolmasa, häzirki wagta çenli käbir halklarda hereket edýän ýörite «dini dessurly sandyksyz araba» bolupmy – häzirikçe bular barada bir zat diýmek kyn. Ýöne şol eýýama degişli arheologiýa nukdaý nazaryndan bitin, gaýtadan dikeltmäge mümkinçilik berýän arabanyň galyndylarynyň tapylandygyna üns bermek möhümdir. Ýene bir zat barada durup geçeliň. Iki ýagdaýda hem ilki bilen mazara arabanyň sökülän görnüşinde ýerleşdirilendigini (3225-nji mazar) ýa-da sürlüp getirilen arabanyň goýlandygyny (3200-nji mazardaky ýaly), soňra bolsa beýleki dessurlaryň, şol sanda adamlary gurban bermek dessurynyň berjaý edilendigini ynamly aýtmak bolar.

Hökümdar bilen ol dünýä iberilýän haýwanlar hem gyzyklanma döredip biler. Bu baradaky gürrüňi 3200-nji mazardan başlamak ýerlikli bolardy. Şol ýerden birinji araba tapylypdy. Arabanyň kuzowy howlynyň arkadaky (gündogar) diwaryna taýçanagy gysypdyr, onuň günorta tarapyndaky iki tigriniň golaýynda bir mahallar, ýagny birnäçe müň ýyl mundan ozal uly

düye çöküpdür. Ol janawer bize mälim bolmadyk usul bilen öldürilenden soň, onuň kellesi şol ýerde, mazaryň howlusynda ýere gaçypdyr.

Ýene-de bir zada üns bermek gerek. Howlynyň beýleki burçunda ýene-de düýäniň süňkleri tapyldy. Onuň galyndylary çaşyp ýatyrdy. Munuň özi şol mazarda merhumlaryň zygiderli jaýlanandygynyň ýene-de bir subutnamasydyr. Mazaryň girelgesiniň çep tarapynda, howlynyň içinde uly it jaýlanypdyr. «Merhumlar öýüniň» otaglarynyň birinde goýnuň ownuk süňklerinden başga beýleki haýwanlaryň skeletleri tapylmady.

Haýwanlaryň mazaryň içinde ýerleşiş ýagdaýy diňe 3225-nji guburda takyk saklanyp galypdyr. Gynansak-da, beýleki mazarlar talaňçylar tarapyndan tozdurylypdyr. Olary diňe şertli gaýtadan dikeltmek bolýar. Muňa garamazdan, bar bolan maglumatlar 3210-njy mazaryň «howlusynda» hem şuňa meňzeş ýerleşiş ýagdaýynyň bolandygyny aýtmaga mümkinçilik berýär. Howlynyň ortasyna golaýrak ýerde şeýle uly düýäniň ýatandagyny çaklamak bolar. Gündogar diwaryň golaýynda iki sany goýnuň we göläniň galyndylary bardy.

Mazaryň howlusynyň polunda, günbatar diwaryň golaýynda duş gelnen, aýaklary uzyn, uly bolmadyk itiň skeleti uly gyzyklanma döredýär (**88-nji surat**). Süňkleriň ýokarsynda we aşagynda gipsden ýasalan köp sanly ownujak monjuklar tapyldy. Olaryň itiň üstüne ýapylan matadan gaçan bolmagy mümkin.

3240-njy çukur mazarda hem şeýle haýwanlar: iki sany düýe, göle we iki sany it, mundan başga-da, ähtimal, iki sany goýun ýerleşdirilipdir. Oňat saklanyp galan 3225-nji çukur mazarda gullardan we hyzmatkärlerden başga diňe uly ýaşyndaky we ýaş düýeler jaýlanypdyr. 3220-nji we 3230-njy mazarlarda haýwanlaryň hiç hili galyndylary tapylmady.

Düýeleriň mazarlara tirkeg mallary hökmünde hem, merhumlaryň dirikä toplan baýlygynyň we rowaçlygynyň simwoly hökmünde hem ýerleşdirilen bolmagy mümkin. 3225-nji mazaryň merkezi böleginde ýatan uly düýäniň arkasynda agaç oturgyjyň tapylmagy olaryň diňe tirkeg mallary hökmünde ulanylandygyny ret edýär. Şol agaçdan ýasalan oturgyçlar biziň günlerimizde hem uzak aralyga gatnamak üçin ulanylýar.

3200-nji mazarda jaýlanan atyň hem (has takygy, taýçanak) tirkeg maly hökmünde ulanylandygy baradaky çaklama hakykatdan daşrak bolsa gerek. Çünki taýlary şu maksatlar üçin ulanmak mümkin däl. Merhumlara itleri gurban bermekde geň galyp oturasy zat ýok, çünki bu öý haýwanyna dürli halklarda, şol sanda hindiari taýpalarynda örän uly sarpa goýlupdyr. Jaýlaýyş döp-dessurlarynda itler möhüm orun eýeläpdir. Haýwanlaryň ählisi, şol sanda iri şahly we ownuk mallar, düýeler we itler ol dünýäde merhum hökümdary baý durmuş we hiç bir aladasyz ýaşayyş bilen üpjün etmeli bolupdyr.

Eger biziň çaklamalarymyz dogry we 3225-nji, 3240-njy çukur mazarlar degişlilikde 3230-njy we 3235-nji «merhumlar öýi» bilen baglanyşykly bolýan bolsa, onda bu guburlary adamlary gurban bermek babatda iň uly mazarlar hasaplamak bolar. Mysal üçin, 3225-nji mazarda 10 adamyň, 3230-njy mazarda ýedi sany hyzmatkäreň, 3240-njy mazarda pesinden 15 hyzmatkäreň, 3235-nji mazarda bolsa 8 adamyň galyndylary tapyldy. Antropolog N.A.Dubowanyň bellemegine görä, öljek wagty olaryň käbiri dyzyna çöküpdür. Alymyň pikirine görä, jaýlanan beýleki hyzmatkärler hem zorluk bilen öldürilipdir. Şol adamlaryň nähili usul bilen öldürilendigi entek bize anyk mälim däl. Ýöne bir zat welin aýdyň: olaryň kellesi çapylmandyr we damagy çalynmandyr, çünki şeýle jeza çärelerine mahsus bolan trawmatik zeper yetirmeleriň alamatlary skeletleriň ýekejesinde-de tapylmady. Ur patyşa mazarlaryny suratlandyran iňlis arheology Leonard Wulliniň aýdanlaryna eýerip, adamlary öldürmek üçin nähilidir bir kem-kemden täsir edýän awynyň ýa-da ilki başda adamy ukladýan, soňra bolsa ölüme alyp barýan neşe serişdeleriniň ulanylandygyny çaklamak bolar. Ýöne bogup öldürmek dessuryňy hem aradan aýyrmak bolmaz.

Şeýle köp sanly adamlaryň gurban berilmegi patyşa mazarlarynda jaýlanan adamlaryň örän ýokary gatлага degişli bolandygyna we marguş jemgyýetinde sosial deňsizligiň güýçli bolandygyna şaýatlyk edýär.

* * *

Biziň bagtymyza patyşa mazarlarynda talaňçylaryň taşlap giden sungata degişli we durmuşda ulanylýan zatlar hem tapyldy. Mysal üçin, 3200-nji mazaryň howlusynda, «merhumlar öýüniň» westibüliniň esasy giresiniň golaýynda iki sany bürünç çyra galdyrylypdyr. Olaryň biri kwett hazynasyndan tapylan (Bulujystan) şoňa meňzeş zady ýatladýar. Şeýle çyralaryň ol dünýä barýan ýoly yşyklandyrmaly bolandygyny çaklamak bolar, olaryň «merhumlar öýüniň» girelgesiniň golaýynda ýerleşmegi munuň şeýledigini görkezýär (**89-90-njy surat**).

Şol 3200-nji mazaryň polunda, bir mahallar tegelek we kwadrat gapjagazlarda saklanan altynadan ýasalan şaý-sepler çaşyp ýatyrdy. Ähtimal, olar tötänlikde ýere gaçyrylandyr. Gazuw-agtaryş işleriniň geçirilen mahalynda çenli gapyrjaklaryň diňe mozaikaly gapajyklary saklanyp galypdyr, olaryň içindäki zatlar bolsa gadymy talaňçylaryň oljasyna öwrülipdir (**91-nji surat**). Marguşly ussalar öz döredijiliginde mozaikalary häzirkki türkmen halylarynyň we keçeleriniň göllerini ýatladýan polihrom nagşlary bilen utgaşdyryp ulanypdyrlar (**92-nji surat**).

Şol gutujyklaryň golaýynda bürünçden ýasalan önümler: kosmetiki piljagaç we «dynç alýan göle» görnüşindäki güberçekli iňňebagyk tapyldy. Olaryň daşyna kümüş çäýlypdyr. Munuň özi olary hakyky kümüşden ýasalan önümlere meňzedýär (**93-nji surat**). Hut şol ýerde demir esasly hem-de sekizburç ýyldyz, ýarymaý görnüşindäki altyn güberçekli saça

gysdyrylan uly iňňebagyk ýatyr **(94-nji surat)**. Munuň özi Goňurdan tapylan ilkinji demir önümidir. Metalyň analizi laboratoriya şertlerinde geçirildi. Görlüp oturylsa, bu meteorit demri eken. Şeýle ýagdaý arheologiya tejribesinde örän seýrek duş gelyär.

Ýöne «merhumlar öýüniň» täsinlikleri şunuň bilen tamamlanmady. Şol iňňebagygyň güberçeginiň ýaprakjyklarynyň arasynda ölçegi 1 santimetre golaý bolan dag tekesiniň heýkeljigi we bary-yogy 0,7 santimetr bolan pöwrizeden ýasalan, bökmäge hyýallanýan ýaly bolup ýatan ýolbarsyň şekiljigi bardy **(95-96-njy surat)**. Şekiljikleriň ikisi hem sünnälenip ýasalypdyr, olaryň tebigylygy haýran galdyryr. Mysal üçin, dag tekesine iňňän ussatlyk bilen bütür-südüň şah çekilipdir, hatda onuň bedeniniň myşsalarynam, kiçijik guýrugynam, gözlerinem, gulaklarynam saýgarmak bolýar. Marguş ussalarynyň ýitigözlügi we elleriniň başarjaňlygy diýseň haýran galdyryr.

Altyn gutujykda ýerleşdirilen agat we ownujak hakyk daşlaryndan ýasalan asawaçlar şunuň ýaly önümler taýýarlananda ulanylan daşlaryň iňňän köp dürli bolandygyna şaýatlyk edýär. Zatlaryň arasynda altyn konus hem ünsüňi özüne çekýär. Bir mahallar ol agaç esasa berkidilen bolmagy mümkin. Ol antropomorf heýkeljik görnüşindedir (bedeniň ýokarky bölegi saklanyp galmandyr) **(97-nji surat)**. Belki, bu şekiljigiň ýokarsynda zenanyň altyn kellesi ýerleşdirilendir? Çak edilýän konus şekilli heýkeljikde bugdaý sümmülleri görünýär. Sekiz sany sümmül gipsden ýasalypdyr, olaryň bürünç gylçyklary bolupdyr. Sümmülleriň ikisi bolsa altyn we kümüş gylçykly eken. Bu heýkeljikde hasyllylyk hudaýy şekillendirilen bolsa gerek.

Iki sany laçynyň faýans şekiljikleri hem örän gözgyňy ýagdaýda saklanyp galypdyr. Bu şekiljikler geraldik görnüşde ýasalyp, laçynlaryň ganatlary gerlip dur. Guşlaryň penjeleri örän gyslypdyr, olaryň gysgajyk çüňkleri hem mese-mälim görünýär **(98-nji surat)**. Ussalar olaryň ýelelerini hakyky ýaly edip görkezmek üçin perleriň käbir böleklerini faýans we gips plastinalaryndan ýasapdyrlar. Şol şekiljikleriň näme üçin niýetlenendigini anyk aýtmak kyn bolsa-da, ýokarda ýatlanyp geçilen arabanyň golaýynda şeýle üçünji şekiljigiň kiçiräk böleginiň tapylmagy bilen baglylykda şekiljikleriň, mysal üçin, arabanyň üstüne çekilen çadyry bezändigini çaklamak bolar. Laçynlaryň şekiljikleri sünnälenip ýasalypdyr we olar gadymy gündogar sungatynyň iň gowy eserleriniň galereýasynyň üstüni ýetirýär.

Şol dördünji kameranyň diwarynda (käbir bölekleri poluň üstünde) uly gymmat bahaly monjygyň tapylmagyna haýran galaýmaly. Ol özüne altyn, hakyk we lazurit monjuklarynyň 1000-e golaýyny birleşdirýär.

Gadymy döwürlerde 3210-njy mazara baran talaňçylardan arheologlara galan zat köp däl. Mysal üçin, şol desganyň howlusynda gönden ýa-da matadan edilen haltajygyň içindäki zatlar tapyldy. Onuň içinde ownujak daşlar, möjegiň ýa-da itiň kellesiniň daşdan ýasalan kinniwanja heýkeljigi hem-de mermer hekden ýasalan, üsti eýerli atyň şekiljigi bardy. Howlynyň beýleki çüňkünde ogrular tarapyndan ýitirilen, piliň süňkünden ýasalan «pal atlyan taýajyklar» (toplumyň demirgazyk ýüz tarapynyň golaýyndaky «patyşa ybadathanasynda» tapylan zatlara meňzeş) çaşyp ýatyrdy. Diwaryň golaýynda, «merhumlar öýüniň» girelgesinden daş bolmadyk ýerde düzümlü heýkeljigiň mermerden ýasalan kellejigi tapyldy. Şekildäki saçlar gara steatitden edilipdir **(44-nji surat)**.

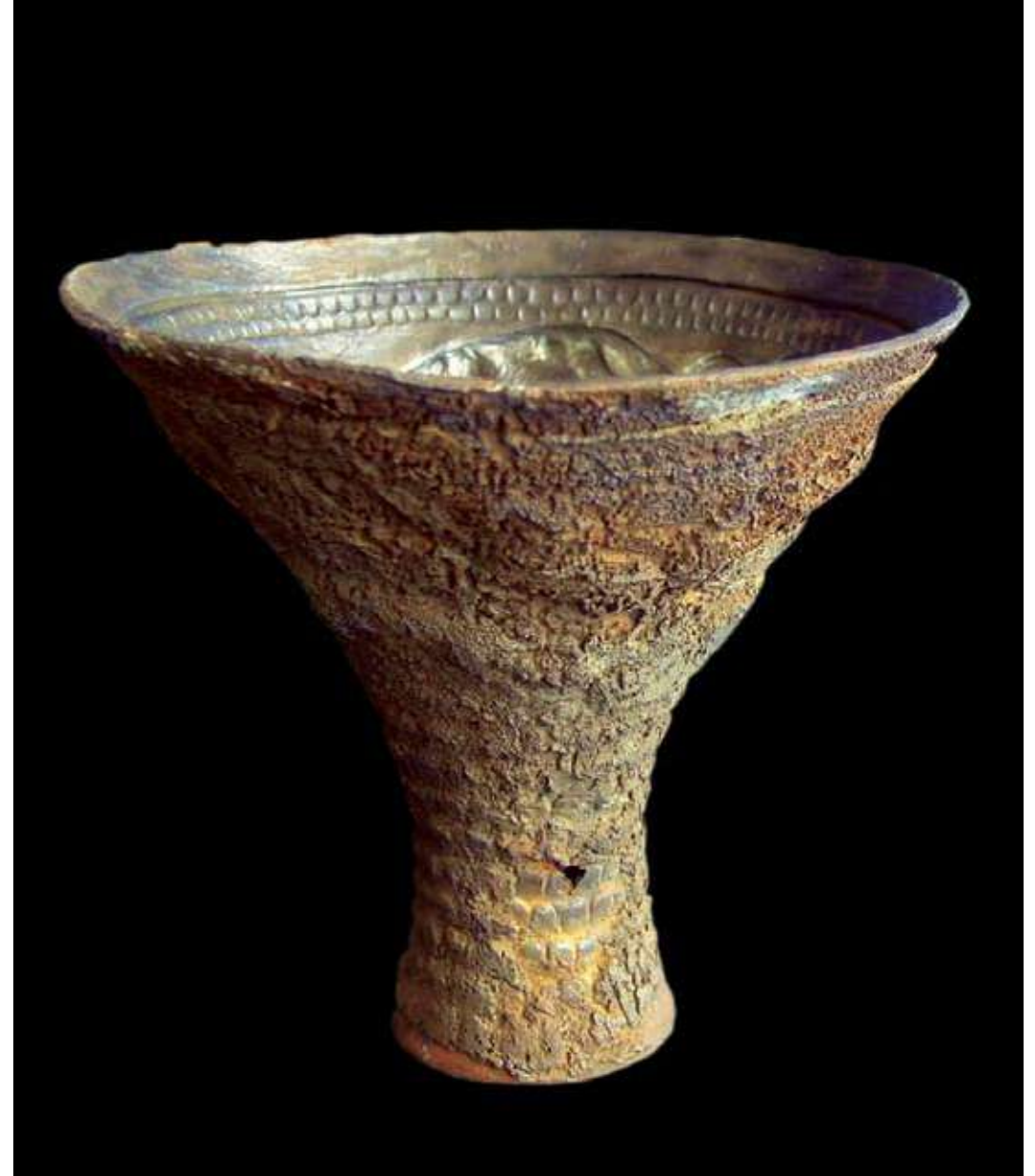
3210-njy mazardan tapylan, kremniýden ýasalan 50 sany peýkam, signal bermek üçin ulanylan kiçiräk surnaý **(99-njy surat)**, şeýle hem birmeňzeş keramiki gap-gaçlaryň (beýikligi 70-75 santimetr) şol guburda

81-82

171-nji sahypada:
3235-nji mazardan
tapylan kümüş
kubok we onda
haýwanlar
şekillendirilen
görnüşiniň bir bölegi.

На стр. 171:
серебряный кубок
из гробницы 3235
с фрагментом
анималистической
сцены.

On page 171:
Silver goblet from
tomb 3235 and
a fragment of an
animalistic scene
thereon.

harby adamyň jaýlanandygyna şaýatlyk edýär **(100-nji surat)**. Bir mahallar şol gaplar piwo we çakyr bilen doldurylan bolmagy mümkin. Hut şol ýerde «oýun tagtajygy» hem ýerleşýärdi. Ol ölçegi 38×18 santimetrlik pil süňki bilen bezelipdir **(101-nji surat)**. Tagtanyň her tarapynda biri-birine simmetrik ýagdaýda ýerleşen iki sany kwadratjyk birleşdirilipdir, şol ýerde yzyna bakyp ýatan owlajyklaryň süňkden ýasalan şekiljikleri ýerleşdirilipdir **(102-nji surat)**. Tagtanyň golaýynda gowy saklanyp galmadyk pil süňkleri üýşüp ýatyrdy **(103-nji surat)**.

3220-nji mazardan hem köp zat tapylmady. Şol ýerde poluň üstünde dabaralarda ulanylýan bürünçden ýasalan palta ýatyrdy **(104-nji surat)**. Onuň golaýynda bolsa patyşa mazarlarynyň derejesine laýyk gelmeýän ýönekeý nagyşly mis-bürünç möhür bardy **(105-nji surat)**. Şol ýerde piliň süňkünden ýasalan kosmetiki pilçe, şeýle hem birnäçe daş monjygy we düzümlü heykeljigi mermerden ýasalan eljagazlary tapyldy. Ozal ýatlanyp geçilen stoljygyň üstünde, megerem, talaňçylar tarapyndan ýitirilýän altyn pružina ýatyrdy **(106-nji surat)**. Şol kamerada, zenan skeletiniň goşarynda bürünç we daş monjuklarynyň birnäçesinden, şol sanda bir sany agat daşyndan ybarat bolan bilezik bardy. Üçünji kamera piliň süňkünden ýasalan önümlere baý eken: şol ýerde «pal atylýan taýajyklar» kubok we içýän şekilli nagyşlar haşamlanan dürli formadaky fişkalalar hem bar **(107-nji surat)**. Şol mazaryň koridorynda goýnuň mermer heykeli ýatyrdy **(108-nji surat)**. Onuň üstünde erkek kişiniň skeletiniň kelle süňki ýerleşipdir. Skeletiň aýaklarynda gap-gaçlaryň birinji, iň baý hazynasy tapyldy. Goýnuň şekiliniň ýasalýş usulynyň Marguşdan alysa – Hind derýasynyň jülgesinde tapylan şeýle heykeljigi ýatladýandygy haýran galdyryr **(109-nji surat)**. Gömüşi ýaly, bu erkek kişi şol ýerde jaýlanan esasy merhum bolupdyr **(110-nji surat)**. Kremniýden ýasalan 44 sany we süňkden ýasalan 6 sany peýkam mazaryň dürli çüňkünde çaşyp ýatyr. Munuň özi ýaýdan ok atmagyň jaýlamak dessurynyň elementleriniň biri bolandygyny ýatladýar.

Megerem, 3230-njy mazaryň has baý bolan bolmagy mümkin. Mysal üçin, şol ýerde jaýlanan baş zenanyň biriniň boýnunda altyn monjuk bardy. Onuň kelle süňküniň aşagynda bolsa dabaralarda ulanylýan bürünç palta ýatyrdy. Munuň özi merhum zenanyň hyzmatkär bolmandygyny, gaýtam, onuň şol kümmetiň eýeleriniň biriniň bolandygyny aňladýar **(111-nji surat)**. Onuň golaýynda jaýlanan erkek kişiniň boýnunda hem altyn monjuklar bardy. Şol adamyň kelle süňküniň aşagynda kremniýden ýasalan 10 sany peýkam ýerleşdirilipdir. Umuman, bu mazar monjuklara örän baý eken. Ýeriň iň ýokarky gatlaklaryndan başlap, mazaryň günortagündogar burçunda lazurit, hakyk, agat daşlaryndan we ownuk altynadan ýasalan monjuklar duş gelip başlady **(112-nji surat)**. Şonuň bilen birlikde şol çüňkde jaýlanan merhumlaryň üçüsinden hiç hili bezeg tapylmady. Mazaryň ýokarky gatlaklaryndan steatitden ýasalan düzümlü heykeljigiň aşaky bölejigi, näme üçin niýetlenendigi belli bolmadyk zatlar, adaty bürünç iňňebagyklaryň dört sany bölegi, süňkden ýasalan saça gysdyrgyçlaryň hem birnäçesi tapyldy. Saça gysdyrgyçlaryň biriniň güberçegi gülälek gunçasynyň formasynda bolupdyr **(113-nji surat)**. Ýatlanyp geçilen baş zenanyň birisiniň kükreginde düzümlü monjuklar bardy, beýleki iki zenanyň egniniň golaýynda bolsa bürünç möhürler ýerleşýärdi.

Mazarlaryň soňkularynyň birinden – 3235-nji guburdan örän köp zat tapyldy. Olaryň arasynda kümüşden ýasalan gapjagaz, saça gysdyrgyçlar, gapajykly kosmetiki flakon we dynç alyp ýatan öküž şekilindäki güberçekli applikator, şeýle hem mozaikadan edilen nagyşly

gönüburçly agaç gapjagazyň esasy bar **(114-nji surat)**. Şol ýerde hem altyn folga bölejiklerine we ýene-de bir sany agaçdan ýasalan, gyzyly we gara boýaglaryň yzlary galan «sandyjyga» gabat gelindi. Dini äheňli peçiň golaýynda piliň süňkünden ýasalan, berkidilýän deşikleri bolan iki sany «örtük» ýerleşýär. Örtükleriň ýüzi atanak çyzyklar görnüşindäki haşamlar bilen bezelipdir **(115-nji surat)**. Üçünji jaýda şeýle hem kremniýden ýasalan 13 sany peýkam, altyn folga bölejikleri, iki sany uly agat monjuk, şeýle hem reňki solan pöwrize daşyndan ýasalan güljagaz çaşyp ýatyr **(116-nji surat)**. Şol jaýda ýerleşen ikigat ojagyň içinde şeýle güljagazyň pöwrizeden ýasalan güljapraklaryna we bürünç baldajygyna gabat gelindi. Dördünji jaýyň polunyň aşagynda jaýlanan adamlaryň skeletleriniň arasynda gips mozaikasynyň bölejikleri we bir sany agat monjygy tapyldy. Bäşinji jaýda gymmat zatlar tapylmady, ýöne otagyň günorta diwaryndaky durmuş maksatly ojagyň golaýynda, poluň üstünde haýsydyr bir agaçdan ýasalan önümiň aýajyklaryny birleşdirmek üçin ulanylýan baş sany mis-bürünç skoba tapyldy.

Sanalyp geçilen tapyndylar mazarlardaky merhumlaryň ýanynda goýlan zatlaryň esasy böleginiň Goňruň beýleki aristokratik mazarlaryndakydan has ýokary sosial statusly simwollaryň, şeýle hem altyn, kümüş we beýleki gymmatly zatlaryň köp bolmagy bilen tapawutlanýar. Tapylan zatlaryň köpüsine meňzeş zatlar Elamyň, Gündogar Anadolynyň ilatynyň medeniýetinde, beýlekileri Köpetdag jülgesiniň has irki medeni dâp-dessurlarynda, üçünjileri bolsa Hind derýasynyň jülgesiniň ilatynda duş gelipdir. Ýöne tapyndylaryň arasynda şol eýýam üçin ilkinji bolup tapylan ajaýyp sungat eserleri has tapawutlanýar. Olar barada aýratyn durup geçmek zerurdyr.

Глава восьмая

Погребальные приношения

О ЧЕМ же говорят нам ниши в стенах мавзолеев? Характерно, что в гробнице 3210 никаких ниш в «доме» обнаружено не было, а в 3200 они есть только в двух помещениях. Все перечисленные ниши – потайные, то есть они были тщательно замурованы, закамуфлированы под обычные стены. Скорее всего, в них находились наиболее ценные погребальные приношения. Судя по всему, между родственниками умерших и древними грабителями постоянно шла своего рода война нервов: родственники всячески старались спрятать в различных тайниках богатые, поистине царские приношения, в то время как грабители, сильно рискуя быть застигнутыми с поличным, пытались их отыскать. Увы, в большинстве случаев кладоискатели побеждали. Но были и счастливые исключения. Так, спустя тысячелетия повезло и археологам: два богатых клада в гробницах 3220 и 3235 оказались целыми! **(Илл.72)**. В ногах мужчины, погребенного в юго-восточном углу гробницы 3220 на глубине полуметра от уровня пола, находилось 24 сосуда разных размеров и форм: два золотых, семнадцать серебряных и пять медно-бронзовых **(Илл.73)**. Среди этих предметов выделяется

83

3220-nji mazarda
jaýlanan erkek kişiniň
yokarsynda goýlan
reşgeş saklanýlan
gar.

Дарохранитель-
ница, стоящая
поверх захоронения
мужчины
в гробнице 3220.

Tabernacle standing
over the male burial
place in tomb 3220.

один цилиндрический сосуд в виде кубка, украшенный рельефным изображением процессии из пары двугорбых верблюдов. Вся сцена выполнена настолько выразительно и реалистично, что этот удивительный сосуд вполне может быть отнесен к шедеврам мирового искусства. Мы видим на нем парадных верблюдов с тщательно расчесанными загривками и с отличительными знаками-тамгами на бедрах в виде крупного треугольника (Илл.74, 75, 76).

Точно такой же знак есть на другом серебряном изделии с изображением верблюда. Это булавка со скульптурным навершием, найденная на шее покойника в гораздо более поздней аристократической могиле Северного Гонура (погребение 2900) (Илл.77). Думается, это могли быть знаки, которыми метили крупных животных, принадлежавших исключительно царскому хозяйству. Вот почему они без изменения просуществовали от начала и почти до конца существования царского хозяйства Древнего Гонура.

Об исключительности роли, которую играли верблюды у древних маргушцев, свидетельствует тот факт, что на донцах нескольких

серебряных и золотых сосудов выгравированы изображения только этого животного и никаких других. Более того, сделаны они весьма условно, всего лишь несколькими штрихами, а стало быть, не несли никакой эстетической нагрузки - только символическое значение. Этот факт - невольное подтверждение тому, какое важное место занимали верблюды у зороастрийцев. Вспомним, что по одной из версий имя самого пророка Заратустры переводится как «староверблюдый», или «владелец желтых верблюдов» (Илл.78, 79). Остается добавить, что на некоторых сосудах над горбами верблюдов выгравированы идентичные знаки, более всего напоминающие лук для стрельбы. Однако точное их определение еще требует специального изучения.

Но вернемся к описанию тайников, обнаруженных при археологических раскопках царских гробниц. Несмотря на то, что второй из найденных кладов значительно меньше по числу спрятанных в нем сосудов, он не уступает ему по своему художественному значению. Он был обнаружен под полом у южной стены гробницы 3235 на глубине более метра. В тайнике оказалось всего 7 сосудов (2 небольших золотых кубка, 2 медно-бронзовых сосуда и 3 серебряных) (Илл.80).

Среди серебряных сосудов самый примечательный - конический кубок с рельефным изображением разных животных, выполненный на высочайшем художественном уровне (Илл.81-82). Здесь и лев, борющийся с быком, и две антилопы по обеим сторонам «мирового дерева», и еще одна антилопа на водопое, которую настороженно высматривает львица, и, наконец, волк с высунутым от усталости языком, преследующий зайца, и медведь, осторожно спускающийся с горы вниз. Удивительно, но все основные персонажи представлены животными, обитающими на равнине, в то время как сцена на кубке разворачивается на фоне горного, а не пустынного пейзажа.

84

Patyşa
gonamçlygynyň
mazarlaryndan
tapylan daş diskler.

Каменные диски
из гробниц
царского
некрополя.

Stone discs from
tombs of the royal
necropolis.

85

*Paŋyşa
gopatçylygyndan
tapylan daş
hasalar.*

*Каменные посохи
из гробниц
царского
некрополя.*

*Stone staffs from
tombs of the royal
necropolis.*

Создается впечатление, что горный ландшафт – это дань древней традиции, в то время как основные персонажи мастер наблюдал вокруг себя на новой родине. Поразительна и гравировка на дне кубка: это голова рогатого козла, из глаз которого катится слеза! Какой смысл вложен в этот сюжет? Скорбь о рано умершем владельце кубка, или это некая аллегория?

Но далеко не все погребальные приношения в царских гробницах находились в тайниках. Подавляющее их большинство располагалось в специальных помещениях и в так называемых «дарохранилищах», обнаруженных нами в трех из пяти захоронений (*Илл. 83*). Исключение составляют гробницы 3200 и 3210, хотя отсутствие в этих могилах погребальных ценностей, вполне возможно, объясняется значительным их разрушением в ходе неоднократных грабежей.

Дарохранилища – это деревянные короба, ящики, которые ставились прямо на тело умершего. Во всех случаях, кроме гробницы 3235, их внутренняя поверхность была покрыта мозаичными панно, о которых будет сказано особо. Можно предполагать, что

в эти короба укладывалась основная (или существенная) часть погребальных приношений, но не самая ценная. Не исключено, что такие дарохранилища специально ставились в могилы для отвода глаз грабителей. По-видимому, древние джентльмены удачи, захватившие ценности, лежавшие в «дарохранилищах», могли удовлетвориться их содержимым и прекратить дальнейшие поиски и расхищение сокровищ, и в результате самые дорогие предметы оставались нетронутыми.

Есть и еще одна важная закономерность, прослеживаемая как в царских, так и в других аристократических погребениях (в камерных могилах и цистах): тела основных погребенных всегда располагаются в одной камере, а приношения – в другой. Дело в том, что в каждой из гробниц были погребены представители высшей аристократии (правители, верховные жрецы), а также рабы или слуги. Первых надо признать основными погребенными, ведь ради их захоронения и строились такие монументальные подземные сооружения. Вторые же, как ни цинично это звучит сегодня, сами являлись погребальными приношениями, то есть умерщвлялись специально для того, чтобы и на том свете было кому прислуживать господину.

Кроме того, при ограблениях осквернителям могил надо было быстро разрушить вход или стены гробницы, сориентироваться в ней, а то и раскопать помещения (не всегда к моменту ограбления сохранявшие своды), постараться отыскать клады, сложить ценности в свои мешки... При этом, естественно, было важно оставаться незамеченными стражей, которая наверняка следила за спокойствием окружающего дворцово-храмовый комплекс пространства. Не удивительно, что кости, чьи бы они ни были, меньше всего интересовали грабителей. Безусловно, это усложняет и задачу исследователей: по косвенным свидетельствам определить, кому принадлежали те или иные останки – хозяевам или слугам.

Чтобы завершить тему погребальных приношений, кратко охарактеризуем то небольшое, но весьма значительное, что пролежало в земле около 4 тысяч лет после посещения гробниц грабителями.

Во всех без исключения гробницах были найдены такие символы высокой власти, в том числе, видимо, и религиозной, каковыми являлись большие каменные диски, так называемые «миниатюрные колонки», выточенные из разных пород камня и использовавшиеся в каких-то пока не до конца понятных нам ритуалах, а также длинные каменные посохи (*Илл. 84-85*). Диаметр каменных дисков, чаще всего алебастровых, составляет около 0,5 м, толщина – до 12 см. Некоторые из них опоясаны кольцевым желобом. Во всех гробницах найдено по одному такому диску, а в гробнице 3210 – два. Предположительно, только в гробницах 3200 и 3220 обнаруженные диски находились на том самом месте, где они были уложены безутешными родственниками умерших: в первом случае – во дворе, снаружи северо-западного угла «дома мертвых», рядом с вертикально стоявшим двухметровым (самым крупным из когда-либо найденных в Маргиане) посохом; во втором – стоявшим на ребре в нише северной стенки помещения 3.

86

3200-nji mazardan
tapylan dört
tigirli arabanyň
arassalanylýan
mahaly.

Четырехколесная
повозка в
гробнице 3200
в процессе
расчистки.

Four-wheeled cart
in tomb 3200 in
process of clearing.

Посохи – обычно сланцевые, толщиной в нижней части до 10 см. Верхние их концы, если они сохранились (как это было в нескольких погребениях некрополя Гонура и «могилы агнца» на Северном Гонуре), обычно украшены навершием. Нижние концы в большинстве случаев выточены в виде копыта крупного непарнокопытного (скорее всего лошади). Тот факт, что концы посохов никогда не несут следов стертости, указывает скорее на их символическое, чем практическое значение. Их как символы власти могли держать в руках сидящие на тронах цари. Возможно, они символизировали посохи, на которые опирались те, кто некогда вел предков маргушцев через горы и пустыни в поисках земли обетованной.

В трех гробницах найдено по две каменные миниатюрные колонки, а в четвертой гробнице – одна. Такие предметы во всех случаях присутствовали только в аристократических могилах или в захоронениях, которые можно считать ритуальными. Они служат подтверждением высокого социального статуса погребенных.

Еще одним свидетельством того, что в описываемых гробницах хоронились лица, занимавшие видимо самое высокое положение в стране Маргуш, является обнаружение в трех гробницах остатков повозок. Здесь снова обратим внимание на то, что упомянутые ямные могилы 3225 и 3240 явно тяготеют к «домам мертвых» 3230 и 3235 соответственно. Поэтому и дальше будем говорить именно об этих, объединенных погребениях.

Гробница 3200 была первой из обнаруженных царских могил и приношения, помещенные в ее дворе, не были столь разрушены, как в других могилах. Здесь, во дворе, к востоку от центральных ворот гробницы, была установлена четырехколесная повозка (менее вероятно – колесница). Это – первая в археологии конца III тысячелетия до н.э. сохранившаяся в целости повозка во всем

ближневосточном и центрально-азиатском регионах (Илл.71,86). Сиденье повозки было сколочено из 5 досок 0,2×0,9 м, положенных плашмя на переднюю и заднюю оси. Ширина сиденья – 0,8 м. Для крепления досок сиденья между собой были использованы более узкие доски шириной 5 см, закрепленные перпендикулярно к широким на расстоянии 40 см одна от другой. Сиденье повозки находится не в середине между колесами, а сдвинуто ближе к задней оси. Причем, можно уверенно утверждать, что это не связано с возможным разрушением части сиденья, так как при достаточно хорошей сохранности следов досок около передней оси не обнаружено ни малейшего фрагмента дерева. Сиденье начинается сразу за предположительно передними колесами. Отметим, что все колеса имеют одинаковый диаметр - 0,7 м.

Вторая повозка (в разобранном состоянии) была найдена в ямной могиле 3225. У западной стены ее котлована располагались две колесные пары (Илл.180). Все четыре колеса были точно такой же конструкции, как и в гробнице 3200, но больше в диаметре (90 см). Рядом с повозкой, частично на самих колесах, лежало деревянное сиденье, по конструкции отличное от того, что было в гробнице 3200. Это сиденье - длинное (160 см), узкое (32 см) с невысокой спинкой (длина 165, высота 15 см) и с подлокотниками той же высоты с обеих коротких сторон. Собственно сиденье сделано из одной доски шириной 32 см и толщиной 2 см, а спинка и подлокотники – из трех узких планок той же толщины и шириной 5 см, причем прикрепленных на некотором расстоянии одна от другой.

Остатки колес от третьей подобной повозки были найдены в ямном погребении 3240, в сильно разрушенном грабителями состоянии. Собственно, о том, что там были деревянные колеса, свидетельствуют только достаточно крупные остатки дерева с характерными следами бронзовых окислов (Илл.87). Два деревянных фрагмента имели характерную форму: утолщенную к середине и утончающуюся к краю. Это позволило реконструировать размеры колеса: его диаметр составлял 80 см.

На основании этих кусков дерева и остатков колес из могилы 3225 удалось восстановить и их конструкцию. Все колеса – однотипные. Они не имели спиц, а были сплошные, сбитые из трех деревянных плах с выделенной деревянной же втулкой. Плахи скреплены сверху рейкой, а ободья обтянуты шестью бронзовыми сегментами, прибитыми к колесам крупными, тоже бронзовыми, заклепками с широкими шляпками.

Такие колеса, которые не имели спиц, а были сбиты из сплошных досок, представляют наиболее древний и простой тип колес, который и до настоящего времени встречается в горных поселениях Кавказа.

87

3240-njy
mazardaky tigirleriň
agaç bölekleri.

Фрагменты
дерева от колес
в могиле 3240.

Fragments
of wooden wheels
in tomb 3240.

Вместе с тем, однотипные бронзовые ободья, найденные в царских могилах Гонура, точно повторяют аналогичные, происходящие из древних могил Бактрии и Элама (Юго-Западный Иран). Особо подчеркнем, что все колеса каждой из двух хорошо сохранившихся повозок имеют одинаковые размеры, в то время как на древних изображениях нередко показаны такие, у которых передние колеса имеют намного меньший диаметр, чем задние.

Назначение этих повозок пока не совсем понятно. Были ли они средством передвижения маргианской аристократии, или это чисто хозяйственные телеги

(что, конечно, наименее вероятно, так как они помещены в могилу аристократов), или же специальные ритуальные дроги, которые до настоящего времени бытуют у некоторых народов, – сказать пока трудно. Важно обратить внимание на то, что впервые для данной эпохи найдены археологически целые останки повозок, дающие возможность их реконструкции. И последняя деталь. Можно уверенно утверждать, что в обоих случаях сначала в могилу была спущена в разобранном виде (могила 3225) или завезена (как в гробнице 3200) повозка, а затем уже совершались другие ритуалы, в том числе и человеческие жертвоприношения.

Не менее интересны и животные, которые должны были сопровождать правителя в потусторонний мир. Начать, пожалуй, нагляднее с гробницы 3200, где была найдена первая повозка. Кузов повозки практически прижал к задней (восточной) стенке двора жеребенка, а около пары ее южных колес когда-то, несколько тысяч лет назад, спокойно улегся в своей обычной позе на животе, подогнув под себя задние и передние ноги, взрослый верблюд. Голова этого благородного животного после того, как он каким-то, неизвестным нам способом, был умерщвлен уже здесь, во дворе гробницы, завалилась на левый бок.

Следует обратить внимание и еще на одну деталь. В противоположном углу двора обнаружено скопление костей еще одного верблюда, но более старшего возраста. Его останки находились в полном беспорядке, что может являться еще одним свидетельством последовательного обряда погребения в этой гробнице: верблюд, кости которого перемешаны, видимо, являлся приношением первому захороненному здесь человеку. Когда же хоронили второго (или последующих?) и привели новое животное, кости первого сместили в сторону. Слева от входа в эту же гробницу, внутри двора была погребена крупная собака. Других скелетов животных, кроме мельчайших обломков бараньих костей в одной из комнат «дома мертвых», которые, вероятнее всего, являлись остатком жертвенной

88

3210-njy mazaryň «howlusyndan» tapylan itiň galyndylary.

Усыпанные гипсовым бисером останки собаки во «дворе» гробницы 3210.

Dog's remains strewn with gypsum beads in the "yard" of tomb 3210.

89
3200-nji mazardan tapylan kümüş çyralar arassalanýlan mahalynda.

Бронзовые светильники из гробницы 3200 в процессе расчистки.

Bronze lighting fittings from tomb 3200 in process of clearing.

пищи, обнаружено не было. Такая четкая картина расположения животных внутри погребального сооружения сохранилась только в этой гробнице и в ямной могиле 3225. К сожалению, другие были настолько сильно разрушены грабителями, что реконструировать их можно только условно. Тем не менее имеющиеся данные позволяют говорить о том, что во дворе гробницы 3210 могла наблюдаться в чем-то сходная картина. Около середины двора лежал предположительно такой же взрослый верблюд. Ближе к восточной стенке находились останки двух баранов и теленка.

Исключительный интерес представляет собой скелет небольшой собаки с длинными конечностями, встреченный на полу двора гробницы ближе к западной стенке (Илл. 88). И сверху скелета, и снизу его найдено множество мелких гипсовых бусинок, по-видимому, от собачьей попоны, в которую она была завернута в момент смерти.

Характерно, что практически такой же набор животных присутствует в разрушенной ямной могиле 3240: пара верблюдов, теленок и две собаки, а кроме того возможно и два барана. В хорошо сохранившейся ямной могиле 3225 кроме рабов-слуг захоронены только взрослый и молодой верблюды. Никаких останков животных (в том числе и говорящих о наличии погребальной пищи) в гробницах 3220 и 3230 нет.

Думается, что верблюды могли быть помещены в гробницы и как тягловые животные, и как символы богатства и процветания покойников при жизни. Использованию их исключительно в виде тягловой силы противоречит тот факт, что в могиле 3225 на спине взрослого верблюда, лежавшего в центре, обнаружены остатки деревянного сидения, напоминающего те, которые используются и в наши дни для поездов на большие расстояния.

Погребенная в гробнице 3200 лошадь (а точнее, жеребенок) еще менее вероятно могла использоваться в запряжке в силу молодого возраста. Принесение в жертву покойникам собак также не удивительно, т.к. это домашнее животное занимало чрезвычайно высокое

положение у разных народов, в том числе и у индоарийских племен. Особенно важную роль собаки играли в погребальных обрядах. Весь же набор животных, включающий крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов и собак, говорит о том, что они должны были и в потустороннем мире обеспечить погребенному правителю богатую жизнь и отсутствие забот о хлебе насущном.

Заняться обустройством быта умерших правителей на том свете должны были последовавшие за ними слуги или рабы. И в каждой из царской гробниц мы находим такие человеческие жертвы.

Если наши предположения верны, и ямные погребения 3225 и 3240 являются сопровождающими «дома мертвых» 3230 и 3235, соответственно, то эти захоронения следует признать самыми пышными из человеческих жертвоприношений. Так, в погребении 3225 найдены останки 10, в гробнице 3230 – семи слуг; в погребении 3240 – не менее 15, а в гробнице 3235 – восьми человек, не являющихся основными захороненными. По заключению антрополога Н.А.Дубовой, некоторые из них в момент смерти стояли на коленях. По ее же мнению, насильственная смерть постигла и остальных погребенных слуг.

Каким способом были умерщвлены эти люди, пока с точностью установить не удалось. Ясно лишь одно: это было не отсечение головы и не перерезание горла, так как никаких травматических повреждений, соответствующих такой казни, ни на одном из найденных скелетов не отмечено. Учитывая спокойные позы погибших, можно предположить, по примеру английского археолога Леонарда Вулли и описанных им царских гробниц Ура, что, скорее всего, применялись или некие постепенно действовавшие яды, или наркотические средства, вначале усыплявшие человека, а затем приводившие к летальному исходу. Хотя нельзя полностью отрицать и способ ритуального удушения.

Подчеркнем еще раз, что наличие такого большого числа человеческих жертвоприношений свидетельствует о самом высоком статусе погребенных в царских могилах лиц и о далеко зашедшей социальной дифференциации маргианского общества.

Кроме особых погребальных даров, приносившихся исключительно правящим особам, в царских гробницах найдены и проигнорированные, на наше счастье, грабителями предметы искусства и быта. Так, во дворе гробницы 3200, рядом с центральным входом в так называемый вестибюль «дома мертвых», были оставлены два бронзовых светильника, один из которых (с ажурным корпусом и длинными, свободно свисающими вниз ручками) напоминает аналогичный предмет из кветтского клада (Белуджистан). Можно предположить, что такие светильники должны были освещать дорогу в загробный мир, на что указывает их местоположение у входа в «дом мертвых» (Илл. 89-90).

На полу той же гробницы 3200 лежали, видимо, случайно оброненные золотые ювелирные украшения, некогда хранившиеся в круглых и квадратных шкатулках. От последних к моменту раскопок сохранились лишь мозаичные крышки, содержащее же самих шкатулок стало добычей древних грабителей (Илл. 91). Маргуские мастера очень искусно использовали в своем творчестве мозаику в

90

182-nji sahypada:
Goňurdepeden
tapylan kütüş
çyra.

На стр.182:
бронзовый
светильник
из Гонур-депе.

On page 182:
Bronze lighting
fitting from Gonur-
Depe.

91-92

3200-nji mazardan tapylan sandyjaklaryň mozaikalý garaýyklarynyň bölekleri.

Фрагменты мозаичных крышек из гробницы 3200.

Fragments of mosaic covers of encasements from tomb 3200.

комбинации с полихромной росписью, близко напоминающей гёли современных туркменских ковров и кошм (Илл.92).

Рядом с этими шкатулками находились изделия из бронзы: косметическая лопаточка и булавка с навершием в виде отдыхающего теленка. Искусно посеребренные снаружи, они создают впечатление подлинно серебряных изделий (Илл.93). Здесь же лежала крупная булавка для волос с железным стержнем и золотым навершием в виде восьмилучевой звезды и полумесяца (Илл.94). Этот предмет – первая находка железного изделия на Гонуре. Анализ металла был проведен в лабораторных условиях. Оказалось, что это метеоритное железо – редкий случай в археологической

93-94

Kümüşden yasalan kosmetiki piljagaz we altyn güberçekli saça gysdyrylýan demir gysdyrguç.

Серебряная косметическая лопаточка и железная заколка для волос с навершием из золота.

Silver cosmetic spatule and an iron hairpin with a golden pommel.

практике. Но и на этом не закончились сюрпризы «дома мертвых». Среди лепестков навершия этой булавки находились миниатюрная золотая статуэтка горного козла размером менее 1 см и бирюзовая фигурка припавшего к земле льва, изображенного в момент перед прыжком - размером всего 0,7 см! Обе фигурки отличаются высочайшим уровнем мастерства и удивительным натурализмом. У архара, например, четко подчеркнуты бугристые рога, напряженные мышцы тела, крошечный хвостик, глаза и уши. Остается только поражаться остроте глаза и умелым рукам маргушских мастеров (Илл.95-96). О большом разнообразии поделочных камней свидетельствуют

95-96

Demir iňňebagjygyň güberçegindäki (3200-nji mazar) dag tekisiniň (altyn) we ýolbarsyň (pöwrize) şekiljikleri.

Фигурки архара (золото) и льва (бирюза) из навершия железной булавки (гробница 3200).

Pommels of an iron pin with a statuette of an argali (gold) and a lion (turquoise) (tomb 3200).

подвески, изготовленные из агатов, заключенных в золотые обоймы, и мелких сердоликов. Обращает на себя внимание и золотой усеченный конус, возможно, некогда крепившийся на деревянной основе и представлявший собой юбку антропоморфной статуэтки (верхняя часть туловища не сохранилась) (Илл.97). Может быть, эту фигурку венчала золотая женская голова с преувеличенно большими глазами и ушами? Рядом были найдены обрывки золотой фольги, которые свидетельствовали о когда-то имевшихся на фигурке руках. Наконец, возможно, из предполагаемого конусообразного тела могли «вырастать» пшеничные колосья. Восемь колосьев были сделаны из гипса и имели бронзовые, торчащие в стороны, ости, а два колоса были золотыми с серебряными остями. Скорее всего, это было изображение божества плодородия с произрастающими из ее тела колосьями пшеницы.

В сильно нарушенном состоянии сохранились две фигурки фаянсовых соколов, изготовленных в геральдической позе с распростертыми в стороны крыльями, с сильно сжатыми когтями и короткими клювами (Илл.98). Для более реалистической передачи оперения отдельные его детали были набраны из фаянсовых и гипсовых пластинок, имитирующих перья. По всему контуру обе птичьи фигуры были оторочены золотой фольгой, что придавало им более парадный вид. И хотя с точностью судить об их назначении затруднительно, но, исходя из того факта, что маленький фрагмент третьей аналогичной фигурки был встречен рядом с вышеупомянутой повозкой, можно предположить, что эти фигуры могли украшать, например, балдахин, натянутый над повозкой. Фигурки соколов

сделаны с большим реализмом и пополняют галерею лучших произведений древневосточного искусства.

Удивительно, но прямо на стене (и лишь частично на полу) этой же, четвертой камеры было найдено большое ожерелье, включающее около 1000 золотых, сердоликовых и лазуритовых бусинок, некогда составлявших собой нагрудное украшение. Для того, чтобы бусинки, составляющие это ожерелье, не путались между собой, они были нанизаны на нити, натянутые между золотыми пластинками-разделителями, абсолютно точно копирующими аналогичные разделители ожерелья из Телль-Банат в Сирии, относящиеся ко второй половине III тысячелетия до н.э.

Грабители, посетившие в те далекие времена гробницу 3210, оставили археологам значительно меньше находок. Так, во дворе этого сооружения найдено содержимое, видимо, кожаного или матерчатого мешочка, в котором находились мелкие камушки, миниатюрная каменная головка волка или собаки и статуэтка лошади из мраморовидного известняка с четко обозначенным седлом на спине. В другом месте двора лежали потерянные ворами так называемые гадальные палочки из слоновой кости (подобные найденным в царском святилище у северного фасада комплекса), а также обрывки золотой фольги в самом бессистемном состоянии и семь золотых бусинок. Около стены, неподалеку от входа в «дом мертвых» находилась мраморная головка от составной статуэтки с прической, сделанной из черного стеатита (Илл.44). Свидетельствами тому, что в гробнице 3210 был погребен мужчина-воин, являются 50 кремневых наконечников стрел, небольшая серебряная сигнальная

97-98

Hasylylyk hudaýynyň şekiljiginiň we mermer laçynyň şekiljikeriniň bölejikleri.

Фрагменты фигурки, вероятно, божества плодородия в ажурной золотой юбке и мраморный сокол в золотой оправе сразу после обнаружения.

Probably, fragments of the fertility deity figurine in an openwork golden skirt and a marble falcon set in gold immediately after finding.

99

*3210-njy mazardan
tapylan k m şden
yasalan signal
surna y.*

*Серебряная
сигнальная труба
из гробницы 3210.*

*Silver bugle
from tomb 3210.*

100

*189-nji sahypada:
3210-njy mazardan
tapylan uly keramiki
g r-ga lar.*

*На стр. 189:
крупные
керамические
сосуды из
гробницы 3210.*

*On page 189:
Large ceramic
vessels from tomb
3210.*

труба (Илл.99), предположительно использовавшаяся воинами-всадниками при тренинге домашних лошадей или во время военных походов при перестройке боевых рядов, а также свыше 30 крупных (высотой 70-75 см) однотипных керамических сосудов, некогда заполненных пивом или вином и предназначенных умершему для загробной жизни (Илл.100). Здесь же находилась так называемая игральная доска – деревянная плакетка, украшенная решеткой из слоновой кости размером 38 на 18 см. Решетка состоит из трех квадратов в ширину и восьми в длину (Илл.101). С каждой стороны симметрично друг другу два квадратика объединены, и на этом месте сделаны вставки из резной кости в виде лежащих козлят с повернутой назад головой (Илл.102). Точно такие же игральные доски, только с другого типа вставками, попадались нам ранее вместе с костяными фишками разной формы в аристократических могилах Северного Гонура. Неподалеку лежали обкладки из слоновой кости очень плохой сохранности (Илл.103).

Столь же скромными были предметы, найденные в гробнице 3220. Здесь на полу находился бронзовый, явно церемониальный, а не бытовой топор (Илл.104), не замеченный ворами, а рядом с ним лежала совсем уже не соответствующая уровню царских погребений медно-бронзовая печать с простым орнаментом (Илл.105). Была здесь и косметическая лопаточка, изготовленная из слоновой кости, а также несколько каменных бусин и мраморные ручки от составной статуэтки. На поверхности уже упоминавшегося столика лежала, скорее всего, потерянная грабителями золотая пружина, возможно от браслета (Илл.106). В этой же камере, на запястье женского скелета сохранился браслет из нескольких бронзовых и каменных бусин, в том числе одной агатовой. Третья камера оказалась наиболее богатой на изделия из слоновой кости: тут и гадальные палочки, и небольшие, различной формы фишки с гравированным на них орнаментом в форме воронкообразных кубков и скорпиона (Илл.107). В коридоре этой гробницы лежало мраморное изваяние барана (Илл.108), на котором покоилась голова того мужского скелета, в ногах которого был найден первый, самый богатый клад сосудов. Поразительно, но стиль исполнения фигуры барана удивительно напоминает аналогичную статую, найденную далеко от Маргианы – в долине реки Инд (Илл.109). Судя по всему, мужчина являлся здесь основным захороненным (Илл.110). 44 кремниевых и 6 костяных наконечников стрел были разбросаны по всей гробнице, создавая впечатление, что одним из элементов ритуала погребения была стрельба из луков.

По-видимому, и гробница 3230 была намного богаче, чем это могло бы показаться по найденным там погребальным приношениям. Так, на шее у одной из пяти женщин, погребенных в ней, было золотое ожерелье, а под теменем лежал бронзовый церемониальный топор, что однозначно исключает умершую из разряда слуг и, напротив, заставляет считать ее одной из хозяек мавзолея (Илл.111). Погребенный рядом с ней мужчина тоже имел

на шее золотые бусы. Под его теменем лежали 10 кремниевых наконечников стрел, уложенных таким образом, что предполагает их нахождение в несохранившемся небольшом кожаном или тканевом мешочке. Вообще эта гробница оказалась очень богата бусами. Начиная с самых верхних слоев почвы, в юго-восточном углу гробницы начали попадаться лазуритовые, сердоликовые, агатовые, мелкие золотые и другие бусины (Илл.112). В то же время трое погребенных в этом углу, на полу отдельного помещения 3 не имели абсолютно никаких личных украшений. В верхних слоях заполнения гробницы найдены фрагмент нижней части стеатитовой составной статуэтки, мелкие гипсовые предметы с орнаментом неясного назначения, четыре фрагментированные обыкновенные бронзовые булавки, фрагменты не менее чем четырех костяных заколок для волос, одна из которых имела навершие в форме бутона мака (Илл.113). У одной из упомянутых пяти женщин на груди находилась крупная овальная составная бусина: между двух половин стеатита помещен белый

101-102

3220-nji mazardan tapylan «oýun tagtasynyň» arassalanýlýan mahaly we süňkden ýasalan goşundynyň bir bölegi.

«Игральная доска» из гробницы 3220 в процессе расчистки и фрагмент костяной вставки.

A "playing board" from tomb 3220 in process of clearing and a fragment of an ivory insertion.

камень, у двух других женщин, у плеча – простые бронзовые пергородчатые печати.

В последней из гробниц – 3235 – находки более многочисленны. В их числе - выполненные из серебра сосудик, заколки для волос, косметический флакон с крышечкой и аппликатор с навершием в виде отдыхающего быка, а также остов деревянной прямоугольной шкатулки с мозаичным (гипсовым) орнаментом (Илл.114). Здесь же встречены обрывки золотой фольги и еще один «ларчик», на этот раз деревянный, со следами красной и черной краски. Рядом с культовой печью находились две «накладки» из слоновой кости с крепежными сквозными отверстиями. Поверхность накладок была украшена гравировкой в виде перекрещенных линий (Илл.115). Одна точно такая же крепежная накладка встречена в грабительском лазе. В помещении 3, где был обнаружен каменный посох, а под полом – тайник с ценными сосудами (описаны выше), были разбросаны 13 кремниевых наконечников стрел, обрывки золотой фольги, две крупные агатовые бусины с золотыми обоями на концах, а также цветок из потускневшей бирюзы, отделанный золотом, стеблем и листьями из бронзы (Илл.116). Бирюзовые лепестки и бронзовый стебель с листьями от второго подобного цветка были встречены внутри двухкамерного очага, имевшегося в этом же помещении. Среди скелетов людей, захороненных под

полом помещения 4, обнаружены фрагменты гипсовой мозаики и еще одна агатовая бусина с золотыми обоями, по-видимому, оброненная грабителями во время поиска так и не найденного здесь клада. Каких-либо ценностей в помещении 5 не было, но на полу около бытового очага в южной стенке комнаты найдены пять медно-бронзовых скоб, расставленных в порядке, представлявшем квадрат, – по-видимому, ножек от какого-то деревянного изделия.

Перечисленные находки доказывают, что основная часть погребальных приношений в гробницах отличается от таковых в других аристократических погребениях Гонура именно наличием предметов-символов высокого социального статуса, а также большим количеством золотых, серебряных и других ценных артефактов. Многие из обнаруженных вещей находят себе аналогии в культуре населения Элама, Восточной Анатолии, какие-то – в более ранних культурных традициях предгорий Копетдага, третьи – у населения долины Инда. Но среди всех находок особо выделяются найденные впервые для этой эпохи столь выдающиеся предметы искусства, что о них необходимо сказать особо.

103-104

3320-nji mazardan tapylan dabaralarda ulanylýan palta gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly we restawراسiýadan soň (192-nji sahypada).

Церемониальный топор из гробницы 3220 во время раскопок и после реставрации (на стр. 192).

Ceremonial axe from tomb 3220 during excavations and after restoration (see page 192).

Chapter 8 Funeral Gifts

IT IS characteristic that no niches in the «house» of the tomb No 3210 were found, while in the tomb No 3200 they were excavated only in two rooms: No 3 and 4. In room No 3 - only in the southern wall and in room No 4 both in the southern and northern walls. All these niches were secret, they were camouflaged and looked like an ordinary wall. The most valuable funeral gifts were believed to have been placed there. Here one should note that between the relatives of the dead and ancient robbers a kind of a «war of nerves» was constantly going on: relatives by all possible means tried to hide the richest funeral gifts in secret places, and robbers did their best to find them and in most cases succeeded in this. But sometimes fortunately for us, there were exceptions.

Thus, in the tombs No 3220 and 3235 the archeologists managed to find two rich treasures. In the south-eastern corner of the tomb No 3220 by the legs of the dead man at the depth of half a meter down from the floor level 24 vessels were excavated (**Figs 72, 73**). Two of them were gold, 17 silver and 5 copper and bronze. Among them one

cylinder vessel in the shape of a goblet stands out. It was decorated with a pair of walking two-humped camels made in relief (**Figs 74, 75**). This breed of camels is called «bactrians» and the name obviously indicates the place of their origin - Bactria - a historical area in the North of Afghanistan. But since this type of camel appeared in Margiana earlier than in Bactria we have the grounds to give them another name - «camels-margiana».

Certainly, the place of the origin of these camels is not so important for us. Much more significant is the craftsmanship of the ancient Margiana masters. The whole scene was made with such skill and so realistically that it can rank with the objects of the world art. Undoubtedly, the camels on the goblet are to be classed with the ones used during official ceremonies: the withers are carefully combed and the hips are decorated with distinctive signs in the shape of a big triangle (**Fig.76**).

It is remarkable that the same sign of a triangle was found on a hip of a camel from another silver object (**Fig.77**). This was a small camel figure on the top of a pin that was found on the neck of a dead body in a much later aristocratic burial at North Gonur (last period of Gonur). This burial in cist No 2900 within the limits of a northern section of the square will be described later in more detail. Meanwhile it is important to understand the meaning of these signs on camels' hips. These could be signs used for marking the cattle that belonged to the royal family because they were used during the entire period of the existence of the Gonur settlement without any change.

A camel must have played an exclusive role in the life of ancient Margiana tribes since on the bottoms of some silver and gold vessels no images of any other animal but a camel were engraved. One can imagine that these images had only a symbolic meaning since they were made on the bottom of objects. In this connection it is important to remember that the camel was very significant among Zoroastrians. One of the versions of the translation of the name of the prophet Zarathustra means «old camel» or «an owner of yellow camels» (**Figs 78-79**). Also, one should add that on some of the images above camels' humps there were engraved a unique sign that resemble hunting bows. But this needs additional study.

Now let us go back to the hiding places in royal tombs. The second secret place found in the burial No 3235 though smaller in size was not inferior in its artistic value to the first one. It was also excavated under the floor level at the depth of over one meter and consisted of seven vessels: two small gold goblets, two small copper-bronze and three silver cups (**Fig. 80**).

One conical silver goblet attracts special attention. It is decorated with an animalistic group in high relief performed in the highest artistic traditions (**Figs 81-82**). The scene represents a lion fighting a bull, two antelopes flanked on both sides by the «tree of the world», another antelope drinking water from a spring and guarded by a lioness and

105-106

3220-nji mazardan
tapylan mis-bürünç
möhüri we altyn
pružina.

Медно-бронзовая
печать и золотая
пружина из
гробницы 3220.

Copper-bronze seal
and a golden spring
from tomb 3220.

finally a wolf with its tongue hanging out of its mouth because of a long chase after a rabbit and a bear carefully descending a mountain. It is noteworthy that all the main figures represented animals that live on the plain while the scene took place on a mountainous rather than a desert background. One may suggest that the mountainous scenery reflects an ancient tradition and the animals the master watched over in his new land. Extremely moving is an engraved head of a horned goat with a mournful tear rolling down, as if the goat mourned the owner of the goblet who had died prematurely.

Not all the funeral gifts were found in hiding places of the royal burials. Most of them were placed in special rooms in the so called «gift keepers» found in three of the five burials (**Fig. 83**). Except for burials No 3200 and 3210 they were excavated in the room No 4 of the burial No 3220, room No 5 of the burial No 3235 and room No 1 of the burial No 3230. The «gift keepers» were wooden boxes placed right on the

dead body. In all the cases except for the burial No 3235 their inside surfaces were covered with mosaic panels which will be described later. One may suggest that the boxes contained the main bulk of gifts but not the best part of them. They were possibly placed so that robbers would take them and not continue the search of the grave.

Here is another important note: in the royal as well as in other aristocratic burials (chamber tombs and cists) the bodies of the principal dead were always placed in one chamber and gifts in another. The fact of the matter is that in all the tombs under discussion representative of upper aristocracy (rulers, high priests), members of their families as well as slaves and servants were buried. Naturally, such monumental underground structures were built for burying of rulers, high priests and members of their families. Though it sounds so cynical to us, servants and slaves served as «funeral gifts», they were killed to follow their

107
3220-nji mazardan
tapylan süňkden
ýasalan önümler.

Костяные
изделия из
гробницы 3220.

Ivory articles from
tomb 3220.

108

3220-nji mazardan
tapylan goýnuň
daşdan ýasalan
heýkeljigi.

Каменная
скульптура барана
из гробницы 3220.

Stone sheep
sculpture from tomb
3220.

masters to the underground and serve them there. Naturally, the defilers of ashes had very little time for the robbery; they had to demolish the entrance and walls of a tomb, to find their way inside of it, to pack the gifts into bags, to try to find hiding places. All this had to be done fast and imperceptibly since one may suppose the presence of some kind of guard who was responsible for keeping peace in the palace and temple complex. Under these circumstances it is not surprising that bones interested the robbers the least. As a consequence, the present researcher faces a difficult problem of defining to whom -master or servant- the bones belong to.

To close the subject of funeral gifts let us briefly describe the few but still very significant objects that for almost four thousand years after robbers «visited» the tombs have been preserved under the ground. All the tombs without any exception yielded such symbols of power (not only civil but probably religious as well) as large stone disks, the so called stone miniature columns that were used in some

rituals so far unknown to us, and long stone scepters (Figs 84, 85). Most of the stone disks were made of alabaster (about half a meter in diameter and 12 cm thick) and had a groove round them. All the graves had one such disk and grave No 3210 had two. Only in two cases were they found exactly where they had been placed by the relatives of the dead. In the grave No 3200 they were excavated in the «yard», outside the north-western corner of the «house of the dead», next to the vertically standing two meter scepter (the largest ever found in Margiana). And in the grave No 3220 a scepter was placed edge-wise inside the niche on the northern wall of the room No 3.

Scepters were usually made of schist and their low ends were about 10 cm thick. In cases when their upper ends survived (as in the cases of some burials of the Gonur necropolis and in the «grave of a lamb» at North Gonur) they were usually decorated with tops. In most of the cases their lower ends were made in the shape of hooves of large animals (most probably, a horse). The lower ends as a rule had no traces of wear, this is probably a sign that they were used more as a symbol of power than as really practical scepters. The aristocrats seated in thrones could have kept them as symbols of power, or they perhaps symbolized those scepters that their leader once used during their earlier march in search of the «Promised Land».

In three graves there were two stone miniature columns and one miniature column in the first grave. In any case such columns were excavated only in aristocratic graves or in the graves that were associated with ritual ceremonies. They seem to be evidence of a high social state of the dead. Another confirmation of the high status of the dead buried in the five tombs under discussion is the fact that in three of them carts were excavated. Here again we would like to repeat that among the graves described above, the pit graves No 3225 and 3240 were located close to the «houses of the dead» of the graves No 3230 and 3235 respectively.

The grave No 3200 was the first among the royal tombs that was excavated. Compared to the rest of the tombs this one was better preserved and the gifts were found in the yard where they were originally placed. In the yard to the East from the central gates of the tomb a four-wheel cart was found. This is the first intact cart from the end of the third mil.B.C. excavated in the Near Eastern and Central Asian zones (Figs 71,86). The platform of the cart was made of five boards (0,2×0,9 m) placed on the front and hind axles. The platform was 0,8m wide. The boards of the platform were fixed with the help of narrow wooden boards (5cm) placed perpendicular to the wide ones with 40 cm distance between them. The platform was placed not strictly in between the wheels but was shifted closer to the hind axle. This was

109

Hind derýasynyň
kenaryndan
tapylan goýnuň daş
heýkeljigi.

Каменная
скульптура
барана с берегов
реки Инд.

Stone sheep
sculpture from the
Indus banks.

surely the original plan since the traces from boards were quite well preserved but near the front axle no fragments of wood were found. The platform starts right behind the front wheels. All the wheels have the same diameter - 0,7 m.

The second cart (dismantled) was found in the pit grave No 3225. At the western wall of the pit two pairs of wheels were excavated (**Fig.87**). All four wheels, though of the same construction as those in the grave No 3200, had a larger diameter - 90 cm. Next to the cart and partially on top of the wheels a wooden platform was found. It was constructed differently than that in the grave No 3200. It was long (160 cm) and narrow (32 cm) with a low back (165 cm long and 15 cm high) with elbow-rests of the same height on both short sides. The platform was made of one piece of wooden board 32 cm wide and 2 cm thick while the back and the elbow-rests were made of three narrow boards of the same thickness and 5cm width and were fixed at some distance one from another.

In the pit burial No 3240, badly damaged by robbers, remains of wheels of the third cart were excavated. Only the rather large wooden remains with characteristic traces of bronze oxides testify that these were wheels (**Fig.180**). Two wooden fragments had a characteristic shape: thicker to the middle and thinner to the edge. This made it possible to reconstruct the diameter of wheels, equal to 80 cm.

Based on these wooden fragments and the remains of wheels from the grave No 3225 it is possible to imagine their construction. All wheels were similar. They had no spokes, were solid and made of three wooden panels and their bushings were also wooden. On top the panels were fixed with a lath; the rims were covered with six bronze segments with large, wide-headed bronze rivets.

This type of wheel without spokes demonstrates the most ancient and the simplest type of wheels which nowadays is rarely seen in the mountain villages of the Caucasus though earlier they were more widely used there. The one type of bronze rims from the royal tombs of Gonur exactly replicate the analogous ones from the ancient graves of Bactria and Elam (South-Western Iran. It is remarkable that all wheels of the two well preserved carts had the same size whilst on the ancient drawings the diameter of the front wheels is less than that of the hind wheels.

So far the purpose of these carts is not sufficiently clear. It is difficult to determine whether local aristocrats used them as a mean of transportation, or these were carts used for household needs. This is a less plausible explanation since they were found in the graves of aristocrats. Finally they could have been a special «ritual hearse» still used by some people. It is very important that from the archaeological point of view these are the first intact fragments of carts that make it possible to reconstruct the carts of the period that we are investigating. We may be positive that they first brought the carts into the graves (in the grave No 3225 it was dismantled and in the grave No 3200, it was intact) and then other ritu-

als, including human sacrifices, were performed.

The animals that had to accompany their master in the underground world attract our interest as well. In the grave No 3200 where the first cart was found a small young foal was practically crushed by the cart against the back, eastern wall of the yard. On the southern side at the wheels of the cart several thousand years ago a grown up camel calmly sat down on its belly in its usual pose, tucking its front and hind legs under the body. Later when this noble animal was killed by some way unknown to us, and in the yard of the tomb its head fell off on the left side.

Another detail also attracts our attention. In the opposite north-western corner of the yard bones of another camel were found; this camel was older than the one we just described. The remains of this camel were in disorder, a fact that testifies once more to the ritual of sequential burials: apparently the mixed camel bones were the bones of a camel that had been sacrificed for the first man buried in this tomb. When the second (or just the next?) man was buried and a new camel was brought in, the bones of the previous one were just moved aside. To the left from the entrance to the same tomb, a big dog was buried. Other bones except for the very small bone fragments of a ram in the room No 2 of the «house of the dead» were not found.

The clearest picture of the location of animals inside a tomb was preserved only in this grave (No 3200) and in the pit grave No 3225. The rest of the tombs were so damaged by robbers' raids that their reconstruction may be considered as conventional. Nevertheless the remains in the «yard» of the tomb No 3210 may suggest a picture similar to the one in the two graves under discussion. Close to the center of the yard was presumably a skeleton of a grown-up camel and near the eastern wall two sheep and a calf.

Noteworthy is a skeleton of a small dog with long legs found on the floor of the «yard» (tomb No 3200) closer to the western wall (**Fig.88**). One might assume that the dead dog was wrapped in a cloth since on top of its body and under it a lot of small gypsum beads were found.

It is remarkable that practically the same set of animal skeletons was excavated in the ruined pit grave No 3240: two camels, one calf, two dogs and presumably two sheep. In the well preserved pit grave No 3225 besides slaves-servants only one adult and one young camel were buried. No animal remains (including those that could testify to funeral meals) were found in the tombs No 3220 and 3230.

We believe that camels buried in these tombs in the lifetime of their owners were used during parades and different other ceremonial occasions. By no means were they used as draught animals. This is demonstrated by the fact that in the tomb No 3225 on the back of a camel excavated in the center of the tomb were found remains of a wooden saddle very similar to those that are used nowadays for long distance trips. Buried camels simply manifested the wellbeing of their master during his lifetime.

A horse (or more precisely, a stallion) buried in the tomb No 3200 due to its young age seems even less suitable for draught work. Also it is not at all surprising that dogs were used for sacrifices since it is a known fact that this domestic animal was highly respected by many peoples including the Indo-Iranians tribes. They played quite a special role in funeral rites. The whole set of buried animals including cattle and small horned animals, camels and dogs makes it clear that their role was to provide a rich comfortable after-life for their former master.

As has already been mentioned the life of a master in the after-world had to be provided by his servants-slaves. And so each of the royal tombs had human sacrifices. Thus, the tomb No 3200 contained the bodies of an elderly woman, a young boy and a girl that were buried in the «yard» by the entrance to the «house of the dead» in the pose traditional for the Margiana tribes (on the right side with bent legs). It is worth mentioning that they were killed prior to the camel whose head lies on top of their bodies.

If we are right in our supposition that pit graves No 3225 and 3240 somehow «accompany» the «houses of the dead» of the tombs No 3230 and 3235 respectively, then we may say that these human sacrifices were the richest among the rest of graves. Thus, in the pit grave No 3225 ten people were buried, in the tomb No 3230 seven slaves and in the pit grave No 3240 were at least 15 skeletons while in the tomb No 3235 eight bodies of presumable slaves were excavated.

According to anthropologist N.Dubova some of these dead first kneeled and then were murdered. She also believes that the rest of the slaves died as a result of violence. So far we cannot say how these people were killed. The absence of any injuries on their bodies suggests that neither their heads were chopped off nor their throats cut.

Based on the explanation given by the English archaeologist L.Wooley regarding the cause of the death of those buried in the royal graves of Ur, and having in mind the calm poses of the dead in the graves under discussion, we may suggest that they used some kind of poison with slow action. This could also be a kind of narcotic that first put the victims to sleep and then led to death. Still, a ritual suffocation as another method of murder should also be taken into consideration. Anyway it is absolutely clear that the large number of human sacrifices testifies to the high social status of those buried in the royal graves and to the deep social differentiation of Margiana society.

Besides special funeral gifts that accompanied only the high level rulers, the royal tombs also yielded objects of art and every day life that antique robbers fortunately left behind. Thus, in the «yard» of the tomb No 3220 next to the central entrance to the so called hall (vestibule) of the «house of the dead» (room No 3) archaeologists found two bronze lamps, one of which (with an open-worked body and long handles freely hanging down) closely resembles the analogous object from the Quetta treasure (Beluhistan). The location of these lamps at the entrance to the

«house of the dead» suggests that they were meant to lighten up the way to the after-world (**Figs 89-90**).

Gold decorations that were once kept in round or square boxes were found on the floor of the room No 4 in the same tomb No 3200. By the time of excavations only mosaic lids of the boxes were preserved, the contents of them had been robbed in antiquity (**Fig.91**). The skillful Margush craftsmen very beautifully combined mosaics with polychrome painting and it is remarkable that their designs can be easily traced in modern Turkmen carpets and rags (**Fig.92**).

Bronze cosmetic «small shovels» and a pin topped with a figure of a «resting calf» were found next to these boxes. They were so skillfully silver-plated that they look like genuine silver objects (**Fig.93**).

Very close to this place was found a large hairpin with an iron stem and a gold top in the form of an eight-corner star and a half-moon (**Fig.94**). This was the first iron object found at the monument under discussion. Its analysis in the laboratory showed that it was made of meteorite iron, a rare find in archaeological practice.

The «house of the dead» has prepared more surprises for archaeologists. They excavated a miniature gold statuette of a mountain goat less than 1 cm high and a turquoise figurine of a lion pressed to the ground and ready for attack of an animal; its height was only 0,7 cm! Both figures demonstrate the highest level of realistic art, the hillocks of goat's horns were clearly marked, the muscles of his body were tense, its tiny tail, eyes and ears were accurately modeled. Just imagine that

110-111
3230-njy mazardan
tapylan kelle
süňklerinden
dikeldilen erkek
kişiniň we zenanyň
portretleri. Portretleri
antropolog
A.Neçwaloda dikeldi.

Мужской и женский
портреты,
воссозданные
по черепам
из гробницы
3230. Автор
реконструкции
антрополог
А.Нечвалода.

Male and
female portraits
reconstructed
after the skulls
from tomb 3220.
The reconstruction
author is
anthropologist
A. Nechvaloda.

112

3230-njy mazardan
tapylan daş
monjuklar.

Каменные бусы
из гробницы 3230.

Stone beads from
tomb 3220.

those masters had no modern precise instruments; they could use only their sharp eyes and skillful hands! (**Figs 95-96**)

The variety of decorative stones used by the Margush craftsmen is demonstrated by a necklace made of agate beads wrapped in gold bands on each side and of small carnelian pieces. Noteworthy is a truncated golden cone that was probably once fixed on a wooden base thus representing the skirt of a deity (**Fig.97**). Since the upper part of the body has not been preserved we can only imagine that it was topped with a golden female head with grossly exaggerated eyes and ears. The pieces of gold foil found nearby may testify that once the figure might have had arms. We can also imagine that wheat ears could have «grown» out of the presumably cone-like body. Eight wheat ears were gypsum

and their bronze beards were pointing to opposite sides while two ears were gold and had silver beards. One can assume that this was a deity of plenty with wheat ears growing out of its body.

Two faience figures of falcons badly damaged by robbers were represented in heraldic pose with wings spread apart, tightly clutched claws and heads with short beaks that looked straight at the spectator (**Fig.98**). The skillful combination of faience and gypsum plates gives a realistic impression of falcons' wings. The falcons looked very impressive since the outlines of both of them were decorated with gold foil. The original purpose of these falcons is difficult to suggest at the present stage. But we can assume that once they were used for the decoration of a canopy over a cart since near the cart mentioned above a small fragment of another similar figurine was found. The figures of falcons were made with such realism and skill that they can definitely be regarded as real pieces of world art.

Strangely enough, right on the wall (and only partly, on the floor) in the same room No 4 there was found a large necklace of about one thousand gold, carnelian and lapis lazuli beads that once was used as a chest decoration. To keep the beads in place they were strung on threads stretched between gold plate dividers, an absolute copy of the dividers of the necklace from Tellya-Banat in Syria that are dated to the second half of the third mil. B.C.

Unfortunately, the robbers that many centuries ago made their raids on the tomb No 3210, left considerably fewer objects for archaeologists. Thus in the «yard» of this tomb there were the contents of a skin (or fabric) bag which consisted of small stones, a miniature stone head of presumably a dog or a wolf, and a statuette of a horse of marble-like lime with a saddle on its back.

In the other part of the «yard» the robbers left behind the so-called ivory «fortune teller sticks» (similar to those from the «royal sanctuary» in the Northern part of the complex), as well as random pieces of gold foil and seven golden beads. Near the wall close to the entrance to the «house of dead» was found a marble head from a composite statuette with a hair-do made of black steatite (**Fig.44**).

The finds in the tomb No 3210 testify to the fact that a man-warrior was buried there. This set of finds consisted of fifty flint arrowheads, a small silver signal trumpet (**Fig.99**) the kind the warrior-riders presumably used either for reorganizing the military rows or for training of domestic horses, as well as over thirty large (up to 70-75 cm high) ceramic vessels of the same type that were once filled with beer or wine and now were placed in the tomb for the pleasure of the dead in his after-life (**Fig.100**).

The same tomb yielded the so called «game board», a wooden panel (38 by 18 cm) decorated with an ivory grating (**Fig.101**). The grating had three squares in the width and eight squares in the length. On each side of the panel two squares instead of a dividing line had bone inlays that depict the goats lying with heads turned, facing back-

113

3230-njy mazardan
tapylan gülälek
görmüşindäki
güberçekli süňkden
yasalan iňňebagjygyň
bölejigi.

Фрагмент
костяной булавки
из гробницы 3230
с навершием в виде
цветка мака.

A fragment of an
ivory pin with a
poppy-shaped
pommel from tomb
3220.

114
206-njy sahyrada:
3235-nji mazardan
tapylan mozaikaly
agaç gutujyguñ
bir bölejgi we
kütüşden ýasalan
gap.

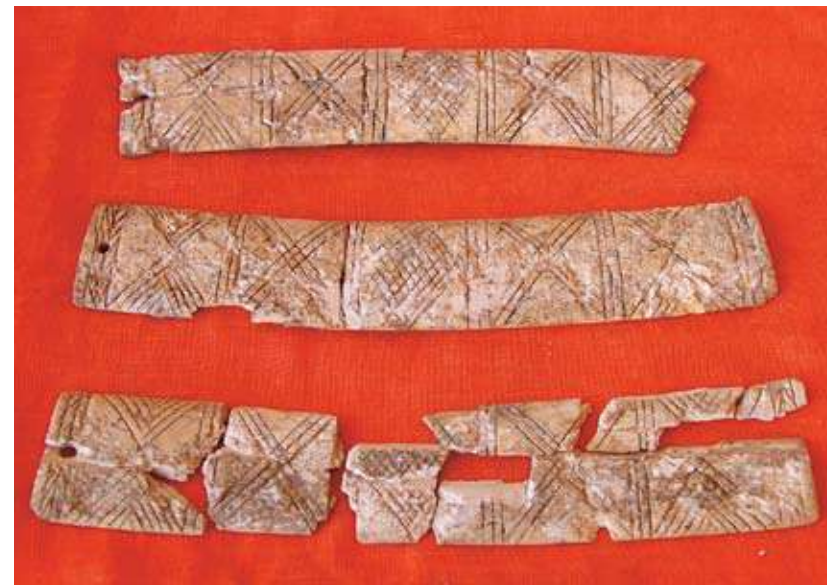
Фрагмент
деревянной
шкатулки
с мозаичными
вставками
и серебряный
сосуд в гробнице
3235 во время
расчистки.

A fragment of a
wooden casket with
mosaic insertions
and a silver vessel
in tomb 3220 in
process of clearing.

ward (**Fig.102**). Similar «game boards», but with another design of inlay and with various bone counters were found earlier in aristocratic tombs of North Gonur, for example in the cists No 2900, 3130 and 3310 (**Fig.103**). Close to the «game board» some badly preserved pieces of ivory facing were found.

Also modest was the set of findings in the tomb No 3220. On the floor near the northern wall of the room No 1 the robbers missed a ceremonial bronze axe (**Figs 104, 105**) and next to it was a copper and bronze seal with a simple design that by no means could match the level of royal burials (**Fig.106**).

In the upper layers of another corner of the tomb an ivory «cosmetic shovel» was found as well as several stone beads and marble handles of a composite statuette. In the room No 2 on the surface of the table mentioned above was the gold spring of presumably a bracelet that was most probably left by robbers. In the same room a bracelet of several

115
3235-nji mazardan
tapylan atanakly
çyzyklar görmüşinde
haşamlanyp
bezelen piliň
süňkünden ýasalan
zatlar.

Накладки из
слоновой кости
из гробницы
3235, украшенные
гравировкой
в виде
перекрещенных
линий.

Ivory straps
engraved with
crossed lines from
tomb 3235.

116
3235-nji mazardan
tapylan bezeg.

Украшение
из гробницы 3235.

Adornment from
tomb 3235.

bronze and stone beads including one agate, was embracing the wrist of the female skeleton mentioned above. The third chamber was most rich in ivory objects; besides the «fortune teller» sticks it had small counters of various forms with an ornament of funnel-shaped goblets with a scorpion engraved on them (**Fig.107**). The fourth chamber, which was a corridor, had practically no finds, except for a marble ram (**Fig.108**) which was used as a pillow for an adult man at whose feet the first and the richest treasure of vessels was found. Remarkably, the style of the ram statuette reminds one of an analogous one found far from Margiana, in the Indus valley (**Fig.109**). So far, the lack of evidence prevents us from determining the exact place of origin of this animal. Forty four flint and six stone arrow-heads found with the skeleton testify to the fact that this was the main burial (**Fig.110**).

Though the funeral gifts in the tomb No 3230 are not very impressive, one may suggest that originally the tomb No 3230 was much richer. Thus, one of the five buried women had a gold necklace and a bronze ceremonial axe laid under her head, a fact that makes one think that this was the main burial (**Fig.111**). A man buried next to her also had a gold necklace. The ten flint arrow-heads under his head were placed in such a way that gives the impression that once they were kept in a small skin or fabric bag. In general, this tomb turned out to be rich in beads. Starting with the very upper layer in the south-eastern corner of this tomb we found lazuli, carnelian, agate, small gold and other beads (**Fig.112**). At the same time the three skeletons in this corner, in the separate room No 3, had no personal decorations. The upper layers of this tomb yielded a fragment of a lower part of the steatite composite statuette, small gypsum artifacts with unclear ornamentation, four pieces of an ordinary bronze pin, fragments of at least four bone hairpins, one of which had a top in the form of a poppy bud (**Fig.113**). One of the five women buried in the room No 1 had a big oval composite bead on her chest: between two steatite halves a white stone was placed. The other two women on their shoulders had simple bronze seals with partitions.

The last tomb No 3235 yielded more artifacts. Thus in the room No 1 we found a small silver vessel, a cosmetic flacon with a lid and an applicator with a top in the shape of a resting bull, as well as the body of a wooden rectangular box with a mosaic (gypsum) ornament (**Fig.114**), and a silver hairpin. Also here were found pieces of gold foil and another «box», also a wooden one, with traces of red and black paint. In the room No 2 next to a cult hearth two ivory plates with through-cut holes for affixing were excavated. The surface of the ivory plates was decorated with engraved crossing lines (**Fig.115**). An absolutely identical plate for affixing was found in the robbers' hole.

In room No 3 a stone scepter was found and under the floor a hiding place with valuable vessels. Also the same room has yielded thirteen dispersed flint arrowheads, pieces of gold foil, two big agate beads with a

gold band on each end, as well as a flower made of «dye» turquoise and decorated with gold and bronze stem and leaves (**Fig.116**). Another similar flower also with turquoise petals and bronze stem and leaves was found inside a double-chambered hearth of the room. Among the skeletons buried under the floor of the room No 4 there were fragments of gypsum mosaics and another agate bead with gold bands that was probably left by robbers who were searching for the hiding place and which they did not find. No valuables were found in room No 5 but on the floor near the cooking hearth in the southern wall there were excavated five copper and bronze staples in the order of a square; perhaps they had served as legs of some wooden object.

The finds described above show that the main part of funeral gifts in the tombs differ from those in other aristocratic graves of Gonur. These are mainly objects-symbols of the high social status of the buried and besides these gifts represent a large number of gold, silver and other valuable artifacts. Most of these artifacts are analogous to those of the tribes of Elam, East Anatolia; some are similar to the still earlier cultural traditions of the Kopet Dagh foothills, others to the tribes of the Indus valley. Some objects found for the first time for the given period are real masterpieces of art and deserve special description.

IX bap

Marguşyň daş mozaikalary

117

3210-njy mazardan tapylan «Ganatly ýolbarslar» mozaikaly kompozisiýasynyň arassalanylýan wagty.

Мозаичная композиция «Крылатые львы» из гробницы 3210 в процессе расчистки.

Mosaic composition of "Winged lions" from tomb 3210 in

GEÇEN asyryň 90-njy ýyllarynda Demirgazyk Goňruň köşgünde gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly jaýlaryň käbirinde gipsden ýasalan mozaikaly düzümler (wstawkalar) tapyldy. Şondan öňräk Goňur gonamçylygynyň kameraly mazarlarynda ýüz görülyän aýnalary, beýleki gymmatly zatlary saklamak üçin ulanylýan gapjagazlar tapyldy. Olaryň daşy geometrik mozaikalar bilen bezelipdir. Bularyň ählisi marguşlylara mozaika bezeg usullarynyň mälim bolandygyna şaýatlyk edýär. Munda geň görüp oturasy zat ýok, çünki Mesopotamiýada mozaikalar eýýäm biziň eýýamymyzdan ozalky IV müňýylykda edilipdir. Olar ýarym gymmat baha daşlardan ýasalan, önümleriň ýa-da desgalaryň detallaryny bezän geometriki düzümler görnüşinde bolupdyr. Olar biziň eýýamymyzdan ozalky II müňýylygyň bütin dowamynda ulanylyp gelipdir. Tigr we Ýewfrat derýalarynyň arasyndaky düzlükde ýerleşýän monumental binalaryň köpüsiniň ýüz tarapy olar bilen bezelipdir. Bu tehnika biraz gijiräk hem ulanylypdyr (Kişedäki mozaika). Şundan çen tutsaň, Goňruň diwar mozaikasy hem hut şu döwre degişlidir, emma marguş kompozisiýalaryna meňzeş mozaikalar Mesopotamiýada tapylmady.

Demirgazyk Goňruň birinji patyşa mazarynda gazuw-agtaryş işleri geçirilende, daş mozaikalary ýüze çykaryldy. Olar talanan 3200-nji mazarda asyrlaryň dowamynda ýygananan çägäniň içinden döküldi. Üçburçluklardan, kwadratlardan we tegeleklerden başga-da, dökülen mozaikalaryň düzüm bölekleri aýlaw we çylşyrymly figuralar görnüşinde bolupdyr. Bir mahallar olaryň ajaýyp nagyş kompozisiýalary bolandygy aýdyň görünýär. Şol kompozisiýalar alym üçin hakyky tapmaça öwrüldi

(117-nji surat). Diwarlaryň birinde uly bolmadyk mozaika böleginiň tapylmagy biziň çaklamalarymyzy tassyklady. Diwaryň ýüzi birkemsiz suwalypdyr, hut şonuň üstüne nähilidir bir gyzyň reňkli ýelim serişdesiniň kömegi bilen tegelegiň bir bölegini emele getiren mozaikalaryň birnäçesi berkidilipdir (118-nji surat). Şol mazaryň howlusynda ýekegapanyň kellesi şekillendirilen gips bölegi tapyldy. Onda gara reňk bilen haýwanyň ýüzüniň ownujak detallary çekilipdir (119-njy surat).

Beýleki patyşa mazarlarynda, aýratyn hem 3210-njy guburda geçirilen gazuw-agtaryş işleri gadymy goňurlylaryň ussatlygynyň ýokary derejede bolandygyny görkezýän örän täsin materiallar tapyldy. Şu mazarda, poldan 1,5 metr belentlikde çylşyrymly çeperçilik kompozisiýalary ýerleşipdir. Olaryň arasynda ýallary hüžzerip duran ganatly ýolbarslar şekillendirilen, uzynlygy 86 santimetr bolan friz hem bar (120-121-nji suratlar). Her bir ýolbarsyň burnunyň üstünde şahy we sakgaly görünýär. Guýrugy arkasyna düýrlenen, şeýle hem burnunyň üstünde şahy we ujy ýitelip gidýän sakgaly bolan ýene-de bir sany ganatly ýolbarsyň şekili tapyldy (122-123-nji suratlar). Hyýaly haýwan özüniň kuwwatly muskully aýaklaryna daýanýar. Şeýle jandarlaryň aýratyn kelleleri 3235-nji mazardan hem tapyldy. Olaryň iň ulusy ak mermerden edilipdir (124-nji surat).

3210-njy mazarda saklanyp galan mozaika frizleriniň arasynda şahly keýikleri ýuwudýan ýylanlar hem bar (125-nji surat). Megerem, şuna meňzeş kompozisiýalar 3230-njy we 3235-nji mazarlaryň diwarlarynda hem bolandyr. Ýöne biziň günlerimize olaryň diňe aýry-aýry bölekleri gelip ýetipdir (126-njy surat). Şeýle mahluklaryň şekilleri Baktriýada, aýratyn hem Elamda giňden ýaýrapdyr. Olar ýerli demonologiýada aýratyn elam-baktriýa stiliňi düzüpdir. Şeýle inçe sakgaly we şahly aždahalar daş, köp halatlarda steatit önümlerde suratlandyrylypdyr. Olar Awestanyň Srwarasyny – gadymy rowaýatlardaky şahly aždahany ýatladýar. Baktriýanyň we Marguşyň dört aýakly aždahalarynda ýolbarsyň we ýylanyň alamatlary bar. Özi-de, olaryň boýunlary teňneler bilen örtülip, akkad döwründe (biziň eýýamymyzdan ozalky III-II müňýylyk) Mesopotamiýada döredilen şeýle şekillere örän meňzeşdir. Şunuň ýaly aždahalary öwrenmäge uly üns beren fransiýaly professor M.Potýe şol ikonografiýa usulynyň Mesopotamiýadan Merkezi Aziýa çenli ýol açandygyny tassyklaýar.

Görnüşü ýaly, ot iýýän haýwanlary ýuwudýan ýylanlar temasy ýerli taýpalarda örän meşhur bolupdyr we marguşly ussalaryň döredijiliginde

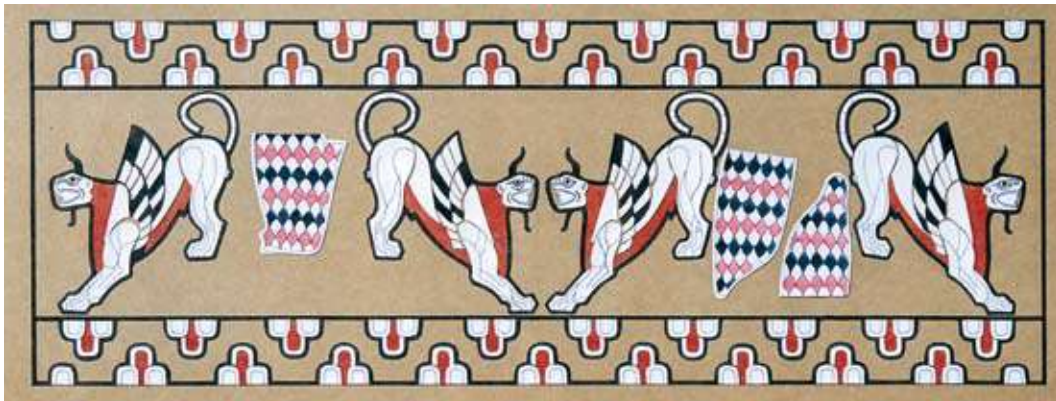

118-119

3200-nji mazaryň diwarlarynyň mozaikaly bezegleriniň böljejleri.

Фрагменты мозаичного украшения стены гробницы 3200.

Fragments of the wall's mosaic decoration in tomb 3200.

120-121

3210-njy mazardan tapylan «Biri-birine garşy duran ganatly ýolbarslar» mozaika kompozisiýasynyň grafiki rekonstruksiýasy we onuň arassalanylyşy.

Графическая реконструкция мозаичной композиции «Противоборствующие крылатые львы» из гробницы 3210 и ее расчистка.

Graphic reconstruction of the mosaic composition of "Winged lions fighting each other" from tomb 3210 and its clearing.

ýygy-ýygydan ulanylypdyr. Ýylan görnüşli personažlar goňşy Baktriýada hem giňden ýaýrapdyr we bu gadymy ýurduň amaly-haşam sungatynda köp duş gelýär. Marguşda mozaikalaryň üsti polihrom nakgaşlygy bilen ýetirilýär. Şeýle çeperçilik usulyna ilkinji gezek diýen ýaly Merkezi Aziýanyň gadymy sungatynda bellige alyndy. Bir zady anyk aýtmak bolar: Goňruň ýygyny mozaikasy Gadymy Gündogaryň şekillendiriş sungatynyň taryhynda oň mälüm bolmadyk täze sahypany açýar.

Baktriýa-marguş sfragistikasynda we gliptikasynda ýylan aždahalar we ganatly, dört aýakly, sakgally ýekeşahlylar meşhur bolupdyr. Olar Baktriýanyň mozaikaly pannolarında we örän täsin kümüş möhürleriniň birinde suratlandyrylypdyr (127-nji surat). 3210-njy patyşa mazaryndaky mozaika şekilleriniň temasy we obrazlary, gürrüňsiz, Alynky Aziýa sungatyna degişlidir. Şahly we sakgally şeýle ýylan aždahalar Baktriýanyň daş gutujyklarynyň hem birnäçesini bezeýär. Şunuň bilen baglylykda Baktriýada tapylan, häzir bolsa Nýu-Ýorkuň Metropoliten – muzeýinde saklanylýan, kümüşden ýasalan we altyn çayylan, dabarlarda ulanylýan palta uly gzyklanma döredýär. Şol palta ýekegapan we ganatly mahluk bilen göreşýän iki sany bürgüt kelleli, ganatly adam görnüşinde ýasalypdyr

(128-nji surat). Elam ýurdy şeýle baktriýa-marguş we mesopotamiýa hyýaly mahluklaryň arasyndaky ortalyk nokady bolup durýar. Şahly we sakgally mahlugyň kellesi görnüşinde ýasalan, dabarlarda ulanylýan paltanyň onuň çäginde tapylmagy hem muňa şaýatlyk edýär. Ähli deliller sakgally ýekeşahlylaryň Elam stiline degişlidigini görkezýär. Baktriýada we Marguşda olar gaýtadan işlenilen görnüşinde, köp halatlarda sakgally we şahly ýylan aždahalaryň keşbinde ýaýrapdyr.

3210-njy mazardan tapylan diwar mozaikalarynyň arasynda ganatlaryny gerip duran, ýöne hemişe kellesiz bürgütleriň mozaika şekilleri tapawutlanýar. Babyryň gipsden ýasalan iki sany kellesiniň tapylmagy hem mozaika sungatynyň giňden ýaýrandygyna şaýatlyk edýär (129-130-njy suratlar).

Umuman, Goňruň mozaikalaryny taýýarlamak üçin mazarlaryň diwarlaryna ýelimleýji serişde çalnypdyr. Soňra onuň ýüzüne oňden

122-123

3210-njy mazardan tapylan «Çarçuwajyga salnan ganatly ýolbars» mozaikaly kompozisiýasy arassalanylýan mahalynda we onuň grafiki rekonstruksiýasy.

Мозаичная композиция «Крылатый лев в картуше» из гробницы 3210 в процессе расчистки и ее графическая реконструкция.

Mosaic composition of a "Winged lion in cartouche" from tomb 3210 in process of clearing and its graphic reconstruction.

124

3235-nji mazardan tapylan «Yrtyjynyň kellesi» mermer bölegi.

Мраморная вставка «Голова хищника» из гробницы 3235.

Marble insertion of the "Predator's head" from tomb 3235.

125

3210-nji mazardan tapylan «Geçini yuwudýan aźdarha» mozaikaly kompozisiýasynyň saklanyp galan bölegi.

Сохранившийся фрагмент мозаичной композиции «Змеиный дракон, пожирающий козла».

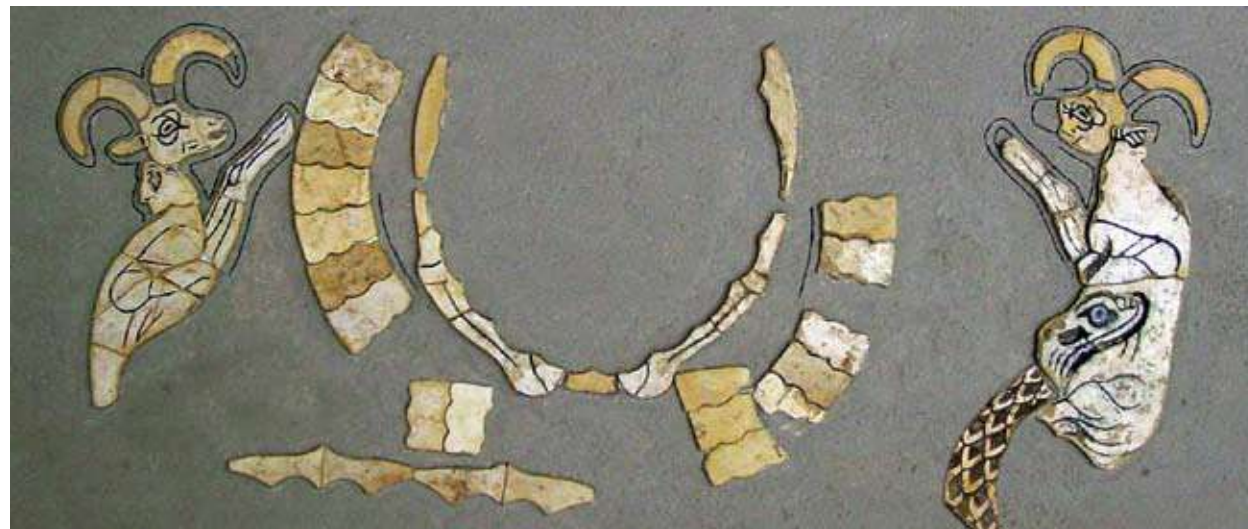
An extant fragment of the mosaic composition of a "Snake-like dragon devouring a goat" from tomb 3210.

taýýar edilip goýlan dürli şekilli mozaika plastinkalary berkidilipdir. Beýleki bir tarapdan, has ýuka we çylşyrymly kompozisiýalaryň ýüzüne kleý çalnan agaç plitkalarda jemlenendigini, soňra bolsa mazaryň diwarlaryna berkidilendigini çaklamak bolar. Mysal üçin, 3220-nji mazardan, dürli çuňlukda pipala diýen hindi ösümliginiň ýürejik görnüşündäki yapraklaryndan taýýarlanan birmeňzeş mozaika kompozisiýalary tapyldy. Yapraklaryň köpüsiniň ölçegi 5×6 santimetre deň bolupdyr. Olar bir hatara ýerleşdirilipdir (131-nji surat). Yürejekleriň merkezi bölegi açyk gyzyl reňk bilen reňklenipdir. Fragmentleriň iň uzyny 50 santimetr bolupdyr. Mozaika bölekleriniň köpüsiniň arka ýüzünde suwagyň gatap galan yzlary galyppdyr. Käbir ýerlerde mozaikanyň arasynda ownujak agaç bölejikleri saklanyp galyppdyr. Olar mozaikalary taýýarlamagyň prosesini gaýtadan dikeltmäge mümkinçilik berdi. Görnüşi ýaly, agaç esasa berkidiji suwag çalynypdyr, oňa öňden kesilip taýýar edilip

goýlan ýaprajyklary ýelmeşdirilipdir. Soňra mozaika reňklenipdir we jaýlaryň diwarlaryna berkidilipdir.

3220-nji mazarda jaýlanan erkek kişiniň jesediniň üstünde iki sany kerpiçde duran 1.0×0,6×0,6 metr ölçegli uly agaç sandyjak (ýa-da guty, peşgeş saklanýlan) mozaikalaryň agaç esasyda berkidilip we agaç zatlaryň bezegi bolup biljekdigine şaýatlyk edýär. Sandyjagyň düýbi we gyraňly diwarlary hem pipalanyň ýapragy görnüşli kompozisiýalar bilen bezelipdir. 3230-njy mazarda jaýlanan zenanyň üstünde goýlan peşgeş saklanýlanyň düýbi we gyraňly diwarlary iç tarapyndan haly nagyşlary bilen bezelipdir (132-nji surat). Şol mazarda diwar bezegleri saklanyp galmandyr. Megerem, mazar ogrular tarapyndan birnäçe gezek talanandyr. Yöne bize olaryň guşuň (sülgüniň?) kellesi görnüşündäki bölekleri (133-nji surat), agzalyp geçilen grifonlaryň we ýylanlaryň kelleleriniň bölekleri, daglary ýatladýan üç bölekli detallaryň göwrümlü fragmenti gelip ýetipdir.

Ak daşdan we gipsden edilen dürli görnüşli mozaika düzümleri 3235-nji mazardaky kompozisiýalary düzüpdir. Agzyny açyp duran aźdarhanyň mermer kellesi, ýylanyň kellesiniň ýokary bölegi, nagyşlary boýunça şumer eşiklerine meňzeş süžetleriň bölekleri – bularyň ählisi mazaryň merhum jaýlanylanda onuň ýanynda goýulýan zatlaryň saklanýan otagynyň oňat bezelendigine şaýatlyk edýär.

Şol «merhumlar öýünde» uly bolmadyk agaç sandyjak tapyldy. Onuň toýun galyndylarynda mozaiki bezeg saklanyp galyppdyr. Şol bezeg mämişi reňkdäki, «böwrek» görnüşündäki nagyş elementlerinden ybarat bolupdyr. Olaryň arasynda ak gipsden ýasalan bölüjiler ýerleşdirilipdir. Goňşy jaýyň diwarlarynda hem şeýle nagyş lentalara duş gelindi (134-nji surat).

Goňur mozaikalarynyň özlerine adam şekillerini hem birleşdiren bolmagy mümkin (135-nji surat). Mysal üçin, patyşa gonamçylygynyň çäginde ýerleşen 3245-nji kameraly mazarda meşhur portretiň üsti açyldy. Şol portretde uly gara gözli zenanyň gapdaldan görnüşi suratlandyrylypdyr. Onuň golaýynda buýra saçlaryň burumy ýa-da gulakhalka şekillendirilipdir (136-nji surat). Bölekleyin saklanyp galan portretiň galan böleginde egninden aşak düşüp duran uzun gara saçlar, şeýle hem gyzyl reňkdäki lybaslaryň eplemleri şekillendirilene meňzeýär.

Mozaikaly pannolar düzülende köp dürli galyplaryň ulanylandygyny tekzalamaga doly esas bar. Goňruň gonamçylygyndaky daş haşamlaýy ussanyň mazarynda faýans galyplaryň ýa-da taýýar ölçegleriň tapylmagy munuň subutnamasydyr (137-nji surat). Mundan başga-da, käbir mozaika düzümleriniň arka ýüzünde, aýratyn hem çylşyrymly – süžet kompozisiýalarynda (mysal üçin, ganatly grifonlaryň, ýylanlaryň we beýlekileriň) ýörite aňlatmalar – tegelejikler, çyzyklar, «ýürejekler» bolupdyr. Bularyň ählisi ussalara mozaikalary öz ýerinde tertiplije ýerleşdirmäge ýardam eden bolmagy mümkin. Şeýlelikde, Goňruň patyşa gonamçylygynda geçirilen gazuw-agtaryş işleri gadymy marguşlylaryň sungatynyň nä derejede ösendigini görkezdi. Nakgaşlyk elementleri bolan şeýle köp dürli mozaikalary entek şu wagta çenli ýadygärlikleriň ýekejesinde-de, şol sanda dünýä medeniýetiniň gadymy ojalary bolan Mesopotamiýada we Müsürde hem tapmak başartmandy.

126

3210-nji mazardan tapylan merkezi mozaikaly kompozisiýasynyň saklanyp galan bölegi (gaýtadan dikeldilen) we 3235-nji mazardan tapylan mermer mozaikalaly bezeg.

Сохранившийся фрагмент центральной мозаичной композиции из гробницы 3210 (реконструкция) и мраморные мозаичные вставки из гробницы 3235.

An extant fragment of the central mosaic composition from tomb 3210 (reconstruction) and marble mosaic insertions from tomb 3235.

Каменные мозаики Маргианы

В КОНЦЕ 90-х годов во время раскопок дворца Северного Гонура в некоторых помещениях нам попадались небольшие мозаичные гипсовые вставки. Еще раньше в ряде камерных могил некрополя Гонура были найдены футляры для хранения зеркал, других ценных вещей, снаружи украшенные геометрическими мозаиками. Все это говорило о том, что маргушцам были знакомы приемы мозаичных декораций. И в этом не было чего-то необычного, ведь в Месопотамии мозаики делали уже в IV тысячелетии до н.э. Они представляли собой искусные геометрические вставки из полудрагоценных камней, оформлявшие детали изделий или построек. Их использование продолжалось там на протяжении всего II тысячелетия до н.э. Они украшали фасады многих монументальных зданий в междуречье Тигра и Евфрата. Особенно популярной стенная мозаика стала в раннединастический период. Эта техника продолжала применяться и позднее (мозаика в Кише). Судя по всему, именно к этому периоду относится и настенная мозаика Гонура, однако прямых аналогий маргушским композициям в Месопотамии не обнаружено.

При раскопках первой же царской гробницы Северного Гонура увидели свет каменные мозаичные вставки, которые буквально высыпались из песчаного заполнения, накопившегося за прошедшие столетия в разграбленной гробнице, которая получила очередную номер 3200. Кроме треугольников, квадратов или кругов, составные элементы рассыпавшихся мозаик имели форму и завитков, и сложных фигур. Стало совершенно ясно, что некогда они составляли великолепные орнаментальные композиции, которые стали для исследователей настоящим ребусом (*Илл. 117*). В подтверждение наших догадок на одной из стен был обнаружен сохранившийся на своем первоначальном месте небольшой мозаичный фрагмент. Поверхность стены была тщательно оштукатурена, и прямо к ней с помощью какого-то клеящего вещества красного цвета было прикреплено несколько вставок, образовавших часть круга с завитком (*Илл. 118*). Во дворе этой же гробницы обнаружилась гипсовая вставка, изображавшая голову кабана, на которой черной краской были прорисованы мелкие детали морды (*Илл. 119*).

Раскопки других царских погребений, особенно 3210, дали совершенно фантастические материалы, показавшие высочайший уровень мастерства древних гонурцев. В этой гробнице, на высоте около 1,5 м над полом находились сложные художественные композиции. Прежде всего, это фриз длиной 86 см, изображающий чередующиеся пары крылатых львов в противоборствующей позиции с вздыбленными загривками и оскаленными зубастыми пастьми (*Илл. 120-121*). У каждого монстра - рог на носу и борода. Было найдено и более крупное, включенное в картуш, изображение такого же крылатого льва с задранной на спину хвостом, также с рогом на носу и заостренной, извивающейся бородкой (*Илл. 122-123*). Фан-

тастическое животное опирается на мощные мускулистые ноги. Вся его фигура полна внутренней динамики и экспрессии. Отдельные головы таких существ были найдены и в гробнице 3235. Одна из них – самая крупная – сделана из белого мрамора (*Илл. 124*).

Среди сохранившихся в гробнице 3210 мозаичных фризов есть змеи, пожирающие рогатых антилоп (*Илл. 125*). Видимо, схожие композиции были и на стенах гробниц 3230 и 3235, но до нас, увы, дошли лишь отдельные их детали (*Илл. 126*). Изображения таких же чудищ были широко распространены в Бактрии и особенно в Эламе, составляя особый эламо-бактрийский стиль в местной демонологии. Подобные змеиные драконы с тонкой бородкой и изогнутым рогом часто представлены на каменных, преимущественно стеатитовых, изделиях Бактрии и Маргианы, близко напоминая авестийского Срвара – рогатого дракона из древних мифов. Четвероногие драконы Бактрии и Маргианы имеют черты льва и змеи, причем нередко их шеи покрыты чешуей, близко соответствуя месопотамским аналогам аккадского времени (III-II тысячелетия до н.э.). Профессор из Франции М.Потье, уделившая большое внимание исследованию подобных драконов, утверждает: не может быть никакого сомнения в том, что влияние этой иконографической манеры шло из Месопотамии в направлении Центральной Азии.

Судя по всему, тема ящеров, пожирающих травоядных животных, была весьма популярна у местных племен и часто использовалась в творчестве маргушских мастеров. Змееподобные персонажи были не менее широко распространены в соседней Бактрии и часто встречаются в прикладном искусстве этой древней страны. Показательно, что в Маргиане мозаики часто дополняются полихромной живописью. Такой художественный прием едва ли не впервые засвидетельствован в древнейшем искусстве Центральной Азии. Очевидно одно: наборная мозаика Гонура открывает новую, ранее неизвестную страницу в истории изобразительного искусства Древнего Востока.

В бактрийско-маргианской сфрагистике и глиптике были особенно популярны змеиные драконы и гораздо реже - крылатые четвероногие единороги с бородкой, представленные на мозаичных панно и на одной уникальной серебряной печати из Бактрии (*Илл. 127*). Темы и образы мозаичных изображений царской гробницы 3210 явно переднеазиатские. Скорее всего, они являются местной переработкой привнесенного месопотамского образа. Такие же фантастические змеиные драконы с рогом и бородкой украшают поверхность нескольких бактрийских каменных шкатулок. В этой связи большой интерес вызывает и серебряный с позолотой церемониальный топор из Бактрии, ныне хранящийся в Метрополитен-музее Нью-Йорка, отлитый в виде крылатого человека с двумя орлиными головами, борющегося с кабаном и крылатым чудищем, также снабженного бородкой (*Илл. 128*). Промежуточный пункт между такими бактрийско-маргианскими и месопотамскими фантастическими существами - это страна Элам, свидетельством чего является найденный на ее территории церемониальный топор в виде головы чудища с рогом и бородкой. Все указывает на то, что бородатые единороги представляют собой эламский стиль. В Бактрии и Маргиане они распро-

127-128

Baktriýadan tapylan kümüş möhürde we dabaralarda ulanylýan paltada şekillendirilen sakgally ýekeşah.

Единорог с бородкой на серебряной печати и церемониальном топорике из Бактрии.

Bearded unicorn on a silver seal and a ceremonial axe from Bactria.

129-130

3210-njy mazardan tapylan «Bürgütler geraldik görnüşde» mozaikaly kompozisiýasy (gaýtadan dikeldilen) we babyryň kellesi görnüşindäki mozaikanyň bölegi.

Мозаичная композиция «Орлы в геральдической позе» из гробницы 3210 (реконструкция) и деталь мозаики в виде головы пантеры.

Mosaic composition of "Eagles in heraldic poses" from tomb 3210 (reconstruction) and a mosaic detail in the form of a panther's head.

странились в переработанном виде, чаще всего в образах змеиных драконов, но обязательно с бородкой и рогом.

Среди найденных в гробнице 3210 настенных сюжетных мозаик выделяются мозаичные изображения орлов в геральдической позе с широко распростертыми крыльями, но всегда без голов, которые, видимо, были сделаны в рельефе и выступали за гладь стены, а поэтому легко могли быть сбиты все теми же грабителями. О широком спектре мозаичного искусства свидетельствует и находка двух крупных гипсовых голов пантер, тела которых не сохранились (Илл.129-130).

В целом же мозаики Гонура выполнены методом прямого набора, для чего прямо на стены гробниц наносился слой клеящего вещества, на который затем прикреплялись заранее вырезанные фигурные мозаичные пластины. С другой стороны, можно допустить, что наиболее тонкие и сложные композиции компоновались на деревянных, обмазанных клеем плитках-дощечках, которые затем крепились на стенах гробниц. Так, в земле, заполнившей за прошедшие четыре тысячи лет весь внутренний объем гробницы 3220, на разной глубине были найдены однотипные мозаичные композиции листьев индийского растения пипала, напоминающих по форме сердечки. Большинство листьев имело размер 5×6 см. Они располагались в один ряд, чередуясь то вниз, то вверх острым концом (Илл.131). Центральная часть сердечек окрашена в ярко красный цвет, сама мозаичная гипсовая вставка была белой, а ее контур снаружи обведен черной краской. Самая большая длина фрагментов составляла 50 см. Характерно, что часть фрагментов лежала лицом вверх, другая – вниз. С тыльной стороны на большинстве сердец имелся твердый раствор, которым они крепились к основе. В некоторых местах между мозаикой сохранились мелкие фрагменты дерева, которые позволили реконструировать процесс ее изготовления. По-видимому, на

131-132

3220-njy mazardan tapylan pipala ösümliginiň yapraklary görnüşindäki mozaikaly kompozisiýanyň böllekleri we 3230-njy mazardan tapylan halynyň göllerini yatladýan mozaika (gapdaldaky diwar).

Фрагменты мозаичной композиции в виде листьев пипала, расположенных в один ряд, в гробнице 3220 и мозаика, напоминающая ковровый орнамент в гробнице 3230 (боковая стенка).

Fragments of a mosaic composition in the form of pipala leaves arranged in a row in tomb 3220 and a mosaic resembling a carpet pattern in tomb 3230 (a sidewall).

деревянную основу наносился слой вяжущего раствора, в который вдавливались предварительно вырезанные из гипса контуры листьев. Затем мозаика раскрашивалась и крепилась на стенах помещений.

О том, что мозаики могли крепиться на деревянной основе и быть украшением деревянных вещей, свидетельствует большой деревянный ларец (или короб, дарохранительница) размером 1,0×0,6×0,6 м, стоявший на двух кирпичях над телом погребенного в гробнице 3220 мужчины. Дно и торцовые стенки ларца были также украшены композициями из листьев пипалы, только немного более крупных (7×8 см). В дарохранительнице, установленной над женщиной, погребенной в гробнице 3230, дно изнутри и торцовые стены снаружи украшал ковровый узор (Илл.132). Настенный декор в этой гробнице не сохранился, видимо, из-за нескольких варварских ограблений. Но до нас все же дошли их элементы в виде головы птицы (фазана?) (Илл.133), упоминавшихся фрагментов голов грифонов и змеи, объемного фрагмента тела змеи и трехчастных деталей, напоминающих горы.

Самые разнообразные мозаичные вставки, сделанные из белого камня и гипса, составляли утерянные ныне композиции в гробнице 3235. Пышные, огромного размера крылья, упоминавшаяся выше великолепная мраморная голова дракона с разинутой пастью, верхняя часть головы змеи, также из мрамора, фрагменты каких-то сюжетов, схожие по орнаментации с шумерийскими одеждами типа «каунакес», – все это свидетельствует о впечатляющем убранстве комнаты для хранения погребальных приношений гробницы.

133-134

3230-njy mazardan tapylan «Sülgüniň kellesi» mozaikaly bezeg we 3235-nji mazardan tapylan mozaikaly kompozisiýalaryň hakyky nusgalary boýunça gaýtadan dikeldilen böllekler.

Мозаичная вставка «Голова фазана» из гробницы 3230 и фрагменты восстановленных по оригинальным образцам мозаичных композиций из гробницы 3235.

Mosaic insertion of a "Pheasant's head" from tomb 3230 and fragments of mosaic compositions restored after the original models from tomb 3235.

135
3235-nji mazardan
tapylan «Gözler»
moziakaly bezegi.

Мозаичные
вставки «глаза»
из гробницы 3235.

Mosaic insertions
of "eyes" from tomb
3235.

В этом же «доме мертвых» был раскопан небольшой, видимо, некогда деревянный ларчик, глиняные останки которого по боковым ребрам и посередине всех стенок сохранили мозаичное украшение, составленное из розовых орнаментальных элементов типа «почек», между которыми помещены белые гипсовые разделители. Снаружи «почки» взяты в гипсовую рамку, повторяющую их форму. Такого же типа орнаментальные ленты встречены на стенах этого же и соседнего помещений (Илл. 134).

Видимо, гонурские мозаики включали также изображения людей (Илл. 135). Так, в камерной могиле 3245, устроенной на территории царского некрополя, был расчищен замечательный портрет: характерный женский профиль с большими черными глазами, сильно выступающим, горбатым носом с подчеркнутым ухом, рядом с которым изображен либо завиток волнистых волос, либо серьга (Илл. 136). Остальная часть фрагментарно сохранившегося портрета воспроизводила, видимо, длинные черные, волнами спускающиеся ниже плеч волосы, а также

ниспадающие складки красных одежд. Есть все основания считать, что при составлении мозаичных панно использовались разнообразные шаблоны, доказательством чего является обнаружение таких фаянсовых шаблонов или лекал в могиле мастера-камнереза на некрополе Гонура (Илл. 137). Кроме того, на обратной стороне некоторых мозаичных вставок, особенно сложносюжетных композиций (например, крылатых грифонов, змей и др.), имелись специальные обозначения – кружочки, черточки, сердечки, которые, очевидно, отмечали вставки, относящиеся к одной композиции и, будучи изготовлены заранее, облегчали мастеру составление их на месте.

Таким образом, раскопки царского некрополя Гонура показали, сколь развито было искусство древних маргушцев. Таких разнообразных мозаик с элементами живописи до сих пор еще не удавалось найти ни на одном памятнике, в том числе и в таких старых очагах мировой культуры, как Месопотамия и Египет.

Chapter 9 The Stone Mosaics of Margiana

OVER ten years ago small mosaic gypsum inlays were found during the excavations in some rooms of the North Gonur palace. Boxes for mirrors and other valuable items were decorated on the outside with mosaic geometrical designs and were excavated in some chamber graves of the Gonur necropolis. These finds testify that Margush tribes were familiar with mosaic technique. This is not something strange since the mosaic technique was known in Mesopotamia as early as the fourth mil.B.C. It was represented in skillful geometrical inlays of semi-precious stones that decorated details of objects or buildings. This technique was used during the entire second mil.B.C. They were mainly used for decoration of facades of important monumental buildings. The wall mosaics (often compositional) became especially popular in the early dynastic period and lasted still later (mosaics in Kish). Presumably the wall mosaics of Gonur also belonged to this period but we find no direct analogies between the subject mosaics of Gonur and Mesopotamia.

The first tomb excavated at the royal necropolis of North Gonur under No 3200 yielded hundreds of triangles, squares and circles accumulated in the plundered tomb during past centuries. Gypsum inlays also took the forms of scrolls and other complex figures. No doubt in the past they made up beautiful ornamental compositions that we can now only imagine. As support for such a supposition, in room No 4 was found a small mosaic component preserved in its original place. The wall surface was carefully cleaned and right on it several inlays that formed part of a circle with a volute were glued with a special red glue (Fig. 118). In the «yard» of the same grave was found a gypsum inlay that showed a wolf's head with small details painted with black paint (Fig. 119).

The excavations of other royal tombs, especially No 3210, revealed absolutely fantastic material that demonstrated a very high level of craftsmanship of the Gonur artists. In the «yard» of this tomb at the height of 1,5 m above the floor level complex mosaic compositions were found. First to be mentioned is an 86 cm long frieze that depicted alternating pairs of winged lions presumably in fighting position with raised hackles and bared teeth (Figs 120, 121). They had a horn on the nose and a beard. A larger winged lion was also found with its tail on its back, a horn on the nose and a sharply curled beard on the lower jaw (Figs 122, 123). This fantastic beast stood on strong muscular legs. Its entire figure shows inner dynamism and expression. Single heads of these fantastic animals were also found in the tomb No 3235. The largest of them was made of white marble (Fig. 124). Mosaic friezes preserved

in the tomb No 3210 portray predators (as, for example, snakes) that were devouring peaceful herbivorous horned antelopes (**Fig. 125**). We can only guess that the walls of the tombs No 3230 and 3235 were also decorated in the same way, but only separate fragments have been preserved unfortunately (**Fig. 126**).

Similar beasts in the shape of snakes were widespread in Bactria and especially in Elam and represented a special Elam-Bactrian style in the local science of demons. Analogous snake beasts with thin beards and curved horns are often represented on stone, mainly steatite, artifacts of Bactria and Margiana and closely resemble Srvara from the Avesta - a horned dragon of ancient Iranian mythology. The four-legged dragons of Bactria and Margiana have the features of a lion or snake and quite often their necks are decorated with scales (see the silver seal from the Gonur necropolis) which according to M.Pottier make them closely correspond to the Mesopotamian subjects of the Akkadian period (third-second mil.B.C.). This scientist who studied the subject of such dragons very closely writes: «According to my opinion there is no doubt that this iconography spread from Mesopotamia in the direction of Central Asia».

The subject of snake dragons devouring sheep seems to be popular among the local tribes and Margush artists often used it in their work. The snake images were no less popular in neighbouring Bactria; the applied art of this country clearly demonstrates this fact. Remarkably, in Margiana the mosaics were often supplemented by polychrome paintings. This seems to be the first case in which such a combination was recorded in the ancient art of Central Asia. One may say that this type of mosaic opens a new page in the history of the art of the Ancient East.

Thus, in Bactria and Margiana there were at least two types of dragons portrayed: snakes and four-legged animals always with a horn on the nose and a beard. Of those the most popular in the Bactria and Margiana glyptics were snake dragons and much more seldom winged four-legged animals with a beard and a horn, represented on mosaic panels and on a unique silver seal from Bactria (**Fig. 127**).

The mosaic subjects and images from the royal tomb No 3210 had a clear Near Eastern origin and were brought to Margiana and Bactria by migrating tribes. Absolutely the same fantastic four-legged creatures with horns and beards were well known from the sphragistics and glyptics. At the same time such snake dragons were more popular in Bactria, this can be explained by the local interpretation of the imported Mesopotamian subject. It could be that some animals were replaced by the snakes that were so widely represented in the local fauna.

Similar fantastic snake dragons with a horn and beard sometimes decorated the surface of stone boxes. In this connection very representative is a silver gilded ceremonial axe from Bactria, now exhibited in the Metropolitan Museum (**Fig. 128**). It was cast in the form of a winged

man with two eagle heads that fights a bore and a fantastic winged beast with a head decorated with a beard. Between these Bactria-Margiana and Mesopotamian fantastic beasts Elam serves as an intermediate point; a ceremonial axe in the shape of a beast's head with a horn and beard speaks in favour of such a statement. One may say that monsters with a horn on the nose and a beard on the lower jaw represent the Elam style. In the monuments of the BMAC they were interpreted according to the local conditions and assumed the image of snake dragons but always with a horn and beard.

Among the wall compositional mosaics in the tomb No 3210, special attention is directed to mosaic images of eagles in the heraldic pose with widespread wings and always headless. One may suggest that they were made in relief and in this case the robbers could have easily knocked the heads off without even noticing (**Fig. 129**). The subjects of mosaic panels seem to be very diverse, as shown by the finding of two large gypsum heads of panthers whose bodies were not preserved (**Fig. 130**).

The mosaics under discussion were made by the method of «direct composition» wherein a glue layer was plastered right on the wall and then the ready-made figured mosaic pieces were fixed on the wall. This supposition is supported by separate figured gypsum pieces that were fixed right on the walls and were found before the time of excavations. But one can suggest another method as well, wherein the finest complex compositions were first assembled on wooden panels covered with glue and then fixed on the tomb's walls.

Thus at different levels of the earth that during the past 4000 years has filled up the entire volume of the grave No 3220 there were mosaic compositions of the leaves of the Indian plant «pipala» that resemble the form of a heart. The size of most leaves was 5×6cm. They were placed in one row with an alternating sharp end (**Fig. 131**). The mosaic gypsum inlay was white while the central part of hearts was bright red and the outlines of hearts were painted black. The longest fragment was 50 cm. Remarkably, some fragments faced up and some down. On the back of most hearts there were traces of a hard solution used for fixing them. Rare small wooden fragments between the mosaic pieces helped in reconstructing the method of their production. It seems that

136
3245-nji mazardan
tapylan moziakaly
portret bezegi.

Мозаичная
портретная
вставка из
робницы 3245.

Mosaic portrait
insertion
from tomb 3245.

137
3235-nji mazardan
tapylan moziakanyň
bólekleri.

Детали мозаики
из гробницы 3235.

Mosaic details
from tomb 3235.

first the wooden panel was plastered with some kind of glue and then the gypsum leaves made before-hand were fixed upon it. After that the mosaic was painted and fixed on the walls.

The same method of fixing mosaics can be traced in tomb No 3220. Here on top of two bricks over the skeleton of a man a large wooden «box» (or a «box for keeping gifts») was placed, with dimensions of 1.0×0.6×0.6 m. The bottom as well the side walls of the box were decorated with compositions of the «pipala» leaves, analogous to those found in the room No 1, only the leaves were a bit larger (7×8 cm).

The inside bottom and the outside walls of the «box for keeping gifts» that was placed over the woman buried in the tomb No 3230

were decorated with a carpet design (**Fig.132**). Probably, as a result of numerous robberies no wall decorations have been preserved in this tomb. We have only some fragments of these decorations in the form of a pheasant's head (**Fig.133**), fragments of griffins and snake heads mentioned above, a volumetric body of a snake, and fragments that resemble mountains.

In the room No 3 of the tomb No 3235 various mosaic inlays of white stone and gypsum serve as evidence of a composition that unfortunately has not survived to the present. Only the excavated fragments testify to the impressive decoration of this room which was once used for keeping funeral gifts in the given tomb. The fragments portray large fluffy wings, a beautiful marble head of a dragon with open jaws, mentioned above; an upper part of a snake's head also of marble, and pieces of objects whose ornamentation resembles Shumerian dresses of a «kaunakes» type.

A small probably once wooden «box» that has preserved on its side ribs and in the middle of each wall mosaic decoration of rose ornamental elements of a «bud» type with gypsum dividers between them was found in room No 1 of the same «house of the dead». The «buds» are outlined with a gypsum frame of the same shape. The same type of ornamental bands were found on the walls of this and neighbouring chambers (**Fig.134**).

We may believe that human images were also represented in the mosaic art (**Fig.135**). A beautiful portrait was excavated in the chamber tomb No 3245 of the royal necropolis. It showed probably a characteristic female profile with large black eyes, a strongly protruding hooked nose, as well as an impressive ear with either a curl or an ear-ring (**Fig.136**). From the other preserved small fragments we may suggest that the portrait had long curly black hair and folds of a red dress.

The «faience» moulds or patterns found in the tomb of a stone carver at the Gonur necropolis (**Fig.137**) may suggest that they could have been used for the assembling of mosaic panels. Various special signs on the back of mosaic inlays in the form of circles, lines, «hearts» for complex subject compositions (for example, winged griffins, snakes and so on) were probably made ready for the easier assembling of mosaic panels.

The excavations of the royal necropolis of Gonur proved the high level of art in ancient Margush. Until the present day none of the monuments including those in the recognized centers of world civilization as Mesopotamia and Egypt can boast such types and varieties of mosaic with elements of painting.

X bap Merhumy jaýlamak döp-dessurlary

138
3729-njy mazar.

Шахтная
(подбойная)
могила 3729.

Shaft (alcove) tomb
3729.

GOŇURDAKY patyşa gonamçylygy barada gürrüň gidende, gadymy marguşlylaryň merhumy jaýlamak döp-dessurlaryna üns bermän bolmaz. Demirgazyk Goňruň günbatarynda 300-350 metrlikde ýerleşýän uly gonamçylykda geçirilen gazuw-agtaryş işleriniň netijesinde olary barlamak mümkinçiligi döredi. Gonamçylyk 10 gektara golaý territoriýada ýerleşipdir. Öz döwri üçin (biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýyllygyň ahyry – II müňýyllyk) Merkezi Aziýada we iň uly gazuw-agtaryş işleri geçirilen gonamçylykdyr. Onda 2853 gubur ýüze çykarylady. Goňurdaky gonamçylykda geçirilen gazuw-agtaryş işleriniň netijeleri eýýam çap edildi. Eger-de Ligabuýe (Wenesiýa, Italiýa), ylmy-barlag merkezi tarapyndan şu gonamçylykda, şol sanda häzirkä zaman suwaryş kanalynyň hanasy çekilende berbat edilen guburlary goşmak bilen geçirilen gazuw-agtaryş işlerini hasaba alsaň, onda guburlaryň sany üç müňe ýetýär.

Gazuw-agtaryş işleriniň görkeziji ýaly, Goňruň merhumy jaýlamak bilen baglanyşykly desgalarynyň gömüşleri örän dürli-dürli bolupdyr. Marguşlylaryň köpüsi (85,1 göterimi) şahtaly guburlara jaýlanypdyr. Olar dikligine gazylan gönüburçly, iň aşagynda gapdallaýyn köwekli çukur görnüşinde bolupdyr. Şahtaly guburlarda-da, beýleki görnüşli guburlarda hem merhumlary epilen ýagdaýda, sag egnine ýatyrylyp, kellesi demirgazyk (seýrek halatlarda – demirgazyk-günbatar) tarapa goýlup jaýlanypdyr (**138-139-njy suratlar**). Soňra gapdal köwegiň agzy palçykdan ýasalan kerpiçler bilen örülip, berk ýapylypdyr, skeletiň özi bolsa içi boş kamerada galypdyr.

Şahtaly guburlar bilen bir hatarda örän ýönekeý çukur guburlary atlandyrylýan guburlar hem (11 göterime golaý) bolupdyr (**140-njy surat**). Köplenç olaryň diwarlary deslapdan içinden ot ýakylyp, açyk gyzyl reňke çenli gyzdyrylypdyr we şeýlelikde, tutuş ýakylan gatlak emele gelipdir. Ol gatlak bolsa ýer bilen dargaýan jesediň arasyna çäk goýupdyr, «arassa topragy» hapalanmaktan gorapdyr. Şunuň ýaly «ot ýakylyp bişirilen guburlarda» köplenç girdenek, maýyp, şikesli adamlary jaýlapdyrlar we olarda hiç hili jaýlaýyş döp-dessurly gurban berilýän zatlar goýulmandyr.

Başgaça aýdylanda, «ot ýakylyp bişirilen guburlara» göz-görtele we göze ilmeýän fiziki kemçilikli, jesetleri çüýrän wagtynda «arassa topragy» hapalamagy mümkin bolan adamlary jaýlapdyrlar diýip aýtmaga ähli esaslar bar. Şeýle adamlaryň hataryna çagasy bolmaýan (ýa-da öli çagasy bolan) aýallaryň hem goşulan bolmagy mümkin. Şeýle bedibagtlary beýlekilerden aýratyn ýerde jaýlapdyrlar, çünki şeýle guburlaryň uly bölegi bir ýerde, gonamçylygyň iň çetinde ýerleşipdir.

Bu ägirt uly gonamçylykdaky merhumy jaýlamak döp-dessurly desgalaryň ýene bir görnüşi ýerüsti sistalardyr*, olaryň sany ähli guburlaryň 2,1 göterimine golaýdyr (**141-nji surat**). Olar bir gezekleýin (zygiderli däl) merhumy jaýlamak dessurlary üçin niýetlenipdir. Şahtalaýyn guburlar ýaly olaryň hem içi boş bolupdyr we ýerli marguş aristokratlaryna degişlidir. Muňa merhumy jaýlamak döp-dessurlary bilen baglanyşykly merhumyň ýanynda goýulýan gymmatly zatlar we gymmat bahaly metallardan – altyndan hem kümüşden ýasalan şahsy bezeg şaý-sepleri hem şaýatlyk edýär.

Iň soňky, kameraly mazarlar diýlip atlandyrylýan görnüş has-da seýrek duşýar we barlanyp görülen guburlaryň umumy sanynyň 1,9 göterimine barabardyr (**142-nji surat**). Olar ýerasty, gönüburçly, köplenç iç ýüzünden çig kerpiç bilen örtülen çukurdyr. Has sünnälenip ýasalan kameraly

* Sista (latynça sebet) – gubura ýerleşdirilen, içinde adam galyndylary bolan keramik ýaşık, şeýle hem daş plitalardan ýa-da çig kerpiçden merhumy jaýlamak üçin ýasalan kamera

139
3663-nji sistadaky
mazar.

Погребение
в цисте 3663.

Interment
in cist 3663.

mazarlaryň polunyň stollary we özboluşly ýatlyan ýerleri ýatladýan kerpiç düşegi bar. Adatça şunuň ýaly kameraly mazarlaryň ýüz tarapynda «gap-gaç şkaflaryna» meňzeş, käte gap-gaçlaryň tutuş toplumyna eýe bolan bölekler gurlupdyr.

Kameraly mazarlar özbaşdak örtüklü we içi boş göwürümlü bolupdyr. Gury (ýagny, palçyk ulanmazdan) çig kerpiçlerden örülen girelgesi bolanlygy sebäpli, olarda yzly-yzyna jaýlamak dessurlary amala aşyrylypdyr. Başgaça aýdylanda, täze ýogalan adam jaýlananda, öňki merhumyň süňkleri bir tarapa süýşürilip, onuň ýerine ýaňy ýogalanyň jesedi ýerleşdirilipdir. Mazarlaryň köpüsi bir kameraly, käbiri özara birleşdiriji geçelgesi bolan iki kameraly mazarlardyr. Üç kameraly mazarlar juda azdyr, olarda üçünji otag özboluşly eýwanyň roluny ýerine getirýär. Şu soňky görnüşler kameraly guburlaryň iň irki görnüşlerine degişli bolup, biz olara diňe patyşa gonamçylygynda duş geldik. Olaryň ýene bir tapawutly tarapy – kameraly mazarlaryň uzyn taraplarynyň, takmynan, ortasynda adatça iki kameraly öýüň modeli ýerleşipdir. Olarda seýrek

halatlarda külüň ýukajyk gatlagy, hatda kiçeňräk gap-gaçlar hem gabat gelyär. Umumy girelgedäki birinji jaýlar «merhumyň jaýlanýan kameralary», şol bir wagtyň özünde ikinji jaýlar merhumy jaýlamak bilen baglanyşykly gurbanlyklar üçin niýetlenipdir diýip aýtmaga doly tutaryk bar. Tutuşlygyna alnanda kamera mazarlary patyşa mazarlarynyň ýönekeýleşdirilen görnüşini ýatladypdyr, şeýle hem öýleriň, bir kameraly mazarlar barada aýdylanda bolsa, olar ýatak jaýlarynyň nusgasy bolup hyzmat edipdir.

Kameraly mazarlaryň ählisi diýen ýaly gadymy döwürlerde talanypdyr, ýöne olaryň ählisinde diýen ýaly altyn kagyzlaryň, kümüş zatlaryň we pil süňkleriniň bölekleri saklanyp galyndy, bu bolsa olaryň patyşa neberelerinden soň gelyän yerli aristokratiýa degişlidigine hiç hili şübhe goýmaýar. Bu yerde, aýdylyşy ýaly, «ikinci gezek» jaýlamak we süňkleriň organiki galyndylardan saplanandan soň jaýlamak hem amala aşyrylypdyr. Muňa gazuw-agtaryş işleri wagtynda mazarlarda skeletleriň hiç bir böleginiň tapylmandygy, diňe käte adamyň dişleriniň we «süňk bölejikleriniň» gabat gelendigi hem şaýatlyk edýär. Käbir ýagdaýlarda mazarlaryň poly şeýle bir süpürilip arassalanypdyr welin, diňe «süňk tozanlary» saklanyp galyndy. Awestada «ikilenç jaýlamak» wagtlaýyn «kata» guburlarynyň gurluşygy bilen baglanyşyklykda ýatlanýar. Merhumy jaýlamagyň şeýle görnüşleri bize heniz doly düşnükli bolmasa-da, olaryň gadymyýetde bolandygyna şübhelenmese bolar. Baktriýa-Margiana arheologiýa toplumynyň (BMAT) ýaýran ähli zolaklaryndan demirgazyk-günbatar Päkistandaky gonamçylyklaryna çenli ýüze çykarylan «ikilenç jaýlamak» tejribesi muňa şaýatlyk edýär. Ony italyan professory J.Tuçi ençeme ýyl mundan öň anyklapdy.

Merhumy jaýlamagyň ýatlanyp geçilen dört görnüşinden (şahtaly, çukurly, sistaly we kameraly mazarlar) başga-da, Goňurdaky gonamçylykda bölekleyin ýa-da, başgaça aýdanyňda, fraksion mazarlar (ähli gonamçylyk ulgamynda üçden köp bolmadyk) gabat gelindi. Olar yerde gazylan ýönekeý

çukurlyklar bolup, olarda uzyn süňkler ykjamlyk bilen ýerleşdirilipdir we üstünde kelleçanak süňki goýlupdyr. Merhumy şunuň ýaly jaýlanmagy jesetleriň deslapdan belentliklerde (dahma) goýulmak tejribesiniň hereket edendigine şaýatlyk edip biler. Şol belentliklerde maslykçy guşlar ýa-da ýörite öwredilen itler süňklerdäki etleri iýip ýok edipdirler.

Merhumy jaýlamagyň ýene bir görnüşü kenotafalar, ýagny adaty şahtaly mazarlardyr, olarda seýrek bolmadyk halatlarda merhumyň ýanynda jaýlanýan zatlar bolup, jesediň jaýlanandygynyň alamatlary duş gelmeýär. Bu bolsa dogduk yerinden uzaklarda ýogalan adamlaryň simwoliki jaýlanmak däbiniň bolandygyna şaýatlyk edýär.

Marguşlylaryň yeri-topragy çüýreyän jesediň hapalamagyndan gorap, ony päkize saklamak üçin uly tagallalary edendikleri baradaky fakt biziň temamyz üçin aýratyn gyzyklydyr. Bilşimiz ýaly, şahtaly, kameraly mazarlarda we sistalarda merhum elmydama boş giňişlikde ýerleşdirilipdir, olar diňe mazar çukurynyň düýbi bilen galtaşypdyr. Ol yere merhumyň garyndaşlary dürli hili düşekleri düşäpdiler, çäge yazypdyrlar, topragyň ýüzüne gips çalyndyrlar, dürli haýwanlaryň derilerini we şuna meňzeşleri ulanypdyrlar. Mundan başga-da, materik (ýagny topragyň adamlar tarapyndan el degridmedik gatlagy) Margianada her biriniň galyňlygy ýarym metre çenli bolan çägäniň we toýunyň çalyşýan gatlaklaryndan ybarat bolup, ol gadymy marguşlaryň ynanjyna görä, izolirleýji substansiýanyň roluny ýerine getiripdir. Bu babatda «içinde ot ýakyp gyzdyrylan» mazarlaryň orny has aýdyňdyr.

Merhumy jaýlamagyň Marguş ýurdunyň ilatynyň arasynda ýaýran görnüşleri barada aýdylanda, iki sany möhüm netijä gelmek bolýar. Olaryň birinjisi merhumy ikilenç jaýlamak dessuryna degişlidir. Onda merhumy jaýlamagyň awesta döp-dessuryna ýakynlygy görmek bolýar. Awestada merhumlary mazardan gazyp çykarmak barada gönüden-göni aýdylýar, bu bolsa Goňurdaky «ikilenç mazarlaryň» bolmagy bilen doly gabat gelyär. Örän gadymy dini taglymatyň päkizelemek ýaly döp-dessurlary şeýle aýdyň görnüşde dünýä arheologiýa tejribesinde ilkinji gezek gabat gelyär. Olaryň ählisini köphudaýlylyk dinine uýulýan Margianada ýüze çykarylandygy aýratyn bellärliliklidir. Soňra bu döp-dessurlar üýtgän görnüşde ilkinji dünýä dini bolan otparazlyk dininde hem ýüze çykypdyr.

Ikinci netije marguşlylaryň syýahat edýän ruh baradaky düşüncelerine degişlidir. Hindiarileriň merhumy jaýlamak döp-dessurlaryna görä, merhumyň ruhy o dünýä syýahat edýär, Gresiýada bolsa ýogalan adamyň mazarynda ruhuň syýahat edip bilmegi üçin aýakgap modelleri goýlupdyr. Gadymy döwürlerde şunuň ýaly ynanjyň örän giňden ýaýran bolmagy mümkin. Eýsem Daşly-3 ybadathanasynyň (Baktriýa, Demirgazyk Owganystan) harabalyklaryndaky ýarasy dargan mazarlaryň birinden arheologlar tarapyndan toýundan ýasalan we günde guradylan, uçlary ýokaryk çöwürülip duran orta aziýa «osilaryna» çalyň edýän aýakgabyň tapylmagy başgaça nähili düşündirip bolar? Bu köwüş nusgasy merhumyň ýanynda jaýlanýan adaty zatlar bilen bir yerde goýlupdyr we elbetde, simwoliki ähmiýete eýedir. Bize beýleki aýakgap nusgalaryny, ýöne indi eýýäm keramiki köwüşleri Demirgazyk Goňurdaky ýokarda ýerleşýän ýarasy ýumrulan mazarlaryň birinde we 14-nji gazylyp agtarmalaryň geçirilen yerinden tapmak başarty (143-nji surat). Göräýmäge, örän ýönekeý bu tapyndylaryň örän möhüm ylmy ähmiýeti bardyr we biziň eýýamymyzdan öň II asyrdak hindiar taýpalarynyň merhumy jaýlamak umumy döp-dessurlarynyň bolandygyna şaýatlyk edýär.

140

3388-nji çukur mazarly.

Погребение в ямной могиле 3388.

Interment in a pit grave 3388.

Глава десятая Погребальные ритуалы

141
2900-nji mazar.

Погребение
в цисте 2900.

Interment
in cist 2900.

ОПИСЫВАЯ царский некрополь Гонура, нельзя обойти вниманием погребальные ритуалы древних маргушцев. Их удалось исследовать благодаря раскопкам на большом некрополе, расположенном в 300-350 м к западу от Северного Гонура. Сам некрополь занимал территорию около 10 гектаров. Для своего времени (конец III-II тысячелетие до н.э.) он является самым большим раскопанным могильником в Центральной Азии, в котором было открыто 2853 могилы. Результаты раскопок некрополя Гонура уже опубликованы. Если учесть раскопки, проведенные на этом же некрополе Научно-исследовательским центром Лигабуе (Венеция, Италия), включая могилы, разрушенные в ходе прокладки русла современного ирригационного канала, то общее количество захоронений достигает трех тысяч.

Как показали раскопки, типы погребальных сооружений Гонура оказались очень разными. Большинство маргушцев (85,1%) были погребены в шахтных могилах, представляющих собой вертикальные прямоугольные ямы с боковым подбоем в самом низу. Как в шахтные, так и во все остальные типы могил тела умерших помещались уложенными в скорченном положении, на правом боку, головой на север (реже северо-запад) (*Илл. 138-139*). После этого вход в боковую яму наглухо закладывался глиняными кирпичами, так что сам скелет оставался в полной камере.

Наряду с шахтными могилами практиковались еще более простые, так называемые ямные могилы (около 11%) (*Илл. 140*). Их стенки зачастую были предварительно обожжены изнутри до ярко красного цвета и образовывали таким образом сплошную горелую корку, которая отделяла материковую землю от разлагающегося трупа и, таким образом, предохраняла «чистую стихию» земли от осквернения. Большинство таких обожженных могильных ям содержало скелеты карликов, различных калек, уродцев и не имело никаких погребальных приношений. Иначе говоря, есть все основания считать, что обожженные ямные могилы служили местом захоронения людей с явными или скрытыми физическими недостатками, возможно, к этой категории относили и нерожавших женщин (или, например, рожавших мертвых детей), плоть которых при разложении могла осквернить «чистую стихию» земли. Этим несчастным даже хоронили отдельно от всех остальных, ведь большая часть обожженных могил располагается в одном месте, на самой окраине некрополя.

Еще один тип погребальных сооружений этого огромного кладбища - наземные цисты*, которые составляют около 2,1% от общего количества могил (*Илл. 141*). Они рассчитаны на одноактный (а не последовательный) обряд захоронений. Подобно шахтным могилам, они были пустотелыми внутри и принадлежали местной маргушской аристократии, на что указывают относительно богатые погребальные приношения и личные украшения, включающие изделия из драгоценных металлов - золота и серебра.

Наконец, последний тип представляют собой так называемые камерные могилы, которые встречены еще реже - в 1,9% от общего количества вскрытых захоронений (*Илл. 142*). Это прямоугольные подземные котлованы, преимущественно облицованные изнутри сырцовыми кирпичами. Более тщательно устроенные камерные могилы имеют на полу кирпичные выстилки, имитирующие собой столы и своеобразные лежанки. Как правило, в торцовых стенах таких камерных могил устроены ниши наподобие посудных шкафов, иногда заставленные целыми сервизами.

Камерные могилы имели самостоятельные перекрытия и, соответственно, были пустотелыми. Благодаря наличию входа, заложенного сырцовыми кирпичами всухую (то есть без использования раствора), в них практиковался последовательный обряд захоронений, когда при погребении вновь умершего предшествующий костяк сдвигался в сторону и на его место помещался новый покойник. Большинство могил однокамерные, иногда - двухкамерные с общим между ними соединительным проходом. И совсем мало трехкамерных, где третьи комнаты выполняют роль своеобразных вестибюлей. Эти последние относятся к самому раннему типу камерных гробниц, встреченных нами только на царском некрополе.

Еще одна характерная особенность: примерно посередине одной из длинных сторон камерных могил обычно располагается модель двухкамерного очага, изредка имеющего тонкий слой золы и даже небольшие сосуды внутри него. Есть веские основания предпола-

* Циста (лат.: корзина) - керамический ящик с человеческими останками, помещенный в гробницу, а также составленная из каменных плит или сырцовых кирпичей камера для захоронения.

гать, что первые от общего входа помещения являлись погребальными камерами, в то время как вторые предназначались для погребальных приношений. В целом же камерные могилы представляли собой упрощенные варианты царских гробниц и также являлись моделями домов, а в случае однокамерных могил – спален.

Практически все камерные могилы были ограблены в древности, но почти все сохранили обрывки золотой фольги, фрагменты серебряных изделий и слоновой кости, не оставляя никаких сомнений в их принадлежности к местной аристократии – следую-

щей по родovitости за царской фамилией. Практиковались здесь и так называемые вторичные захоронения, и перезахоронения костяков после их очищения от органических останков. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в момент раскопок в большинстве гробниц не было никаких частей скелетов, а лишь так называемое костяное крошево, иногда с человеческими зубами. В ряде случаев полы гробниц выметены так, что сохранилась лишь «костяная пыль».

Вторичные захоронения упоминаются в Авесте в связи со строительством временных могил «ката». И хотя конкретные формы таких захоронений нам пока не совсем ясны, не приходится сомневаться в их реальном существовании в древности. Доказательством тому служит практика вторичных захоронений, засвидетельствованная во всей зоне распространения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), вплоть до некрополей Свата в Северо-Западном Пакистане, что уже много лет назад установил итальянский профессор Дж.Туччи.

Помимо четырех названных типов погребений (шахтные, ямные, цисты и камерные могилы) в некрополе Гонура в единичных случаях (не более трех захоронений в системе всего некрополя) встречены частичные или, иначе говоря, фракционные могилы. Они представляют собой простые, вырытые в земле ямки, куда аккуратно сложены длинные кости, поверх которых помещен череп. Наличие таких захоронений свидетельствует о практике предварительного выставления трупов на специальные, по всей вероятности, возвышенные места (дахма), где хищные птицы наподобие грифов или специально обученные собаки очищали кости от мягких тканей.

Наконец, еще один тип захоронений представлен так называемыми кенотафами, т.е. обычными шахтными могилами, нередко с погребальными приношениями, но без признаков погребения тела, что свидетельствует о символических захоронениях людей, умерших далеко от родных мест.

Для нашей темы исключительный интерес представляет тот факт, что маргушцы всеми силами стремились предохранить «чистую стихию» – землю от прямого соприкосновения с разлагающейся плотью. Вспомним, что в шахтных, камерных могилах и цистах покойники всегда находятся в пустоте, так что человеческие останки могли касаться земли только на дне могильной ямы, куда родственники умерших подкладывали различные изоляторы типа всевозможных подстилок, подсыпки из песка, промазки грунта слоем гипса, шкуры различных животных и т.д. Кроме того, материк (то есть не тронутый людьми слой грунта) в Маргиане состоит из перемежающихся прослоек чистого песка и глины (до полуметра толщиной каждая), которые по верованиям древних маргушцев представляли собой изолирующую субстанцию. Но, бесспорно, наиболее показательными в этом отношении являются так называемые обожженные могилы.

Говоря о формах погребений, бытовавших у населения страны Маргуш, можно сделать два важных вывода. Первый касается практики существования у них вторичных погребений, которые находят близкое соответствие авестийским погребальным обрядам. Авеста прямо предписывает выкапывать мертвых из могил, что полностью совпадает с наличием на Гонуре вторичных могил. Такие основополагающие признаки древнейшей религиозной доктрины, как очистительные ритуалы, в столь ярко выраженной форме встречены впервые в мировой археологической практике. Особенно показательным, что все они обнаружены в языческой Маргиане. Позднее эти же обряды в реформированном виде проявились и в первой мировой религии – зороастризме.

Второй вывод касается представлений маргушцев о душе-путешественнице. Согласно индоарийским погребальным обрядам, душа умершего путешествует по загробному (потустороннему) миру, а в Греции есть даже примеры того, когда вместе с умершим в могилы помещали модели обуви для путешествия души.

Очевидно, такие поверья в древности были чрезвычайно широко распространены. Иначе как объяснить, что в одной из полуразвезанных могил в руинах храма Дашлы-3 (Бактрия, Северный Афганистан) археологи нашли изготовленную из сырой глины и высушенную на солнце пару обуви типа среднеазиатских галош с загнутыми вверх носами? Эта обувная модель лежала вместе с обычным погребальным инвентарем и, конечно, играла роль символа. Другие, уже керамические, модели обуви нам довелось обнаружить в одном из полуразвезанных погребений на поверхности Северного Гонура и в одном из помещений на раскопе 14 (Илл. 143). Обе эти невзрачные на первый взгляд находки имеют исключительно важное научное значение и могут свидетельствовать об общих погребальных обрядах, существовавших у индоарийских племен во II тысячелетии до н.э.

143
Goñurdan tapylan
köwüşleriň daşdan
ýasalan görnüşi.

Каменные модели
башмачков
с Гонура.

Stone shoes models
from Gonur.

142

Paṭyṣa
gonamçylygyndaky
kameraly mazar.

Камерная могила в
царском некрополе.

A chamber grave in
the royal necropolis.

Chapter 10

Funeral Rites

WHILE describing the royal necropolis of Gonur one cannot ignore the funeral rites of the ancient Margush tribes. The material for such study has been provided by the excavations of the large necropolis located 300-350 m to the West of North Gonur. The necropolis with 2853 graves occupies the area equal to 10 hectares and is the largest among the excavated graveyards of Central Asia at the end of the third-second mil.B.C. The preliminary results of the excavations of the Gonur necropolis have been already published (Sarianidi, 2001). Taking into account the excavations at the same necropolis made by the Ligabue Study and Research Centre (Venice, Italy) as well as the graves destroyed during the construction of the modern canal the number of graves would total almost 3000.

The excavations revealed various types of funeral constructions. In Margiana the majority of dead (85,1%) were buried in shaft graves. These were vertical pits with a side chamber at the bottom. In the shaft as well as in all the other types of graves, the dead were buried in a crouched position, on the right side, and with the head pointing north (more rarely, in a North-West orientation)(**Fig. 139**). Afterward the entrance to the side chamber was closed with bricks, so the skeletons rested in a hollow chamber.

Alongside shaft graves they also used a much simpler type of tombs, the so called pit graves (about 11%) (**Fig. 140**). Preliminarily the walls of pit graves were burnt red hot. The burnt layer served as a division between the soil which was a «pure nature» and the decomposing corpse, thus protecting the earth from profanation. Most of these burnt pit graves contained skeletons of dwarfs, various cripples with obvious physical deformities and had no funeral gifts. We have every reason to believe that burnt pit graves were used for burying people with clear or hidden physical deformities, presumably for sterile women (or those who gave birth to dead children), so that their flesh would not profane the «pure nature» of the earth. Additionally our supposition can be proven by the fact that most of the burnt pit graves were situated in one spot, on the very edge of the Gonur necropolis.

Another type of funeral construction at the Gonur necropolis were the cists that make up 2,1% of the total number of graves (**Fig. 141**). They were used for a single (not successive) rite of burial. Like shaft graves they were hollow inside (not filled with earth) and belonged to the local Margush aristocracy which was evident from the rather rich funeral offerings and personal decorations that included objects of such precious metals as gold and silver. The last type of grave was represented by the so called chamber tombs that make up only 1,9%

of the total number of the excavated graves at the Gonur necropolis (**Fig. 142**). These were underground rectangular holes, most of which were faced with mud bricks. On the floor of the more carefully done chamber tombs were a kind of bed and brick platforms that imitated tables. In the end walls of such chamber tombs were niches that look like «cupboards», sometimes full of sets of dishes. Chamber tombs were hollow and had independent roofs. Due to the entrance that was capped with mud bricks without the use of any mortar, these tombs could be used for successive burials. In this case the old skeleton was moved aside and a new corpse was moved in.

The main entrance to chamber tombs (in cases where it was possible to find traces of it) was situated mainly on the South or South-Western sides and were always capped with bricks without mortar. Also it should be mentioned that usually approximately in the middle of one of the long walls a model of a double-chambered hearth was located, sometimes with a thin ash layer and even with small vessels inside. We have evidence to show that the chambers first from the entrance were «funeral chambers» while the following ones were used for funeral offerings. Generally speaking chamber tombs represented a simple version of royal tombs and looked like house models, and in case of a one-chamber tomb they represented a bedroom.

Almost all chamber tombs had already been plundered in antiquity, but fortunately they had preserved pieces of gold foil, fragments of silver items and ivory, a set of finds that speaks in favour of the fact that the dead in these tombs belonged to local aristocracy, to those who hierarchically were the first after the royal family. Special attention should be paid to the practice of «secondary burials» when the skeleton was first cleaned of fleshy parts and then reburied. The evidence for this is the fact that by the time of excavations most tombs were free of skeletons and had only «bone hash» and sometimes human teeth. In some cases the floors of tombs were so carefully swept that only «bone dust» remained in them. In the Avesta there is a mention of the «secondary burials» in connection with the construction of temporary graves «kata». And though the concrete forms of such burials are not yet clear, we should not doubt the fact of their existence in antiquity. Our supposition is based on the fact that the practice of «secondary burials» was recorded throughout the entire zone of the BMAC up to the necropolis of Swata in North-West Pakistan, as had been stated much earlier by the late professor J.Tucci.

Besides the four types of burials that were discussed above (shaft, pit, cists and chamber graves) at the Gonur necropolis, three fractional graves were found. These are simple holes in the ground where the long bones were placed with a skull on top of them. This is evidence of a special practice wherein preliminarily the corpses were placed on some kind of platforms (dakhma) where the birds of prey like griffins and/or specially trained dogs cleaned the flesh from the bones.

Finally, another type of burial was represented by the so called cenotaphs; that is these were ordinary graves, often with funeral offerings but always without skeletons, evidence of a symbolic burial of someone who died far from home.

Special attention should be paid to the fact that the local tribes of Margush by all possible means tried to prevent the direct contact of the «pure nature» of earth with a decomposing corpse. Let us remember that in shaft and chamber tombs as well as in cists the dead were always lying in a kind of vacuum so that the decomposing soft tissues of the dead could contact only the bottom of a grave which the relatives of the dead tried to isolate with different layers of sand, gypsum layers and probably by animal skins. One should also bear in mind the fact that the soil in Margiana consisted of alternating layers of sand and clay (up to half a meter thick each) which according to the beliefs of ancient Margush people served as isolating material. In this case they believed that in all types of graves the decomposing bodies had no direct contact with the earth and consequently did not profane it. Undoubtedly, the most representative in this connection are the so called «burnt graves» whose walls were first burnt and thus preserved the «pure nature» of the earth from profanation during the decomposition of physically disabled people.

SECONDARY BURIALS excavated among the aristocratic tombs of the Gonur necropolis and presumably at the royal necropolis as well, resemble closely the funeral rites described in the Avesta. In the third fragard of the Videvdad, it is clearly recommended to take the dead out of their graves, and this completely coincides with the funeral rite of «secondary graves».

Such basic signs of ancient religion as cleaning rituals in their straightforward and representative form seem to appear in the world archaeological practice for the first time. It is especially remarkable that they were found among the Margiana pagans. Later the same rites in their reformed form will appear in Zoroastrianism - the first world religion.

SOUL-TRAVELER. According to funeral rites and beliefs of Indo-Iranians the soul of the dead travels in the after-world and in «Greece sometimes in the grave of the dead, they put shoe models for travel of the soul». In this connection very remarkable is a pair of typical Central Asian shoes with toes pointed up that were made of sun-dried clay. They were found among the funeral offerings in one of the semi-destroyed graves in the ruins of the Dashli-3 temple (Bactria, North Afghanistan). Another model shoe, this time a ceramic one, was found in one of the semi-destroyed graves on the surface at North Gonur (**Fig. 143**).

These seemingly insignificant finds have an exceptional scientific value and may serve as evidence of common funeral rites among the Indo-Iranian, Aryan tribes in the second mil. B.C.

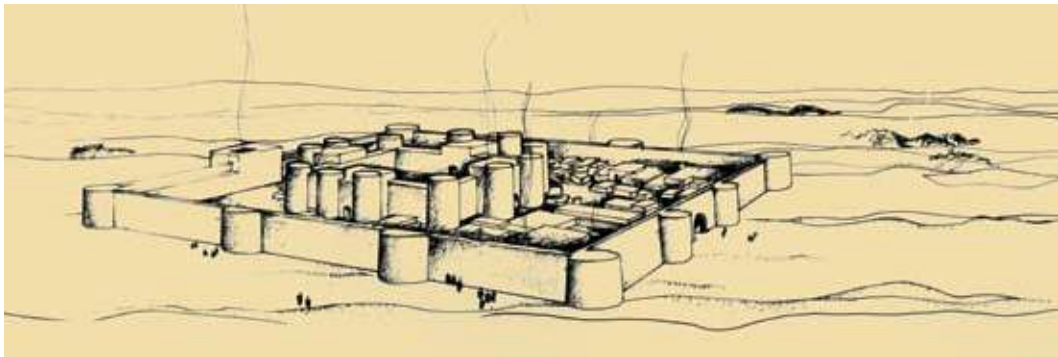

2

**KÖRHUDAÝLY MARGUŞYŇ
DINI YGTYKATLARY**

**КУЛЬТЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ
МАРГИАНЫ**

**KULTS OF PAGAN
MARGIANA**

145-146

Togalak-21 ybadathanasy. Gaýtadan dikeldilen görnüşi (W. Antonow boýunça) we Goňur kilisesi. Uçardan düşürilen surat.

Храм Тоголок-21. Вариант реконструкции (по В. Антонову) и теменос Гонура. Аэрофото.

Togolok-21 temple. A reconstruction version (by V. Antonov) and the Gonur temenos. Aerophotography.

Demirgazyk Goňur toplumynda geçirilen gazuw-agtaryş işlerinden soň bürünç eýýamynda Marguşda we Baktriyada monumental ybadathana desgalarynyň bolandygyny ynamly aýtmak bolar. Gurluşy taýdan ähli özboluşlylygyna seretmezden, olaryň Gündogar Anadolydan Demirgazyk Eýrana çenli ýaýran monumental binagärlik bilen örän meňzeşdigini görmek bolýar. Demirgazyk Goňruň ýokarda ýazylyp beýan edilen kiliseleriniň binagärlik görnüşleri oň Merkezi Aziýada mälüm däldi.

Ýokarda getirilen maglumatlary jemläliň. Demirgazyk Goňurda ybadathana desgalarynyň ýedisi ýüze çykaryldy. Olar: ot ybadathanasy, suw ybadathanasy, soma-haoma ybadathanasy, gurban berilýän ybadathana, çaklamalara görä, Mitra-Gün ybadathanasy we köpçülikleýin naharlanýş ybadathanasy. Olaryň gurlan wagty biziň eýýamymyzdan öňki III müňyyllygyň soňky asyrlaryna, ýagny akkad we akkaddan soňky döwre degişlidir. Bu monumental binalary häsiýetlendirýän we biziň gozgan temamyz üçin möhüm ähmiýeti bolan esasy zatlary ýatlap geçeliň.

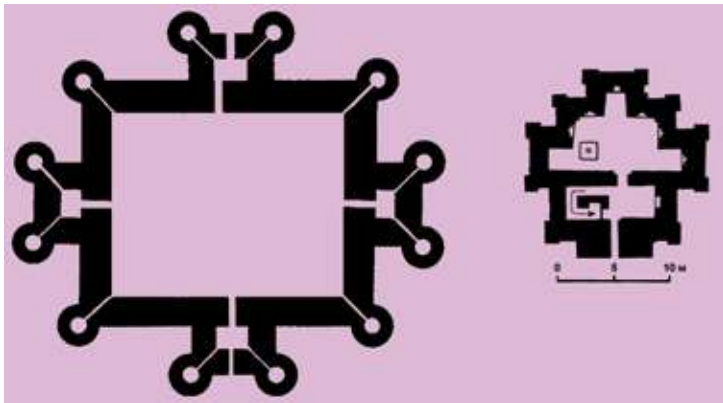

КОГДА ведущие современные специалисты по лингвистике, археологии и истории Центральной Азии и ближневосточного региона, приехавшие осенью 2006 года в Туркменистан для участия в Международной научной конференции «Древняя Маргиана - новый центр мировой цивилизации», увидели своими глазами богатства, которые тысячи лет хранила туркменская земля, увидели остатки монументальных зданий, инженерных сооружений и изделия ювелиров страны Маргуш, они испытали настоящее потрясение. Те, кто изначально был настроен скептически, говорили и писали потом, что многое им пришлось переосмыслить и в корне изменить свои взгляды на историю Северной Ойкумены древневосточного мира. Наиболее спорными из затронутых на упомянутой конференции проблем остаются два вопроса: являлись ли жители долины Мургаба индоарийцами и была ли Центральная Азия прародиной первой мировой религии – зороастризма?

Когда я впервые выдвинул гипотезу о бытовании среди населения Маргианы религиозных культов, которые позднее легли в основу зороастрийской религии, то привел немало доказательств, которые, однако, не убедили моих многочисленных оппонентов и, в первую очередь, лингвистов. Поэтому теперь, в свете открытий последних лет, я подкрепляю свои прежние аргументы новыми, которые, надеюсь, покажутся моим взыскательным читателям более вескими.

Многие современные ученые сомневаются в наличии храмов у индоарийских языческих племен, хотя уже в древнейшей части Авесты (в Гатах), независимо от позднейших ассоциаций, рай описывается как храмовое здание, причем пророк называет ад домом лжи, а рай - домом хвалы. В свете археологических открытий стало совершенно очевидно, что религиозные верования населения Маргианы породили весьма специфическую архитектуру. Их культовые (в том числе погребальные) ритуалы и церемонии происходили отнюдь не среди дикой природы, а в интерьерах созданных ими построек. Доказательством тому служат уже самые ранние храмы и святилища, обнаруженные внутри дворцово-культового ансамбля Северного Гонура и описанные выше. Кроме того, еще в 80-е годы во много более позднее, чем Гонур, – Тоголокском оазисе был раскопан огромный, своего рода кафедральный храм Тоголок-21 и наряду с ним – гораздо меньших размеров «сельский» храм Тоголок (Илл. 144-145). Промежуточное по размерам место между этими постройками занимает Южный Гонур (или, как мы его назвали, теменос) с небольшой «часовней» внутри (Илл. 146). Остальная часть этого теменоса застроена обычными жилыми домами с примыкающими к ним хозяйственными пристройками, в которых проживали рядовые жители, чья работа была связана с обслуживанием теменоса и, в первую очередь, святилища.

Все известные храмы Маргианы и Бактрии относятся к языческому, или протозороастрийскому времени, и нам до сих пор не известно, продолжали ли они существовать после реформы Заратуштры или нет. Отметим лишь, что в теменосе Гонура, примерно в середине или во второй половине II тысячелетия до н.э., была предпринята постройка монументального храма с двенадцатью круглыми угловыми башнями, достаточно близко напоминающего храм Тепе Нуш-и-Джан

147

Goňur kilisesiniň we Nuş-i-Jandepesindäki ybadathananyň deňeşdirilişi.

Храм теменоса Гонура и храм Тепе Нуш-и-Джан (в сравнении).

Gonur temenos's "temple" in comparison with Tepe Nush-i-Jan temple.

известных храмовых сооружений, существовавшее, по-видимому, еще до реформы Зороастра. Вместе с недостроенным храмом теменоса Гонура это может указывать и на наличие протозороастрийских храмов в Маргиане. К сказанному добавим совсем недавнее открытие французскими археологами на городище Улуг-депе близ Душака (Ахалский велаят Туркменистана) остатков монументальной архитектуры ахеменидского времени, имеющей вполне очевидные параллели с мидийским Тепе-Нуш-и-Джан (Илл. 148). Таким образом, новейшие открытия в северных предгорьях Копетдага указывают на вполне очевидную историческую близость этой области с Западным Ираном. Если зороастрийская религия появляется, как принято считать, в VII веке до н.э., то обнаружение монументального сооружения типа Тепе Нуш-и-Джан на Улуг-депе весьма знаменательно, так как демонстрирует продолжение архитектурных и религиозных традиций от протозороастрийского, языческого до ахеменидского времени.

Одним словом, в настоящее время, после раскопок ансамбля Северного Гонура можно со всей уверенностью говорить, что в эпоху бронзы в Маргиане и Бактрии, бесспорно, существовали храмовые монументальные сооружения. При всей оригинальности своей планировки они обнаруживают вполне очевидные параллели с монументальной архитектурой, распространенной от Восточной Анатолии до Западного Ирана. И ни один из описанных выше архитектурных типов святилищ Северного Гонура ранее не был известен в Центральной Азии.

Обобщим приведенные выше сведения. На Северном Гонуре выявлено семь храмовых сооружений. Это храм огня, храм воды, храм сомы-хаомы, храм жертвоприношений, предположительно, храм Митры-Солнца и храм общественных трапез. Их строительство относится к последним векам III тысячелетия до н.э., то есть к аккадскому и постаккадскому периоду. Вспомним то главное, что характеризует эти монументальные здания и что имеет важное значение для затронутой нами темы.

в Мидии, относящийся к началу I тыс. до н.э. (Илл. 147). Это святилище находилось на пути восточных ассирийских походов и, тем не менее, не упоминается в ассирийских анналах, что весьма знаменательно для решения проблемы о существовании раннезороастрийских храмов Маргианы. Считается, что Тепе Нуш-и-Джан - самое раннее из пока

IN THE AUTUMN of 2006 in Turkmenistan an International Conference with the participation of leading specialists in the linguistics, archaeology and history of Central Asia and the Near East took place. The participants had a chance to see the treasures that for thousands of years the Turkmenistan land had kept in its depths; they admired monumental buildings, engineering constructions, jewelry objects of the Margush country and came to the unanimous conclusion that ancient Margiana is a peculiar phenomenon in the history of the Near East and probably together with Mesopotamia, Egypt, India and China can be regarded as the fifth center of ancient world culture and civilization. The participants of the Conference discussed such still complex and disputable problems as whether the tribes that migrated to Margiana were Indo-Aryans and whether Central Asia was the motherland of the first world religion - Zoroastrianism.

Many modern scholars doubt the existence of temples among the Indo-Aryan proto-Zoroastrian tribes, though in the Gata, the most ancient part of the Avesta, it is written: «...independently of the later associations, the paradise is a temple building; the prophet mentions the names of the paradise and the hell as the House of Praise and the House of Lies» (V.Krukova).

It is obvious that besides their material culture the mysterious migrants brought to their new Central Asian motherland their religious beliefs, cult (including funeral) rituals and ceremonies.

This supposition is proven by the very early temples and sanctuaries found inside the temple and cult ensemble of North Gonur described above. Also in the much later Togolok oasis, a kind of «cathedral» monumental temple Togolok-21 and another much smaller «rural» temple Togolok-1 were excavated (Figs 144, 145). An intermediate sized building is the small temple inside the temenos of South Gonur (Fig. 146). The rest of the temenos was built out with ordinary residences with subsidiary premises where mainly those who served the temenos and the temple lived.

All the known temples of Margiana and Bactria refer to the pagan, pre-Zoroastrian period and we do not know whether they still existed after the reforms of Zoroaster. Just note that about the middle- second half of the second mil.B.C. there began the construction of a monumental temple with twelve round corner bastions that closely resembled the Tepe Nush-i-Djan temple in Midia that is referred to the beginning of the first mil.B.C. (Fig. 147). Though this temple was situated on the road of the eastern Assyrian campaigns it is not mentioned in the Assyrian records, a fact that is very important for solving the problem of the existence of the early Zoroastrian temples of Margiana. It is believed that Nush-i-Djan is the earliest among the known temple constructions that had probably existed before the reforms of Zoroaster. The uncompleted temple of the Gonur temenos may also testify to the existence of pre-Zoroastrian temples in Margiana. To what has been said above

one should add the discovery of remains of the monumental architecture of the Akhemenid period at Dushak, at the South Turkmenistan monument Ulug Depe made lately by French archaeologists (**Fig. 148**). One can see clear parallels between these remains and Tepe Nush-i-Djan in Midia. In short, the latest discoveries in the northern foothills of the Kopet-Dagh reveal a clear historical connection of this region with Western Iran. Since the time of the origin the Zoroastrian religion is the seventh century B.C., the discovery of a monumental building of a Tepe Nush-i-Djan type at Ulug Depe in South Turkmenistan is very remarkable and important as a demonstration of the continuation of the architectural traditions from the pre-Zoroastrian, pagan age up to the Akhemenid period.

Anyway, at the present time after the excavations of the ensemble of North Gonur one may state that monumental temple buildings in Margiana and Bactria from the pre-Zoroastrian period are recorded. In spite of the originality of the plan they demonstrate close parallels with the monumental architecture popular in the area from Eastern Anatolia up to Western Iran. It is noteworthy that neither type of temples of North Gonur described above had been known in Central Asia prior to the appearance of new tribes in Margiana. Many architectural features and traditions of temple construction can serve as evidence that the tribes that migrated from the far West brought their «architectural memory» to Margiana. Summing up what has been discussed above we may say that seven temple constructions were recorded at North Gonur. These were: the Temple of Fire, the Temple of Water, the Temple of Soma-Haoma, the Temple of Sacrifices, a presumable Temple of Mitra-Sun and the temple of Communal Eating. Their construction is referred to the last centuries of the third mil.B.C., that is to the Akkadian and post-Akkadian periods.

148-149

247-njy sahypada:
Ulugdepe diwariary
konserwasiyadan
soň.

На стр.247:
стены Улуг-депе
после консервації.

On page 247:
Ulug-depe walls
after conservation.

I bap

Müdimi ot dini ygtykaty

KÖŞK-DINI äheňli ansamblyň içinde, içki galanyň gündogar tarapynda ýerleşen ot ybadathanasyndan başlalyň. Onda, bir ýerde, biri-biriniň üstünde üç sany (dört bolmagy hem mümkin) ybadathana gurlupdyr. Olaryň iň irkisinde ýerden gazyp gurlan we zynjyra düzülen, gönüburçly altarlaryň dördüsi sakalanyp galyndyr. Altarlar diwaryň aňyrsynda gizlenene çalyň edýär. Ot altarlaryny ybadathanalaryň çola ýerlerinde ýerleşdirip, olary açyk, köpüň gözi düşýän ýerlerde gurmazlyk däbiniň Marguşda biziň eýýamymyzdan öň II müňýyllykdan biziň eýýamymyzdan öň I müňýyllygyň ortalaryna çenli dowam edendigi bellärliklidir. Geň galmaly zat – bu däbiň häzirkizaman otparazlarynda hem saklanyp galmagydyr, olarda altarda ýanyň duran ody diňe ruhanlary görmek bolýar ekeni. Öň alymlar orta asyrlarda ruhanly altarlary keseki gözden gizlemek bilen, ony musulman fanatiklerinden goramaga çalyşandyrlar diýip pikir edýärdiler. Indi welin, bu däbiň elmydama, hatda müňýyllyklaryň jümmüşinde, heniz otparazlyk ygtykatynyň bir bitewi ulgam hökmünde kemala gelmedik döwründe hem bolandygy aýdyň görünýär. Zaratuştra eýýamyndan öňki köp hudaýa ynanyňlar hem bu ýörelgä eýeripdiler.

Goňurda ot kilisesiniň şol bir ýerde üç ýa-da dört gezek gurulmagynyň fakty boş ýer uçastoklarynyň ýetmezçilik edendigini asla aňlatmaýar. Bu aýratynlyk marguşlaryň şol ýeriň dini ideýasyna ygrarlylygy bilen düşündirilse dogry bolardy. Şol bir wagtyň özünde Demirgazyk Goňruň beýleki ähli ybadathanalarynyň daşyndan aýlanan ýeke umumy diwary

bar. Diňe ot ybadathanasy, gurban berilýän ybadathana we «kioskly» patyşa kilisesi kareniň içinde ýerleşipdir, bu ýagdaý, megerem, olaryň tutuş ansamblyň içindäki beýleki ybadathanalardan ähmiýetlidigini görkezýändir. Mundan başga-da, ýeke-täk ot ybadathanasynyň daşyndan aýlanan öz haýaty hem bar.

Goňur temenosynyň döremeginden başlap Marguşyň bürünç asyrynyň ahyryna çenli aýratyn izolirlenen ot ybadathanalary bize belli däl. Örän uzak wagtyň dowamynda bu roly Demirgazyk Goňruň günorta ýüzünde ýerleşen kilisäniň ýerine ýetiren bolmagy mümkin. Ol ansamblyň gurluşygynyň başlanan ilkinji döwründen adamlaryň ony müdimilik taşlap giden wagtlaryna çenli hereket edipdir.

Dini äheňli peçler. Marguşlylaryň oda bolan aýratyn garaýşyna baş ot ybadathanasyndan başga-da, biziň ençeme gezek agzap geçen iki kameraly dini äheňli peçlerimiz hem şaýatlyk edýär. Demirgazyk Goňruň köşk-ybadathana toplumynyň käbir binalarynda olar örän köp gabat gelýär (**150-153-nji suratlar**). Öň hem aýdyşymyz ýaly, olar iki görnüşli – gönüburçly we armyt görnüşli bolupdyrlar. Walikleriň (seýrek ýagdaýlarda – ýörite ustuplaryň) kömegi arkaly olaryň içi iki ot ýakylýan we duhowka böleklerine bölünipdir, bu bolsa ody gurban berilýän mallaryň gany bilen hapalanmaktan gorapdyr. Oduň malyň maslygy bilen hapalanmagynyň sebäpkäriniň otparazlarda ölüm jezasy bilen jezalandyrylandygy hemmä mälimdir. Bu ýagdaý gurluşy boýunça şunuň ýaly çylşyrmly peçleriň döremegine sebäp bolupdyr. Gurban berilişiniň amala aşyrylyşynyň şunuň ýaly gadymy ýazylyp beýan edilmesiniň biziň eýýamymyzdan öň III müňýyllygyň ahyryna degişli gadymy hakykata takyk gabat gelýändigini örän täsindir. Ýöne Goňruň goňsy temenosynda eýýäm golaý wagtda (biziň eýýamymyzdan öň II müňýyllykda) şeýle görnüşli peçleriň düýbünden diýen ýaly bolmandygy has-da geň galdyryjydyr. Mümkin, bu berilýän gurbany taýýarlamak döwürleriniň görnüşiniň üýtgändigini aňladýandyr.

Gönüburçly peçlerde ownuk mallaryň (geçi we goýun), armyt görnüşli peçlerde bolsa iri (düýe, sygyr ýa-da öküz) mallaryň eti taýýarlanypdyr. Ýöne iki ýagdaýda hem mallaryň kellesi, pilçe bölekleri, uzyn süňkleri hudaýlara gurban berlipdir, çünki şeýle peçleriň içinde diňe şol zatlar bar. Demirgazyk Goňruň günbatar ýüzündäki gurban berilýän ybadathananyň gazuw-agtaryş işlerine girişilen ilkinji pursatlardan arheologlar onuň her bir otagynda diýen ýaly dini äheňli peçleriň adatdan daşary köp sanlysyny haýran galmak bilen ýüze çykardylar. Emma soňra gazuw-agtaryş işleriniň meýdanynyň giňelmegi bilen muňa düşündik! M.Batsyň ýazyşy ýaly, gadymy Eýranda-da, gadymy Hindistanda hem her gurbanlygy aýratyn hudaýa bagyşlamagyň ählumumy däbi ýörgünli bolupdyr. Her bir hudaýa onuň adyny tutup, onuň özüne okalyň senalary eşitmegi we seýde edýänleriň berýän gurbanyny kabul etmegi dileg edilip, degişli döwürler sözlere bilen ýüzlenipdirler.

Keramatly kül saklanýan ýerler. Marguşyň iň gadymy altarlarynyň ýanynda Demirgazyk Goňruň ot ybadathanasy ilki başda gönüburçly, ýerde gazylýp, içine kerpiç örülen özboluşly konteýnerler ýerleşýär. Ýöne eýýäm, Goňur temenosyndan başlap olar ýeriň üstünde ýerleşipdir we togalak görnüşe eýe bolupdyr. Gazuw-agtaryş işleri wagtynda olaryň ählisiniň arassa ak kül bilen doldurylandygyny we yokarsynda geljekde külüň mümkin bolan masgaralaýjy hereketlerden goralmagyny üpjün etmek üçin çig kerpiçler bilen berk ýapylandygyny gördük.

150

Demirgazyk Goňruň
iki kameraly peçleri.

Двухкамерная
печь Северного
Гонура.

Two-chambered
furnaces of the
Northern Gonur.

151

Çylşyrymly
konstruksiyaly iki
kameraly peç.

Двухкамерная
печь усложненной
конструкции.

Two-chambered
furnace with a more
sophisticated design.

Akademik B.A.Litwinskiňiň maglumatlaryna görä, altarlardan çykan şunuň ýaly döp-dessur maksatly arassa kül birnäçe kategoriýalara bölünipdir we ybadathanalara, hatda olara gelýän adamlara hem paýlanypdyr. Şeýle tejribe Eýranyň we Hindistanyň otparazlarynda häzir hem dowam edýär.

Köphudaýlylyk altarlary. Marguşyň monumental ybadathanalarynyň ulanylyp başlanan ilkinji döwürlerinden dürli görnüşli we dürli maksatly altarlary gurlupdyr. Otparazlygyň ýüze çykmagyndan öň altarlary oturan adamyň gözünüň derejesinde ýerleşdirilen bolsa, eýýäm biziň eýýamymyzdan öň birinji müňýyllygyň ilkinji asyrlarynda ýagdaý düýbünden özgeripdir.

Nuş-i-Jandepede, jedelsiz, ot ybadathanasy bolan bolsa-da, biz onuň hakyky otparazlyk ybadathanasydygyny ýa-da dældigini anyk bilemzok. Her niçik-de bolsa, numizmatik maglumatlara görä, otparazlygyň döwlet dinine öwürülen sasanidler döwrüne ot altarlary başgaça esasy we kapitelli sütünlerden ybarat görnüşe eýe bolupdyr. Altarlaryň formasy üýtgedilenden we Goňurdaky ýaly pes altarlary uly bolmadyk sütün görnüşli konstruksiyalar bilen çalşyrylandan soň Nuş-i-Jandepäniň hakyky otparazlyk ybadathanasyna öwürülen bolmagy mümkin. Onuň midý döwründen başlap ahemenidler döwrüne çenli bolup geçendigi ähtimal.

Eger-de Goňruň ot ybadathanasynda diňe «müdimi ot» dini ygtykаты bilen bagly gönüburçly altarlary bolan bolsa, onda gurban berilýän ybadathanalarda we günün hudaýy Mitranyň ybadathanasy atlandyrylýan ybadathanada şol bir wagtda örän uly, tegelek görnüşde ýerleşdirilen (7-10 metre çenli diametri) altarlary gurlupdyr. Olaryň hoşboý ys beriji otlaryň hudaýlaryna bagyşlanan bolmagy mümkindir. Muňa dini äheňli desgalarda (patyşa kilisesindäki «kioskly») gurban berilýän ybadathanalardaky tegelek altarlary ýerleşen iki kameraly peçlerde odunlaryň däl-de, hoşboý ysly otlaryň külünüň tapylmagy şaýatlyk edýär. Munuň tassyklamasyny biz antiki döwürň awtorlarynyň işlerinden tapýarys.

Eger-de uly altarlarda gurban berme hökmünde et ulanylan bolsa, ol adatça kiçi, ýöne örän ýagly (aýdylýşy ýaly, omentum ýa-da içýag) bölekler bolupdyr. Olary ruhanlylar göni alawyň üstünde ýerleşdiripdirler. M.Boýsyň irki otparazlyk döwründe hudaýyň bölegi berilýänçä ýekeje-de gurban berilmändir diýen çaklamasynyň dogry bolmagy mümkin. Bu däbiň kökleri, gümansyz, köphudaýlylyk döwürlerine uzap gidýär. Şunuň ýaly döp-dessurlar gadymy Hindistan üçin häsiýetlidir, ol ýerde malyň iç ýagyny, iň ýagly bölegini – «omentumy» göni altaryň ýanyp duran közleriniň üstüne goýmak ýörgünli bolupdyr.

Gazuw-agtaryş işleri wagtynda içinde ýanan odunlar bilen birlikde ýakylan otuň galyndylary bolan dini äheňli peçler barada gürrüň edilende bolsa, Awestada hudaýlar gurban berilýän zadyň diňe «ruhuny» isländikleri, ýagny olara hoşboý yslynyň ýeterlikdigi barada göni aýdylýar. Mysal üçin, häzirki döwürň ruhanlylary hudaýlar üçin dürli miweleri we ir-ýemişleri kesip, bölekläp goýýarlar.

Eger-de gönüburçly altarlary ilki başdan ybadathanalaryň çola ýerlerinde, diwarlaryň aňyrsynda gizlenen bolsa, tegelek altarlary açyk ýerde ýerleşdirilip, Goňruň ähli ilaty üçin elýeterli bolandygy bellärlilidir. Ýöne soňy bilen «togalak» diýilýän döwürde olar hem ybadathanalaryň çola böleklerinde ýerleşdirilip ugralypdyr.

Goňur temenosynda «müdimi oduň» diňe gönüburçly altarlarynyň tapylandygyna garamazdan, bürünç eýýamynyň ahrylaryna çenli Marguşda tegelek, ýöne ep-esli kiçi altarlary hem hereket edipdirler diýmäge ähli

esaslar bar. Muňa şol kafedral ybadathana – Togalak-21 ybadathanasy nusga bolup biler. Onuň bir çüňkünde pawiler* bilen birlikde gönüburçly altarlar, garşysyndaky çüňkde bir görnüşli, yöne dürli ölçegdäki, tegelek altarlaryň ikisi «gizlenilipdir» (154-nji surat). Olaryň ählisiniň jaýyň içinde däl-de, Demirgazyk Goňurdaky ansamblda bolşy ýaly, açyk asmanyň astynda, özboluşly içerki howlylarda yerleşdirilendigi özüne çekijidir. Uly altaryň ýokarky bölegi olimpiýada jamy görnüşinde içine tarap çökerilen sferanyň üstüne meňzeşdir. Onuň düýbünde az tüsse siňen kiçijik tegelek ojak guralypdr. Bu altaryň sfera meňzeş üsti (edil onuň girelgesinde) howlukman arassalananda gatap galan gatlagyň tegmili (diametri 1 metre golaý) ýüze çykaryldy. Moskwanyň döwlet uniwersitetiniň hünärmenleri ony analizläp görüp, «gatlagyň» eredilen ýagyň we ýag-süýt önümleriniň galyndylarydygyny anykladylar.

Başgaça aýdylanda, ruhanylar uly altaryň ýanynda durup, onuň gyralaryna ýagly önümleri yerleşdiripdirler. Ol gyrgyzlyk zerarly eräp, aşagy közli ýarym sferanyň düýbüne syrygypdyr. Syrygyp akýan ýag daman ot has güýçli ýanypdyr we tüsse bilen birlikde göge garşy göterilipdir. Ol ýerde bolsa hudaýlar özlerine berlen gurbany kabul etmek üçin garaşypdyrlar. Bu barada Onesikrit** (Strabonyň aýdyşy ýaly) we beýleki antik döwrüň awtorlary hem habar berýärler. Olaryň käbirleri şunuň ýaly gurban berlişine öz gözleri bilen syn edipdirler. Mundan başga-da, şunuň ýaly döp-dessurlaryň soňraky ýewropaly şaýatlary hem bar. Hususan-da, XVII asyrdaky ýaşap geçen italýan syýahatçylarynyň gürrüňleri bu däbiň uzak wagtlaý dowam edendigini subut edýär.

Pawi. Goňur temenosynyň irki döwürlerinde, şeýle hem togalak döwründe gönüburçly müdimi ot altarynyň ýanynda üsti açyk, dört tarapy bekleli gönüburçly (beýikligi ýarym metrden uly bolmadyk) meýdançalar yerleşipdir. Olar gyralary sürlen toprakly hindiari pawilerini ýatladýar. Käteler şeýle pawileriň gyralary daşlar bilen jäheklenen, özi-de olaryň poluna daş düşelen.

* Pawiler – hindiari dini ýörelgelerinde köneleriň ynanjyna görä, hudaýlaryň oturyan yerleriniň – ýörite bellenen yerler (püedestal). Olaryň hormatyna altar otlary ýakylpdyr

** Onesikrit – gadymy grek filosofy Diogenyň şägirdi, Aleksandr Makedonskiniň Hindistana ýörişine gatnaşyjy.

152

Yönekeý iki kameraly peç.

Простая двухкамерная печь.

Simple two-chambered furnace.

252

Глава первая

Культ вечного огня

НАЧНЕМ с храма огня, расположенного внутри дворцово-культурного ансамбля с восточной стороны кремля. Здесь, в одном месте друг над другом располагались три (если не четыре) храма, самый ранний из которых сохранил четыре прямоугольных алтаря, вырытых в материке и вытянутых в цепочку. Алтари как бы спрятаны за глухой стеной. Показательно, что традиция располагать алтари огня в укромных местах храмов, а не выставлять их на всеобщее обозрение на открытых местах, прослеживается в Маргиане на протяжении II тысячелетия до н.э. и до середины I тыс. до н.э. Самое поразительное, что эта традиция сохранилась и у современных зороастрийцев: видеть горящий огонь в алтаре дозволено только жрецам. Раньше ученые думали, что в средние века, пряча алтари от посторонних глаз, жрецы таким образом пытались уберечь их от разрушения мусульманскими фанатиками. Но теперь ясно, что это делалось всегда, даже в такой глубине тысячелетий, когда и сама зороастрийская вера еще не сложилась в стройную систему. Это делали еще те язычники, которые предшествовали эре Заратуштры.

Тот факт, что святилище огня на Гонуре три или четыре раза возобновлялось на одном и том же месте, объясняется отнюдь не дефицитом свободных участков земли. Скорее всего, эта особенность указывает на приверженность маргушцев идее сакральности самого этого места, намоленного многими поколениями их предков. В то же время все остальные храмы Северного Гонура имеют одну общую для всех обводную стену. Только лишь храм огня, храм жертвоприношений и царское святилище с «киоском» располагаются внутри каре, что, возможно, указывало на их значимость среди других храмов внутри всего ансамбля. Более того, храм огня - единственный изолированный еще и собственной обводной стеной.

С учетом того, что, начиная с появления теменоса Гонура и до конца бронзового века Маргианы отдельные изолированные храмы огня нам неизвестны, эту роль на протяжении очень долгого времени могло выполнять святилище, расположенное у восточного фасада Северного Гонура. Оно функционировало с самого начала строительства ансамбля и до тех пор, пока люди навсегда не покинули его.

Культовые печи. Помимо главного храма огня, свидетельством особого отношения маргушцев к огню являются не раз упоминавшиеся нами двухкамерные культовые печи, которыми в каком-то смысле переполнены некоторые здания дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (Илл. 150-153). Как мы уже говорили, они были двух типов: прямоугольные и грушевидные. При помощи валиков (реже - специальных уступов) они делились внутри на топку и духовку, что препятствовало осквернению огня кровью жертвенных животных. Общеизвестно, что осквернение огня мертвой плотью у зороастрийцев каралось смертью, что и послужило причиной создания таких хитроумных по конструкции печей. Удивительно, как точно античные

253

описания совершения жертвоприношений соответствуют древним реалиям, относящимся к концу III тысячелетия до н.э. Но еще более странным кажется тот факт, что уже вскоре (во II тысячелетии до н.э.) на соседнем теменосе Гонура печи такого типа почти отсутствуют. Возможно, это указывает на видоизменение обрядов и ритуалов приготовления жертвоприношений.

В прямоугольных печах готовилось мясо мелких животных (коз и овец), в то время как в грушевидных – крупных (верблюдов, коров или быков). Но и в том, и в другом случае головы, лопаточные части, длинные кости преподносились богам и божествам, видимо, поэтому только они и лежали внутри таких печей. С самого начала раскопок храма жертвоприношений на западном фасаде Северного Гонура археологи с удивлением обнаружили излишне большое число культовых печей едва ли не в каждой комнате раскапывавшегося храма. Однако затем, по мере расширения площади раскопок, стало понятным, что, как и писала М.Бойс, и в Древнем Иране, и в Древней Индии существовала всеобщая практика каждое жертвоприношение посвящать отдельному божеству, которого называли по имени и к которому обращались с соответствующими ритуальными словами с тем, чтобы оно услышало возносимые ему молитвы и получило бы приношения от своих почитателей.

Хранилища священной золы. Рядом с самыми древними алтарями Маргианы располагаются своеобразные контейнеры, первоначально прямоугольные, вырытые в материке (храм огня Северного Гонура) и облицованные изнутри кирпичами. Но уже вскоре, начиная с теменоса Гонура, они стали наземными и приобрели круглую форму. В момент раскопок все они были заполнены чистой белой золой и наглухо «запечатаны» сверху сырцовыми кирпичами для предотвращения возможного осквернения золы в будущем.

Судя по данным академика Б.А. Литвинского, такая ритуально чистая зола из алтарей разделялась на несколько категорий и раздавалась в храмы и даже прихожанам, что практикуется зороастрийцами Ирана и Индии по сей день.

Языческие алтари. В монументальных храмах Маргианы с самого начала их использования сооружались различные по формам и назначению алтари. Не исключено, что если до возникновения зороастризма алтари располагались на уровне глаз сидящего человека, то уже в первые века первого тысячелетия до н.э. картина резко изменилась.

Хотя вышеупомянутый Тепе Нуш-и-Джан является бесспорным храмом огня, мы не знаем с точностью, являлся ли он подлинно зороастрийским храмом или нет. Как бы то ни было, но, судя по нумизматическим данным, уже в сасанидское время, когда зороастризм стал государственной религией, алтари огня представляли собой колонны со ступенчатой базой и капителью. Скорее всего, Тепе Нуш-и-Джан уже представлял собой подлинный зороастрийский храм огня уже тогда, когда была видоизменена форма алтарей, и на смену низким алтарям типа гонурских стали приходиться небольшие столбообразные конструкции. Это могло произойти начиная с мидийского, и уж совершенно точно – с ахеменидского времени.

Если в гонурском храме огня были только прямоугольные алтари, связанные исключительно с культом «вечного огня», то в храме жертвоприношений и так называемом храме бога Солнца Митры одновременно строились огромные, круглые в плане (до 7-10 м в диаметре) алтари, скорее всего, посвященные божествам ароматов пахучих трав. Об этом свидетельствует тот факт, что в двухкамерных печах, которые были расположены в культовых сооружениях («киоск» в царском святилище, круглые алтари храма жертвоприношений) лежала зола не от дров, а лишь от сгоревших ароматических трав. Подтверждение этому мы находим у античных авторов.

Если в качестве жертвоприношения в больших алтарях использовалось мясо, то, как правило, это были маленькие, но очень жирные кусочки (так называемый оментум, или внутренний жир), которые жрецы помещали прямо на горящий огонь. Права, очевидно, М.Бойс, предполагавшая, что в раннем зороастризме ни одна жертва не приносилась прежде, чем божества не получат свою порцию. Эта традиция уходит, несомненно, в языческие времена. Подобные ритуалы были характерны и для Древней Индии, где было принято внутреннюю, самую жирную часть животного – оментум – возлагать прямо на горящие угли алтаря.

Что же касается культовых печей, содержащих в момент раскопок вместо сгоревших дров остатки сожженной травы, то в Авесте прямо говорится, что боги желали лишь «душу» от жертвы, то есть им было достаточно, в частности, ароматического запаха. Так, современные зороастрийские жрецы разрезают для богов всевозможные фрукты и овощи.

Показательно также, что если прямоугольные алтари с самого начала были скрыты в укромных местах храмов за глухими стенами, то круглые алтари были открыты и доступны всем жителям Гонура, хотя впоследствии, в так называемое тоголокское время, они тоже стали помещаться в укромных уголках храмов.

Несмотря на то, что в теменосе Гонура обнаружены лишь прямоугольные алтари «вечного огня», есть все основания считать, что до поры финальной бронзы в Маргиане продолжали существовать и круглые, но намного меньших размеров. Классическим примером служит тот же «кафедральный собор» (храм Тоголок-21), у которого в одном углу спрятаны прямоугольные алтари вместе с пави*, а напротив, в другом углу – пара однотипных, но разновеликих, круглых алтарей (*Илл. 154*). Все они, что интересно, расположены не внутри помещений, а под открытым небом, в своего рода внутренних дворах, как и в ансамбле Северного Гонура. Верхняя часть большого алтаря представляет собой вогнутую внутрь сферическую поверхность в виде олимпийской чаши, на дне которой устроен маленький слабозакопченный округлый очажок. Тщательная расчистка сферической поверхности этого алтаря (у самого его входа) выявила пятно засохшей корочки (диаметром около одного метра), которое было проанализировано специалистами Московского государственного университета, установившими, что корочка представляет собой остатки застывшего растопленного жира и жирно-молочных продуктов.

Иначе говоря, жрецы, стоя около большого алтаря, помещали на его бортик продукты, содержащие жир, который под воздействием жара растапливался и стекал вниз, на дно полусферы, где тлели угольки. Стекавший жир, соединяясь с горящими угольками, вспыхивал еще жарче, огонь в очажке разгорался сильнее и вместе с дымом поднимался вверх, к небу, где боги уже ждали предназначенные им жертвы. Об этом, кстати, сообщают Онесикрит** (в передаче Страбона) и другие античные авторы, некоторые из которых лично наблюдали за такими жертвоприношениями. Более того, подобные ритуалы потом засвидетельствовали европейские очевидцы и, в частности, итальянские путешественники XVII века, что не подвергает никаким сомнениям длительность этой традиции.

Пави. Как в самый ранний период в теменосе Гонура, так и в наиболее поздний - тоголокский, рядом с прямоугольными алтарями вечного огня располагаются открытые сверху, огороженные со всех четырех сторон тоже прямоугольные (высотой не более полуметра) площадки, близко напоминающие индоарийские пави, оконтуренные по краям пропаханной бороздой. Нередко такие пави бывают обведены камнями, причем полы их так же выложены каменной вымосткой.

153

*256-nji sahypada:
Diwarynda iki
kameraly peç bolan
tegelek altaryň
bölegi.*

*На стр.256:
участок круглого
алтаря с
двухкамерной
печью в стене.*

*On page 256:
The area of a round
altar with a two-
chambered furnace
in the wall.*

* Пави – в индоарийской религиозной традиции - специально обозначенные места (пьедесталы), где, по поверьям древних, восседали боги, в честь которых горел огонь в алтарях.

** Онесикрит – ученик древнегреческого философа Диогена, принимавший участие в походе Александра Македонского в Индию.

Chapter 1

The Cult of Fire

WE SHALL start with the Temple of Fire located inside the palace and cult ensemble at the eastern facade of the kremenlin. Here on one and the same spot three (if not four) temples were situated one on top of another and the earliest among them preserved one row of four rectangular altars dug into the soil. The altars appeared to be «hidden» behind the blind wall. Remarkably, according to the existing practice the altars were placed in some secret place in a temple instead of being exposed for everyone to see. In Margiana such a practice was traced up to the end of the second mil.-middle of the first mil.B.C (Tepe Nush-i-Djan). One may assume that this basic tradition continues even in our day when only priests can watch the burning fire in the altar (M.Boyce).

It seems that scholars were not accurate in their assumption that Zoroastrians placed their altars in secret places in order to hide them from destruction by Muslim fanatics. It seems more logical to suggest that this tradition was rooted in pre-Zoroastrian paganism and then naturally and smoothly was carried over into the new religion.

The construction of Temples of Fire one on top of the other cannot be explained by the lack of free lands. Most likely they did this in their attempt to save the old traditions of worshipping the fire in the same place. Remarkably, only Temples of Fire and Sacrifices as well as the royal sanctuary with a «kiosk» were situated inside the square, a fact that makes them stand out from among the remaining temples in the ensemble. But even among these select temples only the Temple of Fire was an isolated temple that had its own encircling wall, while the rest of the temples were encircled by one common wall.

From the time of the Gonur temenos and up to the end of the Bronze Age in Margiana no other independent Temples of Fire were found; this gives reason to believe that the Temple of Fire mentioned above was the only one meant for a certain purpose and that it survived from the very beginning of the construction of the ensemble almost to the last moment when the ancient tribes left Gonur.

CULT HEARTHES. The Margiana tribes seemed to place a special value on fire. Except for the Temples, premises of the palace and temple complex of North Gonur appeared to be «overcrowded» with the double-chambered cult hearths mentioned above (**Figs 150-153**). Remember that they were either rectangular or pear-like. It is a known fact that among Zoroastrians the profanation of fire by dead flesh could cause a death penalty and as a consequence, they thought of a clever way of constructing a partition (sometimes a step) between the two parts of a hearth: a furnace and an oven. It is remarkable how accurately the

ancient descriptions of sacrifices correlate with the ancient material facts of the third mil.B.C. Even more noteworthy is the fact that very soon, that is in the second mil.B.C., this type of hearth was almost absent at the nearby temenos of Gonur. Possibly this indicates changes in the rites and rituals of sacrifices.

The rectangular hearths were used for cooking the meat of small animals (goat-sheep) while the pear-shaped were used for large ones (camel, cow/bull). In both cases the hearths contained the animals' heads, shoulders, and long bones, since these were presumably the parts that had to be sacrificed to gods.

When archaeologists began the excavations of the Temples of Sacrifices at the western side of North Gonur they were first surprised and then puzzled by the great number of cult hearths that were found in almost all the excavated premises. But later as the area of excavations was enlarged they came to the conclusion that this situation is explained by the fact that «It is the common practice among Indians and Iranians, as we have seen, to devote each sacrifice to a particular deity, who is called by name, with the proper ritual words, in order to hear the praises offered him and to receive the gifts of his worshippers».

DEPOSITS OF SACRED ASHES. The most ancient altars of Margiana had next to them some containers that were originally rectangular, dug into the soil (the Temple of Fire of North Gonur) and faced inside with bricks. But very soon thereafter, beginning with the Gonur temenos they were round in shape and were built at the surface level. By the time of excavations all of them were filled with pure white ashes and firmly «sealed» with mud-bricks to prevent possible future profanation of the ashes.

According to B.Litvinsky such ritually pure ashes from altars were divided into several categories and then distributed between temples and even parishioners the same way as it is done among modern Zoroastrians.

PAGAN ALTARS. Various altars, differing in form and purpose, were built simultaneously with the construction of monumental temples in Margiana. In pre-Zoroastrian times the «altars were situated at the level of a seated man» while in the first centuries of the first mil.B.C. the picture had resolutely changed. Though the Tepe Nush-i-Djan is undoubtedly a Temple of Fire we are still not sure whether it really was a Zoroastrian temple. Anyhow, according to numismatic data already in the Sasanid times when the Zoroastrianism was a state religion the altars of fire were built as columns with capitals and stepped basis. The Tepe Nush-i-Djan was most likely a real Zoroastrian Temple of Fire with the changed form of altars, when low Gonur type altars were replaced with column-like ones. This could have occurred from the Midian time and absolutely sure from the Akhemenid period.

One should remember that in the Temple of Fire of North Gonur only rectangular altars associated only with the cult of «eternal flame» were known whilst in the Temple of Sacrifices and the so called Temple of the god of sun Mitra at the same time they built large round altars (up to 7-10 m in diameter) that were most likely used for burning aromatic herbs in favour of gods. This supposition is based on the fact that in double-chambered hearths of cult structures («kiosk» in the royal sanctuary, round-in-plan altars of the Temple of Sacrifices) instead of ashes from wood there were ashes of burnt presumable aromatic herbs, which seems to find its support in the works of the ancient authors.

In the case of large altars, when they used meat for sacrifices it was in the form of small and very fat pieces (the so called «internal fat») that priests placed right on the fire. As for the cult ovens that contained remains of burnt herbs instead of wood it is noteworthy that in the Avesta it is clearly said that gods were looking only for the «soul» of a sacrifice, that is that they could be satisfied only by aromatic smell. As an illustration of the Avesta one may note that modern Zoroastrian priests cut through various fruit and vegetables for the favour of gods.

It is noteworthy that from the earliest time the rectangular altars were built in secret places and hidden behind blind walls and the round altars were built in open places and were accessible to all people in Gonur. True, in the very late «Togolok» period they were also built in the secret places of temples (Togolok-21).

Though in the Gonur temenos only rectangular altars of «eternal fire» were found we still have grounds to believe that up to the final Bronze Period of Margiana the round altars also survived, though much smaller in size. A classical example of this is the «cathedral temple», or in other words the Temple Togolok-21, where in one corner rectangular altars with the «pavi» were «hidden» while in the opposite corner, there was a pair of round altars differing in size (**Fig. 154**). It is noteworthy that all of them were situated in the open air rather than inside the buildings. They were located inside a sort of «inner yard» that resembles the situation in the ensemble of North Gonur. In other words, from the very beginning and during the most part of the second mil B.C., altars were never placed inside buildings, but only in the open air.

So, the latest of the known temples, that is Togolok-21, in one corner had altars of «eternal fire» and in the opposite corner two round altars, a «large» one and a «small» one, the largest being half a meter high, 3 m in diameter and the same in depth. The upper part of the «large» altar had a concave spherical surface in the shape of an «Olympic cup» and at the bottom was a small slightly burnt round hearth.

The spherical surface of this altar (at its very entrance) was carefully cleaned and revealed a «spot» of a dried out crust (about one meter in

diameter) that was sent for analysis to the laboratories of Moscow State University where they found out that the «crust» consisted of hardened remains of earlier melted fat and fat-and-milk products.

We can reconstruct the actions of priests and imagine how they put pieces of fat on the rim of the «large» altar, how it melted and then slowly flowed down the spherical surface to the bottom and then the smouldering coals start to burn and how the smoke went up to the gods who were waiting for sacrifices to them. According to Strabo Onesicrit and other antique authors, they personally had observed these kinds of sacrifices. European witnesses and in particular Italian travelers of the seventeenth century also speak of similar sacrifice rituals, evidence of great longevity of this tradition.

PAVI. In the very early period of the temenos Gonur as well as in the latest Togolok period rectangular «altars of eternal fire» were placed next to the also rectangular open air «squares» no higher than half a meter and framed on all four sides, which closely resemble the Indo-Iranian pavi «squares» outlined by a ploughed furrow. The modern pavi are outlined by stones and the floors are also laid out with stone (M.Boyce). The ancients believed that gods were seated at these pavi enjoying the fire that was burning in altars in their favour.

154

*Togolok-21
ybadathanasyniň
uly altarynyň
bölegi.*

*Фрагмент
большого алтаря
храма Тоголок-21.*

*A fragment of a big
altar in Togolok-21
temple.*

II bap Suw dini ygtykaty

155-156

Eýrandaky köl we Süleýmanyň Tagty ybadathanasy.

Озеро и храмовый комплекс Тахт-и Сулейман в Иране.

Lake and Taht-i Suleiman temple complex in Iran.

MARGUŞ ýadygärliklerinde geçirilen gazuw-agtaryş işleri marguşlylarda suwuň döp-dessurlarynyň ähmiýetiniň oduňkydan kiçi-girim bolmandagyny görkezdi. Ilki bilen Demirgazyk Goňruň daşyny gurşap alan diwardaky we köşk-ybadathana toplumyndaky girelgeleriň dördüsiniň hem garşysynda ýörite howdanlaryň gazylandygyny ýatladalyň. Bu ybadat etmäge barýan adamlaryň ýekejesiniň hem ybadathana şäherinde saklanýan keramatlyklara päkizelenmek döp-dessuryny berjaý etmän barmagyna we çokunmagyna ýol berilmeyändigini aňladýar.

Ýöne suwa aýratyn ybadat edilmeginiň aýdyň subutnamasy hökmünde Demirgazyk Goňur ansamblynyň günorta böleginde ýerleşen suw ybadathanasyny görkezmek bolar. Onuň örän uly suw howdanlary, çylşyrymly drenaž ulgamy we uly howzuň günorta we demirgazyk kenarlarynyň ugrunda zynjyra düzülen görnüşde ýerleşen, umumy geçelgeler bilen birleşdirilen jaýlary bolup, olaryň köpüsiniň dini äheňli iki kameraly peçleri bardyr, şol sanda beýik bolmadyk platformalarda ýerleşdirilen howzuň suwunyň we kenar gurluşyk toplumyň gönüden-göni funksional arabaglanýşygynyň bardygyna howdanyň suwunyň kem-kemden azalmagy netijesinde kenara barha golaý ýerde dini äheňli peçleri bolan täze jaýlaryň gurlandygy hem şaýatlyk edýär. Başgaça aýdanyňda, «yza çekilýän» suwdan boşan ýerlerde dini äheňli jaýlar gurlupdyr. Bu bolsa ruhanylara elmydama suwa golaý bolmaga we hiç bir kynçylyksyz dini äheňli dabaralary geçirmäge mümkinçilik beripdir.

«Uly» howzuň gapdalynda «kiçi» suw howzy ýerleşip, onuň içinde içi gamyşdan doldurylan, kerpiçden ýasalan suw durlaýjy rezerwuar gurlupdyr.

Oňa suw uly howdandan ýörite ternawlar bilen akyp gelip suw durlaýjyny doldurypdyr, ol ýerden bolsa suw ýörite deşik arkaly durlanan görnüşde çykypdyr. Şeýle görnüşde onuň dini äheňli dabaralar, şol sanda dini äheňli iýmiti taýýarlamak üçin ulanylan bolmagy ähtimal. Her niçik-de bolsa, suwuň ýagyşyň hudaýy içmezden öň hökman arassalanan bolmalydygy düşnükli. Keramiki turbalaryň we bişen kerpiçleriň galyndylary ýeterlik derejede suwy ýokary göteriji çylşyrymly desgalaryň bolandygyna şaýatlyk edýär. Şeýle galyndylara uly howuzdan kiçi howza suw akdyrmaga mümkinçilik berýän desganyň gazuw-agtaryş işleri geçirilende duş gelindi.

Adatça otparazlary oda çokunýanlar diýip hasaplaýarlar, emma olar ot bilen bir derejede suwa hem tagzym edýärler. Olar her günki beryän gurbanlaryny we okaýan dogalaryny oda we suwa bagyşlapdyrlar. Awestada derýa suwlary gönüden-göni baş hudaý «Ahuramazdanyň aýallary» diýlip atlandyrylýar. Derýalaryň we suwlaryň hudaýy Ardwisura bolsa iň gadymy ýaştlaryň* biri bagyşlanypdyr. Iň bärkisi soňky otparazlyk ybadathanalarynda hemişe suwa berilýän gurbanlar üçin howuzlar gurlupdyr. Hindiarilerde suwa we suw akymlyryna hormat goýmak däbiniň örän düýpli ýöredilendigi jedelsizdir. Bir toplumda tebigy kölüň we ybadathananyň birleşdirilen ýagdaýyna «Süleýmanyň tagty»** ýadygärliginde (155-156-nji surat) duş gelinýär. Ol Demirgazyk Goňur ansamblynda ýüze çykarylan şu kysmy utgaşdyrylma örän çalymdaşdyr.

Şu ýerde bir möhüm zady bellemeli: iki ýagdaýda hem ybadathananyň we kölüň daşyna umumy haýat aýlanyp, olar bitewi binagärlik toplumyny emele getirýär. Şeýle görnüş Kuhi-Hwajada*** ýerleşýän Hamun kölüniň ortasyndaky depäniň ýokarsynda ybadathanada, şeýle hem häziri Özbegistanyň çäklerindäki Jarkutanda (Demirgazyk Baktriya, biziň eýýamymyzdan öň II müňýyllyk) gabat gelyär.

*Ýaş – aýratyn hudaýa bagyşlanan sena.

**Taht-i-Süleýman – Eýranyň demirgazyk-günbataryndaky klassyky sasani ýadygärligi.

***Kuh-i-Hwaja-Sistandaky (Bulujystan) ahamenid ýadygärligi. Ol Owganystan bilen Eýranyň serhedinde, Gilmend we Farahrud derýalarynyň aşak akymynda ýerleşýär.

Глава вторая

Культ воды

РАСКОПКИ памятников Маргианы показали, что вода имела у маргушцев не менее важное ритуальное значение, чем огонь. Прежде всего напомним, что напротив всех четырех проходов, имевшихся в обводной стене и в каре дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, в разное время были вырыты специальные бассейны. Это говорит о том, что ни один молящийся не мог пройти к хранящимся в храмовом городе святыням и поклониться им, не совершив ритуального омовения.

Но самым ярким свидетельством особого поклонения воде является храм воды, расположенный в южной части ансамбля Северного Гонура с его огромными водоемами, сложной дренажной системой и вытянутыми в цепочку вдоль южной и северной береговой линии большого бассейна многочисленными, соединенными общими проходами помещениями, часть из которых имеет культовые двухкамерные печи, в том числе вознесенные на невысокие платформы.

На прямую функциональную связь воды бассейна и берегового строительного комплекса указывает тот факт, что по мере постепенного обмеления водоема, ниже по берегу (и, соответственно, ближе к воде) появились широкие террасы, на которых возводили новые помещения с культовыми печами внутри. Иначе говоря, вслед за «убегающей» водой строились культовые помещения, что позволяло жрецам находиться в постоянной близости от бассейна и без затруднения совершать культовые церемонии.

Рядом с большим бассейном располагался малый водоем, внутри которого устроен кирпичный пустотелый отстойник, заполненный большим количеством камыша, куда вода поступала через специальный желоб из большого водоема. Мутная вода из Мургаба через желоб заполняла отстойник водой, откуда она вытекала из специального отверстия уже очищенной и прозрачной. В таком виде она могла использоваться для культовых церемоний, в том числе для приготовления культовой пищи. Во всяком случае, вода должна была быть очищена перед тем, как ее выпьет бог дождей. На существование достаточно сложных водоподъемных сооружений указывают остатки керамических труб и обожженных кирпичей, сохранившихся к моменту раскопок между перемычкой обеих водоемов, позволявшей перекачивать воду из большого в малый бассейн.

Обычно зороастрийцев называют огнепоклонниками, но они в такой же степени почитают и воду. Только огню и воде они посвящают ежедневные жертвоприношения и моления. В Авесте речные воды прямо называются «женами Ахурамазды» - верховного бога, а божеству рек и вод Ардвисуре посвящен едва ли не самый древнейший из яштов.* По крайней мере, в позднезороастрийских храмах всегда сооружались водоемы, предназначенные для жертвы воде. Вне всякого сомнения, почитание воды и водных потоков было глубоко

* Яшт - гимн отдельному божеству.

присуще индоариям. Соединение в одном комплексе естественного озера и храма известно в Тахт-и Сулеймане* (*Илл.155-156*), что достаточно близко напоминает комбинацию, обнаруженную в ансамбле Северного Гонура. И вот что важно: в обоих случаях храм и озеро обведены общей стеной, составляя единый архитектурный комплекс. Близкая картина прослеживается и в Кух-и Хваджа, где храм располагается на вершине холма посреди озера Хамун**, а также в Джаркутане (Северная Бактрия, II тысячелетие до н.э.) на территории современного Узбекистана.

*Тахт-и Сулейман - классический сасанидский памятник на северо-западе Ирана.

**Кух-и Хваджа - ахеменидский памятник в Систане (Белуджистане) - на границе Афганистана и Ирана, в низовьях рек Гильменд и Фарахруд.

Chapter 2

The Cult of Water

EXCAVATIONS at Margiana showed that the tribes of this land gave to water no less ritual value than to fire. It is not accidental that in different periods of time special pools were made in front of all four entrances of the encircling wall and of the square of the palace and temple complex of North Gonur. It means that there was no way for anyone to get to the sanctuaries of the Temple city without making ritual ablutions.

The most remarkable evidence of special water worship was the Temple of Water situated in the southern section of the North Gonur ensemble. It consisted of large reservoirs, a complex drainage system and numerous premises with common passages that stretched along the southern and northern banks of the large pool. Some of these premises had ritual double-chambered hearths including those built on low platforms.

It is remarkable that when the level of water in the reservoir lowered they built along the newly formed bank wide terraces on which they constructed new premises with cult hearths. This method made it convenient for priests to remain close to water in the pool and easily perform ritual water ceremonies.

Next to the «large» pool was a «small» one with a hollow «filter» made of brick filled with a lot of canes. One can reconstruct the picture of how the turbid water from the Murgab river flowing through the gutter filled the «filter», was cleaned there and then clear water flowed out through a special opening. It could then be used for ritual ceremonies, including the cooking of sacrifice meals. In any case the water had to be clean before the god of rains drank it. The remains of ceramic pipes

and burnt bricks excavated at the crosspiece between two reservoirs for carrying water from the large to the small pools testify to the use of a complex water pumping construction.

Zoroastrians are known as worshippers of both water and fire. Only to fire and water do they make daily sacrifices and prayers. In the Avesta waters are called «Wives of Ahura-Masda» and the most ancient of jashts is dedicated to Ardvi Sura, the goddess of rivers and waters. In the Zoroastrian temples of the later period it was obligatory to have reservoirs

for making sacrifices to water. In other words we have enough evidence to suggest that worship of water and water routes was deeply rooted in the Indo-Aryan. A situation similar to the ensemble of North Gonur is recorded at Taht-i-Suleiman where a natural lake and a temple are united in one complex (**Fig.155-156**). It is noteworthy that in both cases a temple and a water reservoir were encircled by a common wall. There is a similar situation at Kuhi-Hvadja with a temple built on the bank of a lake and Djarkutan (North Bactria, second mil.B.C.) as well.

*Suwuň bolan ýerleri...
Goňurdepäniň
ybadathana
jaýlarynyň birindäki
gazuw-agtaryş işleri.*

*Там, где была
вода...
Раскопки одного
из храмовых
помещений
Гонур-депе.*

*Where one had
water ...
Excavations
in one of temple
premises
of Gonur-depe.*

III bap

Soma-haoma dini ygtykatlary

157

Demirgazyk Goňurdan tapylan soma-haoma içgisini süzmek için ulanylýan kúmüş gap.

Серебряный сосуд-дуршлаг для процеживания сока сомы-хаомы из Северного Гонура.

Silver vessel-colander for percolating soma-haoma juice from the Northern Gonur.

GOÑURDA soma-haoma ybadathanalarynyň ikisiniň bolmagy (13-nji we 15-nji – degişlilikde toplumyň günbataryndaky we gündogaryndaky gazuw işleri) bu dini äheňli içginiň gadymy Marguşyň durmuşynda nähili uly ähmiýete eýe bolandygyny görkezýär. Häzir soma-haomanyň ybadathanalarda, esasan, efedradan we kenepden taýýarlanandygyny subut edilen hasaplap bolar. Goňur temenosynda we Togalak-1 hem-de Togalak-21 ybadathanalarynda biz 30-dan gorwak jaýda uly, içi suwalan pifosalary, çelekleri we wannajyklary tapdyk. Olarda örän gaty we ownatmasy kyn bolan alkaloidli ösümlükler deslapdan ezilip goýlupdyr. Soňra ösümlükleriň şahalary, bu üç ybadathanada, arheologlar tarapyndan gazuw-agtaryş işleri wagtynda örän kän duş gelen gyrgyçlar, sokular we soky daşjagazlary arkaly owulyp helemege öwürlipdir. Ondan şire sykylp alnypdyr. Munuň üçin ýörite gysyjy konstruksiýalar ulanylypdyr. Olar ortasynda ýarym sfera görnüşli güberçekli bolan we edil şonuň ýaly görnüşli, ýöne oýtumly bolan beýleki daşlardyr. Şeýdip, helemek owulman diňe gysylypdyr. Şeýle gysyjy daşlary ýasamakda birnäçe kynçylyklar ýüze çykypdyr. Şoňa görä-de Goňur temenosyň kilisesinde ol guralyň häzirlilikçe diňe biri tapyldy. Ikinji şuňa meňzeş gurala Köpetdagyň etegindäki Duşak obasynyň golaýyndaky Ulugdepe şäherjiginde gabat gelindi. «Haoma» adynyň «basmak», «gysyp çykarmak» işliklerinden gelip çykandygy bellärlilidir.

Soma-haomany taýýarlamagyň indiki tapgyry şiräni ösümlükleriň gury we ownuk böleklerinden arassalamakdan ybaratdyr. Munuň üçin ýörite taýýarlanan süzgüçler – ortaça ululykdaky, düýbünüň ortasyndaky deşigi goýun ýüni ýa-da geçi çöpüri bilen örtülen gaplar ulanylypdyr. «Süzgüçler»

ýörite keramiki podstawkalara goýlupdyr (olar Goňur temenosynda örän köp duş gelyär), olaryň aşagynda uly bolmadyk gapjagazlar goýlup, olara arassalanan şire syrygyp akypdyr (**157-nji surat**). Awestada we Rigwedada* saklanyp galan köp sanly maglumatlara görä dini äheňli soma-haoma içgisini esasan ruhanlylar gatlagynyň wekilleri ulanylypdyr. Bu arheologiýa gazuw-agtaryş işlerinden hem belli bolýar. Mysal üçin, Togalak-21 ýaly klassyky ybadathanalarda taýýarlanan dini äheňli içgi örän az möçberlerde bolup, ol diňe kiliselere hyzmat edýänlere däl, eýsem ruhanlylara-da az mukdarda diýen ýaly ýetipdir.

«**Ak otaglar**». Ýokarda sanaly geçilen zatlaryň ählisi («süzgüçler», keramiki podstawkalar, daş gyrgyçlar we sokular, gysyjy daşlar, kiçijik gapjagazlar) ak otaglar diýilýänlerden tapyldy. Olaryň içiniň ähli ýeriniň (şol sanda pollary hem) ak gips bilen suwalandygy üçin biz olary şeýle atlandyrdyk. Haçan-da süzülen şire suw, süýt (şol sanda turşy çal) we süle bilen garylandan soň, ony ýörite gaplarda şol ak otaglaryň içinde turşatmak üçin goýupdyr. Olarda diwarlaryň ýanynda dikilen pifosly belent ýerler gurlupdyr. Şol ýerde soma-haoma içgisini taýýarlamagyň tamamlajy tapgyry amala aşyrylypdyr. Şunuň ýaly ýörite gurnalan jaýlar Goňur temenosynda, Togalak-1 we 21 ybadathanalarynda bar (**158-nji surat**). Olaryň bu «ybadathana içgisi» bilen gönüden-göni arabaglanyşygynyň bardygyny ýanjap durmagyň hajaty ýok.

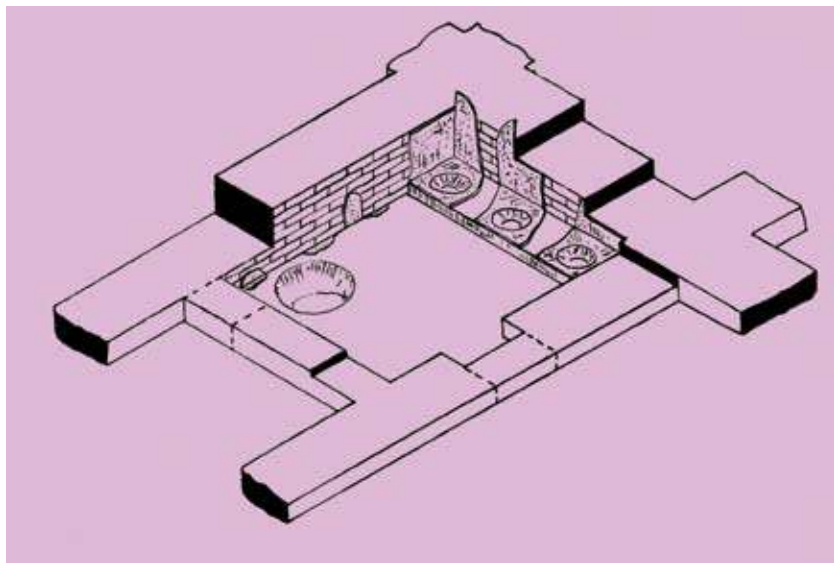
Şu kitapda öň ýatlanlyp geçilen ulaldylan gözüň şekili oýlup çekilen süňk turbajyklardan göknaryň tozanjyklarynyň tapylandygyny aýdylýanlaryň üstüne goşalyň. Ony laboratoriýa barlaglary netijesinde anyklamak başardy. Görlüp oturylsa, ol turbajyklar dini äheňli içgileri içmek üçin ulanylypdyr!

Ýene bir möhüm ýagdaý. Demirgazyk Goňur köşk-ybadathana toplumynyň ilkinji gurlan binalaryndan başlap (kareniniň çäklerindäki demirgazyk fasad) has soňrak gurlan Togalak 1 we 21 görnüşli ybadathanalaryň merkezi böleginde «daşyny koridorlar gurşap alan» diýilýän binagärçilik täri ulanylypdyr (**159-nji surat**). Onuň manysy şeýle: uzyn dar jaýlar bir, has uly gönüburçly ýa-da inedördül merkezi zalyň ýa-da içki howlynyň daşyny jähekläp durýar. Şunuň ýaly ýerleşiş Alyňky Aziýanyň binagärçiliginde biziň günlerimize çenli diýen ýaly örän giňden ýaýrapdyr: oňa däbe öwürülen musulman kerwensaraýlaryny we medreselerini mysal görkezmek bolar.

Binalaryň şular ýaly ýerleşdirilişiniň kökleri gadymy Siriýa binagärligine uzap gidýär (Yrakdaky Habub-Kabir ýadygärligi). Ähli zatdan görnüşi ýaly, gadymy döwürlerde koridorlar bilen gurşalyp alnan zallar (olaryň howly bolandygynyň ähtimallygy az) nähilidir bir gizlin ýygnaýyklaryň, dini äheňli hereketleriň geçirilýän ýeri bolup hyzmat eden bolmagy mümkin. Olarda köpçülikleýin naharlanmak, ähli zatdan görnüşi ýaly, ybadathana içgisini dini däpler bilen baglylykda içmek arkaly amala aşyrylypdyr. Ony her kimiň görmegine rugsat edilmändir we olara diňe saýlanan ruhanlylar gatnaşypdyr. Köpçülikleýin naharlanmanyň soňky bölegi meýdançada, köp adamlaryň ýygnaýmagynda geçirilipdir.

Ýöne «daşyny koridorlar gurşap alan zal köşgüň» soma-haoma taýýarlamak çäreleri geçirilýän ak otaglar bilen elmydama birleşýändigini aýratyn nygtamak isleýärim.

*Rigweda – (Senalar kitabý) – ari taýpalarynyň mifologiýalaryny we dinini şöhlendiriýän gadymy hindi edebiyatynyň ýadygärligi.

Gök gürlemäniň hudaýy. Taýýarlanan içgi adaty gaplara guýulmandyr. Marguşlylarda ony saklamak we ulanmak üçin ýörite inwentar bolupdyr. Mysal üçin, Togalak-1 oba ybadathanasynda arheologlara bitin gaby tapmak bagty miýesser etdi, onuň içinde kinniwanja adaty gapjagazlaryň başisi bar ekeni. Ýöne olaryň dürli hili – çäýnek, wazajyk, kiçijik küýze we tabak formalary bar (**160-nji surat**). Olaryň ählisini içinde saklanan gap haýwanlaryň, guşlaryň we adamlaryň skulptura frizi bilen bezelipdir. Gabyň düýbünden başlap onuň iç ýüzi bilen bu heýkeljyklere garşy towlanyp barýan, kellesi haýwanlaryň art aýaklaryna direlýän ýylanyň şekili çekilipdir. Bu heýkeljik frizindäki esasy zat iki sany adam şekilleridir: olaryň biri çagajygy bagryna basyp, beýlekisi bolsa ellerini arkasyna tutup we başyny aşak egip dur. Gadymy skulptoryň işinden olaryň jynsyny kesgitlep bolmaýandygy üçin gujagynda çagajygy saklap duranyň aýaldygyny we eli çagalý enäniň obrazyny aňladýandygyny çaklamak mümkin.

Şu tapyndy ýüze çykarylandan birnäçe ýyl geçenden soň arheologlar başga ybadathananyň - Togalak-21-iň gazuw agtaryş işlerine girişdiler. Şonda olar uly bolmadyk keramiki küýzejik tapdylar, onuň içinde bişirilmedik, diňe günde guradylan iki sany toýun şekiljikler bar ekeni. Örän shematiki ýasalan bolsalar-da, olarda jynsy alamatlar anyk bildirýär (**161-162-nji surat**). Garaşylyşynyň tersine çagany erkek adam göterip dur, ikinji, başyny aşak salyp we ellerini arkasynda tutup duran, ýagny gul kimin egni gysyk şekiljik bolsa zenany şekillendirýär.

Eger-de hünärmenler Rigwedadaky örän gyzykly rowaýata üns bermedik bolsalar, bu özüne çekiji syrly görnüş biziň üçin düşnüksizligine galardy. Şol rowaýatda gök gürlemäniň hudaýynyň öz aýalyndan (örän möhüm, bellemeli zat – onuň erkiniň we isleginiň tersine) gök gürlemäniň hudaýy çagany soma-haomanyň hudaýy etmek üçin asmana alyp gidýär. Biz Marguşda hut şu rowaýatyň gahrymanlarynyň şekillerini tapaýdykdykmykak? Şeýle çaklama bize örän mümkin bolup göründi, ýöne şekildäki erkek adamyň gök gürlemäniň hudaýynyň obrazyny aňladýandygyny subut etmek gerekdi.

Jogap garaşylmaýan ýerden – Owganystandan, Günorta Baktriýanyň çäklerinden geldi. Ol ýerde bürünç eýýamyna degişli gadymy mazarlaryň birinde gazuw-agtaryş işleri geçirilende, ýokarsynda edil Togalak-1 oba ybadathanasyndan tapylan gapdaky ýaly heýkeljik frizi ýerleşdirilen, döwülip, köp böleklere bölünen gap tapyldy. Restawratorlara ähli bölekleri ýygnaý, ýelimpläp, onuň ilkişadaky görnüşini dikeltmek başartdy. Görüp oturylsa, bu gabyň ýokarsy haýwanlardan, guşlardan, ýylanlardan we gurbagalardan, merkezinde erkek adamyň we aýalyň şekiljiklerinden ybarat skulptura frizi bilen bezelipdir. Özi-de, ol Marguşdaka garanyňda has sünnälenip ýasalyndy. Erkek adam bili guşakly, oňa bolsa palta gysdyrylan görnüşde şekillendirilipdir. Bir eýýäm belli bolşy ýaly, palta gök gürlemäniň hudaýynyň jedelsiz atributydyr (**163-nji surat**). Çagba guýmazdan öň gök gürlemegi gadymy adamlaryň düşünjesine görä, asmandaky hudaýyň urýan paltasynyň sesi bolmaly.

Indi ähli zat düşnükli boldy. Dini äheňli bu gaplardaky skulptura frizleri Baktriýada we Marguşda giňden ýaýran we Rigwidäniň kömegi bilen saklanyp galan soma-haoma hudaýy hakyndaky örän gadymy rowaýaty şekillendirýär.

Baktriýadaky mazarlardan şuna meňzeş dini äheňli başga küýze gaplar hem tapylýar. Ýöne olarda iki bolup tutluşyp göreşýän dürli jynsa degişli adamlaryň skulptura keşpleri bar. Baktriýa-Marguş gliptikasynda söweşeň, göreşýän pozalardaky ellerini ýarym ýagdaýda egip, aldymberdimli tutluşyga taýýar erkek adamyň obrazyny şekillendirýän aýry-aýry heýkeljikler hem seýrek gabat gelmeýär. Başgaça aýdanyňda, mälum bolan skulptura frizli dini äheňli gaplaryň ählisinde (ony anyklamak mümkin bolan ýagdaýynda) jübüt, dürli jynslara degişli gahrymanlar biri-birine açyk gapma-garşy duran görnüşde şekillendirilýär.

Goňurdepeden
tapylan kümüşden
ýasalan dini äheňli
gap-gaç.

Серебряный
культурный сосуд
из Гонур-депе.

Silver cult vessel
from Gonur-depe.

НАЛИЧИЕ на Гонуре двух храмов сомы-хаомы (раскопы 13 и 15 – соответственно, на западе и востоке комплекса) свидетельствует, какое большое значение имел этот культовый напиток в жизни древней Маргианы. В настоящее время можно считать доказанным, что сома-хаома изготавливалась в самих храмах преимущественно из эфедры и конопли. В теменосе Гонура и храмах Тоголок-1 и 21 мы нашли большие, обмазанные изнутри чаны и ванночки для предварительного отмачивания алкалоидных растений, стебли которых отличаются большой жесткостью и трудно поддаются растиранию. Только в теменосе Гонура обнаружено свыше 30 помещений с огромными пифосами, чанами и ванночками, в которых производилось отмачивание. Затем стебли растений при помощи многочисленных каменных терок, ступок и пестиков, в изобилии встреченных археологами при раскопках этих трех храмов, перетирались и превращались в кашицу, из которой выдавливался сам сок. Для этого использовались специальные давяльные конструкции – плоские камни, имеющие в середине полусферический выступ, который вставлялся в углубление другого плоского камня. Таким путем каша уже не перетиралась, а давилась. Изготовление давяльных камней представляло определенные трудности. Поэтому до сих пор всего один такой предмет был обнаружен в «часовне» теменоса Гонура, а второй – на городище Улуг-депе возле Душака, в предгорье Копетдага. Показательно, что само название «хаома» происходит от глагола «давить», «выдавливаться».

Следующий этап изготовления сомы-хаомы заключался в очищении сока от сухих и мелких обломков стеблей растений. Для этого использовались специально изготовленные цедилки – сосуды средних размеров с отверстием в середине дна, прикрытым клочком шерсти барана или козы. Цедилки устанавливались на специальные керамические подставки (в изобилии встреченные в том же теменосе Гонура), под которые предварительно ставились небольшие сосудики, куда и стекал очищенный сок (*Илл. 157*). Авеста и Ригведа* сохранили много данных, из которых можно заключить, что культовый напиток сома-хаома употребляли в основном представители жреческого сословия. Это также подтверждается археологическими раскопками. Например, в таком классическом храме, как Тоголок-21, это культовое питье готовилось в столь скромном объеме, что его едва ли хватало жрецам, не говоря уже о рядовых служителях святины.

Белые комнаты. Все вышеперечисленные предметы (цедилки, керамические подставки, каменные терки и ступки, давяльные камни, мелкие блюдечки) найдены в так называемых белых комнатах. Мы дали им такое название потому, что их интерьеры были

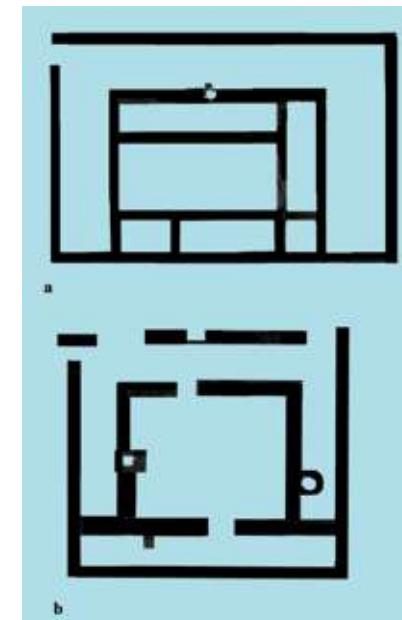
покрыты (включая пол) белой гипсовой обмазкой. Когда процеженный сок смешивался с водой, молоком (в том числе кислым) и ячменем, смесь оставляли бродить в специальных сосудах внутри тех же белых комнат. Вдоль стен в них были устроены возвышения со вкопанными пифосами, где и проходил заключительный процесс приготовления напитка сома-хаома. Такие специально устроенные помещения есть в теменосе Гонура, в храмах Тоголок 1 и 21 (*Илл. 158*). Излишне повторять, что их прямая связь с производством этого «церковного вина» совершенно очевидна.

Остается добавить, что внутри уже упоминавшихся в этой книге костяных трубочек с гравировкой в виде увеличенных глаз оказалась пыльца мака – это позволило установить лабораторный анализ. Стало быть, эти трубочки использовались для питья культовых напитков!

И еще одно важное обстоятельство. Начиная с самых ранних построек дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (северный фасад в пределах каре) и вплоть до самых поздних храмов типа Тоголок 1 и 21 центральную часть таких сооружений составляет архитектурный прием «двор в обводе коридоров» (*Илл. 159*) – это когда длинные узкие помещения обрамляют один, более крупный прямоугольный или квадратный центральный зал или внутренний двор. Такая планировка была весьма популярна в зодчестве Передней Азии почти до нашего времени: по этой схеме построены, например, традиционные мусульманские караван-сарай и медресе. Истоки этой планировки восходят к древнесирийской архитектуре IV тысячелетия до н.э. (памятник Хабуба-Кабира в Ираке). По всей видимости, в глубокой древности центральные залы (менее вероятно, что это были дворы), обведенные коридорами, служили местом, где проходили какие-то тайные мистерии, сакральные действия, связанные с общественными трапезами, которые, судя по всему, включали и культовые возлияния храмового напитка. Последние явно не были предназначены для взоров непосвященных, в них участвовали лишь избранные жрецы. Финальная же часть общественных трапез проходила на самой площади при большом скоплении людей.

Но подчеркиваю особо: «зал/двор в обводе коридоров» всегда соединяется с белыми комнатами, в которых протекали церемонии, связанные с приготовлением сомы-хаомы.

Бог-громовержец. Приготовленный напиток разливался не в обычные сосуды. Для его хранения и употребления у маргушцев был специальный инвентарь. Так, при раскопках сельского храма Тоголок-1 археологам посчастливилось обнаружить целый сосуд, внутри которого находилось пять миниатюрных сосудиков обычных, но разнообразных форм: в виде чайника, вазочки, кринки и миски (*Илл. 160*). Вмещавший все это сосуд по венчику украшен наклепным

159

«Koridorlar bilen gurşalyyp alnan howly» arhitektura usulynyň shemasy.

Схемы архитектурного приема «двор в обводе коридоров».

Schemes of an architectural technique of a "courtyard surrounded by corridors".

160

*Togalak-21
ybadathanasyndan
tapylan dini áheñli
garp-qaçlar.*

*Культовый
комплект сосудов
из храма Тоголок-1.*

*A set of cult vessels
from Togolok-1
temple.*

161-162

*Togalak-21
ybadathanasyndan
tapylan toyun
heýkeljikler.*

*Глиняные
статуэтки из
сосуда, найденного
в храме Тоголок-21.*

*Earthenware
figurines from the
vessel disclosed in
Togolok-21 temple.*

скульптурным фризом, состоящим из фигурок животных, птиц и людей. От самого дна сосуда, по внутренним поверхностям стенок к этим скульптуркам, извиваясь, тянутся змеи, головы которых упираются в задние ноги животных. Главное место на этом скульптурном фризе, бесспорно, занимают две человеческие фигуры: одна с младенцем на груди, а вторая - с заведенными за спину руками и опущенной вниз головой. Поскольку древний скульптор не подчеркнул признаки пола, оставалось только предположить, что фигура,

держащая в объятиях младенца, является женской и, скорее всего, воплощает образ матери с ребенком на руках.

Со времени этой находки прошло несколько лет и когда археологи приступили к раскопкам другого храма (Тоголок-21), им удалось найти небольшую керамическую кринку, внутри которой находились две глиняные фигурки, не обожженные, а только высушенные на солнце. Вылепленные весьма схематично, они, тем не менее, несут в себе четкие половые признаки (*Илл. 161-162*). Против всякого ожидания, ребенка на руках держит мужчина, в то время как вторая фигурка изображает женщину с опущенной головой и руками, заведенными за спину, то есть в рабски приниженной позе.

Возможно, интригующая сцена так и осталась бы непонятной для нас, если бы специалисты не обратили внимание на то, что в Ригведе содержится один весьма интересный миф, повествующий о том, как бог грома отбирает у своей жены (и, что очень существенно, против ее воли и желания) их общего сына. Бог-громовержец уносит ребенка на небо, чтобы сделать его богом сомы-хаомы. Неужели мы нашли в Маргиане изображения персонажей именно этого мифа? Такое предположение казалось вполне вероятным, но надо было доказать, что мужской персонаж передает образ именно бога-громовержца.

Ответ пришел с самой неожиданной стороны – из Афганистана, с территории Южной Бактрии. Там, при раскопках одной из древних могил, относящихся к эпохе бронзы, был обнаружен, казалось бы, безнадежно разбитый сосуд со скульптурным фризом по венчику, точно такого же типа, как вышеупомянутый из сельского храма Тоголок-1. Реставраторы сумели собрать и склеить все черепки и полностью воссоздать его первоначальный вид. Как оказалось, и этот сосуд был украшен по венчику скульптурным фризом, состоящим из животных, птиц, змей и лягушек, причем центральное место во фризе занимают стоящие рядом мужская и женская фигурки, вылепленные, однако, древним скульптором с куда большей тщательностью, чем их маргианские собратья. Мужская фигурка опоясана кушаком, за который был заткнут топор, а это, как уже давно установлено, бесспорный атрибут бога-громовержца (*Илл. 163*). Громовые раскаты перед ливнем, по представлениям древних людей, ничто иное, как звуки ударов топора, которым размахивает небесное божество.

Итак, все встало на свои места. Теперь понятно, что скульптурные фризы на этих культовых сосудах передают очень древний миф о божестве сомы-хаомы, широко распространенный в Бактрии и Маргиане и сохранившийся благодаря Ригведе.

Из могил Бактрии происходят и другие культовые сосуды подобного рода, но они украшены скульптурными налипными фигурками двух тесно сцепившихся, борющихся разнополых людей. В бактрийско-маргианской глиптике нередко встречаются отдельные статуэтки, передающие образ мужчины в боевой, борцовской позе, с полусогнутыми руками, готового к яростной схватке. Иначе говоря, на всех известных культовых сосудах со скульптурными фризами (когда это можно установить) имеются парные, разнополые персонажи, показанные в явном противостоянии.

163

*Baktriyadan tapylan
ýyldyrym hudaýynyň
toyundan ýasalan
şekiljigi.*

*Глиняная фигурка
бога-громовержца
из Бактрии.*

*A figurine of the
Thunderer from
Bactria.*

Chapter 3 The Cult of Soma-Haoma

Gonurdepe. Dürli daşlardan ýasalan dini äheňli zatlar.

Гонур-депе. Набор культовых предметов из разных пород камня.

Gonur-depe. A set of cult articles made of different stone varieties.

THE RITUAL drink soma-haoma played an important role in the life of ancient people of Margiana; two Temples of Soma-haoma (excavated fields 13 and 15 - respectively on the West and East of the complex) speak in favour of this

supposition. At the present it is almost definite that soma-haoma made mainly of ephedra and hemp was produced in local temples. Hemp is a very popular plant in the area of modern Margiana. In the Gonur temenos and temples of Togolok-21 and Togolok-1 archaeologists found large vessels and «baths» coated inside with plaster that were used for preliminary soaking of alkaloid plants with very hard twigs. Only in the Gonur temenos thirty rooms with large pithoi, vessels and «baths» for the soaking process were found.

After the soaking process the plant twigs were grated with the help of numerous stone graters, mortars and pestles that archaeologists found in abundance during the excavations of these three temples. For squeezing juice out of this pulp they used special squeezing constructions: flat stones with a semi-spherical protrusion in the center that fit into the hole of another flat stone. The production of «squeezing» stones was presumably a difficult job, this explains the fact that only one such item was found in the temple of the Gonur temenos and the other at Ulug Depe near the railroad station Dushak in the sub-mountain zone of the

Kopet-Dagh. It is noteworthy that the word «haoma» is a derivative of the verb «to squeeze».

The next stage in the production of soma-haoma was to separate the juice from the twigs of ephedra and hemp. For this purpose they used ceramic strainers which were placed on the ceramic supports (found in abundance in the Gonur temenos). The juice flowed through a wool-covered hole in the center of the strainer and into a bowl placed under the ceramic support (**Fig.157**).

The Avesta as well as the Rigveda had enough information that the ritual beverage soma-haoma was mainly used by priests, and archaeological material illustrates this. Indeed, even in such a classical temple as Togolok-21 this cult beverage was produced in very small amounts, hardly enough for all the clergy, not to speak of parishioners.

«WHITE ROOMS». All the artifacts mentioned above («strainers», «ceramic supports», stone graters and mortars, squeezing stones, and flat saucers) were found in large numbers in the so called «white rooms» that got this name because of white gypsum plaster that coated all the surfaces including floors. In the rooms along the walls there were platforms with pythos dug for use in the final preparations of the soma-haoma beverage. Such special «white rooms» were found in the Gonur temenos (**Fig.158**) and temples of Togolok-1 and 21; there is no doubt that they were used for the production of this hallucinogenic drink.

It should be added that seeds and traces of twigs of such alkaloid plants as ephedra and hemp were found at all the excavated temples of Margiana. They were analyzed at the Moscow State University by Prof. N.R.Mayer-Melikyan. Inside the bone tubes with engraved exaggerated eyes mentioned above pollen of poppy was found, evidence that these tubes were used for ritual drinking. As a result, we have no doubt that soma-haoma was produced locally in the temples of Margiana.

In this connection one should refer to a very remarkable find in Ninni-Zaza in Mari. There in room No 5 a northern podium was excavated that could also be associated with the preparing of a stimulating beverage of the same kind. The four vertical bands coated with bitumen very closely resemble those with gypsum coating in the Gonur temenos in room No 132, which was undoubtedly associated with the preparation of the ritual. True, the excavations in Mari took place over half a century ago when they did almost no botanical analysis, and so it is difficult to reach a definite conclusion about what this room was used for.

Archaeologists witnessed that beginning with the excavation of the very early buildings of the palace and temple complex of North Gonur (the northern side within the limits of the square) and up to the very late temples of the Togolok 1 and 21 types, the central part of the temples was built after the architectural method called «a courtyard framed with corridors» (**Fig.159**). It means that long and narrow premises frame one, larger rectangular or square central hall. This plan was rather

popular in the monumental architecture of Near Asia and it is rooted in the ancient Syrian architecture of the fourth mil.B.C. (monument of Habuba-Kabira in Iraq). The central halls (less probably, yards) framed with corridors were probably used for some kind of «secret mysteries» (cult ceremonies and rituals) that were sacred actions associated with «communal eating», possibly accompanied with cult libations of a hallucinogenic beverage of the soma-haoma type. But all these actions were not meant for non-affiliated; only selected priests participated in them. The final part of the «communal eating» took place in the square with many people involved in it. It is noteworthy that a «hall (yard) framed with corridors» was always somehow joined with «white rooms» associated with the preparation of soma-haoma.

GOD-THUNDERER. The prepared drink was poured out into specially made cups. The archaeologists who excavated the rural temple Togolok were lucky enough to find one intact vessel with five miniature vessels inside of it. These were ordinary small vessels in the forms of a teapot, a vase, a jug and a deep plate (**Fig.160**). The major vessel (with the five small ones) could be referred to as ordinary one but the rim was decorated with a sculpted frieze that consisted of standing figures of animals, birds and people. From the bottom of the vessel along its inner walls snakes crept up to these figures and touched the hind legs of the figures with their heads.

The naked human figures on this sculpted frieze are undoubtedly the principal ones among those portrayed. One of them has a baby at the breast, the other with head bowed has its arms bent backward. Since the figures have no sex signs we could only suggest that the figure with a baby was a female and most likely was the image of a mother and a child.

Many years have passed since this find and when the temple of Togolok-21 was being excavated the archaeologists found a small ceramic vessel inside of which were two intact figures made of sun-dried clay. This time these conventionally made figures had clear sex signs (**Fig.161-162**). One can only imagine how greatly the archaeologists were surprised when they saw that the baby was in the hands of a man and that the woman was the one who was standing with her head down and arms turned back, that is, in a clearly humble position.

The explanation of this intriguing situation was found in the sacred book of Indo- Aryans, in the Rigveda, where one of its myths tells the story of a god of thunder who takes away from his wife (against her will!) their common son. The god thunderer takes the baby away to the sky where he wants to make him a god of soma-haoma. In general form our supposition appeared to be accurate but we had to prove that the male figure really conveyed the god of thunder. Rather unexpectedly the proof came from Afghanistan, from the area of South Bactria. There in one of the graves of the Bronze period they found a very badly

damaged vessel with a sculpted frieze along the rim of absolutely the same type as the one from the rural temple Togolok-1 described above. After it was assembled, glued and fully restored it became possible to see what it originally looked like. The sculpted frieze of this vessel was also decorated with figures of animals, birds, snakes and frogs and again the central place in the frieze belonged to human figures. This ancient sculpture was more accurate and precise than the one in Margiana. The waist of the male figure was belted and an axe was stuck in his belt, an indisputable sign of the god-thunderer, since the ancients believed that with the help of this axe the god produced thunder (**Fig.163**). And so the puzzle was solved. It became clear that sculpted friezes on such ritual vessels demonstrate an ancient myth of the god of soma-haoma that was widely popular in ancient Bactria and Margiana and was described in the Rigveda.

The Bactrian graves have also yielded other ritual vessels, but their sculpted friezes represented only two wrestling people of opposite sexes. One can say that when it is possible to define all the known ritual vessels with sculpted friezes had paired persons of the opposite sex shown in a definite fighting position. In Bactria and Margiana, separate male figures that show a man in a fighting, «wrestling» position with half bent arms, as if ready for a fight, were found.

IV bap

Dünýä ýaşayşynyň daragty we deňzi

164

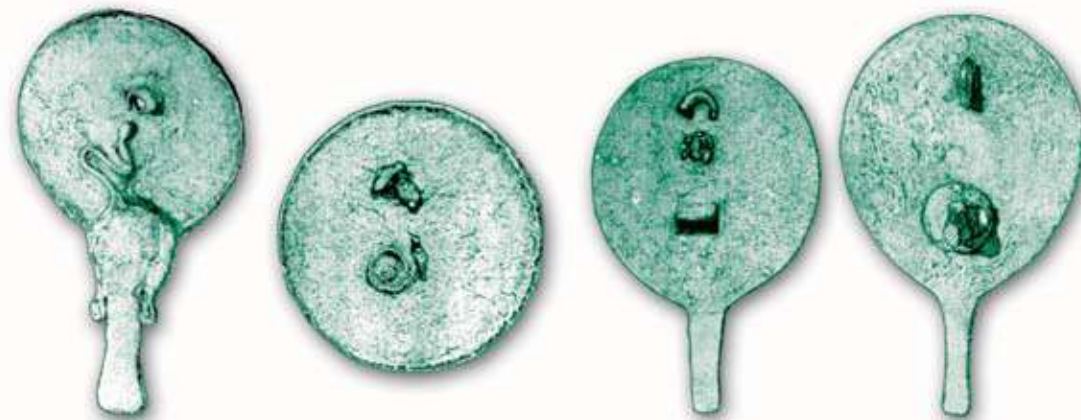
Goňurdepeden tapylan keramikada şekillendirilen ýaşayş daragtynyň sudury.

Изображение мирового древа на керамике из Гонур-депе.

World-tree image on ceramics from Gonur-depe.

BAKTRIÝA aýnasy. Gozgalýan tema bilen baglylykda täsin mis-bürünç aýnalaryň birnäçesi aýratyn üns bermäge mynasyppdyr. Gynansak-da, arheologlaryň tapan zatlarýna Kabulyň söwda dükanlarynda gabat gelindi. Görüp oturylsa, «gizlin arheologiya» bilen, ýagny Baktriýanyň gadymy mazarlarynyň rugsat edilmedik gazuw-agtaryşy bilen meşgullanýan owgan daýhanlarynyň birnäçesi şol bir mazarda haçandyr bir wagt goýlan bürünç aýnalaryň başısını tapypdyrlar. Aýnalaryň ählisi tegelek bolup (gapdalyndaky tutawaçlary bolan ýa-da bolmadyk), aýna ýaly ýalpyldaýança işlenililipdir we olaryň arka tarapy bolsa birmeňzeş oýlup çekilen, berk örülen çigiş şekilli ornamentlidir. Ölçeglerinden we görnüşinden çen tutulanda bir burumlar deňiz tolkunlaryny aňladýar. Onuň fonunda güberçek heýkeljikler şekillendirilipdir (**165-nji surat**). Aýnalaryň dördüsünde şunuň ýaly süžetli kompozisiýalara hökman ýylanlar gatnaşdyrylýar. Olar berk ýumak ýaly düýrülen, naýza görnüşli kellelerini yokaryk galdyryp duran görnüşde şekillendirilýär. Diňe bir ýagdaýda ýylan ýumaga düýrülen görnüşde däl-de, suwuň ýüzünden gaýyp we towlanyp, suwuň astyndan yokaryk çykan şahly öküz kelleli gorkunç läheňe garşy ýüzüp barýan görnüşde suratlandyrylypdyr. Bu şekil Rigwedada ýatlanýan «girdaplaryň ýylanyny» ýatlatman hem duranok.

Halka ýaly tegelek we onuň garşysyna deňziň ýüzüne çykan gippopotam (onuň burunlarynyň deşigi ulaldylyp görkezilen uly kellesi saklanypdyr) şekillendirilen aýna ylym üçin aýratyn gymmatlyk bolup durýar. Bu sahna gadymy Müsür sungatynda örän meşhur bolan haýwanlary şekillendirmegiň

äheňini we stilini takyk görkezýär. Müsüriň özünde gippopotamy diňe bir eti üçin däl, eýsem olaryň dünýä bulam-bujarlygynyň jemlenmesi we erbet güýçleriň simwoly hökmünde awlapdyrlar. Ýylanlar aýnalarda elmydama kellesini yokaryk galdyryp, adamzat nesliniň her bir duşmany bilen, goý, ol gippopotam ýa-da gurbaga bolsun, garpyşmaga taýýar görnüşde şekillendirilýär.

Bu Baktriýa aýnalarynda gippopotamlaryň we gurbaglaryň adam üçin ähli erbetlikleriň nyşany hökmünde ýa-da tersine şekillendirilýändigini belli däl, çünki olar ýylanlaryň duşmanlary hökmünde şekillendirilipdir. Baktriýa aýnalaryndaky kompozisiýalar tutuşlygyna alanynda, ýagşy we erbet güýçleriň göreşi ideýasyna bagyşlanan tematika degişlidir. Özi-de, položitel gahrymanlar hökmünde ýylanlar çykyş edip, ol baktriýa-marguş dünýägararşy üçin häsiýetli ýagdaýdyr.

Dogry, Awestada goramak wezipesini ýylan däl-de, Kara balygy ýerine ýetirýär, ýöne munuň prinsipial ähmiýeti yok. Parfiýa-sasanidler döwründe, Awestany kodlaşdyrmagyň geçirilen wagtyna çenli oňparazlaryň dürli toparlarynda merhumy jaýlamak dessurlary hem biri-birinden epesli tapawutlanypdyr, bu bir obrazyň beýlekisi bilen arkaýyn çalşylyp bilinendigini aňladýandygyna şaýatlyk edýär.

Dini häsiýetli gap-gaçlar. Marguş ýadygärliklerinde gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly tapylan bütin ýa-da döwür bölekler görnüşündäki ýüzlerçe, hatda müňlerçe keramiki gap-gaçlaryň hiç hili bezegi yok. Keramikanyň, aýratyn hem irki döwre – biziň eýýamymyzdan öň III müňýyllygyň ahryna degişlileriniň hili juda yokarydyr. Gap-gaçlaryň diwarlary ýuka, urlanda seslenýän bolup, olar köplenç ak toýundan ýasalypdyr. Formasy boýunça dürli keramiki önümleriň käbir böleklerinde heniz bişirilmänkä ýüzüne çyzylyp çekilen birmeňzeş kompozisiýalar gabat gelýär: onda agaç we onuň iki tarapynda (käte art ayaklarynda) duran iki sany şahly geçi şekillendirilýär (**166-njy surat**). Şeýle suratly gap-gaçlar köplenç ybadathanalardan tapyldy, olar dini äheňli içgileri içmek üçin ulanylypdyr. Eger-de gap-gaçlarda, kada bolşy ýaly, suwuklygyň (dini äheňli gaplarda bolsa soma-haomanyň alkaloidli şiresiniň) saklanandygyny göz önünde tutsaň, bu kompozisiýalaryň kosmogonik düşüňjeler bilen baglanyşygy barada oýlanýarsyň. Oňparazlaryň düşüňjelerine görä, dünýä deňziniň (ummanyň) ortasynda dag bolup, ol ýerde «ähli tohumlaryň

165

Baktriýanyň talanan mazarýndan tapylan tematiki kompozisiýaly täsin bürünç aýnalar.

Уникальные бронзовые зеркала с тематическими композициями из разграбленной могилы в Бактрии.

Unique bronze mirrors with thematic compositions from the plundered grave in Bactria.

agajy» ösýär. Ortaýer deňziniň golaýynda ýerleşen Alalahdan* başynda ýokary dyrmaşyp barýan ýylanyň kellesiniň şekili saklanyp galan gabyň bölegi tapyldy. Ol gönüden-göni Marguş we Baktriýa gap-gaçlarynyň şunuň ýaly böleklerini ýatladýar. Alalahdan tapylan beýleki bir gabyň böleginiň ýokarsynda haýwanyň palçykdan ýasalan şekiljigi saklanyp galyndy. Onuň Baktriýa-Marguş dini äheňli gabyňy ýatladýan gabyň saklanmadyk skulptura frizine degişli bolandygyny çaklamak mümkin. Alalahnyň Ortaýer deňzi bilen Baktriýanyň-Marguşyň aralygynda we taýpalaryň egeý-anadoly merkezinden Gündogara tarap çaklanylýan hereketiniň ugrunda ýerleşendigini göz öňünde tutsaň, şeýle meňzeşlik örän kanunalaýyk bolup görünýär. Getirilýän faktlar we syn etmeler häzirikçe, bir tarapdan diňe Marguşa we Baktriýa, beýleki tarapdan bolsa egeý-anadoly sebitine degişli bolup, Ýakyn Gündogar ulgamynyň başga hiç ýerinde hasaba alynmady. Bu örän bellärlilikdir we bize ybadathanalarda alkaloidli içgileri ulanmak däbini Merkezi Aziýa günbatar taýpalary getirendir diýip hasap etmäge mümkinçilik berýär.

Ýokarsynda skulptura frizleri ýerleşdiilen gap-gaçlar bilen birlikde Marguşda şonuň ýaly, ýöne palçykdan ýasalan şekiljikler goýulmadyk gap-gaçlar has köp duş gelýär. Ýöne turba şekilli guýguçlaryň üçüsi bar. Hut şolar käte iki tarapynda jübüt geçiler (köplenç art aýagyňyň üstünde duran) bolan «durmuş agajy» ýa-da «ähli tohumlaryň agajy» şekillendirilen kompozisiýalar bilen bezelipdir. Şunuň ýaly gaplarda turba şekilli guýguçlaryň üçüsiniň bolmagy olaryň suwuklyk guýmak üçin ulanylandygyna şaýatlyk edýär. Kä halatlarda guýguçlar badam gözli, uzyn we egri şahly öküz kellesi görnüşinde ýasalyndy (167-168-nji surat). Däp bolşy ýaly, merkezi agajyň şekili elmydama gabyň merkezi böleginde çekilipdir. Şeýle kompozisiýalaryň arasynda has jikme-jik detallaşdyrylan görnüşleri bar. Olarda depesi agaçly dag, jübüt guş we iki sany geçi şekillendirilýär. Akademik Wýaç.Ws. Iwanowyň belleýşi ýaly, şahalarynda iki sany guş oturan «Dünýä agajy» hakynda Awestadan başga-da Rigwedede hem ýatlanýar. Bu bolsa hindiari taýpalarynda örän gadymy döwürlerden, heniz olaryň iki şaha bölünmezinden ep-esli wagt öň bu rowaýatyň juda meşhur bolandygyna şübhelenmäge hiç hili esas goýmaýar.

Arheologiýa subutnamalary barada aýdylanda bolsa, şuna meňzeş iň irki kompozisiýalar şekillendirilen möhürler biziň eýýamymyzdan öňki IV müňýyllygyň gatlaklarynda duş gelýär. Ýöne olar biziň eýýamymyzdan öň III-II müňýyllygyň dowamynda has giňden ýaýrapdyr. Şuna meňzeş kompozisiýalar akkad döwründe aýratyn köp ulanylypdyr, olarda şol «durmuş agaçlarynyň» öňünde geçileriň ýerine öküzler şekillendirilipdir.

Dini äheňli gap-gaçlaryň ýüzüne çekilen şunuň ýaly suratlardan başga-da, käte daşlaryň ýüzüne çekilen suratlara hem gabat gelindi. Şolardan gara steatitden ýasalan, düýbünüň tekiz üsti çalaja bildirýän çukurly kinniwanja, üç gyraňly piramida tapawutlanýar. Piramidanyň ähli üç tarapynda depesi primidal agaçly merkezi dag, gapdalynda agyzlaryny uludan açyp, guýrukларыnyň üstünde duran ýylanlar şekillendirilen birmeňzeş suratlar ýerleşdirilipdir. Olar Awestanyň ýatlanýlyp geçilen rowaýatyndaky ýaly keramatly agajyň goragynda durana çalym edýär. Eger hindiari taýpalarynda suwuklyklar bilen doldurylan dini äheňli gap-gaçlar dünýäniň modeli bolupdyr diýip çaklasak, hakykatdan daş düşmeris. Onda suwuň üsti

166

Goňurdan tapylan gap-gaçlar.

Сосуды из Гонура с нацарапанными на их стенках изображениями.

Vessels with images scratched on their walls from Gonur.

*Alalah – Siriýanyň demirgazyk-günbataryndaky gadymy söwda şäheri we Mesopotamiýanyň, Müsüriň, hettleriň we egeý dünýäsiniň siwilizasiýalaryny baglanyşdyrypdyr.

bütindünýä Worukaşa ummanyny aňladyp, Awesta laýyklykda merkezinde, dagyň üstünde «ähli tohumlaryň agajy», başgaça aýdanyňda, «gurban berilýän haoma ösümligi bilen birlikde «dünýä agajy» ösýär. Marguş gapgaçlarynda hut şeýle agajyň şekillendirilendigine has seýrek gabat gelnen, şahalarda oturan guşlar görkezilen kompozisiýalar şaýatlyk edýär. Awesta rowaýatlarynyň birinde aýdylyşy ýaly, guşlar «durmuş agajynyň» miwelerini çokup, olaryň tohumlaryny asmana alyp gidýärler, ol ýerden ol tohum ýaguş bilen yzyna gaýdyp gelýär we ýene-de ýerde ösüp çykýar. Gapgaçlarda diňe şeýle kompozisiýalar gabat gelýär. Bu bolsa olaryň gadymy marguşlylaryň rowaýatlarynda juda simwoliki ähmiýete eýe bolandygyny aýdyň görkezýär.

Глава четвертая

Мировое древо и море Ворукаша

БАКТРИЙСКИЕ зеркала. В связи с затронутой темой исключительного внимания заслуживают несколько уникальных медно-бронзовых зеркал, встреченных археологами, но, к сожалению, не во время раскопок, а в одной из антикварных лавок Кабула. Как оказалось, афганские крестьяне, промышлявшие «черной археологией», то есть несанкционированными раскопками древних могил Бактрии с целью наживы, нашли пять бронзовых зеркал, по всей вероятности положенных когда-то в одну и ту же могилу. Все зеркала круглые (с боковыми ручками или без них) и имеют гладкую, заполированную до зеркального блеска поверхность, а их оборотные стороны украшены гравированными однотипными орнаментами в виде круто скрученных завитков. Судя по их размерам и форме, эти завитки изображают морские волны, на фоне которых сделаны рельефные скульптурные фигуры (*Илл. 165*). На четырех зеркалах непременными участниками таких, явно сюжетных, композиций, являются змеи, всегда туго закрученные в клубок с поднятыми вверх копьевидными головками. Лишь в одном случае изображена не скрученная в кольцо, а легко скользящая по воде и извивающаяся змея, устремленная навстречу всплывающему на морскую поверхность монстру с головой рогатого быка. Это изображение до определенной степени напоминает «змея глубин», упоминаемого в Ригведе.

Особую ценность для науки представляет зеркало с изображением свернувшейся в кольцо змеи, которой противостоит всплывающий на морскую поверхность гиппопотам: сохранилась его массивная голова с выделенными раздутыми ноздрями. Сцена в точности передает манеру и стиль изображения этих весьма популярных в искусстве Древнего Египта животных. В самом Египте на гиппопотамов охотились с древнейших времен не только из-за их мяса, но еще и потому, что они символизировали негативные силы и были воплощением мирового хаоса. Змеи на зеркалах всегда показаны в оборонительно-защитной позе, с поднятой головой, готовыми к борьбе с любыми врагами рода человеческого, будь то гиппопотамы или лягушки.

Не доказано, но и не исключено, что на этих бактрийских зеркалах гиппопотамы и лягушки тоже олицетворяют собой все отрицательное по отношению к людям, потому они и показаны в явном противостоянии змеям. В целом композиции на зеркалах Бактрии тематические (если не сказать, повествовательные), связанные с идеей борьбы добрых и злых сил, причем положительными персонажами выступают именно змеи, что характерно для бактрийско-маргианских воззрений.

Правда, в Авесте охранные функции выполняют не змеи, а рыба Кара, что, однако, не имеет принципиального значения. Известно, что до тех пор, пока в парфяно-сасанидское время не была кодифицирована Авеста, даже погребальные обряды у разных групп зороастрийцев заметно отличались друг от друга, что вполне допускало подмену одного образа другим.

Культовые сосуды. Сотни, если не тысячи, керамических сосудов, в целом или фрагментированном виде найденные при раскопках памятников Маргианы, не имеют никаких украшений. Качество керамики, особенно самой ранней, относящейся к концу III тысячелетия до н.э., – высочайшее. Стенки сосудов тонкие, «звенящие», в большинстве случаев сделаны из светлой глины. Но на некоторой части разных по форме изделий встречается нацарапанная на их стенках еще до обжига однотипная композиция: дерево, по обе стороны от которого стоят (нередко на задних ногах) два рогатых козла (*Илл. 166*). Чаще всего такая композиция имела на сосудах, найденных в храмах и использовавшихся для культовых возлияний. Если учесть, что в сосудах, как правило, находилась жидкость (а в культовых сосудах – алкалоидный сок сома-хаома), то само собой напрашивается сопоставление этих композиций с космогоническими представлениями. Согласно взглядам зороастрийцев, в середине мирового моря (океана), именуемого Ворукаша, возвышается гора, на вершине которой произрастает «древо всех семян».

Из расположенного близ Средиземного моря Алалаха* происходит фрагмент сосуда, на венчике которого сохранилась головка выползающей вверх змеи, что напоминает аналогичные фрагменты маргианских и бактрийских сосудов. На другом венчике сосуда из того же Алалаха сохранилась наклепная фигурка животного. Можно предположить, что она принадлежала несохранившемуся скульптурному фризу от культового сосуда, напоминающего бактрийско-маргианские. Такие параллели кажутся весьма закономерными, если учесть тот факт, что Алалах занимал промежуточное место между Средиземноморьем и Бактрией – Маргианой и был проме-

*Алалах – древний торговый город на северо-западе Сирии, связывавший цивилизации Месопотамии, Египта, хеттов и эгейского мира.

167
Goňurdan tapylan öküziň kellesi görnüşli jürdegi bolan keramiki gabyň bölegi.

Фрагмент керамического сосуда из Гонура со сливом в виде головы быка.

A fragment of a ceramic vessel with an outlet in the form of the bull's head from Gonur.

жуточным пунктом на пути предполагаемого движения племен из эгейско-анатолийского центра на Восток. Все приведенные факты и наблюдения пока зафиксированы, с одной стороны, только в Маргиане и Бактрии, с другой, – в эгейско-анатолийском регионе и более нигде в системе всего Ближнего Востока. Это весьма знаменательно и дает нам основания считать, что практика употребления в храмах алкалоидных напитков была привнесена в Центральную Азию западными племенами.

Наряду с сосудами со скульптурными фризами, расположенными по венчику, в еще большей степени в стране Маргуш распространились такой же формы сосуды без налепных фигурок, но зато имеющие по три трубчатых носика-слива. Именно эти изделия иногда украшены композициями в виде центрального «древа жизни» или «дерева всех семян» и расположенными по обе стороны от него парами козлов, нередко стоящих на задних ногах. Факт наличия на подобных сосудах трех трубчатых носиков свидетельствует о том, что они использовались для разливания жидкости. В некоторых случаях сливы оформлены в виде бычьих голов с налепными миндалевидными глазами и длинными, изогнутыми рогами (Илл. 167-168). Как правило, изображения центрального дерева всегда процарапаны на корпусе сосудов, а рогатые козлы выполнены в налепной технике. Среди подобных композиций есть и другие, более детализированные, включающие гору с деревом на вершине, парой птиц и, опять-таки, парой козлов. Как заметил академик Вяч. Вс. Иванов, «мировое дерево» с сидящими на его ветвях двумя птицами помимо Авесты упоминается также в Ригведе, что не оставляет никаких сомнений относительно популярности этого мифа у индоарийских племен с очень древнего времени, задолго до их разделения на две ветви.

Если обратиться к археологическим доказательствам, то самые ранние композиции такого рода изображены уже на печатях в слоях IV тысячелетия до н.э., но особую популярность они находят в течение III-II тысячелетий до н.э. Исключительно широко распространились подобные композиции в аккадский период, когда вместо козлов изображались быки, стоящие все перед тем же «древом жизни».

Кроме подобных рисунков, нанесенных на стенки культовых сосудов, единичные изображения встречены и на каменных изделиях. Здесь выделяется миниатюрная трехгранная пирамида, изготовленная из черного стеатита с еле заметным углублением в плоском основании. Со всех трех сторон пирамиды процарапаны однотипные рисунки в виде центральной горы с пирамидальным деревом на ее вершине, по бокам которой стоят на своих хвостах змеи с широко разинутыми пастьми. Они похожи на стражей священного дерева, что находит соответствие в упомянутом пассаже Авесты.

Едва ли мы будем далеки от истины, если предположим, что у индоарийских племен культовые сосуды, наполненные жидкостью, скорее всего, были моделью мира, где зеркало воды изображало всемирный океан Ворукаша, в центре которого, на горе, согласно Авесте, растет «дерево всех семян», иначе «мировое дерево», вместе с «жертвенным растением хаомой». А о том, что на маргианских сосудах нарисовано именно такое дерево, нам говорит более редкие композиции, где показано, что на ветвях дерева сидят птицы.

Согласно одному из авестийских мифов, птицы склевывают и уносят семена с «древа жизни» на небо, откуда они возвращаются вместе с дождями и снова прорастают на земле.

Все композиции такого рода были, в сущности, единственными изображениями на сосудах - ничего иного на них не встречается. А это делает очевидным их сугубо символическое значение в древней мифологии маргушцев.

Chapter 4 The Tree of the World and the Varukasha Sea

MIRRORS OF BACTRIA. A unique group of copper-bronze mirrors deserves our special attention. Unfortunately, it was found not in archaeological excavations, but in one of the antique shops of Kabul. It turned out that Afghan peasants during their unprofessional excavations of ancient graves of Bactria found five bronze mirrors and one may assume that all of them were found in one grave.

All mirrors are round with or without a side handle, have one surface polished to mirror brightness, while the opposite side is decorated with a type of engraved ornaments in the shape of tight curls. The curls seem to reproduce marine waves and on the background sculpted figures are shown (**Fig. 165**).

On four mirrors the main subjects are snakes tightly curled with their spear-like heads turned up. Only in one case a freely coiling snake is swimming towards a presumable bull with sharply curved horns that is coming up to the marine surface. To a certain extent this image resembles a «snake of the depths» mentioned in the Rigveda.

Very remarkable is a mirror on which a coiling snake stands opposite a hippopotamus that is swimming up to the marine surface. The hippopotamus' massive head with clearly cut blowing nostrils closely resembles the manner and style in which these animals were depicted in ancient Egyptian art. From time immemorial in Egypt they hunted this animal not only for its meat but also because it symbolized negative forces and personified world chaos. Snakes on mirrors are shown in a defensive position, with heads turned up as if they are ready for the harsh decisive struggle with any enemy of mankind, either with a ferocious hippopotamus or with frogs.

Though it is not proven, still it seems possible to suppose that the hippopotamus and frogs on the Bactrian mirrors symbolize forces negative to mankind; and this would explain their attack on the snakes' positions. One could describe the subject compositions on Bactrian mirrors as narrative compositions which are associated with the idea of struggle between Good and Evil, the snakes being positive to people, a fact that is characteristic for the Bactrian and Margiana tribes.

True, in the Avesta the fish Kara personifies the guarding functions and not snakes, as in this case. But this may not be of principal importance. We know that before the codification of the Avesta in the Parthian-Sassanid times different groups of Zoroastrians had various funeral rites (the most conservative rites in the ideology of a people). And thus one can easily imagine that one image was replaced by another.

RITUAL VESSELS. It is noteworthy that hundreds or even thousands of ceramic vessels (either intact or fragmented) excavated at the Margiana monuments had no decorations on them. The ceramics, especially the earliest, that refer to the end of the third mil.B.C. was of great quality. The thin, «clinking» walls of vessels were mainly made of light clay. A small number of the objects of various forms had the same composition scratched on them before the process of burning: a central tree with two horned goats (often on their hind legs) flanking it (**Fig. 166**). Such a composition was found mostly on vessels excavated in temples and used for ritual libations. If one takes into account the fact that most of the vessels were to be filled with liquid (and in ritual cups this was an alkaloid beverage of the soma-haoma type) then one may correlate this composition with ancient conceptions of the cosmos. Thus, Zoroastrians

believed that in the middle of the world sea (ocean), Varukasha, was a mountain and on the top grew the «tree of all seeds».

Two fragments that come from Allalakh (Syria) remarkably resemble the fragments of Margiana and Bactria ritual vessels. One fragment represents a rim with a modeled figure on it and the other one has a snake's head on the rim. Such parallels seem reasonable if one takes into consideration the fact that Allalakh, situated between the Mediterranean and Bactria-Margiana, marked an intermediate point on the presumed route of tribal migrations from the Aegean-Anatolian center in the direction of Bactria and Margiana. It is not at all accidental that all the factual material and observations mentioned above were recorded on the one end only in Margiana and Bactria and on the other in the Aegean-Anatolian region and nowhere else in the entire zone of the Near East. This remarkable situation provides evidence to believe that the practice of drinking hallucinogenic beverages was brought to Central Asia by the tribes that had migrated from the West.

Alongside vessels with sculpted friezes on the rims still more popular were vessels of the same shape which, instead of modeled figures, had three spouts in the form of a pipe. These very vessels were sometimes decorated with compositions of a central «tree of life» or «tree of all seeds» and a pair of goats on each side of the tree, some of them on their hind legs. As a rule the drawings of the central tree on the body of these vessels were scratched while the horned goats were modeled (**Fig. 167-168**). Some of these compositions are more detailed and show a mountain topped with a tree and two standing goats; this closely resembles the images in the Avesta described above. According to Academician Vycheslav Ivanov «the world tree» with two birds in its branches is mentioned not only in the Avesta but in the Rigveda as well. This fact proves that from time immemorial this myth was popular among the Indo-Aryan tribes, long before they separated into two branches.

From the archaeological material it is clear that the most ancient compositions of this kind are traced already on the seals from the layers of the fourth mil.B.C. and then later in the third-second mil.B.C. they became especially popular. In the Akkadian period these compositions are widespread, but in this period bulls, not goats, stand by the «tree of life».

The drawing under discussion was mainly done on ritual vessels but single stone items with this subject were also found. A stand-out among them is a miniature three-sided pyramid of black steatite with a barely noticeable deepening in its flat base. Each side of the pyramid has a scratched drawing showing a mountain with a pyramid-like tree growing out of the top and on each side of a mountain, snakes were standing on their tails with mouths wide open. The snakes seem to play the role of protectors of the tree, like an illustration of the passage in the Avesta under discussion. It seems logical to assume that the Indo-Iranian ritual vessels filled with liquid were presumably associated with the world model

in which the liquid represented the world ocean Varukasha where in the center high on the top of the mountain the «Tree of all seeds», or in other words «the world tree» together with the «sacrifice plant of haoma» was growing, according to the Avesta. Remarkably, on some Margiana ritual vessels the birds are sitting on the branches of the tree; this may be interpreted as an illustration of another myth of the Avesta that says that birds peck the seeds from the «world tree» , take them to the sky and from there the seeds return to the earth and start to grow.

In the Rigveda besides the «world tree» a fantastic three-legged donkey is mentioned; this creature was replaced by a one-legged goat in the Zoroastrian Bundakhin. To some extent this resembles the compositions scratched on the Bactria and Margiana ritual vessels mentioned above and in this case the goats of our compositions that stand on their hind legs may resemble the one-legged goat from the Rigveda. Also it is noteworthy that in the Rigveda they speak about a pair of birds in the tree; this shows that similar myths were popular in the Indo-Aryan communities as well.

If one takes into consideration the fact that compositions with a centrally located tree and a pair of goats flanking the tree (sometimes with birds in branches) were practically the only images on the ritual vessels then it becomes clear that they had an exclusively symbolic meaning in the ancient mythology of the Margiana tribes.

*Marguş
siwilizasiyasyny
eklân Murgabyň
suwy.*

*Воды Мургаба,
питавшие
цивилизацию
Маргуш.*

*Murghab waters
that fed the
civilization of
Margiana.*

*Goňurdepeden
tapylan dini äheňli
gap.*

*Культовый сосуд
из Гонур-депе.*

*Cult vessel
from Gonur-depe.*

V bap Öküz we it dini ygtykatlary

168

Goňurdan tapylan öküziň kellesi görnüşli jürdegi bolan keramiki gabyň bölegi.

Фрагмент керамического сосуда из Гонура со сливом в виде головы быка.

A fragment of a ceramic vessel with an outlet in the form of the bull's head from Gonur.

ÖKÜZ kellesi şekillendirilen Marguş gap-gaçlarynyň turba görnüşli guýguçlaryna ýene bir gezek nazar aýlalyň. Bu şekiller edil şonuň ýaly, ownuk böleklerine çenli meňzeş, ýöne Kiçi Aziýadan tapylan şekilleri ýatladýar. Olaryň stilistik meňzeşligi gyýak gözlerinde we uýy egri şahlarynda ýüze çykýar. Kiçi Aziýadan tapylan şunuň ýaly guýguçly gaplar hem dini äheňli diýlip hasaplanýar, elbetde, bu meňzeşlik tötänleýin däl. Marguşyň Elam we Siriýa-palestina dünýäsiniň medeniýeti bilen baglanyşygyna ýokarda ýazylyp beýan edilen «dünýä agajynyň» iki tarapynda duran iki geçili kompozisiýa hem şaýatlyk edýär **(169-njy surat)**. Şunuň ýaly meňzeşlik şol gaplaryň ýasalan merkezlerini we olaryň Gündogara ýaýraýşyny görkezýär. Marguşda, Baktriýada ýa-da Ýakyn Gündogarda dini äheňli gap-gaçlarda öküziň kellesiniň şekillendirilmeği Togalak-21 ybadathanasynda tapylan bir tapyndy bilen baglylykda aýratyn bellärliligidir. Ol Marguşyň amaly sungat ýadygärlikleriniň arasynda aýratyn orun eýelän kinniwanja öküz kellesidir. Ol ak mermerden örän ýokary ussatlyk bilen ýasalypdyr **(170-171-nji surat)**. Kellejigiň arka tarapy gowy edilip sünnälenipdir. Bu ussanyň ilki başda öküziň tutuş göwresini däl-de, diňe kellesini ýasandygyny görkezýär. Haýwanyň boýnunda üç sany deşik bolup, ondan ýüp geçirilipdir we onuň kömegi bilen kellejik taýagyň ujuna berkidilipdir. Öküziň kellejigi we taýak bilelikde hasany emele getirýär. Biz şeýle hasalary ruhanylaryň 15 ýaşyny dolduran ýetginjekleriň dini öwrenmäge girişmek dabaralarynda ulanandygyny bilýäris.

Öküziň şekili Togalak-21 ybadathanasyndan tapylan steatiw tumarynda hem bar. Onda iki örküçli düýäniň şekili ýonulyp ýasalypdyr. Onuň iç ýüzünde ylgap barýan öküz we onuň üstünden bökýän akrobatyň şekili oýulyp çekilipdir. Ýöne, gynansak-da, akrobatyň diňe birneme epilen

aýaklaryň şekili saklanyp galyndy (169-njy surat). Egeý-anadoly dünýäsinde giňden ýaýran tawromahiýanyň (öküzleriň ýa-da adam bilen öküziň urşy) tipiki sahnasy göze dürtülip dur. Ösen sungaty bolan ägirt uly Mesopotamiýa Gresiýa bilen Merkezi Aziýanyň aralygynda ýerleşse-de, ol ýerde tawromahiýanyň ýekeje sahnasyna hem gabat gelinmeýär! Diýmek, bu tema Marguşa «hasylly ýarymaýyň» demirgazyk araçäkleri boýunça özlerini ekläp biljek ýeriň gözlegine ýöriş guran taýpalar uzak gündogardan getiripdir.

Itler barada aýdylanda bolsa biziň eýýamymyzdan öň III müňýyllygyň Marguşdan başga hiç ýerde bu janawerleriň şunuň ýaly köp sanly ýörite jaýlanylyşyna gabat gelinmedi. Olar Goňurdaky patyşa gonamçylygynda (şol sanda adamlar bilen bile jaýlan) köpçülikleýin naharlanylýan meýdançanyň ýanyndaky aýlawly diwaryň harabalyklarynda, Goňur gonamçylygyndaky içi ot ýakylp bişirilgen çukurlarda (itleriň üçüsiniň galyndylary), 2900-nji 3280-nji, 3310-njy sistalarda we 3600-nji sistada (aýratyn görnüşde jaýlanan) gabat gelindi **(172-nji surat)**. Itleriň jaýlanan ýerleriniň ikisiniň arheologlar tarapyndan Marguşyň Ajyguýy ilatly ýerine degişli beýleki bir gonamçylygynda tapylandygyny munuň üstüne goşmak bolar Dünýä dinleriniň hiç birinde-de ite otparazylykdaky ýaly hormat goýulmandy. Awestada bu haýwana köp sanly öwgüli setirler bagyşlanypdyr we ol uly mukaddeslik nyşany astynda suratlandyrylýar. Awesta Widewdatynda it ýerdäki iýerarhiýada adamdan soň ikinji orunda durýar, muňa itleriň Marguş ýurdundaky gonamçylyklarda jaýlanyşy şaýatlyk edýär. Bar bolan maglumatlara görä, it otparazlaryň merhumy jaýlamak döp-dessurlarynda aýratyn möhüm rol oýnapdyr. Olarda it iş ýüzünde ähli merhumy jaýlamak döp-dessurlarynda, aýratyn hem päklenmek döp-dessurlarynda üýtgeşsiz gatnaşygy bolupdyr.

Hindiyewropa halklarynyň köpüsünde it o dünýä bilen bagly düşünelere ornaşypdyr: ol merhumlaryň hudaýy Ýammanyň ölüm pillesi gelip ýeten adamlaryň gözlegindäki hereketlerinde ýoldaşy bolupdyr. Şeýle hem Serber lakamy itiň Gadymy Gresiýada «o dünýä patyşalygynyň garawuly» bolandygy giňden bellidir. Hünärmenler bir eýýäm Awestanyň we Rigwedanyň tekstlerinden gadymy otparazlarda hem ite şonuň ýaly ähmiýet berlendigi barada netije çykardylar. Bu gadymy Marguş jemgyýetine we dinine doly laýyk gelyär.

Aýdylanlaryň ählisi itiň Marguşyň merhumy jaýlamak döp-dessurlarynda ýokary statusa eýe bolandygy barada ýeke-täk netije çykarmaga mümkinçilik berýär. Şu babatda ýokarda agzalan 3310-njy sistada guzy etleriniň ýedi böleginiň tapylandygynyň fakty örän bellärliligidir. Olary merhumy jaýlamak döp-dessuryňa gatnaşan ýa-da ol däbiň geçirilen wagty golaýda bolan wagty itleri naharlamak dessury bilen baglanyşdyryp bolar.

169

Margianadan tapylan daşdan ýasalan tumaryň gyraňynda we arka tarapynda suratlandyrylan şekiller.

Прорисовка изображений на торце и оборотной стороне каменного амулета из Маргианы.

Detailed representation of images on the face and reverse side of a stone amulet from Margiana.

170-171

*Togalak-21
ybadathanasyndan
tapylan mermerden
yasalan öküz kellesi
we Baktriyadan
tapylan şoňa meňzeş
şekiljik.*

*Мраморная головка
быка из храма
Тоголок-21
и ее золотой аналог
из Бактрии.*

*Marble bull's head
from Togolok-21
temple and its
golden analogue
from Bactria.*

Глава пятая

Культы быка и собаки

ВЗГЛЯНЕМ еще раз на трубчатые носики маргианских сосудов со стилизованными головами быков. Эти изображения до деталей напоминают точно такие же, но происходящие из Малой Азии. Их большое стилистическое сходство проявляется в одинаковой трактовке продолговатых глаз и широко расставленных, изогнутых на концах рогах. В Малой Азии сосуды, имеющие такие сливы, тоже определяются как культовые и это, разумеется, не случайное совпадение. О связях страны Маргуш с культурой Элама и сиро-палестинского мира свидетельствуют и описанные выше композиции с парой козлов, стоящих по бокам «мирового дерева» (Илл. 169). Такие совпадения намечают центр происхождения подобных сосудов и маршрут их распространения на Восток.

Само присутствие бычьих голов на культовых сосудах в Маргиане, Бактрии или далеко на Ближнем Востоке достаточно показательно, особенно в свете одной находки в храме Тоголок-21. Она занимает особое место среди древних памятников прикладного искусства Маргианы и представляет собой миниатюрную головку быка, которая выточена из белого мрамора с величайшим профессионализмом (Илл. 170-171). Головка быка тщательно заглажена с тыльной стороны, указывая на то, что с самого начала мастер изготовил не целую фигурку этого животного, а лишь одну голову. Шея животного имеет три сквозных отверстия, через которые первоначально были пропущены шнурки, при помощи которых головка прикреплялась к концу палки-основы. Навершие в виде бычьей головы и палка-основа составляли вместе жезл. Мы знаем, что такие жезлы использовались зороастрийскими жрецами во время церемоний, когда молодых людей, достигших пятнадцатилетия, посвящали в таинства вероучения.

Изображение быка есть и на стеатитовом амулете из храма Тоголок-21. Он выточен в виде двугорбого верблюда, на тыльной стороне которого выгравирован мчащийся бык и прыгающий через него акробат. От изображения последнего, к сожалению, сохранились лишь слегка согнутые в воздухе ноги (Илл. 169). Налицо типичная сцена тавромахии (боя быков, или поединка человека и быка), столь широко распространенная в эгейско-анатолийском мире. Промежу-

точной территорией между островной Грецией и Центральной Азией служила огромная Месопотамия с ее высоким искусством, в котором, однако, не известно ни одной сцены тавромахии! Значит, эта тема попала в Маргиану с далекого Запада вместе с теми племенами, которые двигались на Восток по северной границе «плодородного полумесяца» в поисках земли, которая могла бы их прокормить.

Что касается собак, то, кажется, нигде еще не было встречено такого числа специальных погребений этих животных, как в Маргиане III-II тысячелетий до н.э.: это и захоронения в царском некрополе Гонура (в том числе вместе с людьми), и погребение в руинах обводной стены рядом с площадью общественных трапез, и обнаружение останков трех собак в обожженных ямах на некрополе Гонура, и прихороненные собаки к цистам 2900, 3280, 3310 (Илл. 172), и особое погребение собаки в цисте 3600. К этому можно добавить, что два захоронения собак обнаружены археологами при раскопках другого некрополя Маргианы, относящегося к поселению Адж-Куи. Пожалуй, ни в какой другой мировой религии собака не пользуется таким почетом и уважением, как в зороастризме. В Авесте этому животному посвящено немало лестных эпитетов, оно выступает в ореоле большой святости. В авестийском Видевдате собака занимает в земной иерархии второе место после человека, что подтверждается захоронениями собак в некрополях страны Маргуш. По имеющимся данным, исключительно важную роль собака играла в погребальных обрядах зороастрийцев, где она являлась непременно участником практически всех погребальных ритуалов и, в особенности, ритуалов очищения.

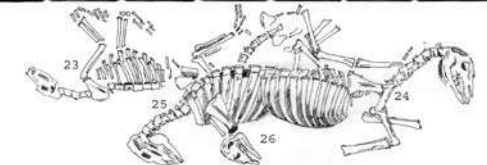
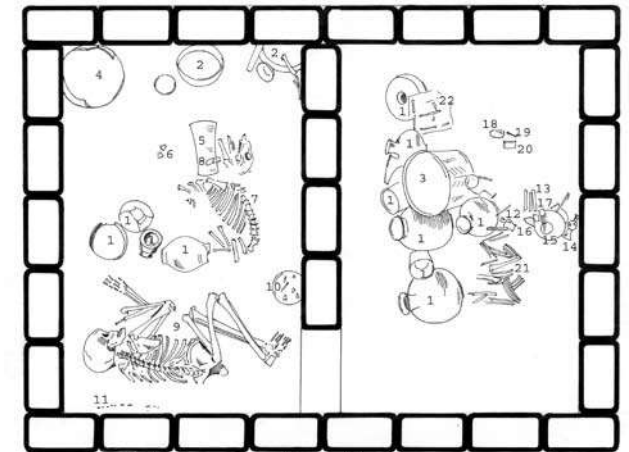
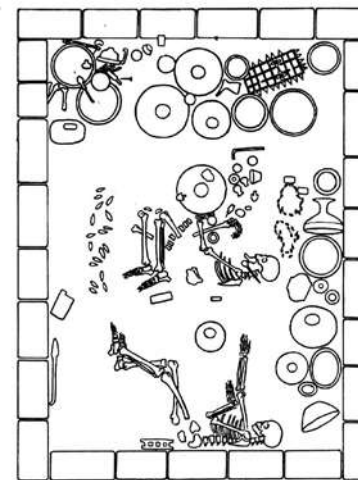
Собака связана с потусторонним миром у многих индоевропейских народов: она сопровождает царя мертвых Йамму в поисках людей, которые должны умереть. Хорошо известно также, что пёс Цербер является «стражем загробного царства» в Древней Греции.

172

*Demirgazyk
Goňurdaky 2900-
nji we 3310-njy
mazarlaryň shemasy.*

*Схемы погребений
в цисте 2900 и 3310
на Северном Гонуре.*

*Schemes
of interments in cists
2900 and 3310 in the
Northern Gonur.*

Из текстов Авесты и Ригведы специалисты уже давно сделали вывод, что и у древних зороастрийцев собаке отводилась такая же роль, и это вполне приложимо к древнемаргианскому обществу и религии.

Все сказанное дает возможность сделать однозначный вывод о высоком статусе, который отводился собаке в погребальных обрядах Маргианы. В этом отношении весьма показателен факт обнаружения в вышеупомянутой цисте 3310 семи кусков мяса ягнят, которые могут быть сопоставлены с обрядом кормления собаки, находившейся рядом и, возможно, принимавшей участие в заупокойных обрядах.

Chapter 5

The Cults of the Bull and the Dog

IT HAS already been mentioned above that some of the Margiana ritual vessels had pipe spouts decorated with stylized bull heads. These decorations are surprisingly similar to those from Asia Minor; they had the same type of elongated eyes and their horns with curved ends are widely spaced in both cases. It is not accidental that in Asia Minor the vessels with this type of spouts are recorded as ritual ones. It has already been mentioned above that Margiana ritual vessels with the composition of two goats standing on each side of the central «world tree» testify to the association of these vessels with those from Elam and the Syro-Palestine world, and bespeak their presumed origin and the route of their distribution to the East as far as Bactria and Margiana (**Fig. 169**).

A miniature bull's head of marble found in the temple Togolok-21 takes a special place among the ancient objects of the applied art of Margiana (**Figs 170-171**). With great artistic skill, an unknown Margiana sculptor made the bull's head of white marble. The back of the item was carefully polished, a sign that the master planned from the outset to form only the head and not the whole bull. The bull's head had three holes through which with the help of some cords the head was fixed to a stick. Together, the bull's head and the stick made up a scepter. It is noteworthy that Zoroastrian priests used this type of scepter topped with a bull's head when they consecrated the fifteen-year-old boys in the Zoroastrian religion.

Images of the bull we see in a steatite amulet from the temple Togolok-1 also speaks in favour of such associations (**Fig. 169**). It is cut as a ceremonial two-humped camel, and on back of the amulet is

engraved a bull galloping at full speed and an acrobat who is jumping over it. Unfortunately, nothing of the acrobat remains, except for the bent legs of a man who is jumping high. Still, even that small amount leads us to believe that this was a typical scene of tauromachia so popular in the ancient Aegean-Anatolian zone. It has to be mentioned that between the Greek islands and Central Asia the intermediate point was Mesopotamia with its exquisite art, but there no scenes of tauromachia have been found yet.

The available material leads one to assume that the subject of tauromachia was incorporated into the art of Margiana by the migrants from the far West who brought along their myths and ritual ceremonies, including tauromachia. And what we must speak about dog? A number of special graves of dogs excavated in Margiana from the third-second mil.B.C. is remarkable and may be even unique. These are: burials at the royal necropolis of Gonur (including those that were buried in the same grave with a royal person), a grave in the ruins of the encircling wall next to the square of «communal eating» discussed above, remains of three dogs in the burnt pits at the Gonur necropolis, dogs buried next to cists No 2900, 3280, 3310, and a special burial of dog in cist No 3600 (**Fig. 172**). To this list one should also add two burials of dogs that archaeologists excavated at another necropolis of Margiana, in the settlement Adji-Kui.

It seems that in Zoroastrianism a dog is respected and honoured beyond comparison with any other religion of the world. In the Avesta this animal is described with a great number of different flattering epithets as if one is speaking of a divine creature. In the Avestian Veditvat a dog is second to a man as far as divinity is concerned; this is proven by dogs' burials at the necropolis of the ancient country of Mouru. A dog seems to play an exceptionally important role in funeral rituals of Zoroastrians; it is an indisputable member of almost all funeral rites, the cleaning rituals especially.

Many Indo-European peoples somehow associate a dog with the world of the dead: it accompanies the ancient Indian king of the dead, Yamu, in his search of people ready to die. In ancient Greece it was Cerberus who was the «guard of the after-world». Based on the Avesta and the Rigveda the scholars long ago concluded that for ancient Zoroastrians the dog was first of all associated with the world of the dead, and based on the material mentioned above the same can be stated about the situation in Margiana society. In other words, a dog was highly respected in Margiana society, and played a special role in the funeral rituals.

It is remarkable that in the cist No 3310 described above (according to data by N.Dubova) they found seven pieces of lamb that can be associated with the ritual feeding of a dog buried near the cist, a dog that probably had participated in the funeral rites of ancient Margush people.

VI bap

Dini ygtykatlaryň birleşmesi

173

Otparaz ruhany dini dessury berjaý edýän mahalynda. Eýran, XX asyr.

Зороастрийский жрец во время службы. Иран, XX век.

Zoroastrian priest during the ritual ceremony. Iran, XX century.

MARGUŞ kiliseleriniň, hususan-da, Demirgazyk Goňur kiliseleriniň gazuw-agtaryş işleri geçirilenden soň olaryň iň irki döwürlerinde bu ybadathanalaryň ählisiniň özbaşdak daşky diwarlarynyň bolmandygy düşnükli boldy. Olaryň ählisi üçin ýeke-täk aýlawly diwar bolupdyr. Diňe iň ýokary mukaddesligi – müdimi ot saklanan bir ybadathana aýratyn ýerde ýerleşip onuň daşyndan öz haýaty bilen gurşalyp alnypdyr. Marguşda ýaşalyp başlanan iň irki döwürde dürli dini ygtykatlara aýratyn jaýlar bagyşlanyp gurlupdyr. Olaryň hatarynda ençeme gezek ýatlanyp geçilen suw, gurban berilýän, soma-haoma, Mitra köpçülikleýin naharlanýlýan ybadathanalary bar. Elbetde, olaryň sanynyň has köp bolmagy mümkin. Ýöne biziň şeýle gadymy eýýama degişli hiç hili ýazgylý ýa-da beýleki subutnamalarymyz ýok.

Indiki döwürde, ýagny Goňur temenosynyň gurluşygy alnyp barylýan döwürde dürli dini ygtykatlary (ilki bilen ot we soma-haoma dini ygtykatlaryny) bir ybadathanada birleşdirmek meýli ýüze çykypdyr. Mysal üçin, Günorta Goňruň artky howlusynda gurluşygyň başlanan wagtynda üç sany uly bolmadyk, bir zynjyra düzülen gönüburçly altarly ýörite altar meýdançasý gurnalyp, olar Demirgazyk Goňruň ot ybadathanasynyň däpleriniň dowamy boluplyr. Şolar bilen birlikde bu ýerde, ýagny temenosda içki diwarlary dürli derejelerde ýakyp bişirilen tegelek we gönüburçly kerpiç altarlar bar. Bu altarlarda dürli hudaýlara gurban bermek däbiniň amala aşyrylan bolmagy juda mümkin. Olaryň ýanynda üsti açyk «pawiler» gurlupdyr. Golaýda mukaddes külüň saklanýan jaýlary gurlup, olar bu dini äheňli toplumyň üstüni ýetirýärler. Soma-haomany hormatlamak dini äheňli döp-dessury «koridorlaryň gurşawyndaky howly» bilen birlikde

temenosyň merkezi böleginde ýerleşýän ak otaglarda amala aşyrylypdyr. Şeýlelikde, bir buthanada ot dini ygtykaty we soma-haoma dini ygtykaty ýerine ýetirilipdir.

Bu ýörelge soňky döwürde hem dowam etdirilipdir. Togalak-21 ybadathanasynyň merkezinde ak otag ýerleşip, onda soma-haomany taýýarlamak işi ýerine ýetirilen bolsa, onuň golaýynda, «koridorlaryň gurşawyndaky howluda» dini äheňli içgi içmek bilen bagly dabaralar geçirilipdir. Togalak-21 ybadathanasynyň demirgazyk çüňkünde zynjyra düzülene çalyndaş ot we iki sany «pawi» altarlary, bu binanyň gündogar çüňkünde bolsa tegelek altarlar ýerleşdirilipdir. Olaryň ulusynda dini äheňli içgiler içilen bolsa, kiçisinde gurban berlen eti bişirmek üçin ot ýakylýpdyr.

Ýöne bir jaýda dürli dini ygtykatlar berjaý edilende, olara düýbünden dürli hili çemeleşilipdir. Şeýle ybadathanalarda «koridorlaryň gurşawyndaky howlular» we «ak otaglar» merkezi ýerde ýerleşen bolsa, onda ot altarlary başga hili ýagdaýda ýerleşdirilipdir. Olar köplenç gizlin, göze ilmeýän ýerlerde, ybadathanalaryň çüňklerinde, kâte beýik diwarlaryň aňyrsynda ýerleşdirilipdir. Şunuň ýaly ýagdaý XIX asyra çeni saklanyp galypdyr. Şonda Eýranda saklanyp galan otparazçylyk jemagat ybadathanalary gurupdyrlar, olarda altarlardaky ot ähli kişiniň görmegi üçin açyk bolupdyr.

Birbada göräýmäge, Marguşdaky ybadathana binalarynda skulptura we nakgaşçylyk şekilleriniň düýbünden bolmazlygy geň galdyryr. Goňur temenosynyň başnyaly toplumyndaky ençeme arhitektura desgalarynda gazuw-agtaryş işleri geçirilen wagty diňe olaryň birinde uly bolmadyk adam heýkeljiginiň (onuň beýikligi takmynan 50 santimetrden geçmeýär) kellesi tapyldy. Ol toýundan ýasalyp, günde guradylypdyr. Mundan başga-da, şol Goňur temenosynda gowy saklanmadyk, dürli reňkler ulanylyp bezelen keramiki antropomorf idoly tapyldy. Onuň umumy beýikligi 20-25 santimetrden geçmeýär. Şeýlelikde, ýerli, Marguş taýpalarynda hudaýlaryň skulptura ýa-da nakgaşçylyk şekilleri ýaýramandyr diýip hasap etmäge düýpli esaslar bar. Awestanyň rus diline terjimeçisi, W.Krýukowyň belleýşi ýaly, «beýleki dinleriň tersine otparazlarda olaryň ýaşan ähli döwürlerinde altarlardaky oduň janly ýalyny ýeke-täk, jedelsiz ybadat ediş obrazy bolupdyr». Ol Marguş kiliseleriniň dini döp-dessurlaryna doly laýyk

Goňurdepeden tapylan dini äheňli gap-gaç.

Культовый сосуд из Гонур-депе.

Cult vessel from Gonur-depe.

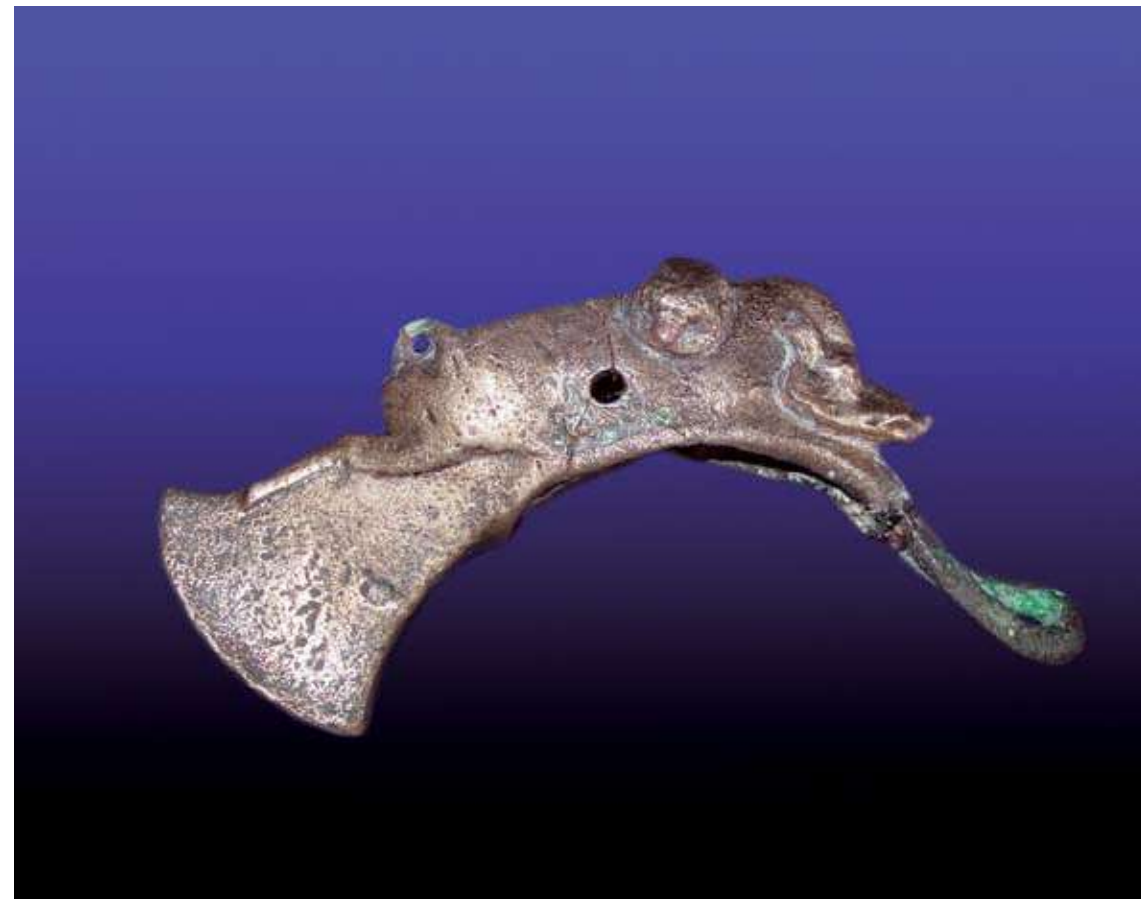
Объединение культов

ПОСЛЕ раскопок святилищ Маргианы и, в частности, Северного Гонура, стало ясно, что в самый ранний период все эти храмы не имели внешних стен. Единой для всех была внешняя обводная стена. Только один храм, хранивший самую главную святыню – вечный огонь, занимал обособленное место и был обнесен по внешнему контуру своей собственной стеной. Обращает на себя внимание и то, что в самый ранний период обживания Маргианы разным культурам были посвящены и отдельные сооружения – не раз упоминавшиеся храмы воды, жертвоприношений, сомы-хаомы, Митры, общественных трапез. Конечно, их число вполне могло быть и больше, ведь мы не имеем никаких письменных или других точных свидетельств для столь древней эпохи.

В следующий период, когда шло строительство теменоса Гонура, проявилась тенденция к объединению различных культов (прежде всего, культов огня и сомы-хаомы) в одном храме. Так, на заднем дворе теменоса Южного Гонура сразу в начале строительства была устроена специальная алтарная площадка с тремя небольшими, вытянутыми в цепочку прямоугольными алтарями, продолжающими традицию храма огня Северного Гонура. Наряду с ними здесь же, в теменосе, есть круглые и прямоугольные кирпичные алтари, имеющие разную степень обожжения внутренней поверхности стен. На этих алтарях, скорее всего, совершались жертвоприношения различным богам. Рядом сооружены и открытые сверху пави, на которых незримо восседали боги. Хранилища священной золы, устроенные неподалеку, дополняют этот ритуальный комплекс. Осуществление ритуалов почитания сомы-хаомы происходило в белой комнате, расположенной вместе с «двором в обводе коридоров» в центральной части теменоса. Так, под одной храмовой крышей отправлялись вместе культ огня и культ сомы-хаомы.

Эта тенденция продолжалась и позднее. В центре храма Тоголок-21 располагается белая комната, где проходил процесс приготовления сомы-хаомы, а рядом – «двор в обводе коридоров», где имели место сами церемонии, связанные с культовыми возлияниями. В западном углу храма Тоголок-21 находятся вытянутые в цепочку прямоугольные алтари огня и два пави, в то время как в восточном углу этого же здания размещены круглые алтари. В большем из них совершались культовые возлияния, в то время как в малом горел огонь, в который помещалось мясо для жертвоприношений.

Но вот что любопытно: при отправлении разных культов в одном здании отношение к ним было принципиально разное. Если центральное место в таких храмах занимают «дворы в обводе коридоров» и белые комнаты, то по-иному расположены алтари огня, которые всегда скрыты в укромных, незаметных местах, часто в углах храмов, нередко за глухими стенами. Такая ситуация наблюдалась вплоть до XIX века, когда зороастрийские общины, сохранившиеся

в Иране, стали строить храмы, где огонь в алтарях выставлялся на всеобщее обозрение.

На первый взгляд, удивляет полное отсутствие в храмовых постройках страны Маргуш скульптурных и живописных изображений. В сущности, за все время раскопок стольких архитектурных сооружений только в так называемом башенном комплексе теменоса Гонура нам попала расписная головка от небольшой человеческой фигурки (приблизительная высота ее не превышала 50 см), изготовленной из высушенной на солнце глины. Кроме того, в одном из помещений того же теменоса Гонура обнаружен плохо сохранившийся керамический антропоморфный идол со следами красочной росписи, общая высота которого в целом виде не превышала 20-25 см. Таким образом, есть веские основания считать, что у местных маргианских племен не были распространены скульптурные или живописные изображения божеств. Как замечает русский переводчик Авесты В.Крюкова, «в противоположность иным верам, единственным бесспорным образом, достойным поклонения, в зороастризме на протяжении всего его существования служило живое пламя огня, возженного на алтаре», что полностью соответствует религиозной обрядности маргианских святилищ.

*Goñurdepeden
tapylan dabaralarda
ulanylyan bürünç
naltajyk.*

*Церемониальный
бронзовый топорик
из Гонур-депе.*

*Ceremonial bronze
axe from
Gonur-depe.*

Chapter 6

The Unification of Cults

THE EXCAVATIONS of temples of Margiana and North Gonur testify that in the very early period all temples of the ensemble had no outer walls. They were all united by one common encircling wall. Only the Temple of Fire as a keeper of the main object of worship - the eternal fire - stood apart in the ensemble and was framed with its own wall. It has already been mentioned that different cults had different temples; more than once we mentioned such temples as Temple of Water, Temple of Sacrifices, Temple of soma-haoma, Temple of Mitra, Temple of Communal Eating. The number of temples could have been even more but we cannot be sure of this since there are no written records or other accurate evidence for such an ancient period.

In the next period, the time of the construction of the Gonur temenos, one finds traces of the tendency to combine two cults (first of all, the cults of fire and soma-haoma) in one temple. Thus, in «the back yard» of the Gonur temenos in the very beginning of the construction the special altar square with three small rectangular altars arranged in a chain were built as if following the tradition of the Temple of Fire of North Gonur. Besides this type of altar the same temenos had round and rectangular brick altars with inner walls burnt to different degrees. These altars were most probably used for worship of different gods. Nearby an open air pavi was built and gods sat there, invisible to believers. Closely situated deposits of pure ashes complete the picture of this ritual complex. The «white room» together with the «yard framed with corridors» was situated in the central part of the temenos and ritual ceremonies associated with the soma-haoma ritual took place there. Thus, we can see that «under the same temple roof» two cults were joined - those of fire and soma-haoma.

This tradition is traced later as well. In the center of the temple Togolok-21 was a «white room» for the production of soma-haoma and next to it a «yard framed with corridors» used for ritual libations. Rectangular altars set in a chain and two pavi were located in the western corner of the temple Togolok-21, while in its eastern corner round altars were built. The larger of the altars was used for ritual libations and in the smaller one the fire was burning for cooking meat meant for sacrifices. The location of these ritual structures deserves attention. If the «yards framed with corridors» and the nearby «white rooms» took central place in these «combined» complexes, the altars of fire were always hidden in secret, unnoticed places, often in the corners of temples, and behind blind walls. This situation was preserved up until the nineteenth century when Iranian Zoroastrians began to build temples where the fire in the altars could be easily seen by everyone.

It is noteworthy that there is practically no sculpted or painted images in the temples of Margiana. During the excavations of so many temples and palaces only in one of them, in the so called «Tower complex» of the Gonur temenos a painted head of a small human figure (about half a meter high) was found. The figure was made of sun-dried clay. Besides this find, in one of the rooms of the same Gonur temenos a small ceramic anthropomorphic idol in bad condition was excavated. It was not more than 20-25 cm high and has preserved traces of coloured paint.

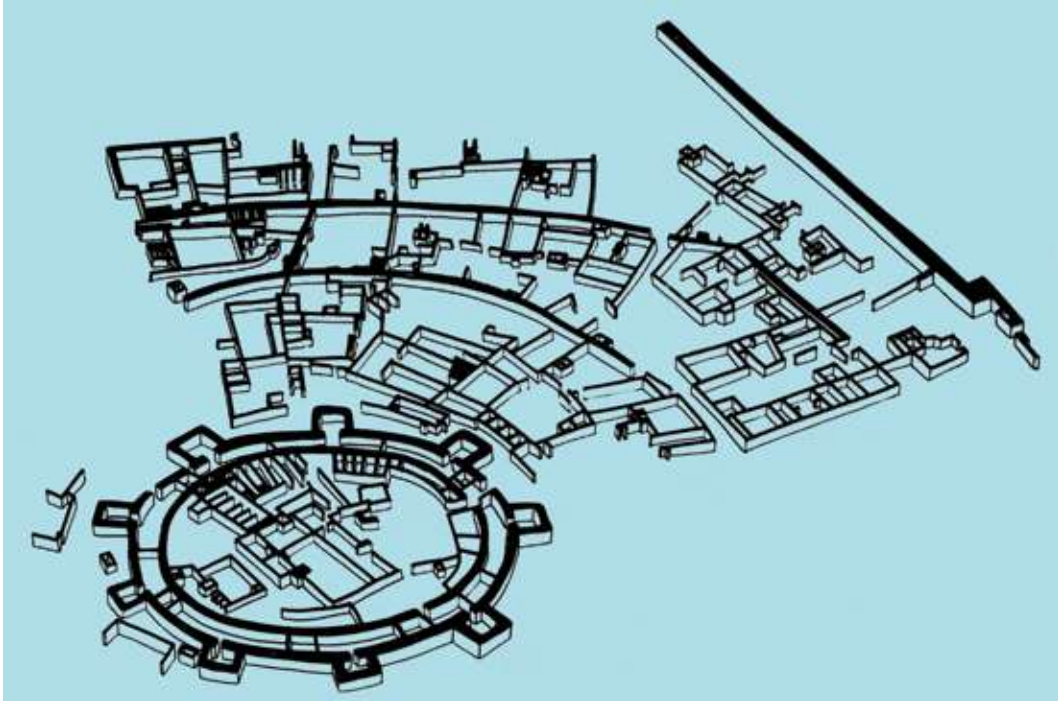
The absence of sculpted or painted images of deities in the temples of Margiana illustrates the conclusions reached by V.Krukova. She writes: «Unlike other religions in Zoroastrianism during the entire run of its existence the only indisputable object for worship was a lively fire burning in an altar».

*Goñurdepeden
tapylan bürünç
gap-gaç.*

*Бронзовый сосуд
из Гонур-депе.*

*Bronze vessel
from Gonur-depe.*

VII bap

Wara we Kersaspa

174

Baktriýadaky
Daşly-3 tegelek
ybadathanasy.
Ya.Paromowuň
aksonometriýasy.

Круглый храм
Дашилы-3
в Бактрии.
Аксонметрия
Я.Паромова.

Round Dashly-3
temple in Bactria.
Ya.Paromov's
axonometry.

BAKTRIÝANYŇ monumental ybadathanalarynyň, şol sanda Daşly-3 ybadathanasynyň (**174-nji surat**) gazuw-agtaryş işleriniň netijeleri çap edilende alymlaryň birnäçesi (ilki bilen nemes barlagçylary B.Brentes we K.Ýettmar) şol bada olaryň awesta Warasy bilen kybapdaşlygyna ünsi çekdiler. Fin hindology A.Parpola hem özbaşdak ýol bilen şeýle pikire geldi. Ol Rigwedadan üç sany aýlawly diwardan ybarat bolan fort hakyndaky goşmaça subutnamany getirýär. Dokuz sany uly bolmadyk «başnyajykly» tegelek koridorlar bilen daşy gurşalyp alnan, geçelgeleri bolan tegelek bina Daşly-3 gadymy Baktriýa ybadathanasynyň merkezi, gürrüňsiz, onuň dini äheňli bölegi bolup durýar. Bu tegelek, dini äheňli bölegiň içinde beýik bolmadyk platformalarda ýerleşen podiumly we dini äheňli ojakly gönüburçly kilise ýerleşýär, bu bolsa ähli binanyň dini äheňli maksada niýetlenilendigine hiç hili şübhe döretmeýär.

Daşly-3 tegelek ybadathanasynyň awesta Warasy bilen meňzeşligi hakyndaky çaklama arheologiya gazuw-agtaryşlary wagtynda tapylan tegelek diwarlar baradaky fakta ters gelýän ýaly görünýär. Çünki lingiwistleriň köpüsi Awestada «at çapar uzynlykdaky», berkidilen, inedördül ilatly yer hakynda gürrüň edilyär diýip çaklaýardylar.

Bu gapma-garşylyk Sankt-Peterburgly professor I.Steblin – Kamenskiý tarapyndan Awestadaky maglumatlaryň inedördül däl-de, üç sany halkalaýyn diwarly tegelek binany göz önünde tutýandygyny subut edýänçä dowam etdi. Diwarlaryň birinjisinde 9, ortakusynda 6, iň soňkusynda bolsa 3 sany geçelge bolup, olar tutuşlygyna alanynda, arheologlaryň Owganystanda ýüze çykaran desgasyňa örän meňzeşdir. Aýratyn hem tegelek, 9 sany geçelgeli, koridor görnüşli diwar bellärligidir. Daşly-3 ybadathanasynyň

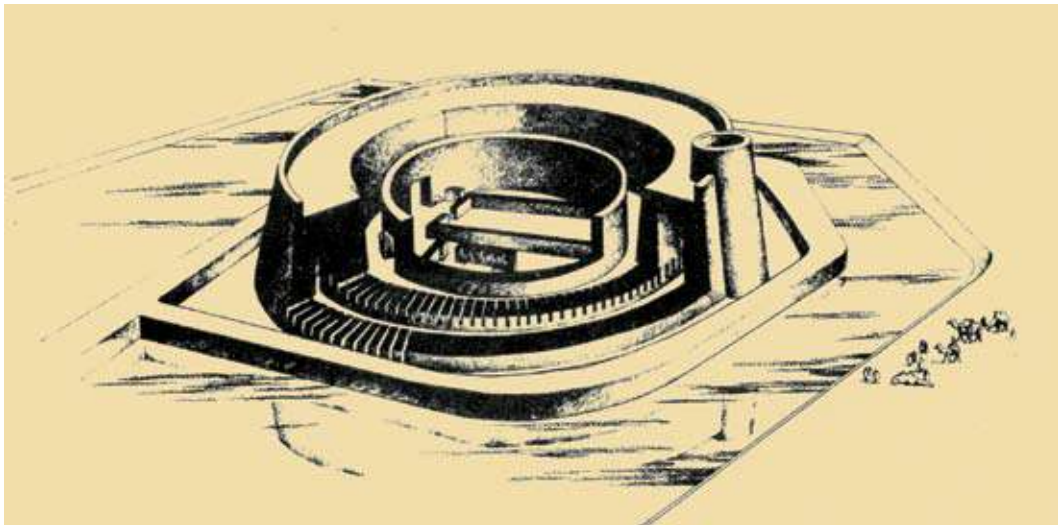
beýleki iki diwarynyň käbir bölekleri ýumrulydyr. Şonuň üçin hem öňki geçelgeleriň anyk sanyny bilmek mümkin däl.

Ondan öň italyan alymy J.Tuççi Daşly ilatly nokadyna golaý ýerleşen beýleki bir ybadathananyň hindi mandalasy* bilen meňzeşligini öwrendi. Olarda hindiari patyşalarynyň tagta çykmak dabarlary geçirilipdir. Onuň pikirçe, mandalada hem, Daşly ybadathanasynda hem bar bolan «T» harpy görnüşli bir meňzeş arhitektura bloklary oňa subutnama bolup durýar. Şeýle hem Günorta Baktriýada irki ahemenidler, belki-de, midiy döwrüne degişli bolan Gutlugdepe ybadathanasynyň üsti açyldy (**175-nji surat**). Onuň umumy ýerleşiş Daşly-3 tegelek ybadathanasynyňka laýyk gelýär. Bu bolsa Baktriýanyň dini äheňli binagärçiliginiň ösüşinde müňlerçe ýyllaryň dowamynda zygiderliligi saklamak däbiniň bolandygyna şaýatlyk edýär.

Indi bolsa biziň söhbetimiziň iňňän aýdyň keşpli gahrymanlarynyň biri hakynda kalam agyz söz. Arheologlar tarapyndan Baktriýada, şonuň ýalyda Marguşda tapylan möhürleriň we tumarlaryň arasynda uly bolmadyk, ýöne ganatly adam görnüşindäki, bir görnüşli antropomorf şekilleriniň örän häsiýetli topary tapawutlanýar. Ganatly adamyň şekilleriniň tapawutly alamaty onuň tegelek, hanasyndan çykyp barýan gözleri we uzyn, iki tarapa bölünip daralan sakgalsapylary şekillendirilen gorkunç keşbidir. Awestada hem bu gahryman hakynda ýatlanýandygyny bellemek möhümdir: «...onuň hüžzerip duran saçlary, gazaply, elhenç sypaty bar». Şeýle häsiýetnama köp sanly şanly gahrymançylyklary görkezzen Kersaspa atly beýik Awesta gahrymanyna berilýär. Ol hakyndaky rowaýatlar Gündogar Eýran dünýäsinde, çen bilen, Seýistanda döräpdir. Şonuň ýaly gorkunç ýüzli, çalaja towlanylýan duran, elmydama diýen ýaly iki bölege daralan saçly, hanasyndan çykyp barýan gözli, gür murtly we iki tarapa daralan uzyn sakgalsaply adamyň keşbi şekillendirilen möhürleri we tumarlary arheologlar Baktriýadan hem, Marguşdan hem tapdylar. Şeýle gahrymanlaryň elleriniň aýasy ýylan kellesi görnüşinde hem şekillendirilýär. Bir ýagdaýda bolsa gahrymanyň biline ýylan guşalydyr (**176-nji surat**). Baktriýada we Marguşdaky gazuw-agtaryş işlerinde şonuň ýaly birmeňzeş görnüşli şekilleriň ondan gowragy tapyldy. Özi-de Marguşda olar daş ýonuýy ussanyň mazarynda tapyldy we olaryň gutarnykly görnüşleri-de, heniz doly işlenilip tamamlanmadyk görnüşleri-de bar. Bu olaryň şol ýerde ýasalandygyna aýdyň şaýatlyk edýär.

Awestadaky Kersaspa batyrgaý, elmydama ýönekeý adamlara kömek bermäge çalyşýan esger. Onuň gahrymançylykly işleriniň arasynda adam iýýän, ähli janly-jandarlar üçin zerur bolan ýerasty suwlaryň ýoluny ýapan Srwara şahly ýylany ýok edendigi hakyndaky rowaýat bar. Yeri gelende, şahly azdarhalyryň (Srwara?) diňe bir Baktriýanyň däl, eýsem Marguşyň amaly sungatynda hem oňat mälim bolandygyny belläp geçeliň (**177-nji surat**). Olar daş gapjagazlaryň ýüzüne oýlup çekilen we käte yzyna öwrülen kelleli we agzyny açyp, öz üstüne abanýan howpdan goranýan ýaly goranyş pozisiýasynda şekillendirilen görnüşlerde duş gelýärler. Bu jandaryň Srwara azdarhasy bilen meňzeşdigi hakyndaky doly esaslandyrylan çaklamany ilki bilen fransuz barlagçysy M.Potýe öňe sürdi. Bu faktlaryň we syn etmeleriň ählisi tutuş hindiari dünýäsinde diýen ýaly, iň bolmanynda, Baktriýada we Marguşda beýik Kersaspa gahrymany hakyndaky örän meňzeş rowaýatlaryň giňden ýaýrandygyna bütin aýdyňlygy bilen şaýatlyk edýär.

*Mandala («Tegelek», «Disk») – baryp Rigwedada aýdylyan budda rowaýatlaryndaky dini äheňli esasy simwollaryň biridir.

Глава седьмая Вара и Керсаспа

175

Baktriýadaky Gutlugdepe ybadathanasy. W. Antonow gaýtadan dikeldi.

Храм Кутлуг Тепе в Бактрии. Реконструкция В. Антонова.

Kutlug Tepe temple in Bactria. V. Antonov's reconstruction.

КОГДА были опубликованы результаты раскопок монументальных храмов Бактрии, в том числе Дашлы-3 (Илл. 174), ряд ученых (прежде всего немецкие исследователи Б.Брентьес и К.Йеттмар) сразу же обратили внимание на их сходство с авестийской Варой, к чему независимым путем пришел и финский индолог А. Парпола, который привел дополнительные доказательства из Ригведы, где упоминается форт, тоже состоящий из трех обводных стен. Центральную и, бесспорно, сакральную часть древнебактрийского храма Дашлы-3 составляет круглое здание, обведенное снаружи круглым же коридором с семью небольшими башенками, рядом с которыми имеются проходы. Внутри этой круглой, сакральной части располагаются прямоугольные святилища с подиумами и культовыми очагами на невысоких платформах, не оставляя абсолютно никаких сомнений в культовом назначении всей постройки.

Предположению о сходстве круглого храма Дашлы-3 с авестийской Варой будто бы противоречил тот факт, что при археологических раскопках были обнаружены круглые стены, в то время как большинство лингвистов предполагало, что в Авесте идет речь о квадратном укрепленном поселении «длиною в лошадиный бег».

Это противоречие сохранялось до тех пор, пока сравнительно недавно академик И.Стеблин-Каменский из Санкт-Петербурга не доказал, что авестийские данные имеют в виду не квадратное, а круглое здание с тремя кольцевыми стенами. В первой из стен сделано 9 проходов, в средней – 6, а в последней – 3, что в целом оказалось очень похожем на то, что обнаружили археологи в Афганистане, в частности, в Бактрии. Особенно показательной оказалась круглая, коридорообразная стена, имеющая именно

девять проходов. Две другие круглые стены храма Дашлы-3 местами оказались частично размыты и развеяны вследствие естественной дефляции, так что установить с точностью количество былых проходов уже невозможно. Наконец, в последней стене сохранилось три прохода, что полностью соответствует данным Авесты.

Еще раньше итальянский ученый Дж. Туччи сопоставил другой, расположенный по соседству храм в населенном пункте Дашлы с индийской мандалой,* где проходили коронации индоарийских царей. Доказательством тому, по его мнению, служат сходные архитектурные блоки в виде буквы «Т», имеющиеся на мандале. Наконец, в той же Южной Бактрии раскопан небольшой храм Кутлуг Тепе, относящийся к раннеахеменидскому, а возможно, и к мидийскому времени (Илл. 175). Его общий план близко совпадает с круглым храмом Дашлы-3, свидетельствуя о тысячелетней преемственности традиций развития культовой архитектуры Бактрии.

А теперь несколько слов об одном исключительно выразительном персонаже нашего повествования. Среди печатей и амулетов, встреченных археологами как в Бактрии, так и Маргиане, выделяется одна небольшая, но очень характерная группа однотипных антропоморфных изображений в виде человека, отличительным признаком которого является его устрашающий вид с круглыми, вытаращенными глазами и длинными, расчесанными на две стороны бакенбардами. Важно отметить, что в Авесте также упоминается герой, о котором говорится: «...у него торчащие изогнутые волосы, свирепый, звериный вид». Эта характеристика дана величайшему авестийскому герою, который совершил множество славных подвигов, и имя его – Керсаспа. Легенды о нем зародились в восточноиранском мире, предположительно в Сеистане. Печати и амулеты с изображением такого устрашающего лица с жесткими, слабоизогнутыми волосами, практически всегда разделенными на две пряди, с вытаращенными круглыми глазами, с пышными усами и расчесанными на две стороны длинными бакенбардами были найдены археологами как в Бактрии, так и в Маргиане. Руки у таких персонажей нередко заканчиваются ладонями в виде змеиных голов, а в одном случае герой опоясан змеей (Илл. 176). Из раскопок Бактрии и Маргианы происходит свыше десяти таких однотипных изображений, причем в Маргиане они нашлись в могиле мастера-камнереза как в законченном виде, так и полуфабрикаты, а это явно говорит об их изготовлении на месте.

176

Kersaspanyň Goňurdan tapylan kümüş iňňebagykdaky we Baktriýadan tapylan tumardaky şekili.

Изображение Керсаспы на серебряной булавке из Гонура и амулетах из Бактрии.

Kersaspa images on a silver pin from Gonur and amulets from Bactria.

*Мандава («круг», «диск», «круглый») – один из основных сакральных символов в буддийской мифологии, отмеченный еще в Ригведе.

В Авесте Керсаспа - доблестный витязь, который всегда стремится помочь простым людям. Среди его героических деяний - убийство рогатого змея Срвара, который пожирал людей, а также закрыл так необходимые всему живому подземные воды, которые лишь после его гибели смогли вновь устремиться к людям. Попутно отметим, что рогатые змеиные драконы (Срвара?) хорошо известны в прикладном искусстве не только Бактрии, но и Маргианы (**Илл.177**). Они встречаются на гравированных каменных сосудах и иногда показаны с повернутой назад головой и оскаленной пастью в явно оборонительной позиции, как бы защищаясь от грозящей им опасности. Первой, кто высказал вполне обоснованное предположение о том, что в этом существе можно видеть змеино-драконя Срвара, была французская исследовательница М. Потье.

Все эти факты и наблюдения со всей очевидностью свидетельствуют о том, что, если не во всем индоарийском мире, то, по крайней мере, в Бактрии и Маргиане имели широкое распространение близкие, едва ли не тождественные мифы о великом герое Керсаспе.

Chapter 7 Vara and Kersaspa

AFTER the results of the excavations of the monumental temples of Bactria including the Dashli-3 had been published some scholars (B.Brentjies, K.Yettmar) said that they reminded them of the Vara from the Avesta. Another scholar, a well known indologist A.Parpola found additional information in the Rigveda where a fort also with three by-passing walls was mentioned. The central and indisputably sacred part of Dashli-3 consists of a round building that is surrounded with a round corridor with nine small «bastions» with nearby passages. Inside this sacred round section, rectangular sanctuaries with podiums and cult hearths on low platforms were located, an absolute proof of its ritual purpose. However, many scholars doubted the association of the «round temple» Dashli-3 with the Vara from the Avesta since at that time most linguists believed that the Avesta spoke of a square fortified settlement as «long as a horse's race».

But then the Academician I.Stebelin-Kamensky proved that in the Avesta they meant not a square but round building with three circular walls. The first wall had nine passages, the second 6, and the last 3. And thus, the nine passages excavated by the archaeologists in Afghanistan, at Dashli-3 may be regarded as a kind of illustration of the Avesta. The other two round walls of the temple Dashli-3 were partly destroyed and dispersed as a result of natural deflation and hence it was impossible to record the number of old passages.

Still earlier an Italian scholar J.Tucci regarded it appropriate to compare another temple of Dashli situated nearby with the Indian

mandala where the coronation of Indo-Aryan kings took place. This supposition is based on the similarity of architectural blocks in the shape of a letter «T» that were found both in Indian mandala as well as in the temple of Dashli.

A centuries-old tradition in the development of the ritual architecture of Bactria is also proven by the excavations of the small temple Kutlug Tepe in South Bactria (**Fig.175**). It refers to the early Akhemenid (probably, Midian period) and its plan resembles that of the round temple of Dashli-3.

A very representative group of anthropomorphic images in the shape of a winged man stands out among the seals and amulets that the archaeologists excavated in Bactria and Margiana. This is an image of a menacing man with round goggle eyes and long hair divided into two strands. According to M.Boyce in the Avesta is a hero who is characterized in the following way: it has got an upright and curly hair, furious and brutal appearance. This is how they described Kersaspa, «the largest hero of the Avesta» that has performed a great number of heroic deeds. The legends about him originated in the Eastern-Iranian world, possibly in Seistan.

In Bactria and Margiana archaeologists found seals and amulets with an image of a menacing man with stiff, slightly curly hair, always divided into two strands, with round goggle furious eyes, with a fluffy moustache and long side-whiskers combed to point to each side of the face. In some cases the arms end with hands in the shape of snake's heads and in one case the hero was belted by a snake (**Fig.176**). At present over a dozen of such images were excavated in Bactria and Margiana, and in Margiana they were found in the grave of a stone carver, some of them as ready made products and some in a half-done state, the indisputable evidence of their local production.

In the Avesta, Kersaspa acts as a glorious warrior who is always ready to help common people. Among his heroic deeds is «the murder of the horned snake Srvara who ate people» and blocked all the underground waters that were so essential for every living being. Only after he was murdered the water again became accessible for everyone. Remarkably, in the applied art of Bactria, as well as Margiana images of horned snake dragons (that resemble Srvara) are well known (**Fig.177**). They are engraved on stone vessels, sometimes with their heads turned back and teeth bared, in a clearly «defensive» position as if defending themselves from some danger. The French scholar M.Pottier was the first to suggest that this might be an image of the snake dragon Srvara.

Based on the material mentioned above one may conclude that if not in the entire Indo-Aryan world, but at least in Bactria and Margiana similar (if not the same) myths about the hero Kersaspa were widespread.

177
*Marguş tumaryndaky
şahly azdarhanyň
şekili.*

*Изображение
рогатого змеино-
дракона
на маргианском
амулете.*

*Image of a horned
snake-like dragon
on the Margianian
amulet.*

VIII bab

Köphudaýlylygyň keşpleri

ŞU WAGTA çenli köphudaýlylygyň pes ahlaklylyk eýýamyň bolandygy baradaky pikirler dowam edýär. Hindiariler ýagşylyk we ýamanlyk ýaly düşünjelerden bihabar bolanmyşlar, diňe öz bähbitlerini bilip, oňa ýetmek üçin ähli serişdeleri ulananmyşlar. Diňe pygamber Zaratuştra ilkinji gezek dünýä taryhynda ýagşylyk we ýamanlyk düşünjelerini biri-birine garşy goýup, päk ahlaklylygy wagyz edipdir diýip, lingiwistler hasaplaýarlar. Ol bir tarapda tertip, hakykat dini äheňli päklik we şuna meňzeşleri aňladýan «ýokary ahlak» düşünjesini, beýleki tarapda bolsa – bulam-bujarlyk, ýalançylyk, hapysalyk we şuna meňzeşler hakyndaky düşünjäni goýupdyr.

Baktriýa-Marguş möhürlerinde we tumarlarynda ähli kompozisiýalar diýen ýaly bir tema – Ýagşylygyň we ýamanlygyň arasyndaky göreşe bagyşlanýar. Şu wagta çenli Marguşyň öz gadymy ýazuwy ýüze çykarylmany, şoňa görä-de marguşlylaryň ruhy durmuşy köplenç syrly bolup galýar. Belli bir derejelere çenli olaryň ideologiýa dünýägarayşy gadymy amaly sungatynyň, ilkinji nobatda, Marguş ýurdunyň gadymy ussalary tarapyndan möhürlere we tumarlara oýlup çekilen kompozisiýalarynyň kömegi arkaly dikeldilip bilner.

Marguşyň we Baktriýanyň möhürleriniň we tumarlarynyň ähli gadymy gündogar sungaty jähetinden aýratyn waka hökmünde ýüze çykandygy häzirden örän aýdyň görünýär. Daş, mis-bürünç we kümüş möhürlerdäki köp sanly sýuzetler gadymy ussalaryň hiç bir oýlanyşsyz fantaziýasyny şöhlelendirmän, yerli ilatyň arasynda giňden ýaýran rowaýatlaryň özboluşly «sitatalary» ýa-da «tezişleri» hökmünde hyzmat edýär. Aslynda, olar örän gyzykly, esasy zat bolsa, hemmelere mälim bolan, şoňa görä-de, marguşlylaryň ählisi üçin düşnükli rowaýatlary suratlandyryarlar.

Halal hasaplanylýan barlyklar. Şeýlelikde, ýokarda mysal getirilen arheologiýa maglumatlary Marguşda örän köp sanly dürli görnüşli dini äheňli döp-dessurlaryň bolandygyna şaýatlyk edýär. Ýöne oda, suwa we ýere beýlekilerden has köp ybadat edilipdir. Olar hudaýlaşdyrylan zatlar hasaplanylýp, olaryň päkizeligini we mukaddesligini hiç bir halatda bozmak, masgaralamak gadagan edilipdir. Ine, hut şonuň üçin hem bu ýagdaýyň has giçki oňparazlyk düşünjeleri bilen meňzeşdigini aýtmaga düýpli esaslar bar. Esasy zatlary sanap geçeliň. Ot Ahura-Mazdanyň ogy hasaplanylýdyr. Päkize ody masgaralamak oňparazlarda uly günä saýlypdyr. Gurban berilýän iýmiti taýýarlamak zerurlygy marguşlylary (görnüşü ýaly, heniz olaryň ata-babalarynyň ýurdunda ýaşan döwürlerinde) aýratyn konstruksiýaly iki kameraly dini äheňli peçleri oýlap tapmaga mejbur edipdir. Olaryň üç görnüşü («walikli», «armyt görnüşli», «çukurjykly») birnäçe gezek ýatlanylýpdy we ýazylyp beýan edilipdi. Bu konstruksiýany ulanmagyň maksady gurban ganynyň päkize ot bilen gönüden-göni galtaşmagynyň önüni almakdan ybarat bolupdyr. Dogry, häzirkir zaman oňparazlary gurban berilýän eti adaty usul bilen, şoňa meňzeş enjamlary ulanmazdan taýýarlaýarlar. Ýöne gadymy döwürlerde oduň päkizeligini baradaky garaýyşlar häzirkisinden has berk bolupdyr.

Ýeriň hem hudaýlaşdyrylan zat bolandygyna birnäçe görnüşli merhumy jaýlamak döp-dessurlary bolan Goňur gonamçylygy iň gowy arheologiýa subutnamasy hökmünde çykyş edýär. Şolaryň arasynda «içinde ot ýakylyp diwarlary bişirilen mazarlar» aýratyn tapawutlanýar. Olarda diri wagty näletlenen adamlar jaýlanylýdyr. Awestada «goý, ol ýerde (Warada) döşi küýki, arkasy küýki, döwük-enjikli, akyly üýtgän, teni tegmilli (narly), dişi çüýrük, mergi keselli adamlaryň hiç biri hem bolmasyn, olar Angraman – Maniýanyň adamlara basýan tagmalary bolup hyzmat edýär» (wideowdat 2. 29.I.M.Steblin – Kamensikiniň terjimesi), şunuň ýaly adamlaryň jesetleri bilen päkize ýeriň arasyndaky gönüden-göni galtaşmalary mümkin boldugyça azaltmak üçin gadymy marguşlylar olaryň mazarlaryny deslapdan taýýarlap goýupdyrlar. Olarda güýçli ot ýakylyp içki diwarlary tutuşlygyna bişirilipdir. Çüýreýän jesetleriň ýer bilen gönüden-göni galtaşmagyny doly aradan aýyrmak üçin şeýle mazarlaryň ählisiniň düýbüne arassa çäge düşelipdir we soňra şeýle mazar çukury üsti yeňil, wagtlaýyn örtgüler bilen ýapylyp gerekli pursatyna çenli saklanylýdyr. Oduň jeset tarapyndan masgaralanmagyndan goramagyň şunuň ýaly funksiyalary gadymy halklaryň köpüsünde duş gelnipdir. Ýöne özünde ýörite päkizelemek döp-dessuryny jemleýän şunuň ýaly güýçlendirilen görnüşe birinji gezek gabat gelindi.

Şeýle hem suwuň masgaralanmagyny aradan aýyrmak maksady bilen Demirgazyk Goňruň köşk-ybadathana toplumynyň günortasyndaky kiçi howdany suwdan doldurmak üçin ýörite suw durlaýjy ýa-da filtr gurlupdyr. Ol arassa dury suw almaga mümkinçilik beripdir. Ony gurban berilende we nahar taýýarlananda ulanylýdylar. Umuman alanyňda, suw oňparazlaryň diňe bir gündelik durmuşynda däl, eýsem dini ygtykat durmuşynda «aýratyn materiýa» hökmünde çykyş edýär. Şonuň üçin hem Goňurda tapylyan howdanlaryň umumy meýdanynyň köşgüň öz meýdanýndan hem uludygy düşnükli.

Bu üç sany «halal zatlaryň» dini mukaddesligini berjaý etmek üçin ruhanlylar oňparazlyk dininde jikme-jik beýan edilýän köp sanly päkizeleniş döp-dessurlaryny ýerine ýetiripdirler. Mysal üçin, islendik oňparazçylyk ýuwunmak döp-dessury iki bölekden – suw we söz bilen arassalanmaktan ybaratdyr. Ýekeje mynajat hem irdenki ýuwunmak çäresini ýerine

ýetirmezden geçirilip bilinmändir. Bu bolsa şunuň ýaly dini döp-dessurlarda suwuň keramatlaşdyrylan güýjüniň we ähmiýetiniň bolandygyna jedelsiz şaýatlyk edýär. Goňruň ähli howuzlary we suw howdanlary, köp sanly ýapjagazlar ulgamy ýaly dini äheňli döp-dessurlar bilen baglanyşykly ýerleriň örän golaýynda ýerleşipdir. Bu ýagdaý köpçülikleýin naharlanylýan meýdançalar üçin hem, gurban berilýän ybadathanalar üçin hem şeýledir.

Marguşdaky gazuw-agtaryş işleri örän irki döwre (biziň eýýamymyzdan öňki III-II müňýyllyk) degişli bolan üç zadyň – oduň, ýeriň, suwuň päkizeliginiň jikme-jik berjaý edilýişiniň ilkinji dolulaýyn tassyklanmasydyr. Bu ýerde üç sany «halal zadyň» keramataşdyrylmagynyň ösen ýokary derejesi otparazlygyň kemala gelmeginden öň, köphudaýlylyk eýýamynda bolandygyna hiç hili şek-şübhe goýmaýar.

Ganly gurban berilmeler. Awestada gurban berilýän haýwanlary soýmaga degişli örän gapma-garşylykly maglumatlar bar. Ýöne Marguşda köphudaýlylygyň höküm süren zamany şeýle däbiň bolandygyny subut edilen diýip hasaplamak mümkin. Özi-de, diňe bir geçiler we goýunlar däl, eýsem, sygyrlar we düeler hem gurban berlipdir. Gurban bermäni adatdan daşary seresaplylyk bilen, ganyň topraga, suwa ýa-da oda dökülmeginiň öňüni almak bilen geçirmeli bolupdyr.

Gadymy marguşlylar tarapyndan şol şertleriň ýerine ýetirilendiginiň subutnamasy hökmünde Togalak-1 we 21 ybadathanalarynyň ikisinde, geçirilen gazuw-agtaryş işleri wagtynda tapylyan «gurban beriş ybadathanalary» çykyş edýär. Ybadathanalaryň ikisinde hem şeýle meýdançalar ilki başda däl-de, has giçki diwarlarynyň aňyrsynda ýerleşen bolmagy mümkin. Mysal üçin, Togalak-1 oba ybadathanasynda beýikligi bir ýarym metre golaý bolan, tutuşlygyna küzegärçilik önümçiliginiň galyndylary bilen düşelen şonuň ýaly «meýdança» arassalandy. Ondan biraz egredilen ternaw bölünip gidýär. Ol hem küzegärçilik önümçiliginiň galyndy bölekleri bilen örtülipdir.

Togalak-21 ybadathanasynda, onuň hereket eden wagtynyň iň giçki döwründe «koridorlaryň halkasynda howlynyň ortaragynda polda uly küýze döwürlerinden ýasalan ternaw bölünip gidýär. Olar näme üçin şeýle gurnaldyka? Megerem, olaryň ikisi-de birmeňzeş maksatlar – ýagny, gurban berilýän mallary soýmak we pudarlamak üçin niýetlenip, gan-kokuň ýere dökülmezligi göz önünde tutulyp gurlan bolmaly. Hut ýokarda ýatlanlyp geçilen ternawlaryň kömegi bilen gan-koklar kilisäniň daşyna akdyrylyp äkidilipdir. Meri Boýs gadymy Eýranda esasan sygyrlar we öküzler gurban berilipdir diýip hasap etse-de, Marguşda goýunlar we geçiler şeýle mallar bolupdyr. Hut dowarlaryň etinden gurban berilýän naharlary taýýarlamak üçin onlarça iki kameraly dini äheňli peçler gurlupdyr, sygyr we düýe etleri bolsa birnäçe armyt görnüşli peçlerde bişirilipdir.

Ruhany başgaplary. Pars ruhanylarynyň dini äheňli dabaralar geçirilmezden öň uzyn gulak ýapgyçlary bolan, ýüzüň uly bölegini ýapyp duran aýratyn başgaplary geýendigi baradaky fakt ylymda bir wagt ýazylyp beýan edildi. Ol ruhany klobukleridir. Şunuň ýaly örän meňzeş täsin başgap gyzlymytyl-goňur reňkli bişirilip toýundan ýasalan kellejikde saklanyp galypdyr. Ony arheologlara Demirgazyk Goňur köşgüniň gazuw-agtaryş işleri wagtynda tapmak başartdy (**179-njy surat**). Kellejik Marguşda tapylynlaryň ählisinden özüniň realistik usulda ýerine ýetirilendigi bilen

düýpli tapawutlanýar. Giň, ýöne näzik ýüz keşpli, gyýak gözli, kynçylyga uçran görnüşli бүкүлен gaşly, somalyp duran uly burunly adam keşbi gadymy marguşlynyň, belki-de ruhanynyň keşbini şekillendirýändir. Başgapdan aşak gaýdýan we toýundan ýasalan bu kellejigiň ýüzüniň iki tarapy eýeleýän uzyn «nauşnikleriň» ikisiniň bolmagy şeýle çaklamany öňe sürmäge mümkinçilik berýär. Eger-de ol hakykatdan-da marguşly ruhanynyň şekili bolsa, onda ol tutuş Merkezi Aziýada şeýle ýaşdaky şunuň ýaly ilkinji we ýeke-täk tapyndydyr.

Глава восьмая Лики язычества

ДО СИХ пор бытует мнение, что язычество было абсолютно аморальной эпохой. Индоарии, дескать, не знали таких понятий, как добро и зло, а преследовали только свои «шкурные» интересы, для чего все средства были хороши. И только пророк Заратустра, считают лингвисты, впервые в мировой истории стал проповедовать мораль, противопоставив два понятия: добро и зло. По одну сторону он поставил понятие «аша», олицетворявшее собой порядок, правду, ритуальную чистоту и т.д., а по другую – хаос, ложь, нечисть и т.п.

На бактрийско-маргианских печатях и амулетах практически все композиции подчинены одной теме – борьбе Добра и Зла. До сих пор собственная древняя письменность в Маргиане не выявлена, так что духовная жизнь маргушцев во многом остается загадкой. До определенной степени их идеологические воззрения могут быть воссозданы по памятникам древнего прикладного искусства и в первую очередь по гравированным композициям, некогда нанесенным на печати и амулеты древними мастерами страны Маргуш.

Сейчас уже совершенно очевидно, что печати и амулеты Маргианы и Бактрии представляют собой особое явление в контексте всего древневосточного искусства. Многочисленные сюжеты на каменных, медно-бронзовых и серебряных печатях отражают не бездумную фантазию древних мастеров, а напротив, служат своеобразными «цитатами» или «тезисами» тех мифов, что были широко распространены среди местного населения. В сущности, они иллюстрировали наиболее драматические, а главное, общеизвестные мифы и потому были понятны всем маргушцам.

Чистые стихии. Итак, все приведенные выше археологические данные свидетельствуют, что в Маргиане существовало множество самых разнообразных культов, но больше всего почитались огонь, вода и земля. Они являлись обожествленными стихиями, чистоту и святость которых ни в коем случае нельзя было ни нарушать, ни осквернять. Вот почему есть серьезные основания видеть в этом много общего с более поздними зороастрийскими представлениями. Повторим главное. Огонь считался сыном Ахура-Мазды. Осквернение чистой стихии огня у зороастрийцев считалось большим

грехом. Насущная необходимость приготовления пригодной для жертвоприношения пищи заставила маргианцев (по-видимому, еще на их прародине) изобрести культовые двухкамерные печи особой конструкции, три типа которых («с валиком», «грушевидные» и «с уступом») в данной книге неоднократно упоминались и описывались. Целью этой конструкции было предотвратить прямой контакт жертвенной крови с чистой стихией огня. Правда, современные зороастрийцы жарят жертвенное мясо обычным способом, без помощи подобных устройств, но это говорит лишь о том, что в древности представления о чистоте огня были более строгими, чем ныне.

Самым ярким археологическим доказательством того, что и земля была обожествляемой стихией, служит некрополь Гонура с несколькими типами погребальных обрядов, среди которых особенно выделяются так называемые «обожженные могилы». Напомним, что в них находили последний покой люди, которые при жизни, видимо, считались изгоями. Недаром в Авесте сказано: «Пусть там (в Варе) не будет ни горбатов спереди, ни горбатов сзади, ни увечных, ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни гнилозубых, ни прокаженных, ... которые служат отметинами, Ангра-Манью наложенными на смертных (Видевдат 2. 29. Перевод И.М. Стеблин-Каменского). Именно для того, чтобы до минимума свести прямые контакты между останками таких людей и чистой землей, древние маргушцы заранее заготавливали для них могилы, разводя в них сильный огонь, который сплошь обжигал стенки изнутри. Чтобы полностью исключить прямое соприкосновение разлагающихся останков с землей, на дно всех подобных могил насыпался чистый песок, и затем такая могильная яма «консервировалась» и закрывалась сверху легким, временным перекрытием.

Такие защитные функции огня от трупной скверны засвидетельствованы у многих древних народов, но впервые в столь концентрированной форме, воплощающей специальный очистительный ритуал.

Очевидно также, что с целью не допустить осквернения воды, на юге дворцово-храмового комплекса Северного Гонура для заполнения малого южного бассейна чистой водой был сооружен специальный отстойник, или фильтр, позволявший получать чистую, прозрачную воду, которую можно было использовать для жертвоприношений и употреблять в пищу. Вообще вода представляла, по-видимому, особую материю не только в обыденной, но и, особенно, в культовой жизни зороастрийцев. Недаром общая площадь бассейнов, раскопанных на Гонуре, превышала размеры самого дворца.

Лингвистами отмечено, что для соблюдения религиозной святости этих трех чистых стихий жрецы совершали многочисленные очищающие ритуалы, детально прописанные в зороастрийской религии. Так, любое зороастрийское ритуальное омовение состоит из двух компонентов – очищение водой и словом. Ни одна молитва не может быть совершена до утреннего омовения, что с бесспорностью указывает на божественную силу и значение воды в подобных ритуалах. Все гонурские бассейны и водоемы, как и многочисленная сеть канав, всегда расположены рядом, в непосредственной близос-

ти от мест, связанных с культовыми церемониями, это одинаково и для площадей общественных трапез, и для храмов жертвоприношений.

Раскопки в Маргиане - это первое полное подтверждение тщательного соблюдения чистоты трех стихий, относящееся к столь раннему периоду (III-II тысячелетия до н.э.). Нет никаких сомнений в том, что развитое в высшей степени обожествление трех чистых стихий было здесь уже в языческую эпоху, задолго до сложения зороастризма.

Кровавые жертвоприношения. В Авесте содержатся довольно противоречивые свидетельства относительно заклания жертвенных животных, но можно считать доказанным, что в языческой Маргиане такая практика существовала, при этом в жертву приносились не только козы и овцы, но также коровы и верблюды. Совершать жертвоприношения надо было чрезвычайно осторожно, чтобы кровь не проливалась на землю, не попадала в воду и огонь. Документальным доказательством выполнения этих условий древними маргушцами служат две жертвенные площадки, которые обнаружены во время раскопок двух храмов Тоголок-1 и 21. В обоих храмах такие площадки были устроены не изначально, а гораздо позже, поскольку на первых порах они могли располагаться за внешними стенами святилищ. Так, в сельском храме Тоголок-1 расчищена одна такая площадка высотой около полутора метров, сплошь выстланная обломками гончарного шлака. В сторону от нее отходит слегка изогнутый желоб, также выложенный кусками гончарного шлака.

В храме Тоголок-21 уже в самый поздний период его существования почти в середине бывшего «двора в обводе коридоров» прямо на полу из крупных фрагментов битой керамики была образована керамическая выстилка, от которой в сторону отходит желоб, устроенный из тех же обломков битой керамики. Зачем все это делалось? Обе эти площадки имели, скорее всего, одинаковое назначение и были устроены для заклания или разделки жертвенных животных, но так, чтобы кровь не проливалась на землю. Именно с помощью упомянутых желобов кровь выводилась наружу, за пределы святилищ. Хотя Мэри Бойс считала, что у древних иранцев главными жертвенными животными были коровы и быки, в Маргиане это были все-таки овцы и козы. Именно для приготовления жертвенной пищи из мяса мелкого рогатого скота устроены многие десятки двухкамерных культовых печей, тогда как говядина и верблюжатина готовились всего лишь в нескольких грушевидных печах.

Жреческие клобуки. В науке давно описан факт использования персидскими жрецами перед совершением культовых церемоний особых шапок с длинными наушниками, закрывавшими большую часть лица. Это и есть жреческий клобук. Такой близкий по типу уникальный головной убор сохранился на одной терракотовой головке, ставшей счастливой находкой археологов при раскопках дворца Северного Гонура (*Илл. 179*). Головка решительно отличается от всех встреченных в Маргиане своей общей реалистической

(а не схематической) манерой исполнения. Широкое, но с тонкими чертами лицо с миндалевидными, наклепными глазами под страдальчески изогнутыми бровями и большим выступающим вперед носом, если и не является портретным изображением, то передает вполне определенный тип древнего маргианца, возможно даже жреца. На это указывают два длинных наушника, спускающиеся от шапки вниз и обрамляющие с обеих сторон лицо этой терракотовой статуэтки - незаурядного произведения безвестного мастера древности. Если это действительно изображение маргианского жреца, то тогда это первая и единственная находка подобного рода и такого возраста во всей Центральной Азии.

179

Goñur köşgünden tapylan terrakot heykeljigiñ kellesi. Gırdal yüz tarapdan görnüşi.

Голова терракотовой статуэтки из дворца Гонура. Профиль и анфас.

Head of a terracotta figurine from the Gonur Palace. Side-view and full face.

Chapter 8 Faces of Paganism

THERE IS an opinion that the religion that existed before the Zoroastrianism was absolutely immoral. The ancient Iranians and Indians thought nothing about such concepts as good and evil and were anxious only about their personal wellbeing and believed that «all means are good»! Linguists believe that Zoroaster was the first in world history to draw the attention of people to the moral sphere of the concepts of Good and Evil. According to him the concept Asha personified order, truth, ritual purity and so on, and the opposite concept Drug personified chaos, lies, death, etc.

The composition in the glyptics and sphragistics of pagan Margiana are practically all associated with one idea: the contradiction between Good and Evil. Since up to the present no signs of written language were found in Margiana their spiritual life is not quite clear to us. Their

ideological concepts can be reconstructed mainly from the monuments of the ancient applied art and first of all from engraved compositions on seals and amulets made by the ancient masters of Margush.

It is absolutely clear that the glyptics and sphragistics of Margiana possess a special place in the entire zone of the Near East. Numerous compositions that were once engraved on stone amulets or cast on copper and bronze seals illustrate original «quotations» or «theses» of the myths that were so popular among the local tribes at that time. The ancient craftsmen depicted on their seals and amulets the well known compositions of myths rather than their own fantasies and the subjects on their art objects were well known to each member of the Margiana community.

On the seal from Togolok-1 the central place belongs to an acrobat who jumps over a high stick, a scene that resembles closely the famous acrobatic compositions from the excavations of the Knossos palace at Crete. True, in the Aegean world these are the scenes of tauromachia wherein acrobats jump over bulls while in Margiana they jump over a stick that is held by the two main personages with monkey heads. And though there is an opinion that such syncretic images (including people with animal heads) are associated with an Egyptian and not an Aegean-Anatolian origin, still it seems likely that the Margiana composition is linked closer to the one from Knossos.

PURE NATURES. The available archaeological material testifies that among the various cults of Margiana the most sacred were those associated with water, earth and fire. These were sacred forces of nature which should not be either profaned or disturbed in any way. One may assume that the later Zoroastrian concepts were based on these beliefs. Zoroastrians believed that **fire** was the son of Ahura-Mazda and the profanation of the «pure nature» of fire was a great sin. In order to cook sacrificial meat on the one hand and to protect the contact of fire with bloody substance on the other, the Margiana tribes had to construct ovens in a special way. One may suggest that already when they lived in their previous motherland they had invented double-chambered hearths of three types: «with a partition», «pear-shaped» and «with a step», all of which have been described above. All the hearths had one aim - to avoid direct contact of «pure» fire with meat. It is true however that according to M.Boyce the modern Zoroastrians fry the sacrificed meat. But on the other hand, perhaps the ancient concept of the pure nature of fire was more consistent than it is nowadays.

The Gonur necropolis presents the best evidence of the concept that the **earth** was another sacred substance for ancient Zoroastrians. Among different types of graves one can single out the so called «burnt graves» that represent simple grave pits with walls preliminarily burnt red-hot. We have already mentioned that such graves were used for the physically or mentally disabled. It is quite possible that they were

looked upon as social outcasts. We read in the Avesta: «Let there (in Vara) be no humped, either on the front or on the back, no cripples, no crazy, no birth marks, no sinful, no one with rotten teeth, no leprous: which are all spots of Angra-Maniu with which he marked the mortals» (Videvdat, 2.29, translation by I.M.Stebelin-Kamensky).

So, it was for those very occasions that the ancient tribes of Margiana burnt so fiercely the walls of pit graves. In order to avoid any possible contact of the decomposing body with the earth the bottoms of these graves were covered with pure sand (up to 20 cm thick) and after the body was buried they covered the pit with a light temporary roof. Similar «defending» of the qualities of fire are recorded in many ancient tribes, but it seems that the custom appears only here in such a «concentrated» form of a special «purifying» ritual.

It should be added that in the palace of the «complex of funeral rituals» a special drainage system was constructed in order to protect the «pure» nature of the earth from the waste waters used for the washing of the dead. The waters ran outside the area of the palace through the drainage system.

It seems logical to assume that also for the sake of keeping the same sacred nature of **water** clean in the small pool of the Southern palace and temple complex of North Gonur, the ancient people constructed a special «filter». The water purified in it could be then used for sacrifices and cooking. Water seems to play a special role in the life of the local tribes; this may explain the fact that the total area covered by all the pools excavated at Gonur exceeds the total area of the palace itself.

We may assume that other «cleaning» rituals were used in the everyday life of the local tribes but we have no archaeological support for this assumption so far. According to linguists, Zoroastrian priests performed numerous «cleaning» rituals of the three «pure natures». Every Zoroastrian ritual ablution consists of two components - ablution by water and by word. No prayer could be performed prior to the morning ablution, evidence of the sacred force of the water. It is not accidental that a set of numerous gutters is located near the places that were associated with different ritual ceremonies; good examples are the squares of «communal eating», and the pool located near the Temple of Sacrifices.

The excavations of the archaeological monuments discussed above testify that already as early as in the third-second mil.B.C. the ancient tribes treated the three sacred «pure natures», that of the earth, water and fire in a special way. No doubt, that in ancient Margiana these three natures were devoutly worshipped; and this tradition found its future development in the Zoroastrian religion.

BLOODY SACRIFICES. Though in the Avesta we find contradictory records about animal sacrifices, this tradition undoubtedly existed in pagan, pre-Zoroastrian Margiana where for this purpose they used not only sheep and goats but such large animals as cows/bulls and camels.

The sacrifices were performed very carefully since no drop of blood should profane the «pure natures». «The shedding of blood involved in itself a kind of crime against the victim, and it was necessary therefore to observe the prescribed rituals most strictly, so that the act of destruction should be limited to the creatures's physical life and its spirit be released to depart to the other world. There to nourish the eternal life of the species». Two «sacred squares» found during the excavations of two temples Togolok-1 and 21 serve the best documented proof of this. It is noteworthy that these «squares» in both temples were built in the latest period of their existence and originally could presumably have been located outside the temple walls.

Also in the latest period of the temple Togolok-21 almost in the center of the former «yard framed with corridors» in room No 13 right on the floor was a very low platform covered with large ceramic pieces. Here too a gutter made of ceramic pieces carries water from the «square».

Both «squares» seem to have a similar purpose and were arranged so that the blood of the sacrificed animals would not drip down and profane the «pure» earth. One can assume that the animal blood ran outside through the gutters described above. Here it is worth noting that though according to M.Boyce for the ancient Iranians cows and bulls were the main sacrifice animals, in Margiana the main sacrifices were goats and sheep. Thus, we found several dozen hearths for cooking sacrificial meat of sheep and goats and only several pear-shaped ones for preparing the meat of cows/bulls and camels.

HEAD-DRESSES OF PRIESTS. It was noted long ago that before performing ritual ceremonies the Persian priests put on special caps with long ear-flaps that covered almost half of their faces. The archaeologists were fortunate enough to find a similar cap on a unique terracotta head found during the excavations of the palace of North Gonur (**Fig. 179**). Unlike other Margiana finds of this type the head is distinguished by its amazing realism.

The broad face with delicate features had modeled almond-like eyes under curved eyebrows and a large protruding nose. Probably this is not a portrait but it depicts a certain type of ancient Margiana person, perhaps even a priest. The assumption is based on two long ear-flaps that flank the face. If this is true, then it is the first and only find of this kind in the entire zone of Central Asia from the first half of the second mil.B.C.

IX bap Atlar we Gün

180

Goňruň patyşa gonamçylygyndaky 3225-nji mazardan tapylan dört tigril arabanyň bir tigril.

Колесо от четырехколесной повозки из могилы 3225 на царском некрополе Гонура.

Wheel of a four-wheeled cart from tomb 3225 in the Gonur royal necropolis.

MÄLİM bolşy ýaly, ot hindiarilerilere häsiýetnama bermekde baş kesgitleýji serişdäniň biri hökmünde çykyş edýär. Professor Ý.Kuzminanyň tassyklamagyna görä, eldekileşdirilen atlar Marguşda (belki-de tutuş Merkezi Aziýada) diňe hindiari taýpalarynyň gelmegi bilen peýda bolupdyr.

Demirgazyk Goňurda eldekileşdirilen atlaryň sekiz sanysynyň süňkleri tapyldy. Olaryň arasynda kerpiçden gurlan, inedördül görmüşe meňzeş taýçanak jaýlanan täsin kümmet (üsti gümmezli bolan bolmagy mümkin) aýratyn tapawutlanýar (**181-nji surat**). Ol patyşa gonamçylygynda ýerleşipdir. Taýçanagyň jesediniň gapdalyndan jaýlamak bilen baglanyşykly gap-gaçlar, bir wagt atyň ýalyna we guýrugyna dakylan ýönekeý monjuklaryň ikisi tapyldy. Jaýlama bilen baglanyşykly gap-gaçlar kümmetiň polunyň ähli ýerinde ýaýrap ýatyr, bu ýerde ilki başda iki sany esasy baş kameranyň bolandygy ähli ýagdaýlardan mälim bolýar. Onuň daşynda kümmetiň gapdalynda adaty dini äheňli iki kameraly peç saklanyp galypdyr, onda merhumy jaýlamak döp-dessury bilen baglanyşykly gurban bermegiň amala aşyrylan bolmagy mümkin. Ýaştalarda atlar patyşalar we gahrymanlar tarapyndan gurban berilýän mallaryň arasynda yzygiderli ýatlanylýar. Bu gurban bermeler patyşanyň tagta çykmak dabarasy wagtynda berlipdir diýen umumy pikir ýöretme bar.

Hindiyewropa problemsy boýunça tanalýan hünärmen Jeýms Melloriý hindiyewropa halklarynyň ählisinde diýen ýaly aty gurban bermek däbiniň (Rigwedadaky terminologiýada – «aşwamedha») bolandygyny belläp

geçýär. Başgaça aýdylanda, taýçanak jaýlanan kümmet we onuň ýanyndaky dini äheňli peç aşwamedha däbine doly laýyk gelýär we onuň inaugurasiýa dabarasy bilen baglanyşykly bolmagy mümkin. «Taryhyň atasy» Gerodotyň massagetleriň dini ynançlary barada getiren ýene bir subutnamasyny ýatlalyň: «olar hudaýlaryň arasynda diňe Güne sejde edýärler we oňa atlary gurban berýärler». Strabon muny sözme-söz diýen ýaly gaýtalayar. Otparazçylyk boýunça tanymal hünärmen Ý.A. Rappoportyň sözlerine görä, manysy boýunça meňzeş jümle Awestada bar: «ýyndam atlary bolan Gün» (Widewdat, XXI, 20). Akademik B.A.Litwinskiý hem «meşhur çertomlyk wazasyndaky atyň we günüň obrazlary bir bitewi bolup görünýär» diýmek bilen, bu pikire goşulýar. G.Widengren has batyrgaý çaklamany öňe sürýär. Ol gadymy eýranlylarda köplenç atyň gurban berilendigini we at, Gün we Ahura-Mazda hakyndaky düşüňjeleriň arasynda berk baglanyşygynyň bolandygyny tassyklaýar.

Bize taýçanagyň kellesiz we guýruksyz jaýlanan mazaryny Goňurdaky baş gonamçylykda tapmak başartdy (**182-nji surat**). Ol bolsa ýene-de gadymy hindi Aşwamedha döp-dessuryň ýakynan ýatladýar. Ol däbe görä, gurban berilýän atyň kellesi we guýrugy baş hudaýlarw gurban bermek üçin kesilip alnypdyr. Ýene-de bir ýaş atyň süňklerini (taýçanak bolmagy hem mümkin) biz 3200-nji mazarda arabanyň ýanyndan tapdyk, beýleki biri bolsa Demirgazyk kenaryyaka suw ybadathanasynyň taşlanan uçastogynyndaky Sistanyň (3310-njy mazar) daşynda jaýlanypdyr. Ýaş atyň äň süňki 2900-nji sistanyň daşynda jaýlanan goýunlaryň biriniň arkasynda goýlupdyr, ol ýerde esger jaýlanypdyr. 9-njy gazuw-agtaryş işleri geçirilen ýerde atyň kellesi aýratyn jaýlanypdyr. 16-njy gazuw-agtaryş işleri geçirilen ýerde talanmadyk mazarda ýanynda jaýlamak bilen baglanyşykly adaty zatlar goýlan taýçanagyň süňkleri ýüze çykarylady (**183-nji surat**).

Ýokarda agzalan at süňkleriniň galyndylaryndan başga-da birnäçe möhüm Goňur artefaktlary barada aýtmak gerek. Olar eldekileşdirilen atlary türgenleşdirmek üçin duýduryş beriji turbalardyr (**184-nji surat**),

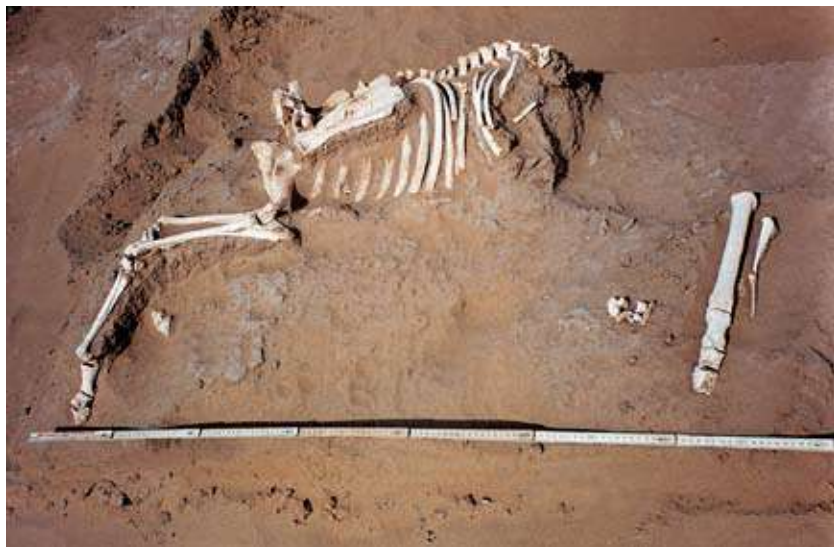

181

Goňruň patyşa gonamçylygynyň çäginde jaýlanan taýçanak.

Захоронение жеребенка на территории царского некрополя Гонура.

Interment of a foal on the territory of the Gonur royal necropolis.

atlaryň toýundan we daşdan ýasalan heýkeljikleridir (şol sanda eýerlenen görnüşde) hem-de yhlas bilen örülen we reňklenen ýally at kellesi görnüşindäki mis-bürünç güberçek şekilli bezeg predmetidir **(185-186-njy surat)**. Bu tapyndylaryň ählisi eldekileşdirilen atyň Merkezi Aziýa ýewraziýa sähralyklaryndan däl-de, dünýäniň şol wagtky öňdebaryjy merkezlerinden, ilkinji nobatda Kiçi Aziýadan, çaklanylyşy ýaly, häzirkiki Siriýanyň territoriýalaryndan getirilendigine güman etmeleri doly aradan aýyrýar.

Marguşda, Baktriýada we aýratyn hem Elamada we Aşaky Mesopotamiýada tapylan gurluş taýdan biri-birine ähli babatlarda gabat gelýän tigr munuň ýene bir düýpli subutnamasy bolup hyzmat edýär **(180-nji surat)**. Olaryň ählisi bir ussahanada ýasalan bolaýmasyn diýen pikir kelläňe gelýär.

Bu resmi faktlaryň we syn etmeleriň ählisi eýýäm biziň eýýamymyzdan öňki III müňýyllygyň soňky ýüzýyllyklarynda eldekileşdirilen atyň Merkezi Aziýa täze taýpalar bilen getirilendigine hiç hili şek-şübhe goýmaýar. Olar haýsy marşrut boýunça hereket etdilerkä? Megerem, olar Kiçi Aziýanyň gündogar-anadoly taýpalary bilen bilelikde Siriýa we Akkat döwletleriniň içinden geçip, soňra Gündogara, Elama baryp ýetendirler. Bu ýerden, Eýran daglarynyň üstünden Gündogar Eýrana we Günorta Türkmenistana tarap giň ýol açylyar. Göçme taýpalar şol ýerden Marguşyň we Baktriýanyň, mümkin, hindi subkontinentiniň çäklerine çenli baryp ýetendirler. Ýokarda bellenişi ýaly, şol wagtlarda mes toprakly we süýji suwa baý bu ýerler adamlar tarapyndan juda az möçberlerde öleşdirilipdir. Bu ýerler diňe bir gelmişekler üçin däl, eýsem olaryň öý haywanlary üçin hakyky jennet bolup hyzmat edipdir. Murgabyň suw basýan bol otly kenarlarynda öý haywanlarynyň ägirt uly sürüleri we ilkinji, heniz köp sanly bolmadyk at sürüleri aga-ýana gezipdir.

Arheologiya faktlaryň käbiri hünärmenler tarapyndan öňe sürilen iň gadymy eldeki atyň sähralyklardan gelip çykandygy we Baktriýa we Marguşa andronow tipli çarwa taýpalaryň ýaşayan demirgazyk sähralaryndan getirilendigi baradaky çaklamany düýbünden inkär edýär.

КАК ИЗВЕСТНО, одним из главных маркеров в определении индоариев является домашняя лошадь, которая, как считает исследователь этой проблемы Е. Кузьмина, появилась в Маргиане (если не во всей Центральной Азии) вместе с приходом индоарийских племен, но никак не ранее.

На Северном Гонуре выявлены костные останки восьми особей домашних лошадей, среди которых выделяется уникальное захоронение жеребенка в кирпичном, почти квадратном мавзолее (возможно, с купольным перекрытием), встреченное на территории царского некрополя **(Илл. 181)**. Жеребенок находился в окружении нескольких погребальных сосудов и имел две простые бусинки, когда-то вплетенные в гриву и хвост. Погребальная посуда была разбросана по всему полу мавзолея, причем некоторые складывающиеся между собой фрагменты указывают, что они просто откатились в сторону. Следовательно, изначально здесь была пустотелая камера.

Снаружи, но рядом с мавзолеем, сохранилась обычная культовая двухкамерная печь, где могли совершаться погребальные жертвоприношения. В Яштах лошади регулярно упоминаются среди жертвенных животных, приносимых царями и героями. Считается общепринятым мнение, что совершались эти жертвы во время инаугурации.

Крупнейший специалист по индоевропейской проблеме Джеймс Меллори отмечал, что многие, если не все, индоевропейские народы предоставляют свидетельства лошадиных жертвоприношений (в терминологии Ригведы - ашвамедха). Иначе говоря, мавзолей с погребенным в нем жеребенком и культовая печь рядом полностью соответствуют ритуалам ашвамедха и могут быть следами инаугурационной церемонии. Вспомним еще одно свидетельство, приведенное «отцом истории» Геродотом относительно религиозных верований массагетов: «Из богов чтут только солнце, которому приносят

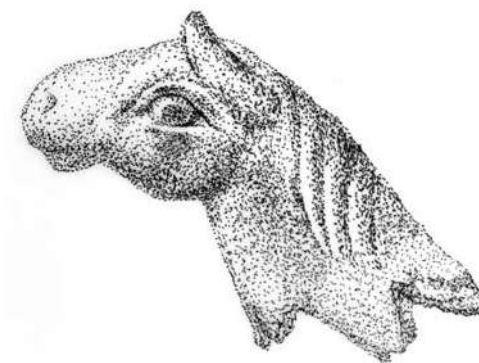

184

Goñur gonamçylygyndan
tapylan surnaý.

Сигнальная труба
из некрополя Гонура.

Bugle from the Gonur
necropolis.

в жертву лошадей». Это почти дословно повторяет Страбон. По словам известного специалиста по зороастризму Ю.А.Раппопорта, близкое по смыслу выражение приведено в Авесте: «Солнце, с быстрыми конями» (Видевдат, XXI, 20). К этому мнению присоединился и академик Б.А.Литвинский, заявивший, что «явно объединенным представляется образ коня и солнца на знаменитой чертомлыцкой вазе». Еще более смелую гипотезу выдвинул Г.Виденгрэн, утверждавший, что у древних иранцев конь часто использовался во время жертвоприношений и что существовала тесная связь между представлениями о коне, Солнце и Ахура-Мазде.

Захоронение жеребенка без головы и хвоста было выявлено нами на главном некрополе Гонура (Илл. 182), что опять-таки близко напоминает древнеиндийский ритуал ашвамедха, когда голова и хвост жертвенной лошади отчленялись для главных богов. Еще одну молодую лошадь (скорее, жеребенка) мы откопали рядом с повозкой в гробнице 3200, а другая была прихоронена снаружи к цисте (погребение 3310) на заброшенном участке северного берегового храма воды. Челюсть молодой лошади лежала за спиной одного из баранов, прихороненных снаружи к цисте 2900, где покоился воин; отдельно была захоронена голова лошади на раскопе 9. Наконец, на раскопе 16 обнаружено еще одно избежавшее разграбления захоронение жеребенка в сопровождении обычных погребальных приношений (Илл. 183).

Кроме вышеприведенных костных останков лошадей стоит назвать несколько важных гонурских артефактов. Это пять сигнальных труб для тренинга домашних лошадей (Илл. 184), терракотовые и каменные статуэтки лошадей (в том числе с седлом на спине), медно-бронзовые навершия в виде конской головы с тщательно заплетенной и, видимо, раскрашенной гривой (Илл. 185-186). Все эти находки окончательно развеяли сомнения в том, что домашняя лошадь появилась в Центральной Азии не из евразийских степей, а со стороны передовых центров тогдашнего мира, в первую очередь из Малой Азии, предположительно, с территории современной Сирии.

Еще одним существенным доказательством тому служат колеса, обнаруженные в Маргиане, Бактрии и особенно в Эламе и соседней Нижней Месопотамии, по конструкции абсолютно точно копирующие

185-186

Goñur
gonamçylygyndan
tapylan atyň mermer
heýkeljigi we
hasanyň atyň kellesi
görnüşindäki бүрүнç
gübergegi.

Мраморная
статуэтка лошади
с раскрашенной
гривой и бронзовое
навершие жезла в
виде головы лошади
из некрополя
Гонура.

Marble horse
statuette with
a painted mane and
a bronze horse-
head pommel of a
staff from the Gonur
necropolis.

друг друга (**Илл.180**). Создается иллюзия, что все они изготовлены едва ли не в одной мастерской.

Все эти документальные факты и наблюдения не оставляют никаких сомнений в том, что уже в последних столетиях III тысячелетия до н.э. домашняя лошадь появилась в Центральной Азии вместе с новыми племенами. Каким мог быть их маршрут? Вероятно, вместе с восточно-анатолийскими племенами из Малой Азии они прошли через Сирию и Аккадское государство и проникли далее на юг, достигнув Элама. Отсюда, через Иранское нагорье, открывалась широкая дорога в сторону Восточного Ирана и Южного Туркменистана, куда и устремились мигранты, пока не достигли пределов Маргианы и Бактрии, а возможно, даже Индийского субконтинента. Как было отмечено выше, в то время эти земли были почти не освоены людьми и вместе с тем богаты плодородой почвой и пресной водой. Не только для пришельцев, но и для их домашних животных здесь был настоящий рай, чем они и поспешили воспользоваться. И уже вскоре на заливных лугах дельты Мургаба паслись тучные стада домашнего скота и первые еще немногочисленные табуны лошадей.

Археологические факты совершенно исключают выдвинутое некоторыми специалистами предположение, что самая древняя домашняя лошадь имеет степное происхождение и попала в Бактрию и Маргиану с севера, населенного скотоводческими племенами андроновского типа.

Chapter 9 The Horses and the Sun

IT IS well known that the domestic horse is the main attribute in the definition of Indo-Aryans. It appeared in Margiana (and perhaps in the whole of Central Asia) only when Indo-Aryan, tribes came to this area and not before.

Bone remains of eight domestic horses were excavated at North Gonur. Among them a unique burial of a stallion stands out. It was buried at the royal necropolis (**Fig.181**) described above in an almost square brick mausoleum (probably with a cupola) and was surrounded with several funeral vessels and two simple beads were presumably plaited into the mane and tail.

The funeral dishes were scattered all over the floor of the mausoleum, a fact that leads one to suggest that originally the tomb was hollow. On the outside next to the mausoleum the usual ritual double-chambered hearth was built and here «kings and heroes» could perform funeral sacrifices. Such sacrifices are believed to be made during inauguration ceremonies. One of the best specialists on the Indo-European problem Prof.J.Mellory says that almost all Indo-European people offer the mate-

rial of such horse sacrifices (asvamedha). In other words, the mausoleum of a stallion and a ritual hearth near it may be regarded as evidence of the asvamedha ritual, a part of the inauguration ceremony.

Very remarkable in this connection is what the «father of history» Herodotus wrote about the religious concepts of massagets. «Out of all the gods they worship only the sun and sacrifice horses to it» (1,216). Almost in the same words Strabo says: «Only the sun they worship like a god and sacrifice horses to it» (XI, 8,6). A well known specialist on the problem of Zoroastrianism, U.A.Rappoport, mentions an expression from the Avesta that might be interesting to us: «Sun with fast horses» (Videvdad, XXI, 20). In this connection Prof.B.A.Litvinsky adds: «On the famous vase from Chertomlyk the images of a horse and the sun obviously look united». G.Videngren has forwarded the even bolder hypothesis that ancient Iranians often used horses for sacrifices and that «a close link existed among the images of a horse, the sun and Ahura-Mazda».

The ancient Indian ritual «asvamedha» suggests that the head and tail of the sacrificial animal should be cut off for the main gods, and a stallion's burial with a headless horse excavated at the main necropolis of Gonur may be regarded as an illustration of this (**Fig.182**). Another young horse (a stallion, rather) was found next to the cart from the burial No 3200 and still another was buried outside the cist (burial No 3310) in the neglected place on the northern bank of the Temple of Water. A jaw of a young horse was excavated behind one of the rams buried outside the cist burial of a warrior No 2900; a horse head was buried separately at the excavation plot No 9. And, finally at the excavation plot No 16 an intact stallion was buried with the usual set of funeral offerings (**Fig.183**).

Besides the bone remains and intact skeletons of a horse other items that are associated with a horse were found. These are five signal trumpets for domestic horse training (**Fig.184**), terracotta and stone horse statuettes (one with a saddle, from burial No 3210), copper-bronze tops in the shape of a horse with carefully plaited and probably painted mane (**Fig.185-186**). Based on this excavated material one may say that the horse in Central Asia appeared not from the local steppes but rather from the advanced centers of the world and first of all from Asia Minor and presumably from the modern area of Syria.

The evidence are the wheels from Margiana, Bactria and especially Elam (south-western Iran and neighbouring lower Mesopotamia) whose construction is so identical that one may even have the illusion that they were made in the same workshop (**Fig.180**).

The total sum of the documentation and observations leads to the conclusion that the domestic horse appeared in Central Asia in the last centuries of the third mil.B.C. at the very time when migrating tribes from the West had inhabited it. One may assume that together with the East-Anatolian tribes from Asia Minor through Syria and the Akkadian

kingdom the migration moved farther to the South as far as Elam. From there across the Iranian plateau the tribes continued their way to East Iran and South Turkmenistan where they reached the regions of Margiana and Bactria and perhaps even the Indian subcontinent. More than once it has been mentioned that at that time these areas were not only uninhabited but rich in fertile lands and had plenty of water. This was a real paradise not only for the people but also for their domestic

animals. And very soon the pastures were full of flocks of sheep, goats, cows and at first not numerous herds of horses that were exotic rather than draught animals at that time.

The available material contradicts the opinion of some scholars who believe that the most ancient horse has a steppe origin and that it came to Bactria and Margiana from the Euro-Asian steppes inhabited by cattle-breeding tribes of the Andronovo type.

X bap

Göçme taýpalar we ekerançylar

MEN Kelleli oazisinde, Marguş siwilizasiýasynyň ýaňy döwründe wagtynda göçme taýpalaryň we gadymy ekerançylaryň gönüden-göni gatnaşyk edendikleri hakyndaky hiç hili arheologiya subutnamalarynyň tapylmandygy barada öň ýazypdym. Şoňa meňzeş ýagdaý Goňur gonamçylygynyň we Demirgazyk Goňruň köşk-ybadathana toplumynyň gazuw-agtaryş işleri wagtynda hem bellenildi. Göçme taýpalaryň we ekerançylaryň keramiki predmetleriniň bir wagtda bir ýerde bolandygy hakyndaky ilkinji subutnama biz diňe Günorta Goňur temenosynyň başnyaly toplumynda gabat geldik. Ol temenosyň hereket eden iň gijki döwrüne, has takygy, biziň eýýamymyzdan öňki II müňýyllygyň ortasyna we ikinji ýarymyna gabat gelýär.

Sähra tipli keramikanyň tapylan beýleki zolagy Togalak oazisidir. Togalak-1 we Togalak-2 ybadathanalarynyň gazuw-agtaryş işleri wagtynda göçme taýpalaryň arasynda ýaýran keramikanyň seýrek nusgalaryna gabat gelindi. Goňur we Togalak oazislerinde şunuň ýaly keramika fragmentleri ýeke-täk nusgalarda, özi-de diňe dini äheňli soma-haoma içgisini taýýarlamak bilen baglanyşykly ýadygärliklerde gabat gelýär. Ýöne tahyrbaý ýadygärlikler toplumynda başga hili ýagdaý göze ilýär. Bu oazisde diňe bir tahyrbaý ilatly ýerlerinde däl, eýsem onuň golaýyndaky takyrlarda hem tapylan sähra keramikalarynyň sany üzül-kesil artýar. Şunuň bilen baglylykda ol ýerde gabat gelnen, belki-de, çarwa taýpalarynyň günorta, ekerançylyk oazislerine tarap hereketiniň iň gadymy mysaly bolup hyzmat edýän merhumy jaýlamagyň andronow döp-dessurlary bellärligidir.

Aýdylanlaryň ählisinden ekerançylaryň göçme taýpalar bilen iň irki, seýrek gatnaşyklary biziň eýýamymyzdan öňki II müňýyllygyň ortasyna – ikinji ýarymyna degişlidir diýip netije çykarmak bolar. Ol gatnaşyklar biziň eýýamymyzdan öňki II müňýyllygyň soňky ýüzylyklarynda has giň derejä çykypdyr. Tahyrbaý oazisindeki ilatly ýaşan ýerleri muňa mysal bolup biler. Marguşyň demirgazyk eteklerinde ýaşan sähra çarwadarlarynyň ekerançy taýpalar bilen gönüden-göni gatnaşyk edendikleri we ýuwaş-ýuwaşdan olaryň köphudaýlylyk dini ynançlaryny kabul edendikleri baradaky pikiri aradan aýryp bolmaz. Olaryň dini ynançlarynda soma-haoma dini äheňli içgisiniň giňden ulanylandygyny ýene-de bir gezek belläp geçeliň. Hut şu taýpalaryň ahameni ýazgylarynda «saki-haomowarga» ýa-da «haomany taýynlaýan skifler» ady bilen ýatlanlyp geçilýän bolmagy juda mümkin zat. Bu barada akademikler W.W.Struwe we M.A.Dandamew öň ýazypdylar. Bu Gatadaky (Awestanyň gadymy bölegi) tur we sak skif taýpalary hakyndaky setirleri has-da düşnükli edýär. Ol taýpalar otparazlyk dinine ynanydylar.

Bu iň täze arheologiya maglumatlarynyň ählisi akademik B.A.Litwinskiň Merkezi Aziýada ilki başdaky otparazçylyk dininiň iň gadymy gatlagynyň bolandygy baradaky çaklamasyny doly tassyklaýar. Käbir skif taýpalary (saklar ýa-da turlar) biziň eýýamymyzdan öňki I müňýyllygyň başynda eýýam otprazlyk dininden öňki köphudaýlylyk dini ygtykly bilen tanyş bolman, eýsem oňa ynanydylar. Olar şol wagtlarda eýýam soma-haomany dini äheňlerde giňden peýdalanydylar (şonuň üçin hem «haomowaga» lakamyny alypdylar). Gerodotyň aýtmagyna görä, ýewropaly skifler hem şol içgileri ulanydylar. Emma onuň dini äheňler bilen baglanyşykly ýa-da ýöne şeýle ulanylandygynyň anyk maglumatlary ýok. Her näme bolsada, Marguşda amala aşyrylan iň täze arheologiya açyşlary akademik W.I.Abaýew tarapyndan öňe sürülen otparazçylyk skifler bilen gönüden-göni gatnaşyklaryň netijesinde döredi diýen çaklamasyny doly tassyklaýar.

Глава десятая

Кочевники и земледельцы

ЯУЖЕ писал, что в Келлелийском оазисе, самом раннем, возникшем на заре Маргианской цивилизации, не найдено никаких археологических свидетельств прямых контактов кочевников и древних земледельцев. Аналогичная ситуация отмечена при раскопках Гонурского некрополя и дворцо-храмового комплекса Северного Гонура. Первые свидетельства одновременного присутствия кочевой и земледельческой керамики мы имеем лишь в башенном комплексе теменоса Южного Гонура, где вместе с гончарной керамикой на полу найден почти целый андроновский сосуд. К этому следует добавить обнаружение рядом с Южным Гонуром стоянки андроновского типа, которая, подобно вышеупомянутому «башенному комплексу», относится к самому позднему периоду обживания теменоса, а точнее, к середине и второй половине II тысячелетия до н.э.

Следующей зоной, откуда происходит керамика степного типа, является Тоголокский оазис, где при раскопках храмов Тоголок-1 и Тоголок-2 попались редкие образцы керамики, распространенной среди кочевого населения. В Гонурском и Тоголокском оазисах такие фрагменты керамики представлены в единственных образцах, причем исключительно на памятниках, связанных с изготовлением культового напитка сома-хаома. Но в тахирбайской группе памятников наблюдается иная картина. В этом оазисе резко возрастает количество степной керамики не только на самих тахирбайских поселениях, но и на прилегающих к ним такырах. В этом смысле показательны встреченные там андроновские погребения, возможно, свидетельствующие о самом древнем примере проникновения степных скотоводческих племен на юг, в сторону земледельческих оазисов.

Из всего сказанного можно заключить, что самые ранние, скорее эпизодические контакты земледельцев с кочевниками относятся к середине – второй половине II тысячелетия до н.э., но никак не раньше. Они становятся значительно более широкими в последних столетиях II тысячелетия до н.э., примером чего могут служить поселения Тахирбайского оазиса. Не исключено, что степняки-скотоводы, обитавшие на северных окраинах Маргианы, вступали в прямые контакты с земледельческими племенами и постепенно приобщались к их языческим религиозным верованиям, в которых широко практиковалось культовое питье сомы-хаомы. Поэтому вполне вероятно, что именно эти племена упоминаются в ахеменидских анналах под именем «саки хаомоварга», или иначе «скифы, изготавливающие хаому», о чем уже писали академики В.В.Струве и М.А.Дандамаев. Это делает более понятным и содержащееся в Гатах (древнейшей части Авесты) упоминание о скифских племенах туров и саков, которые были приверженцами зороастрийской религии.

Думается, что все эти новейшие археологические данные полностью подтверждают давно высказанное академиком Б.А. Литвинским предположение о существовании в Центральной Азии древнейшего пласта протозороастрийских верований, который теперь по археологической номенклатуре может быть связан с населением БМАК. Можно допустить, что, по крайней мере, некоторые скифские племена (те же саки или туры) в начале I тысячелетия до н.э. уже не только были знакомы, но и являлись приверженцами языческих культов, предшествовавших зороастризму. Они уже достаточно широко практиковали культовое употребление сомы-хаомы (за что и получили прозвище «хаомоварга»). Согласно Геродоту, европейские скифы также были приверженцами этих возлияний, однако конкретный характер такого знакомства (культовый или бытовой) пока не прояснен. Как бы то ни было, очевидно, что новейшие археологические открытия, сделанные в Маргиане, полностью подтверждают давно высказанное академиком В.И.Абаевым предположение, что «... зороастризм родился в непосредственном контакте со скифской стихией и при известном участии этой стихии».

Chapter 10 Nomads and Farmers

AS HAS already been mentioned in Margiana in the earliest inhabited Kellely oasis we found no archaeological evidence of direct contacts between nomads and farmers. The same is true for the Gonur necropolis (its area is equal to over 10 hectares) and North Gonur with its area over 20 hectares.

Only in the bastion complex of the temenos of South Gonur for the first time the coexistence of both nomadic and farming ceramics was recorded. There on the floor an almost intact Andronovo vessel was found together with the local pottery. It is noteworthy that close to South Gonur an Andronovo type settlement was excavated that is dated back to the middle-second half of the second mil.B.C., the same period as the existence of the «bastion complex» that belongs to the latest period of the temenos.

The steppe ceramics were also found in the Togolok oasis where in the temples Togolok-1 and 21 single pieces of this pottery were excavated. It is noteworthy that these isolated ceramic fragments in the Gonur and Togolok oases were only found at the monuments associated with the preparation of the ritual drink soma-haoma. Thus in the «bastion complex» of the South Gonur temenos mentioned above, this steppe pottery was found right in the room where the preparation of this beverage took place. Another picture was presented in the Tahirbai group of monuments. In this oasis the bulk of the steppe ceramics sharply increased and not only in the Tahirbai settlements but in the neighbouring hills (takirs) as well. Of outstanding interest are the Andronovo burials in the Tahirbai settlements that can be probably regarded as the first and most ancient example of the migration of steppe nomads to the South in the direction of farming oases of Margiana.

The investigated material brings one to the conclusion that the earliest and possibly episodic contacts of farmers with nomads refer to the middle-second half of the second mil.B.C. (temenos of South Gonur, temples Togolok-1 and 21), while in the last centuries of the second mil. B.C. they became much wider and more frequent (settlements of the Tahirbai oasis). The steppe nomads on the northern outskirts of Margiana established direct contacts with farmers and gradually absorbed the pre-Zoroastrian religious concepts of local tribes that commonly practiced the ritual drink of soma-haoma. This can explain the excavation of the Andronovo artifacts in the rooms associated with the preparation of this drink. Also it might be that in the Akhemenid records these very tribes were described under the name of «saki haomovarga» («Scythians who prepare haoma»), the hypothesis first forwarded by V.V.Struve and then by M.A.Dandamaev. It is noteworthy that already in the most ancient

part of the Avesta, the Gata, they say of the Scythian tribes of Turs and Saki who were followers of the Zoroastrian religion: «..the prophet had followers among the Central Asian tribes of Turs-Saki».

Long ago an Academician B.Litvinsky suggested that prior to Zoroastrianism there existed very ancient religious concepts and ideas and the archaeological material proves that they were popular among the tribes of the BMAC (Bactria-Margiana Archaeological Complex). We may assume that at the beginning of the first mil.B.C. at least some Scythian tribes (for example, Turi and Saki) were familiar with the pagan pre-Zoroastrian religious cults and followed them. They probably commonly used such ritual drinks as haoma, hence their name «hamovarga». We may also assume that they did not know (or did not want to know) how to produce it and simply took it from the Margiana priests as a product of exchange. It is noteworthy that according to Herodotus, the European Scythians also used this beverage but we do not know whether they used it as a ritual or casual drink.

It is clear that the latest archaeological discoveries in Margiana fully support an assumption made by V.I.Abaev who said that «Zoroastrianism originated in direct contact with the Scythian environment and with certain participation in it».

Soňlama

SU KITABY tamamlamak bilen, men ylmy opponentlerimiň (ilkinji nobatda, lingiwistleriň) bu ýerde aýdylanlaryň ählisini gürrüňsiz kabul eder diýip özümi ynanýramok. Olara düşünmek mümkin. Mysal üçin, olar Awestada ybadathanalar barada diňe bir gürrüň edilmän, hatda Widewdadaky «kerpiç» sözünüň gadymy eýran, gadymy hindi diline däl-de, biziň üçin nämälim bolan dile degişlidigi barada doly esas bilen belleýärler. Hakykatda Awestanyň sahypalarynda ariler söweşeň sergezdanlar we garakçylar, şol wagtky dünýäniň öňdebaryjy merkezleriniň medeni durmuşyndan daşda galan we esasan talaňçylyk bilen meşgullanýan adamlar hökmünde şöhlelendirilýär. Ýöne bu lingiwistleriň we diniň taryhyny öwrenijileriň problemalary. Olar munuň bilen geljekde-de, Marguşyň we Baktriýany fenomenini we ýokary medeni gazananlaryny ünsden düşürmän meşgullanarlar.

Arheologiýa nukdaý nazaryndan baktriýa – marguş bilen baglylykda «ari problemasy» durmuş hakykatynyň toplumyny şöhlelendirýär. Olar aýry-áýrylykda dünýäniň beýleki arheologiýa medeniýetlerinde hem gabat gelip biler (gabat hem gelýär). Ýöne olaryň hiç biri-de ýokarda sanalyp geçilen alamatlar toplumyny özünde jemleýändigini bilen öwnüp bilmez. Şol alamatlar soňraky oňparazlyk dininde öz dowamyny tapýar. Geljekde beýleki territoriýalar hem Marguş ýaly gowy öwrenilende täze açyşlaryň ýüze çykmagy mümkin. Häzirikçe biz hut Baktriýa bilen bilelikde Marguş örän gadymy hindiari jemagatynyň özenini düzüpdir diýip doly esassa aýdyp bileris.

Geljekde bu garyndaş taýpalaryň hakyky durmuşy baradaky biziň pikirlerimiziň giňeljekdigine we çuňlaşjakdygyna berk ynanýarys. Bu siwilizasiýanyň gündogar serhetleriniň, Tarim derýasynyň kenarlaryny goşmak bilen, Demirgazyk-Günbatar Hytaýda bolmagy mümkin.

Arheologlar özleriniň gadymy taýpalaryň maddy we ruhy medeniýetleri babatyndaky gazananlaryny näçe ulaldyp görkezseler-de, arheologiýa we lingiwistika bilimleriniň arasyndaky emele gelen aratapawut elmydama dowam eder. Ýöne arheologiýa hindiari problemasyny mundan beýläkde öwrenmek babatynda özüniň düýpli sözünü eýýäm aýtdy we indi lingiwistikanyň jogap ädimine garaşýar.

Эпилог

ЗАКАНЧИВАЯ эту книгу, я не обольщаюсь относительно того, что мои научные оппоненты (в первую очередь лингвисты) безоговорочно примут многое из того, что здесь изложено. Их можно понять. Так, например, они с полным на то основанием отмечают, что в Авесте не только не говорится про храмы, но даже имеющееся в Видевдате слово «кирпич» родом не из древнеиранского, не из индийского, а пока из неизвестного нам языка. В самом деле, арийцы предстают со страниц Авесты воинственными бродягами и разбойниками, далекими от культурной жизни передовых центров тогдашнего мира и промышленными в основном грабежом и насилием. Но это проблемы лингвистов и историков религии, которыми они будут заниматься и в будущем, при этом не упуская из виду феномен и высокие культурные достижения Маргианы и Бактрии.

С археологической точки зрения «арийская проблема» в ее бактрийско-маргианском преломлении отражает комплекс реалий, которые по отдельности могут присутствовать (и встречаются) в других археологических культурах мира. Но ни одна из них, кроме БМАК, не может похвастать наличием всего комплекса вышеперечисленных признаков, которые находят свое продолжение в последующей зороастрийской религии. Вполне возможно, что в будущем, когда и другие территории будут изучены так же хорошо, как Маргиана, появятся и новые открытия. А пока мы имеем все основания говорить о том, что именно Маргиана вместе с Бактрией составляли ядро древнейшей индоарийской общности.

Совершенно очевидно, что в будущем раздвинутся не только географические границы БМАК, но расширятся и углубятся наши знания о реальной жизни этих некогда родственных между собой племен. Не исключено, что восточная окраина этой цивилизации находилась в Северо-Западном Китае, включая бассейн реки Тарим.

Сколько бы ни увеличивали археологи свои достижения в области исследования материальной и духовной культуры древних племен, всегда будет оставаться сложившееся несоответствие между археологическими и лингвистическими знаниями. Но археология уже сказала свое веское слово в отношении дальнейшего изучения индоарийской проблемы и теперь находится в ожидании ответного шага лингвистики.

Epilogue

I CAN foresee that this book which reflects the purpose of my life will find a lot of criticism among my numerous opponents, linguists first of all. And I can justify their opposition. For example, one of the main points of linguists is the fact that the Avesta said nothing about temples, and more than that even the word «brick» mentioned in the Videvdāt has no reference either in the Persian, or Indian languages and its roots remain unknown so far. Only this one fact can justify their criticism of the main principles of the given work. Indeed, the Aryans in the Avesta are presented as a military gang dissimilar to the cultural life of the advanced centers of the world and busy only with robberies and plunder. This remains a problem of linguists and historians of religion that they have to solve in the future and while solving it they should not neglect the high cultural achievements of Margiana and Bactria.

From the archaeological point of view the «Aryan problem» in the light of the Bactria-Margiana studies represents a complex of realities that can be found (and are found) separately in other excavated cultures of the world. But apart from the BMAC none of the cultures of the third-second mil.B.C. can boast the presence of the entire complex of signs discussed above that found their development and continuation in the Zoroastrian religion. Quite possibly, when other regions have been studied as thoroughly as Margiana, there will have been found other proofs and evidence. At the moment though we can say that Margiana and Bactria were probably the nucleus of the ancient Indo-Aryan community. No doubt future excavations will expand the geographical limits of the BMAC and probably we will find that the eastern frontier of their inhabitation stretched as far as the areas of north-western China, including the ancient basin of Tarim. Simultaneously our knowledge of the everyday life of these tribes will also be enriched and we will find out more about their beliefs and rituals.

But I am afraid that the present gap between the archaeological and linguistic understanding of the problem will remain for some time. I hope that the available archaeological material is rich and convincing enough and that we may expect the next step from linguists in the study of this very important issue, the Indo-Aryan problem.

M A Z M U N Y

KITABYŇ AWTORY BARADA	9
SÖZBÄŞY.....	13
Birinji bölüm	
YBADATHANALAR WE MAZARLAR.....	27
I bap. Siwilizasiýamy? Hawa!	28
II bap. Goňurdaky köşk-ybadathana toplumy	46
III bap. Kremlin töweregindäki ybadathanalar	70
IV bap. Gün ybadathanasy	110
V bap. Dini içgiler ybadathanalary.....	122
VI bap. Suw ybadathanasynyň iki toplumy.....	134
VII bap. Goňurdaky patyşa gonamçylygy	148
VIII bap. Merhum jaýlanylanda onuň ýanynda goýulýan zatlar	160
IX bap. Marguşyň daş mozaikalary.....	208
X bap. Merhumy jaýlamak döp-dessurlary	226
Ikinji bölüm	
KÖPHUDAÝLY MARGUŞYŇ DINI YGTYKATLARY	239
I bap. Müdimi ot dini ygtykaty	248
II bap. Suw dini ygtykaty	262
III bap. Soma-haoma dini ygtykatlary	268
IV bap. Dünýä ýaşayşynyň daragty we deňzi	280
V bap. Öküz we it dini ygtykatlary	292
VI bap. Dini ygtykatlaryň birleşmesi.....	298
VII bap. Wara we Kersaspa.....	304
VIII bap. Köphudaýlylygyň keşpleri.....	310
IX bap. Atlar we Gün	320
X bap. Göçme taýpalar we ekerançylar.....	330
SOŇLAMA.....	335

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ	10
ПРОЛОГ	13
Часть первая	
СВЯТИЛИЩА И ПОГРЕБЕНИЯ	27
Глава первая. Цивилизация? Да!	33
Глава вторая. Дворцово-храмовый ансамбль Гонура	58
Глава третья. Храмы вокруг кремля	83
Глава четвёртая. Храм Солнца, святилище Митры.....	113
Глава пятая. Храмы культовых напитков.....	125
Глава шестая. Два комплекса храма воды.....	138
Глава седьмая. Царский некрополь Гонура	150
Глава восьмая. Погребальные приношения	173
Глава девятая. Каменные мозаики Маргианы	214
Глава десятая. Погребальные ритуалы.....	230
Часть вторая	
КУЛЬТЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ МАРГИАНЫ	239
Глава первая. Культ вечного огня	253
Глава вторая. Культ воды	264
Глава третья. Культ сомы-хаомы	272
Глава четвертая. Мировое древо и море Ворукаша.....	284
Глава пятая. Культы быка и собаки	294
Глава шестая. Объединение культов	300
Глава седьмая. Вара и Керсаспа	306
Глава восьмая. Лики язычества	313
Глава девятая. Кони и Солнце	323
Глава десятая. Кочевники и земледельцы.....	331
ЭПИЛОГ.....	337

С О Н Т Е Н Т С

ABOUT THE AUTHOR OF THIS BOOK.....	11
PREFACE.....	13
Part one	
SUNCTUARIES AND BURIALS.....	27
Chapter 1. Civilization? Yes!.....	39
Chapter 2 . The Palace and Cult Ensemble of Gonur.....	64
Chapter 3. Temples around Kremlin	99
Chapter 4. A Presumed Solar Temple of Mitra	117
Chapter 5. The Temples of the Ritual Drinks «Soma-Haoma»	130
Chapter 6. The Temple of Water	144
Chapter 7. The Royal Necropolis of Gonur	156
Chapter 8. Funeral Gifts	192
Chapter 9. The Stone Mosaics of Margiana	221
Chapter 10. Funeral Rites	236
Part two	
KULTS OF PAGAN MARGIANA	239
Chapter 1. The Cult of Fire.....	258
Chapter 2. The Cult of Water	265
Chapter 3. The Cult of Soma-Haoma	276
Chapter 4. The Tree of the World and the Varukasha Sea	287
Chapter 5. The Cults of the Bull and the Dog	296
Chapter 6. The Unification of Cults.....	302
Chapter 7. Vara and Kersaspa.....	308
Chapter 8. Faces of Paganism	316
Chapter 9. The Horses and the Sun.....	326
Chapter 10. Nomads and Farmers	333
EPILOGUE	338

W.M.Hramowyň umumy redaksiýasy bilen
Ylmy redaktory **N.A.Dubowa**

Çapa taýarladylar:

J.A.Taýymowa, R.G.Myradow, L.K.Glazowskaýa

Bezeg we kompýuter üpjünçiligi:

W.A.Sorenkow, G.A.Rajabow

Suratlary: **N.A.Dubowa, W.A.Sarkisýan**

Kitapda W.I.Sarianidiniň arhiwiniň suratlary hem-de M.Begliýewiň
we başgalaryň düşüren fotosuratlary ulanyldy.
Topografik çyzgylary K.Şadurdyew taýýarlady.

Под общей редакцией **В.М.Храмова**
Научный редактор **Н.А.Дубова**

Подготовили к печати:

Д.А.Таймова, Р.Г.Мурадов, Л.К.Глазовская

Дизайн и компьютерное обеспечение:

В.А.Соренков, Г.А.Раджабов

Специальная фотосъемка: **Н.А.Дубова, В.А.Саркисян**

В книге использованы материалы из архива В.И.Сарианиди,
а также фотографии М.Беглиева и топографическая съемка К.Шадурдыева.

Edited by **V.M.Hramov**
Scientific editor **Nadezhda Dubova**

Compiled, introduced by

Jeren Taimova, Ruslan Muradov, Ludmila Glazovskaya

Designed and technical editing:

Vyacheslav Sorenkov, Gadji Radjabov

Photography by **Vyacheslav Sarkisian**

The book uses illustrations from the personal archive
of Viktor Sarianidi, and also by Muhammed Begliev
and topographic works by Kakajan Shadurdiev.

Türkmen döwlet habarlary - TDH
Aşgabat, Bitarap Türkmenistan şaýoly, 24a.

Printed in Germany
by Benatzky Druck&Medien GmbH, Hannover

